Библиотека морских приключений

Луи Жаколио

Грабители морей

Луи Жаколио

N
W
S

E

Луи Жаколио

ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ

Луи Жаколио

ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ

Роман

Москва
«Современник»
1993

ББК 84.4 (Фр)
Ж 23

Библиотека морских приключений
основана в 1992 г.

Ответственный редактор *Е. Стаднюк*

Текст печатается по изданию:

Жаколио Л. Грабители морей. Спб.: Кн-во П. Сойкина, 1910
Перевод с французского *Е. Киселева*
Составление *А. Кифишина*

Жаколио Л.

Ж23 Грабители морей: Роман/Пер. с фр. Е. Киселева; Сост. А. Кифишина.— М.: Современник, 1993.— 383 с.— (Б-ка морских приключений).

ISBN 5-270-01718-0

Роман «Грабители морей» принадлежит перу французского писателя Луи Жаколио. В центре повествования — удивительная судьба герцога Фредерика Биорна, в прошлом пирата Ингольфа, объявившего войну разбойничьей шайке «Грабители морей».

Ж $\frac{4800000000\text{-}089}{\text{M106(03)-93}}$ Без объявл. ББК 84.4 (Фр)

ISBN 5-270-01718-0

© Составление, А. Кифишин, 1992,
Художественное оформление,
В. Иванов, 1992

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПИРАТЫ МАЛЬСТРЕМА

I

Ледовитый океан.— Буря.— Таинственный корабль.— Капитан Вельзевул и Надод Красноглазый

Солнце в виде багрового шара садилось за мыс Нордкап, огненными лучами своими озаряя и как бы даже воспламеняя высокие ледники Гренландии и равнины Лапландии. Дул бурный северный ветер; большие, сердитые волны Ледовитого океана разбивались о бесчисленные островки и подводные скалы, окружающие северную оконечность Норвегии и образующие вокруг земли как бы пояс из пены, преграждающий к ней всякий доступ. Невозможно было разглядеть ни одного удобопроходимого местечка среди этих бурлящих и клокочущих масс воды, налетавших со всех сторон, сталкивавшихся друг с дружкой в водовороте между скалами и то низвергавшихся вниз, образуя черные бездны, то, подобно смерчам, вздымавшихся вверх до самого неба. Разве только прибрежный рыбак, знакомый со всеми местными входами и выходами, решился бы, застигнутый бурею, пройти, спасаясь от нее, через эти опасные места.

А между тем в сумерках догорающего дня можно было разглядеть здесь какой-то корабль,— судя по оснастке бриг и, по-видимому, из Ботнического залива,— делавший неимоверные усилия выйти в море, одолеть ветер и волны, толкавшие его прямо к скалам. Корабль маневрировал прекрасно — видно было, что его ведет опытный капитан, следовательно, нельзя было объяснить небрежностью командира тот факт, что корабль попал в такое опасное положение. Вернее всего, что судно загнал сюда непредвиденный шквал, вдруг подхвативший и понесший его на эту грозную линию утесов, предательски скрытую под широким плащом седой пены.

Трудна, не под силу была кораблю эта борьба с разнуздавшимися стихиями. Волны бросали его из стороны в сторону, как ореховую скорлупу. Вода переливалась через всю палубу от одного конца до другого, и люди хватались за веревки, за что попало, чтобы не быть унесенными в море. Команда из шестидесяти или около того матросов выбивалась из сил.

На мостике, держась за перила, стояли двое мужчин и с тревогой наблюдали погоду и ход корабля.

Один из них был капитан: его можно было узнать по рупору, который он приставил к губам, чтобы, командуя, перекрикивать рев урагана. Нахмурив брови, устремив глаза на горизонт, покрытый тяжелыми тучами, в которых медно-красным отблеском отражались последние лучи закатившегося солнца, он стоял, по-видимому, совершенно спокойно, как если бы погода была самая тихая и благоприятная. Зато его товарищ, с ног до головы закутанный в морской плащ, с поднятым капюшоном, был возбужден и взволнован до крайних пределов.

— Это все ты виноват, Ингольф,— неустанно твердил он капитану.— Всему виной твоя смешная осторожность, твоя ужасная флегматичность. Приди мы часом раньше, проход был бы свободен, потому что в то время этот чертовский ветер еще не поднимался, и плыли бы мы теперь совершенно благополучно по закрытому от ветра фиорду.

— Заладил одно! — отозвался Ингольф.— Жаль только, Над, что этим ты делу нисколько не поможешь и ветер не переменится от этого ни на одну четверть... что, впрочем, было бы для нас спасением.

— Что ты говоришь?

— Говорю, что если через полчаса ветер не переменится, то мы погибли.

— Погибли! — с ужасом воскликнул тот, кого называли Надом (уменьшительно от Надод).— Как погибли?!

— Очень просто,— отвечал Ингольф так спокойно, как если бы он сидел где-нибудь в безопасном месте на твердой земле и потягивал из стакана норвежский эль.— Я все средства, все маневры перепробовал. Скоро, пожалуй, придется рубить мачты.

— Как же быть?

— Никак. Разве с такой бурей можно бороться? Через полчаса, если так будет продолжаться, пиши пропало.

— Послушай, ведь ты такой опытный... Неужели ты не можешь придумать?

— То есть это что же придумать? Средство идти против ветра, когда он вместе с течением несет тебя к берегу?.. Нет, братец, тут никакая опытность не поможет.

— Стало быть, мы, по-твоему, бесповоротно осуждены?

— Да, если в течение получаса ничего не случится.

— Значит, ты надеешься только на чудо?

— Чудо тут ни при чем. Нас губит не чудо, а буря, и спасти нас может самая естественная перемена ветра, помимо всяких чудес. Нужно только, чтобы эта перемена наступила в известный срок.

— Неужели ты будешь спокойно ждать?..

— Да ведь больше нечего и делать.

— Меня бесит твое спокойствие, Ингольф.

— А твое беснование меня только смешит,— возразил Ингольф с беззвучным смехом, которым он имел обыкновение смеяться.

— И вот результат экспедиции, которая должна была принести нам тридцать миллионов!.. Быть может, даже больше — несметное богатство!.. Гибель — и когда же! Почти у самой пристани!

Над помолчал, потом продолжал, понизив голос и грозно хмурясь:

— И даже это бы ничего. Бог с ним, с золотом, с богатством!.. Но ждать этой минуты двадцать лет — и вдруг умереть, когда желанная месть так близка, так возможна!.. Вот что ужасно.

— А мне, напротив, это даже приятно,— возразил Ингольф.— Смерть на виселице или во время погони за каким-нибудь купеческим корабликом во всяком случае менее почетна, чем гибель в борьбе за тридцать миллионов. Такая гибель

вполне достойна пирата Ингольфа Проклятого, не говоря уже о том, что свою долю из тридцати миллионов я бросаю не в Каттегат.

Флибустьер засмеялся собственной остроте, заключавшейся в непереводимой игре слов. Известно, что Каттегатом называется рукав, соединяющий Северное море с Балтийским. По-шведски это название значит кошачья нора.

— Стало быть, ты еще надеешься? — спросил Надод, цепляясь за каждую соломинку.

— Говорят же тебе, ветер капризен как женщина и может перемениться с минуты на минуту. Да и вообще в море никогда нельзя знать, что через минуту последует. Достаточно, например, пойти дождю из этих больших туч вон там на западе, чтобы море успокоилось до некоторой степени.

— Есть ли надежда, что это случится, прежде чем наступит роковой момент?

— Трудно сказать. Очень может быть, что закат солнца, охладив атмосферу, вызовет из облаков дождь; но когда это случится — через пять минут или через час? Вот чего не угадает даже самый опытный моряк.

Между тем буря усиливалась. Шквалы налетали такие, что «Ральф» — так назывался бриг — почти совсем ложился штирбортом на воду. Самый опытный мореплаватель — и тот безошибочно решил бы, что надежды на спасение нет.

Чтобы лучше видеть происходящее на море, Надод откинул с головы капюшон. Наружность у этого человека была самая отталкивающая. Сложения он был атлетического, широкоплечий, с бычьей шеей, на которой сидела безобразная голова, слишком громадная по своей величине даже для такого большого тела. Все лицо его почти сплошь покрывала жесткая, как кабанья, щетина, красно-рыжая борода соединялась с волосами того же оттенка, закрывавшими лоб по самые брови и падавшими сзади на плечи, словно львиная грива. Губастый зверский рот с широким разрезом, усаженный огромными зубами, и широкий плоский нос с придавленными ноздрями довершали сходство Надода с хозяином Атласских горных лесов, только в фигуре пирата не было той величественности, которую обыкновенно приписывают царю зверей. Напротив, вся наружность Надода говорила о самых низменных инстинктах и страстях, лишенных малейшего намека на благородство. Отвратительное впечатление, производимое этой физиономией, усугублялось еще тем, что левый глаз, вероятно по какому-нибудь

несчастному случаю, почти совсем выкатился из своей орбиты и остался в таком положении навсегда, пристальный, неподвижный, мутный, без век, с каким-то сатаническим каменным взглядом. Невозможно передать словами то ужасное впечатление, которое производил на всякого этот мрачный, потухший взгляд.

Чувствовалось, что обладатель этой наружности способен на всякую гадость, на всякую жестокость, на всякий грех... Из дальнейшего рассказа читатель увидит, что первое впечатление вполне соответствовало действительности.

Кто же такой он был? Каково его прошлое? Откуда он? Как попал на борт «Ральфа»? Никто из команды брига этого не знал... Никто, кроме капитана Ингольфа.

Последний представлял резкую противоположность своему товарищу. Ростом он был еще выше Надода, но строен и гибок, как человек хорошего происхождения. Костюм моряка с капитанским шитьем сидел на нем ловко и элегантно. Прежде Ингольф служил в датском военном флоте, но вышел в отставку вследствие какой-то истории с начальством,— истории, впрочем, вовсе не позорной для его чести. Когда, в 1788 г., открылась война между Россией и Швецией, Ингольф предложил последней свои услуги и получил крейсерский патент.

Густав III хотел даже зачислить его в регулярный флот, но этому воспротивился корпус офицеров, и потому король ограничился лишь тем, что дал Ингольфу в команду превосходный корсарский бриг с сорока пушками и восемью гаубицами и предоставил ему право носить капитанский мундир.

Ингольф набрал себе команду из всевозможных головорезов и вскоре загремел славою как ловкий корсар. Вскоре, однако, шведы, теснимые русскими, заключили мир, и выданный Ингольфу патент сам собою утратил значение. Однако Ингольф, не надеясь даже за оказанные услуги быть зачисленным в регулярный флот, просто-напросто позабыл возвратить шведскому правительству бриг «Ральф» и продолжал корсарствовать, снизойдя таким образом до степени обыкновенного пирата.

Таким образом, по вине узкого сословного соперничества, Швеция лишилась услуг даровитого офицера, а преступное ремесло получило нового мастера.

Первое время Ингольф действовал лишь из мести, преследуя шведские корабли, состоявшие под командой враждебных ему офицеров. Он вступал с ними в отчаянные битвы и пускал их ко

дну без всякого милосердия. «Все ваши корабли,— писал он неблагодарному Густаву III, имевшему слабость покинуть своего преданного слугу,— все ваши корабли я уничтожу один за другим». И он принялся усердно исполнять обещание. Однако европейские державы вскоре обратили внимание на смелого пирата и начали его преследовать тем более, что он, не имея чем содержать свой экипаж, оказался вынужденным нападать и на купеческие корабли. Раздраженный преследованием, Ингольф объявил державам войну, обратившись ко всем европейским кабинетам с дерзким письмом, получившим историческую известность. В этом письме он нахально объявлял о своем вступлении на вымышленный престол и подписался «Ингольф I, король Северного полюса». В довершение насмешки он называл каждого государя «мой добрый брат» и выражал надежду установить с ним впоследствии дипломатические сношения.

Дерзость эта привела к тому, что всем европейским морякам было предписано преследовать злодея неумолимо и в случае его поимки немедленно повесить со всею командой на реях «Ральфа», а самый бриг тут же, среди моря, сжечь.

Но такой приказ было легче дать, чем исполнить. Ингольф сделался положительно неуловим. Рассчитывали поймать его, когда он по необходимости зайдет в какой-нибудь порт, а между тем его нигде не было видно.

Зато горе было тому кораблю, который отваживался пуститься один в сколько-нибудь далекий путь. Такой корабль, ушедши, уже не возвращался назад. В какую-нибудь темную, безлунную ночь он среди океана подвергался нападению бесчисленных молчаливых демонов, которые без слов, без криков начинали с того, что истребляли весь экипаж до последнего матроса. Слышен был только стук абордажных топоров, крошивших тела людей... Тщетно испуганные моряки искали спасения, бросаясь в волны. Борьба прекращалась лишь с гибелью последнего человека.

Так исполнял свое страшное дело «Ральф». Груз с захваченного корабля немедленно перетаскивался на разбойничий бриг, и пираты исчезали, предварительно потопив опустошенное судно. Куда они отвозили добычу? Где было их убежище, их гнездо? Никто не мог этого разузнать, несмотря на все поиски, а между тем такое убежище, несомненно, существовало, потому что пираты, когда их начинали слишком сильно теснить, вдруг исчезали куда-то и не показывались иногда по нескольку месяцев.

Эти молниеносные нападения, это таинственное, бесследное исчезновение многих кораблей и вся вообще легендарная сторона жизни Ингольфа снискали ему прозвище — капитан Вельзевул. А между тем Ингольфу было в то время не более двадцати восьми лет.

II

Пиратский бриг.— Порядки на «Ральфе».— Мальстрем.— Ужас Нададда.— Перемена к лучшему.— Таинственная беседа

Во время этих ночных нападений «Ральф» обыкновенно терял очень много людей, и, в конце концов, команда его все-таки значительно уменьшилась бы числом, если бы капитан Ингольф не пополнял постоянно ее ряды. Персонал брига составляли, кроме капитана, его помощник Альтеншид, которого сокращенно звали просто Альтенс, четыре лейтенанта: Лютвиг, Ян, Эриксон и Билль, причем последним двоим было всего по двадцать лет, шесть старших матросов с боцманом, восемь вахмистров и шестьдесят простых матросов. Был еще бухгалтер, несчастный писец Джон Ольдгам, англичанин, которого Ингольф держал для ведения счетов, чтобы избавить себя от нареканий в неправильности раздела призов. Этот Ольдгам служил прежде писцом у одного провинциального нотариуса, но в один прекрасный день пираты похитили его из конторы, находившейся в одной английской прибрежной деревушке. Почтенный Ольдгам объявил, что не признает ни за что законности своего положения и если будет работать, то только по принуждению. Для того чтобы пираты не приобрели над ним прав, предусмотренных и до сих пор неотмененных XXXVIII статутом Этельреда 1, английского короля из саксонской династии, носящих название De servitudine hominis, Ольдгам требовал, чтобы его подводили к конторке в сопровождении двух солдат с примкнутыми штыками. Каждый день, приступая к составлению счетов, он начинал с письменного формального протеста против насилия, которому его подвергали вопреки всем божеским и человеческим законам и в нарушение акта Habeas-Corpus. Этот протест он вручал солдату для доставления капитану Ингольфу и лишь после того принимался за свою бухгалтерию. Дело свое он делал хорошо, предполагая, однако, что находится на шведском крейсере, а не на пиратском судне.

Когда Ингольф терял трех или четырех матросов из своей

команды, он вылавливал из воды соответствующее число бросившихся в нее неприятельских моряков и ставил им на выбор — смерть или служба на «Ральфе». Не было еще ни одного примера, чтобы предпочтена была смерть, а через три месяца новые рекруты превращались в заправских пиратов, готовых для своего капитана на все.

Даже почтеннейший Ольдгам, помимо ежедневного слабого протеста, аккуратно заносимого в книги, в конце концов свыкся со своей жизнью на «Ральфе», которая к тому же обогащала его и избавляла от вечных супружеских сцен, которые там, в Англии, задавала своему мужу изо дня в день в течение двадцатилетнего сожительства почтенная миссис Ольдгам, обладавшая, впрочем, по словам мистера Ольдгама, ангельским характером.

— О, она очень добра,— говорил мистер Ольдгам,— но подумайте только: на двадцать два шиллинга в неделю прокормить, одеть и обуть одиннадцать детей!.. Ведь это, согласитесь, чей угодно характер испортит.

Со времени исчезновения господина клерка чья-то невидимая рука доставляла его супруге двести долларов в месяц, и почтенная мать семейства воссылала к Богу пламенные мольбы, чтобы муж ее как можно дольше не возвращался.

Таков был личный состав странного корабля, по дисциплине и порядку не уступавшего самому лучшему военному судну, но в данный момент влекомого ветром и течением на норрландские рифы.

Но зачем бриг явился в эти опасные места?

Это была тайна между Надодом Красноглазым и капитаном Вельзевулом,— тайна, никому, кроме них, не известная на корабле.

Несмотря на то что каждый матрос видел неминуемую гибель, ни один из них не роптал — до такой степени сильна была в них преданность своему капитану.

Между тем корабль все несся и несся на скалы... Ингольф неподвижно стоял, смотрел и ждал.

Не то было с Надодом. Распустив по ветру свои рыжие волосы, вытаращив свой налитый кровью страшный глаз, он задыхался от ужаса и бессильной злобы.

— Послушай, да сделай же что-нибудь! — кричал он не своим голосом, обращаясь к Ингольфу.— Я не моряк, но я посовестился бы так пасовать перед бурей, как это делаешь ты. Ведь подумай: ты рискуешь жизнью храбрых матросов...

— А главное — жизнью храброго Нада,— иронически возразил капитан.— Однако ты очень дорожишь своей жизнью. Удивляюсь, что тебя так к ней привязывает? Будь я так безобразен, как ты, я бы желал себе смерти.

— Удивляюсь, как ты можешь шутить в такую минуту! — вскричал выведенный из себя Надод.— Ведь мы в какой-нибудь сотне метров от этих страшных скал...

Ингольф не отвечал ничего. Он теперь внимательно следил за ходом корабля.

— Да послушай же! — не унимался Красноглазый, тряся Ингольфа за рукав.

— Замолчи, гадина! — оборвал его капитан, вдруг вспыхнув от гнева.— Замолчи и не мешай мне, иначе я тебя раздавлю!

Одним толчком Ингольф спихнул его с мостика, так что Надод кубарем скатился на палубу.

Надод был очень сильный мужчина, но не мог сладить с капитаном Вельзевулом, не имевшим себе равного по силе. Ингольф легко поднимал на плечо большую пушку и, пройдя с ней по всему кораблю, ставил ее на прежнее место.

Безучастие Ингольфа к опасности было только кажущееся, внешнее. На самом деле он ни на один миг не переставал думать о том, как спасти от гибели свой корабль.

Он решил испробовать последнее средство. Всякий моряк знает, что волна, ударившись о берег, отскакивает от него и этим обратным движением задерживает следующую волну. Таким обратным движением и решил воспользоваться Ингольф. Маневр был трудный и опасный, но иного способа не было.

Бриг несся на скалы. Надод с затаенным бешенством глядел на Ингольфа своим неподвижным глазом.

Вдруг Ингольф бросился к рулю и сам стал им управлять, не переставая отдавать приказания.

Уже почти у самых скал корабль попал в обратные волны и круто повернулся.

Через несколько минут он был опять далеко от скал.

Конечно, это еще не было спасением, но маневр можно было повторить с надеждой на такой же успех.

Но тут вдруг счастье окончательно повернулось лицом к Ингольфу: из туч полил дождь, и ветер разом утих.

Громкое ура вылетело из уст всех матросов.

— Ура! Ура! Да здравствует капитан Вельзевул!

Ингольф спокойно вернулся на свой капитанский мостик.

Его корабль победоносно вышел из тяжелого испытания и готовился войти в безопасный от ветров фиорд Розольфсе.

— Ну что, Над? — спросил капитан своего товарища.— Не прав ли я был, говоря, что в море никогда не следует отчаиваться?

— Прости меня, что я давеча вспылил,— отвечал Надод. — но если б ты только знал, как мне не хотелось умирать так близко от цели. Я всю жизнь свою жил одною мыслью — отомстить своему врагу, сказать ему: «Гаральд Биорн, узнаешь ли ты Надода, узнаешь ли ты свою жертву?..» Да, Ингольф, я непременно должен рассказать тебе свою историю, и, может, ты тогда поймешь мои чувства и пожалеешь урода Надода, Надода Красноглазого. Не всегда я был таким каторжником и не сам по себе им сделался, а благодаря одному человеку. Ты узнаешь мою историю и, наверное, согласишься, что грабитель Мальстрема вполне может протянуть руку пирату Мальме... Соединимся в общей ненависти и вдвоем с тобой мы потрясем целый мир...

Ингольфу пришлось по душе предложение Надода. Его давно интересовала эта таинственная личность, и узнать тайну Красноглазого ему было бы очень приятно.

Присмотревшись к погоде, Ингольф сделал нужные распоряжения, поручил команду Альтенсу и сказал Надоду:

— Пойдем ко мне в каюту. Там нам никто не помешает и мы сможем поговорить совершенно свободно...

Никто не мог знать, о чем они говорили; но когда они оба вернулись на палубу, Ингольф был бледен, точно сейчас совершил преступление, а на безобразном лице Красноглазого Нада отражалась свирепая радость.

III

Ночь на море.— Тревожные часы.— Увеселительная яхта.— Удивление Ингольфа

Настала ночь.

Океан еще не успокоился окончательно, но волны вздымались тише и уже не так круто, что предвещало близкое успокоение. Вследствие дождя ветер быстро переменился на северо-западный, и «Ральф», получая его со стороны штирборта, легко

огибал линию скал, составлявших мили на три или четыре продолжение Розольфского мыса. Эти скалы вместе с берегом образовали глубокую бухту, где волны под напором ветра, казалось, совершенно обессиливали, потому что возле отвесной стены береговых утесов в глубине бухты не было видно клокочущей белой пены прибоя.

Заметив это обстоятельство, Ингольф призадумался, так как причина этого явления не была для него вполне ясна. Он не понимал, каким образом волны, с силою налетая на берег под порывами ветра, могли ударяться о скалы, не образуя обычного прибоя.

Ингольф взял ночную подзорную трубу и стал смотреть в нее, но не разглядел ничего, кроме черной линии вод, почти сливавшейся с темным гранитом утесов.

— Странно,— пробормотал он.— Я никогда не видал ничего подобного.

Он подозвал к себе своего помощника Альтенса.

— Посмотри,— сказал он ему, указывая на берег, к которому все ближе и ближе подходил корабль.

Альтенс взял поданную ему капитаном подзорную трубу и, поглядев в нее несколько минут, вскричал:

— Необыкновенное что-то!

Капитанский помощник на «Ральфе» был старый моряк, родившийся в рыбачьей лодке. Он не помнил, чтобы когда-нибудь провел на суше больше времени, чем требуется для того, чтобы заключить новый договор с арматором после истечения срока старого. Поэтому он смотрел на сушу лишь как на место для снабжения кораблей всем необходимым, а больше не годное ни на что. Вне своего ремесла ничего не признавал и выражал свои мысли кратко, отрывисто — совершенно тем же тоном, каким отдавал приказания.

— Что ты видишь? — спросил капитан, говоривший со своим помощником всегда так же лаконично, как и он.

— Прибоя нет,— отвечал помощник.

— Как же ты на это смотришь?

— Проход опасен.

— То есть как?

— Водоворот близ Розольфского мыса.

— Откуда ты его знаешь?

— Слыхал от местных моряков... Хуже мальстрема.

— Что же теперь делать?

— А мы куда идем-то?

— В фиорд Розольфсе.

— Нужно миновать центр притяжения, выйти в море и обогнуть мыс миль на шесть в открытом море.

— Я то же думал и очень рад, что мы с тобой сходимся. Во что бы то ни стало нам нужно подняться под ветер.

— Опоздали! — перебил Альтенс.

Действительно, «Ральф» получил сильный толчок, и паруса его захлопали, как если бы они сразу освободились от действия на них ветра.

Ингольф понял опасность.

— Руль на бакборт! — крикнул он кормчему, рассчитывая повернуть корабль под ветер.

Бриг не послушался. Увлекаемый быстрым течением, он вступал в центр огромного водоворота, который теперь должен был подхватить его и понести, как легкую пробку...

На этот раз гибель была неминуема. Бригу предстояло описывать большие круги, вращаясь с относительно умеренной скоростью, но постепенно эта скорость должна была увеличиться, а круги должны были делаться все теснее и теснее — вплоть до самого центра, где «Ральфу» предстояло перевернуться и разбиться на тысячу кусков.

Страшное явление это, происходящее всего лишь в четырех или пяти пунктах земного шара, обусловливается исключительным расположением берегов, образующих неполную окружность, в которую, под влиянием специального ветра, волны врываются с неслыханной силой и бегут вдоль изогнутой линии берега, а не прямо на него. Достигнув конца окружности, они приобретают все большую и большую силу и продолжают свое круговое движение, вследствие чего образуется поддерживаемый новыми волнами водоворот, гибельный для мореплавателей. Против таких водоворотов нет никакого спасения, и море в таких местах успокаивается лишь по прекращении специального ветра. Водовороты эти называются по-норвежски мальстремами (течение, которое мелет).

У берегов Норвегии существует два таких водоворота: один близ острова Моске, производимый южным ветром, а другой на западе, близ Розольфского мыса, производимый северным ветром.

Последний водоворот менее известен, чем первый, так как реже посещается кораблями, но гораздо опаснее первого.

С первого же взгляда Ингольф понял ужасную истину. На лбу у него выступил легкий пот — но и только. Больше у него

ничем не выразилось потрясение, которое испытывает всякий человек при быстром переходе от уверенности в спасении к сознанию грозящей опасности.

— Ни слова матросам, Альтенс,— сказал капитан.— Мы всегда успеем их предупредить, а сперва я хочу посмотреть, неужели действительно нет никакого спасения.

Помощник поклонился и, не ответив ни слова, сошел с мостика.

— Что ты такое сказал? — спросил Надод, подходя к капитану.

Во время последнего разговора он стоял, облокотясь на перила штирборта. Обманутый наружным спокойствием волн, он не обращал большого внимания на беседу Ингольфа с Альтенсом, но последние слова капитана неприятно поразили его слух.

— Вот что, Надод,— серьезно сказал ему капитан,— наступила минута показать, действительно ли ты мужчина.

— Ты меня пугаешь,— отвечал Красноглазый,— что за торжественность!

— Не думай, я не шучу, Надод. Мы избавились от одной опасности лишь затем, чтобы попасть в еще худшую. Ты имеешь понятие о мальстреме?

— Слыхал,— отвечал урод с конвульсивной дрожью в теле,— но только ведь он не у этого берега.

— Ты говоришь о мальстреме близ Моске, но, к несчастью, он не один. Есть еще мальстрем близ Розольфсе, и вот в него-то именно мы и угодили. Взгляни, бриг уже не слушается руля.

Говоря эти слова, Ингольф схватил штурвал и повернул его до самого конца цепи: бриг не повернулся ни на йоту.

Опыт был слишком убедителен. Надод так и обмер.

— Стало быть, нет никакой надежды? — спросил он своего товарища.

— Никакой,— отвечал Ингольф.— Невозможно сразу бороться против ветра, течения и центробежной силы. У нас нет точки опоры.

— Хорошо,— возразил Надод со спокойствием, которое резко противоречило его прежнему волнению.— На земле всегда есть жертвы, и я являюсь одной из таких жертв. Так записано в книге судеб: к чему же бороться с судьбою? Ты увидишь, Надод Красноглазый сумеет умереть.

— Странно, что ты нас не предупредил, а еще жил в этих

местах. Не может быть, чтобы ты никогда не слыхал об этом губительном течении.

— Ты забываешь, что я не моряк, и если слыхал в детстве разные страшные рассказы о кораблях, погибших в Розольфсе, то считал их легендами, не придавая им реального значения.

Протянув руку по направлению к твердой земле, он прибавил:

— Ты торжествуешь, Гаральд Биорн. Сокровища, скопленные двадцатью поколениями, останутся за тобой, и, быть может, благодаря им достигнешь своих целей! Но если пожелания человека, умирающего по твоей милости, могут иметь какое-нибудь влияние на судьбу, то будь ты проклят из рода в род! Будь проклят сам ты, и дети твои, и внуки, и правнуки!..

Вдруг в ночной темноте раздался крик, возбудивший во всех невыразимое волнение.

— Парус налево сзади! — крикнул вахтенный.

Взоры всех жадно устремились в ту сторону, и в эту минуту, как бы в довершение ужаса, полярное солнце, закатывающееся летом не более как на один час, вдруг появилось на горизонте, озарив своими лучами и ясное небо, и коварное море.

Замеченный корабль оказался прелестной, стройной яхтой, оснащенной с редким изяществом. На ней развевался белый флаг с золотым крестом. Видно было, что кораблик не имел ничего общего с тяжелыми рыбачьими судами, которые только одни и посещают эти места Ледовитого океана во время ловли трески.

Экипаж «Ральфа», уже понявший свое отчаянное положение, безмолвно и угрюмо следил за маневрами кораблика, быстро бежавшего по волнам позади Розольфского мыса, который его защищал от грозного влияния мальстрема.

— Это увеселительная яхта,— сказал Ингольф, как бы говоря сам с собою.— Она погибнет, если станет огибать эти скалы, составляющие продолжение мыса.

— Значит, погибнем не одни мы,— заметил Надод с недоброй улыбкой.

Вместо ответа капитан бросил на него самый презрительный взгляд и обратился к своему помощнику:

— Альтенс, через десять минут, если я не ошибаюсь, мы вместе с течением понесемся мимо берега. Проходя мимо мыса, дай поскорее этой шхуне предостерегающий сигнал.

Желая внушить матросам надежду, которой сам совершенно не имел, Ингольф прибавил:

— Она построена не так крепко, как наш «Ральф», и не может бороться с течением.

Слова эти были сказаны с хорошо разыгранной небрежностью и произвели свое действие. На лицах у всех появилась радость. Если бы действительно была опасность, разве капитан был бы так спокоен? Такой искусный моряк никогда бы не сдался без отчаянной борьбы, а между тем он не делал ровно никаких распоряжений. Ну да, конечно, опасность вовсе не так велика, как это кажется...

Таковы были соображения, которыми обменялись между собой матросы и которые рассеяли в них страх, поселив в них доверие к будущему.

Зато сам Ингольф утратил всякую надежду. Он ограничился лишь тем, что велел покрепче притянуть руль к бакборту. В таком положении руль мог несколько замедлить роковой приход корабля к центру водоворота, заставив его делать круги значительно шире.

Между тем неизвестная яхта все шла параллельно Розольфскому мысу, который был в этом месте настолько низок, что все движения кораблика были видны очень хорошо. «Ральф» находился по другую сторону того же мыса, описывая свой первый концентрический круг с возраставшей по мере приближения к земле быстротой. Увлекаемый потоком, он вскоре дошел до подводных скал. В эту минуту он был отделен от шхуны, подходившей с другой стороны в обратном направлении, лишь полосою утесов шириною метров сто, не более. Тогда Альтенс, согласно с приказанием Ингольфа, дал шхуне предостерегающий сигнал, и на грот-мачте брига появился целый ряд огней и флагов.

Все с нетерпением ждали ответного сигнала на этот акт мореплавательского братства, на этот поистине благородный поступок в момент собственной гибели, но шхуна продолжала идти своим путем, не обращая внимания на сигналы «Ральфа». На палубе шхуны не видно было ни одного человека, и, когда корабли встретились, идя по противоположным направлениям, таинственная шхуна показалась совершенно безлюдною. Между тем по всему было видно, что ее ведет опытная рука.

— Странно! — пробормотал Ингольф.— Хоть бы флагом отсалютовали в знак благодарности — и того нет... По всему видно, что яхта знает здешние места лучше нас и что предостережение наше было совершенно не нужно, но все-таки не меша-

ло бы сделать салют людям, которые, сами идя на смерть, пытаются спасти других...

На лице Надода изображалась самая низкая радость. Этот человек только и находил удовольствие в зле, и неудача Ингольфа обрадовала его настолько сильно, что он не мог этого скрыть даже в минуту собственной гибели.

— Послушай, Надод,— сказал ему капитан, которого всегда бесила эта вечная злоба товарища,— послушай, если ты не уймешься, я, честное слово, выброшу тебя за борт, хотя бы только для того, чтоб умирать не вместе с таким зверем.

— Я вовсе не зверь,— возразил Надод с отвратительной гримасой.— Звери — все человечество, которое я ненавижу, и меня всегда радует, когда люди обнаруживают неблагодарность или вообще делают какую-нибудь подлость.

IV

Сигналы с яхты.— Смелая лодка.— Неожиданное спасение.— «Ура» в честь неизвестной яхты

Ингольф пожал плечами. Ему было теперь не до того, чтобы заводить спор о подобных вещах. «Ральф» чрезвычайно быстро примчался на глубину бухты, так как в этом месте течение было необыкновенно сильно. В следующие немногие секунды должна была решиться участь корабля. Что с ним будет? Налетит ли он на утесы или понесется дальше по течению, продолжая вращаться в круговороте? В первом случае развязка наступила бы через две минуты, а во втором корабль достиг бы оси водоворота, лишь описав с ним вместе пять или шесть концентрических кругов с постепенно уменьшающимся диаметром.

Несмотря на уверенность, выказанную Ингольфом, матросы чувствовали, что к ним возвращается прежний страх. Взоры всех были устремлены на полукруг черных, блестящих скал, окружавших заднюю сторону бухты. К этим скалам «Ральф» несся как стрела. Волны ревели, ударяясь о берег, со стороны крутых утесистых стен доносился глухой гул, производимый подводными безднами и отражаемый гранитными массами, возвышавшимися над водой.

Вот бриг уже не более двадцати метров от скал... Вот он сейчас ударится... Сердца у всех так и стучат. Один Ингольф спо-

коен. Скрестив на груди руки, стоит он гордо на мостике и улыбается равнодушной улыбкой... Вдруг на палубе грянуло оглушительное «ура»: повинуясь течению, корабль делает крутой полуоборот на расстоянии не более одного метра от скал и несется теперь вдоль дугообразного берега, по-прежнему увлекаемый водоворотом, с которым, к сожалению, не может сладить. Во всяком случае, ближайшая опасность миновала до поры до времени, а сердце человеческое так устроено, что даже Ингольф почувствовал в себе возрождение некоторой надежды. Но все это было лишь беглым проблеском в кромешной тьме: воротясь назад, «Ральф» снова пронесся точно так же, как несся прежде, лишь отступив на несколько метров от прежнего пути. Роковой исход не был тайной ни для кого. Большинство матросов были слишком стары и опытны для того, чтобы не понимать смысла этого кругового плавания.

Приближаясь во второй раз к Розольфскому мысу, капитан пиратов увидал яхту, с необыкновенной смелостью лавировавшую почти у самого края рифов, которые лишь одни защищали ее от губительного влияния мальстрема.

— Они с ума сошли,— сказал Ингольф Надоду,— должно быть, им хочется разделить нашу участь.

Не успел он договорить, как кораблик повернулся всем бортом и, распустив все паруса, вошел в маленькую природную гавань, совершенно закрытую от ветра. Благодаря узкому входу в гавань вода в ней была спокойна, как в озере.

Ингольф навел на яхту подзорную трубу.

В этот раз на палубе яхты видно было человек двадцать. Несмотря на дальность расстояния, с «Ральфа» можно было видеть, как они хлопотливо бегали по палубе.

— Они вынули из трюма и развернули на палубе огромную рыболовную сеть,— сказал капитан своему помощнику, который подошел к нему и тоже стоял на мостике.

— Верно,— отвечал Альтенс, в свою очередь поглядев в трубу.

— Выбрали же они время для подобной забавы!.. Разумеется, это для них забава, если судить по роскоши и изяществу их кораблика.

— С той стороны мыса море спокойно. Через два часа там смело можно будет ловить рыбу.

— А может быть, им просто хочется полюбоваться на нашу гибель,— заявил неисправимый Надод.

Между тем матросы яхты, причалившей к берегу, стали спус-

кать с корабля на сушу огромную веревочную сеть. Действиями матросов распоряжались два молодых человека в морской офицерской форме, стоявших на корме.

Вдруг, к удивлению Ингольфа и всего экипажа «Ральфа», флаг на шхуне опустился и поднялся три раза, что на языке морских сигналов означает: «Смотрите и следите за тем, что мы будем вам сообщать».

Очевидно, это относилось к погибающему кораблю. Прошло еще несколько минут — и на гроте шхуны ярко запестрели флаги всевозможных цветов. Ингольф с постоянно усиливавшимся в нем душевным волнением перевел вслух этот сигнал: «Ободритесь! Мы идем к вам на помощь. Прицепитесь к большому бую из досок и весел, поставьте паруса против течения».

По мере того как капитан переводил, весь экипаж «Ральфа» буквально преображался; когда же он кончил, то последовал взрыв такого восторга, что вся суровая дисциплина была позабыта. Матросы принялись плясать и петь, обнимались, не помня себя от радости. Ингольф не мешал этому взрыву общего чувства. Он понимал, что его матросы скорее согласятся сто раз пойти с одним кораблем на целую эскадру, чем хотя бы еще один лишний час пробыть в ожидании близкой гибели, от которой нельзя избавиться ни мужеством, ни энергией.

Но вот раздался свисток — и команда «Ральфа» опомнилась и встала по местам. В одну секунду все лодочные весла и все, какие нашлись, доски были связаны крест-накрест и скреплены между собою, а затем все это вместе было спущено в воду на крепком канате, который привязали к бугшприту. Это курьезное сооружение обладает свойством ослаблять силу волн и замедлять быстроту течения. Корабли очень часто пользуются им. Ингольфу оно было тоже известно, употреблять его в данную минуту он считал лишним, так как не ожидал помощи ниоткуда извне. Паруса тоже поставили на «Ральфе», как это было рекомендовано сигналом с яхты, и быстрота, с которой несся по течению бриг, заметно уменьшилась, хотя самое течение ничуть не переменилось. Но все это еще нисколько не объяснило, каким способом неизвестные мореплаватели надеялись спасти бриг.

Тогда совершилось нечто до такой степени смелое, что очевидцы никогда с тех пор не могли забыть того, что произошло на их глазах.

От шхуны отплыла легкая лодка, в которой сидели только два человека, и направилась из рейда прямо в открытое море.

Миновав Розольфский мыс, она достигла края рифов и остановилась. Неужели она намеревалась обогнуть их и кинуться в самую пасть мальстрема? На «Ральфе» никто не допускал и мысли о таком безрассудном шаге.

А между тем, постояв немного, лодочка пошла дальше вперед, обогнула рифы и при общем волнении храбро направилась к самому водовороту.

На борту «Ральфа» еще никто не понимал, а Надод с усмешкой спросил:

— Уж не собралась ли лодочка взять бриг на буксир?

Никто не поддержал эту нелепую шутку насчет людей, которые в эту минуту рисковали жизнью для спасения «Ральфа», сами еще не зная, окажется ли им по силам такая трудная задача.

Мистер Ольдгам, как раз в это время вышедший на палубу подышать свежим воздухом, услыхал замечание Надода и глубокомысленно отозвался на него, что, по его мнению, «со стороны лодки подобная претензия не имела бы смысла, хотя в басне и рассказывается о лягушке, пытавшейся сравняться с волом».

Почтенный клерк не подозревал, какой опасности подвергается корабль. Не имя никакого понятия о мореплавании и будучи, кроме того, крайне близоруким, он не сознавал того, что кругом него делалось, и был вполне убежден, что все идет как нельзя более благополучно. Вдобавок еще, основываясь на словах Эриксона и Билля, вечно над ним подшучивавших, он был убежден, что «Ральф» находится в водах Океании и что лодка, выплывшая в море,— не что иное, как пирога с туземцами, везущими на корабль свежие фрукты.

— Наконец-то мы отведаем этих знаменитых фруктов! — говорил он, потирая руки.

Он подошел к борту, облокотился вместе с другими и стал следить за движениями «пироги».

Лодка сначала прошла мимо рифов, причем оба сидевшие в ней моряка храбро боролись с огромными волнами, замедлявшими ее ход. Третий матрос с яхты тем временем шел по берегу к рифам, пытаясь сблизиться с нею. На бриге всех била лихорадка... Чем-то все это кончится?

Дальше лодка не могла идти, иначе она угодила бы прямо в водоворот. Для того чтобы третий матрос мог догнать ее, он должен был проделать на рифах какое-нибудь чудо эквилибристики... Это ему, однако, удалось: он лег на живот, до половины

свесившись над волнами, и бросил в лодку довольно объемистый пук чего-то. Вслед за тем матросы в лодке налегли на весла и понеслись прямо к мальстрему, в котором лодка их и исчезла, точно соломинка, брошенная в водопад. На «Ральфе» раздался единодушный крик ужаса:

— Они погибли! Они погибли!

Но в ответ на этот отчаянный крик со шхуны грянуло торжествующее «ура»: лодка показалась вновь позади первой волны и понеслась с быстротой молнии. Менее чем в десять минут она сделала тот первый круг, который был уже пройден «Ральфом», и все матросы брига бросились на корму, чтобы поближе взглянуть на лодку, подходившую к пиратскому кораблю. Но в это время на яхте выстрелили из пушки, чтобы снова обратить внимание погибающих на выставленный сигнал. Увидав на яхте два флага, Ингольф перевел матросам:

— Готовьте швартовы!

В одну минуту десятки рук спустили в море все свободные канаты — и как раз в самую пору: лодка приближалась с головокружительной быстротой. В ней сидели два моряка, подобных каким вряд ли можно было найти во всей Норвегии, этой родине смелых мореходов. Подъехав к бригу, они схватили спущенные веревки, привязали их к лодке и крикнули:

— Тащи!

Голоса их были так спокойны, как если бы все это происходило в безопаснейшем рейде.

Блоки заскрипели, и лодка, поднятая восемью сильными матросами, разом была втянута на корабль.

Ингольф ожидал увидеть двух грубых моряков, привыкших ко всяким бурям, и велико же было его удивление, когда на палубу проворно вскочили два молодых человека лет по двадцати пяти. Оба были высоки, стройны, с изящными манерами... Прежде чем он успел опомниться, молодые люди окинули глазами весь экипаж и узнали капитана по шведскому мундиру, с которым Ингольф никогда не расставался.

— Надо спешить, капитан,— сказал один из них,— ведь нам дорога каждая минута. Велите тянуть за эти веревки, они притащут на ваш бриг канат, крепко привязанный к рифам и могущий устоять против всей силы мальстрема.

Они говорили про тот самый канат, который Ингольф принял за рыболовную сеть.

Эти слова разом объяснили Ингольфу всю суть. Обогнув Розольфский мыс, молодые люди нарочно прошли мимо рифов,

чтобы принять с яхты пук веревок, и пустились в водоворот, чтобы передать бригу этот якорь спасения.

Рискованная операция удалась лишь благодаря необыкновенному мужеству и самоотверженности молодых моряков, но теперь было не до взаимных любезностей: нужно было докончить скорее дело, так как «Ральф» далеко еще не находился вне опасности.

Ингольф от всего сердца пожал руки своим спасителям и принялся исполнять посоветованный ими маневр.

Шестьдесят матросов «Ральфа» легко притянули на борт канат, укрепленный на Розольфском мысе, привязали его к шпилю. Со страхом ожидали все, окажется ли канат довольно крепок, чтобы бороться с течением. Победа!.. Канат выдержал!.. «Ральф» спасся!..

Двадцать человек принялись вертеть шпиль, и бриг постепенно вышел из водоворота. Встав под ветер, он благополучно обогнул рифы и бросил якорь по другую сторону мыса в той небольшой гавани, куда еще прежде пришла неизвестная яхта.

Весь экипаж брига выстроился на палубе и прокричал по команде троекратное «ура» в честь своих спасителей.

V

Друг Фриц.— Его проделки.— Пункт помешательства мистера Ольдгама.— Сыновья герцога Норрландского.— Припадок ярости

Один только человек из всего экипажа не догадывался об опасности, которой подвергся «Ральф».

Человек этот был мистер Ольдгам, который, выспавшись сном праведника у себя на висячей койке, лишь на короткое время вышел на палубу полюбоваться на пальмовые рощи, будто бы росшие тут на гранитных утесах. Так, по крайней мере, уверил Ольдгама его приятель Эриксон.

— Господа,— сказал Ингольф двум морякам, когда восторг на «Ральфе» несколько поутих,— мы вам обязаны жизнью; знайте же, что восемьдесят храбрых моряков навсегда сохранят об этом воспоминание и с радостью отдадут за вас жизнь, если представится к тому случай.

— Наш подвиг вовсе уж не так велик, капитан, как это кажется с первого взгляда,— отвечал один из незнакомцев.—

Мы с братом выросли здесь на берегах и очень часто, из любви к искусству, вступали в борьбу с мальстремом. Способ, который мы употребили для спасения вашего корабля, удавался нам и раньше, когда мы спасали другие корабли; после этого могли ли мы упустить случай сохранить для нашей родины такое прекрасное военное судно?

Эти слова были для всего экипажа «Ральфа» ушатом холодной воды. Даже Ингольф покраснел, несмотря на все свое самообладание, но, впрочем, скоро оправился и, понимая необходимость доиграть до конца навязанную ему собеседником роль, кинул быстрый предостерегающий взгляд на своих матросов, как бы говоря им: «Смотрите же, будьте у меня осторожнее!» Затем он смело отвечал:

— Будьте уверены, господа, что королю будет доложено о той великой службе, которую вы ему сослужили.

Едва он произнес эти слова, как оба молодых человека быстро подняли головы, и в их глазах сверкнула молния ненависти.

— Это совершенно лишнее, милостивый государь,— гордо возразил тот моряк, который до этого времени молчал,— и мы вам будем очень благодарны, если вы ничего подобного не сделаете.

Ингольфа заинтересовала причина подобного нежелания, и, кроме того, какое-то смутное предчувствие зародилось у него в душе.

— Но ведь обязан же я донести по начальству,— заметил было он,— и тогда...

— Вы сейчас сказали, что очень благодарны нам,— быстро перебил его моряк,— в таком случае исполните нашу просьбу, не говорите никому о нашей вам услуге — и мы будем квиты.

Ингольфу очень хотелось продлить пререкания, но он сдержал себя и с поклоном ответил:

— Хорошо, господа. Вы так много для меня сделали, что я не в силах противиться вашему желанию: оно для меня закон... Тем более что у вас, конечно, есть свои причины... Хотя и непонятные для меня...

Пират вступил на скользкую почву. Молодые люди нахмурились. Ингольф вовремя спохватился и ловко закончил фразу, которая едва не приняла для его спасителей оскорбительный оборот.

— Да,— с особенною силой проговорил он,— я совершенно не понимаю, почему вы не хотите доставить мне удовольствия

огласить ваш из ряда выходящий подвиг, за который вам, конечно, дали бы большую награду.

— Все наше честолюбие состоит в том, чтобы время от времени оказывать услуги нашим ближним, и больше нам никакой награды не нужно... Оставим этот разговор, капитан... Цель наша достигнута — и прекрасно, не о чем больше толковать... Кстати, позвольте задать вам один вопрос: военные корабли сюда почти никогда не заходят, поэтому вам, вероятно, дано какое-нибудь особенное поручение. Уж не ищете ли вы дерзкого пирата капитана Вельзевула? Ходит слух, что его недавно видели близ Эльсинора, и очень может быть, что, скрываясь от преследования, он направился... Капитан, что с вами? Вы ужасно побледнели...

Ингольф едва не лишился чувств, услыхав этот неожиданный вопрос, но быстро пересилил себя и, насколько мог, оправился.

— Нет, это так... ничего... пройдет,— отвечал он.— У меня всегда после сильного волнения делается сердцебиение... это уже давно... Вы видите — мне уже и лучше.

К счастью, офицеры и матросы были в это время уже на своих местах, так что последнюю часть разговора слышал один только Надод. Красноглазый издали наблюдал за молодыми людьми, наблюдал внимательно, как хищный зверь, подстерегающий добычу. Можно было подумать, что их лица напоминали ему что-то знакомое и он старался теперь припомнить, что именно... Услыхав их вопрос, так поразивший Ингольфа, Надод тоже сделал жест изумления, но этот жест не был замечен молодыми людьми, так как Красноглазый стоял от них далеко, возле самого борта.

Впрочем, капитан не дал им времени на размышление и пояснил, что ему дано простое гидрографическое поручение, не имеющее ничего общего с погоней за знаменитым корсаром...

— Знаменитый корсар! Вы делаете этому гнусному разбойнику слишком много чести, капитан, называя его корсаром... Мне очень жаль, что вам не поручено померяться с ним, потому что, имея такой сильный корабль и такой прекрасный экипаж, вы без труда избавили бы нас от этого бандита.

Эти слова пребольно укололи Ингольфа. Рыцарь в душе, хотя и упавший очень низко по стечению неблагоприятных обстоятельств, он всегда страшно страдал при мысли о том, как все честные люди должны его презирать. Каково же было ему

теперь молча выслушать эпитет гнусного разбойника — и от кого же? От человека, спасшего ему жизнь!

— Милостивый государь,— сказал он с неуместным, быть может, волнением в голосе,— вы забываете, как он отличился в войне с Россией и как плохо отблагодарили его за это в Швеции. Как знать, быть может, обстоятельства против воли толкнули его на этот путь... Многие флотские офицеры и сейчас жалеют, что ему не дали чина, вполне им заслуженного во многих кровавых боях... Всему виной зависть начальства и слабодушие короля... После войны его выбросили вон, как ненужную вещь, а когда он заявил протест, объявили его вне закона. Он вынужден был защищаться... Вот почему, господа, я и назвал его корсаром.

— Безумец! Он выдает себя с головой! — в ужасе бормотал Надод, слушая товарища.

Действительно, Ингольф к концу этой самозащитительной речи сильно разгорячился. Голос его дрожал, в нем слышались ноты негодования. Очевидно, он и сам спохватился, что поступает неосторожно, потому что вдруг оборвал свою речь и прибавил в виде пояснения и поправки:

— Разумеется, я его не оправдываю, я только доискиваюсь смягчающих обстоятельств, что, впрочем, нисколько не помешает мне сразиться с ним при первой же встрече.

К удивлению Надода, речь капитана произвела на незнакомцев совсем не такое впечатление, какого Надод ожидал и опасался. Молодые люди, со свойственным их возрасту великодушием, были сильно взволнованы речью капитана, которую приписывали лишь чувству справедливости, в нем заговорившему, и один из них сказал:

— Слыша от вас, капитан, подобное суждение, мы, пожалуй, готовы взглянуть другими глазами на этого авантюриста, которого нам до сих пор описывали лишь самыми мрачными красками.

— Прибавлю еще, господа, что Густав III хотел поступить с ним как с пиратом, хотя сам же выдал ему крейсерский патент. Капитан Вельзевул отказался выдать корабль лишь после того, как узнал об этом намерении.

— От Густава III все станется... С вашей стороны, капитан, очень хорошо, что вы защищаете оклеветанного.

С этими словами молодые люди крепко пожали Ингольфу руку.

— А о том, как мы потом пиратствовали — молчок! — глухо

пробормотал ужасный Надод и ухмыльнулся: — Посмотришь, какой благочестивый рыцарь наш капитан Вельзевул!

Ингольф поймал усмешку товарища и понял ее значение, но ограничился тем, что презрительно посмотрел на него, как бы говоря:

«Подожди, я еще с тобой за это рассчитаюсь!»

Урод сейчас же перестал ухмыляться: он знал, что на капитана находят такие порывы гнева, что он бывает опасен. Один уж раз капитан его чуть не задушил, и Надод не имел ни малейшего желания повторять опыт.

В эту минуту на «Сусанне» — так называлась хорошенькая яхта — послышались веселые крики:

— Ici, Фриц! Ici! Вот я тебя палкой!

Все взглянули на палубу яхты, по которой весело прыгал огромный белый медведь. За медведем с хохотом гонялись матросы.

— Фриц принялся за свои штуки! — со смехом вскричали молодые люди.

— Ведь он их, пожалуй, заест,— сказал Ингольф, думая, что медведь вырвался из клетки.

— О, что вы, нет: он смирен, как ягненок, и верен, как собака. Мы его еще медвежонком достали в Лапландии и сами вырастили. С тех пор он от нас не отходит и всегда ложится у наших ног. Когда мы поехали к вам на помощь, его пришлось запереть, так как он непременно желал сесть к нам в лодку, а это нам только бы помешало. Его, вероятно, выпустили, а так как он слышит наши голоса, то и желает прийти к нам, а матросы дразнят его и не пускают. Только им это не удастся — он непременно прибежит сюда.

— Белые медведи очень дики и злы,— заметил Ингольф.— Вероятно, вам стоило большого труда его приручить?

— Вовсе нет. Первым делом мы позаботились отучить его от мяса, так как в противном случае его нельзя было держать на свободе. Для этого мы ему несколько раз предлагали кусок свежего мяса, обвитый железной проволокой с заостренными гвоздями. Медведь бросался на мясо и в кровь раздирал себе пасть и лапы. Часто проделывали мы этот опыт, но кровожадность пересиливала в нашем медведе боль, и он по целым часам возился над куском, возбуждавшим его аппетит. Наконец, мы придумали раскалить сетку добела. Когда медведь бросился на лежавшую в сетке говядину, он страшно обжег себе морду, язык и лапы, так что целый месяц после того прохворал, но цель на

этот раз была достигнута: выздоровев, медведь с тех пор даже и смотреть не стал на мясо; сколько его ни приманивали говядиной, он постоянно отворачивался. И теперь — стоит ему близко поднести к носу мясо, как он заворчит и убежит. Мы можем быть вполне спокойны, что он не убьет никого для того, чтобы съесть.

Тем временем Фриц, видя, что матросы отовсюду заступили ему дорогу, не долго думая, полез на грот-мачту и, пройдя, словно акробат, по грот-рее, которая, благодаря близости обоих кораблей, соприкасалась со снастями «Ральфа», спустился по веревкам снастей брига на его палубу.

Самый ловкий матрос не мог бы сделать лучше.

С радостным ворчанием огромный зверь бросился к своим хозяевам и стал ласкаться к ним, точно собака...

— Будет, Фриц! Довольно! — сказал один из них и прибавил притворно-сердитым голосом: — Как ты смел прийти сюда без позволения? Пошел назад! Сейчас! Ну! Ступай!

Медведь сконфуженно встал и кинул на хозяина как бы умоляющий взгляд, прося позволения остаться, но тот продолжал повелительным тоном:

— Слышишь? Сию минуту ступай!

Бедный Фриц опустил свою громадную голову и обычной медвежьей походкой, тяжелой и медленной, вернулся на яхту тем же путем, каким пришел.

— Это удивительно! — заметил Ингольф.— Вот уж никак не думал, чтобы можно было выдрессировать такого свирепого зверя.

— С ним мы можем не бояться десяти вооруженных человек: он будет нас защищать до последнего вздоха. Но особенно он полезен нам от волков: без него мы не решались бы охотиться зимою в самых отдаленных уголках снеговых степей, а теперь охотимся...

В то время как Фриц прыгал по палубе «Ральфа», из одного люка выставилась голова мистера Ольдгама. Почтенный счетовод выходил давеча утром на палубу лишь на одну минуту и, соображая, что бриг находится близ каких-то островов Океании, поспешил к своим книгам, чтобы привести их в порядок и затем отпроситься на берег. Мистеру Ольдгаму до страсти хотелось видеть канаков. От своего тестя, мистера Фортескью, почтенный клерк унаследовал несколько томов иллюстрированных путешествий и всегда желал убедиться воочию, действительно ли изображенные там дикари таковы, какими их рисуют. Миссис

Ольдгам, например, никак не хотела допустить, чтобы могла в действительности существовать подобная простота в одежде, как небольшой передник и ничего больше. Она дивилась: каким это образом полисмены терпят такое безобразие.

Каждый вечер, собравшись за чаем, семья Ольдгамов занималась чтением путешествий и рассматриванием иллюстраций. Если кто-нибудь из многочисленных детей оказывался виновным в какой-нибудь шалости или разрывал панталоны, куртку, передник — его наказывали тем, что отправляли спать, не позволив поглядеть картинок и послушать чтения.

При этом следует заметить, что мистер Ольдгам под именем канаков подразумевал решительно всех австралийских дикарей.

В те минуты, когда миссис Ольдгам находилась в хорошем расположении духа, что, впрочем, случалось далеко не всегда, клерк говорил ей:

— Знаешь что, Бетси? Когда мы разбогатеем, мы купим небольшой корабль, которым будет Джек командовать (конечно, Джек будет тогда уже капитаном), и поедем смотреть на канаков.

Джек был шаловливый мальчишка одиннадцати лет, который раз пять на неделе убегал из школы, чтобы пускать по лужам доски, привязанные на веревке. Папенька называл это «ранним проявлением склонности к благородному поприщу моряка».

Несчастная страсть к канакам и послужила, между прочим, причиной разлуки мистера Ольдгама с семьей и начальником. Однажды достойный клерк мистера Пеггама, нотариуса, адвоката и солиситора в Чичестере, проходил берегом моря, направляясь в контору своего патрона. Вдруг он увидал двух моряков, которые, привязав лодку к берегу, шли к нему навстречу. Велика была радость Ольдгама, когда он узнал, что моряки эти только что из страны канаков. Ингольф, давно искавший себе бухгалтера, воспользовался случаем и предложил Ольдгаму посетить его бриг, чтобы полюбоваться на разные интересные коллекции.

— Это можно сделать в какие-нибудь два часа: бриг стоит недалеко, милях в двух от берега.

Ольдгам согласился. Он пришел в восторг от мысли увидеть настоящие ассагаи и ядовитые стрелы, которые до того времени он видал лишь на картинках. Клерка привезли на бриг. Остальное читатель уже знает. Все время мистер Ольдгам полагал, что находится на военном крейсере шведского короля Густава III, хотя его удивляло, что Швеция ведет войну одновременно со

столькими державами: на глазах у клерка были потоплены корабли всевозможных наций. Впрочем, его приятель Эриксон всякий раз придумывал в объяснение какую-нибудь небылицу, и клерк успокаивался.

Просто потеха была смотреть на Эриксона, Билля и Ольдгама, когда они вместе сидели за столом и обедали: проказники-офицеры рассказывали клерку небылицы одна другой несообразнее, а тот слушал и умилялся. Ольдгама, вследствие его крайней близорукости, можно было уверять решительно в чем угодно. Так в настоящее время он был вполне убежден, что «Ральф» пришел к океанийским островам. Когда бриг бросил якорь, мистер Ольдгам решился оставить на минутку свою работу и поглядеть на невиданные чудеса. С этой целью он выставил голову из переднего люка.

Ингольф увидал клерка и сейчас же понял, как опасно допустить его на палубу. Наверное, он, по обыкновению, не преминул бы заявить свой протест при незнакомых свидетелях, а этого было бы достаточно, чтобы у спасителей «Ральфа» зародились подозрения.

Молодые люди взглянули в ту сторону, куда бросил свой взгляд капитан, и оба в одну минуту побледнели, как полотно. Один из них, не стесняясь присутствием Ингольфа, пролепетал:

— Какое странное сходство!

— Ни дать ни взять Ольдгам, клерк подлеца Пеггама,— произнес другой моряк.

Ингольф вздрогнул, как от электрической искры, и взглянул на Эриксона, стоявшего в то время на вахте, присоединив ко взгляду выразительный жест. Взгляд и жест означали: во что бы то ни стало уберите Ольдгама и не позволяйте ему показываться. Действительно, нужно было всеми силами помешать встрече клерка с моряками, так как она обнаружила бы истинный характер «Ральфа». В самом деле — трудно было бы допустить, чтобы шведское военное судно позволило себе такую дерзость, как похищение на английском берегу чиновника, в услугах которого ему встретилась надобность.

Эриксон понял и направился к люку.

— Господа,— сказал любезно капитан, словно не замечая смущения своих посетителей,— прежде чем нам расстаться, быть может навсегда, позвольте мне предложить вам легкий завтрак.

— Одно слово, капитан,— с живостью перебил его один из

моряков.— Скажите мне правду: как зовут того человека, который сейчас выглянул из люка?

— Седжвик,— не колеблясь, отвечал Ингольф,— это наш комиссар. А что, вы разве его знаете?

— Нет, но он ужасно похож на одного англичанина, которого мы имели случай видеть несколько лет тому назад... До того похож, что просто одно лицо.

— Действительно, я заметил, что при виде Седжвика вы как будто пришли в волнение.

— Это верно: поразительное сходство вашего комиссара с тем англичанином разом напомнило нам все перипетии одной темной, таинственной драмы, ключа к которой нам с братом до сих пор не удалось отыскать.

При этих словах моряка глаза у Надода загорелись, как у тигра, готового броситься на добычу.

— Мы с братом! — прошептал Красноглазый.— Десять лет жизни отдал бы я за то, чтобы узнать, кто они такие!.. Во всяком случае, надо будет уведомить Пеггама... Какую ж, однако, роль мог играть в драме этот идиот Ольдгам?

— И вы подумали,— отвечал Ингольф,— что нашли здесь одно из действующих лиц этого приключения?

— О, нет! Тот человек, которого нам напомнил ваш комиссар, участвовал в драме лишь как бессознательное орудие. Истинных же виновников мы поклялись отыскать и наказать...

«Если только они дадут тебе время!» — подумал Красноглазый.

Молодой человек взглянул на люк, где перед тем видел голову лже-Седжвика, но тот уже исчез. Тогда он машинально перевел глаза на Надода и даже вздрогнул, когда увидал, какою страшной ненавистью было искажено лицо Красноглазого. У молодого человека невольно сжалось сердце от какого-то дурного предчувствия. Но это было лишь мимолетным ощущением: Надод заметил, какое впечатление он производит, быстро оправился и, обратясь к Ингольфу, объявил, что завтракать не пойдет, так как чувствует себя нехорошо.

— У меня сделался такой сильный припадок невралгии,— сказал он,— что я просто не могу выносить...

Надод был в эту минуту так отвратителен, как никогда.

Эти слова разом переменили направление мыслей у молодых людей. В самом деле, какое значение мог иметь для них этот незнакомый урод, которого они даже никогда не видали? Впрочем, им обоим все-таки захотелось как можно скорее уехать с

этого странного корабля. Странным же он казался для них по многим мелким причинам, которых всякий не моряк даже бы и не заметил. Так, между прочим, им бросилась в глаза какая-то неуловимая фамильярность между офицерами и матросами, совершенно неуместная на военном корабле.

Молодой человек, постарше, сделал знак брату. Тот понял, что нужно поскорее кончить завтрак. Съев несколько бутербродов и выпив по стакану портера, молодые люди стали прощаться с капитаном, против которого у них зародилось смутное подозрение.

— Не смею вас задерживать, господа,— говорил, провожая гостей, Ингольф.— После такой беспокойной ночи вам следует отдохнуть, да и ваши друзья, по всей вероятности, беспокоятся о вас.

— Это верно, капитан,— отвечал старший брат,— и хотя мы вообще делаем продолжительные поездки по морю, но на этот раз обещали отцу скоро вернуться, и он теперь в полном убеждении, что мы совершаем лишь небольшую прогулку по Розольфскому фиорду.

Надод стоял в стороне, по-видимому все еще чувствуя страшную боль, но это было с его стороны одно притворство. На деле же он внимательно прислушивался к разговору, из которого не проронил ни одного слова.

— Розольфский фиорд! — прошептал он.— Неужели этот дурак Ингольф не догадается спросить, как их зовут?

Как бы отвечая на эту мысль, капитан Вельзевул, к величайшей радости Надода, сказал, обращаясь к молодым морякам:

— Надеюсь, мы не расстанемся, не познакомившись как следует?

И прибавил, раскланиваясь:

— Шведского флота капитан 2-го ранга Эйстен.

Молодые люди вежливо ответили на поклон, и старший из них сказал:

— Моего брата зовут Олаф, а меня Эдмунд. Мы — сыновья наследного герцога Норрландского. Если вы не торопитесь выйти в море, то мы будем очень рады...

Молодой человек вдруг умолк, услыхав страшный крик Надода — крик не то дикой радости, не то нестерпимой боли. Очевидно, впрочем, то был крик боли, потому что Надод, изнемогая от страданий, пошатываясь, направился по палубе в свою каюту.

Затворив за собой дверь, он с торжествующим видом поднял

свою огромную голову и, убежденный, что его никто не может услыхать, вскричал:

— Сыновья герцога Норрландского! Да, это они: моя ненависть почуяла их и узнала... А я-то боялся, что отец отправит их на службу к русскому двору!.. Какое счастье, что они не сказали своего родового имени! Ведь этот дурак Ингольф, со своими рыцарскими чувствами, никогда бы не согласился помогать мне против них... О, Гаральд Биорн, я не только тебя разорю, я отниму у тебя то, чем ты всего более дорожишь... Ты не сжалился надо мной, когда моя мать умоляла тебя со слезами... Для тебя у меня тоже не будет сострадания... Долго ждал я этого желанного мига. Когда я работал под кнутом в мрачных казематах Эльсинора, меня удерживала от самоубийства лишь надежда рано или поздно тебе отомстить, Гаральд Биорн, исцелиться твоими страданиями, насытиться твоим отчаянием... Этой надеждой я только и жил... О, что за радостный день!.. Нет лучше, нет сладострастнее музыки, чем рыдания и вопли побежденного врага!..

Надод был в эту минуту так отвратителен, как никогда. Волосы у него на голове поднялись дыбом, как шерсть у ощетинившегося зверя, ужасный кровавый глаз дико вращался в своей орбите... Это был не человек, а какое-то чудовище, какое-то сказочное страшилище.

Злодея просто душила лютая ненависть, гангреной разъедавшая его сердце.

VI

Важная новость.— Целая эскадра.— Ингольф быстро принимает решение

Во время этой дикой сцены в каюте другая сцена, еще более животрепещущая, происходила на палубе.

Молодой человек, назвавший себя Эдмундом, докончил свою прерванную Надодом фразу, пригласив Ингольфа, если у того есть время, посетить фиорд Розольфсе и его живописные окрестности.

— Мы будем очень рады видеть вас у себя в гостях,— прибавил он.— Мы можем поохотиться вместе на оленя, медведя и волка в обширных норрландских равнинах. Ведь вы наш товарищ, потому что мы тоже моряки.

Открытое, непринужденное обращение Ингольфа и его джентльменская наружность рассеяли все подозрения, на минуту зародившиеся было у Эдмунда.

— Я так и предполагал, что вы моряки,— улыбаясь, отвечал капитан,— потому что обыкновенные любители не могли бы так прекрасно править судном. Но все-таки я не думаю, что сыновья герцога Норрландского бывали в дальних плаваниях...

— Вы ошибаетесь, капитан, мы с братом состоим на службе во французском военном флоте и в настоящее время пользуемся отпуском с правом вернуться на службу, когда захотим.

— У вас, очевидно, есть протекция, потому что подобные отпуска — по крайней мере в шведском флоте — даются лишь офицерам высших чинов.

Молодые люди ничего не ответили, только улыбнулись.

— Следовательно, вы принимаете наше приглашение? — спросил Эдмунд.

Ингольф не был хозяином своего времени: у него с Надодом было заключено одно тайное условие, с сущностью которого мы скоро познакомим читателей. Поэтому он уже собирался ответить, что с прискорбием отклоняет любезное приглашение, как вдруг к нему подбежал с необычной торопливостью Альтенс и доложил, что желает поговорить с капитаном по делам службы.

— Извините меня, господа,— сказал капитан своим гостям,— но ведь вы сами знаете: служба не ждет.

Молодые люди поклонились, а Ингольф ушел с Альтенсом в кабинет.

— Что такое? — спросил он, как только затворилась дверь.

— Важная новость, командир мой,— отвечал Альтенс.— На юго-западе показалась эскадра в шесть военных кораблей, я сам видел. Они, наверное, ищут нас.

— Почему это непременно нас?

— А то зачем бы целой эскадре идти в Ледовитый океан?

— Это правда.

— Если даже они не напали на наш след, все же они нас увидят и погонятся за нами.

— Быть может, они уже даже и увидали нас?

— Нет, потому что в таком случае они повернули бы в нашу сторону, а между тем они идут все в прежнем направлении...

— Куда же они идут?

— По-видимому, на запад.

— Стало быть, они от нас удаляются?

— Да, они еще не видят нас, но пройдет час, не более — и увидят.

— Ну?

— Ну, и поймают нас, как лисицу в норе, если только мы... Впрочем, не мне вас учить, командир мой...

— Говори, говори, не бойся.

— Если мы не выйдем сейчас же в море и не воспользуемся быстрым ходом «Ральфа».

— Мысль недурная. «Ральф» превосходный ходок.

— Других и нет таких.

— Знаю, но это средство я приберегу под конец, иначе все наши планы разрушатся. Наконец, наше бегство прямо обнаружит нашим спасителям, кто мы такие, а этого я не хочу — по крайней мере в данную минуту.

— В таком случае нам остается только снять мачты, расснастить и разоружить корабль, благо на «Ральфе» все отлично приспособлено к этому, и спрятать кузов за одним из здешних утесов.

— У меня есть средство получше,— возразил Ингольф, подумав несколько минут.— Тебе знаком Розольфский фиорд?

— Я плавал там еще в детстве, когда был юнгой на небольшом куттере, два раза в год возившем в замок разный груз.

— В какой замок?

— Не знаю. Патрон говорил мне всегда «замок», а какой — я никогда не слыхал.

— Ты думаешь, что «Ральф» будет там в безопасности?

— О, еще бы! Корабль с большим водоизмещением войти бы в бухту не мог вследствие незначительной глубины канала, а «Ральф» сидит в воде очень неглубоко. Но только вход в фиорд не свободен: он составляет частную собственность герцога Норрландского.

— Так знай же, любезный Альтенс, что молодые люди, спасшие нас сегодня утром, сыновья герцога Норрландского и зовут нас к себе в гости.

На бесстрастном лице капитанского помощника не изобразилось ни радости, ни удивления. Суровый моряк только отвечал:

— Это очень кстати, капитан, потому что теперь нам можно будет уйти от крейсеров, не подавая и вида, что мы спасаемся бегством.

— Вели же поднять якорь. Уж если идти, так идти скорее. Необходимо достигнуть фиорда, прежде чем эскадра нас увидит.

Возвратясь на палубу, Ингольф объявил, что принимает при-

глашение, так как имеет возможность пожертвовать четырьмя или пятью днями, не нанося никакого ущерба порученному ему делу.

Олаф и Эдмунд вернулись на свою шхуну распорядиться отплытием, а на «Ральфе», по приказу Альтенса, унтер-офицеры принялись свистать матросов наверх.

Менее чем через час оба корабля входили в Розольфский канал. Яхта шла впереди, бриг следовал за нею. Когда корабли приблизились к скалам, Альтенс, все время следивший за движением эскадры, увидал, что она переменила курс и пошла к берегу. Не зная, чему это приписать, случайности или умыслу, Альтенс с затаенной тревогой продолжал глядеть в подзорную трубку. Вдруг вдали сверкнул огонь, и по волнам прокатился пушечный выстрел. Несомненно, выстрел относился к шхуне и бригу: эскадра требовала, чтобы они остановились, основываясь на предоставленном военным кораблям праве осматривать встречные суда.

Выстрел был так далек, что звук его уловило только опытное ухо Ингольфа, огня же никто не видал, кроме Альтенса, стоявшего на марсе. Когда Альтенс, спустившись с марса, подошел к своему капитану и подтвердил его догадку, Ингольф заметил ему без малейшего заметного волнения:

— А ты не рассмотрел, какой национальности корабли?

— Не разобрал флага за дальностью расстояния, но по оснастке и по всему мне кажется, что они английские.

— Английские! — вскричал Ингольф.— Пусть только они попробуют встать мне поперек дороги, я им дам себя знать. Выставь на марсе вахтенного понадежнее, потому что они, быть может, пошлют в фиорд лодку.

Ингольф ушел к себе в каюту. На «Ральфе» все делалось совершенно так, как на военных кораблях: командир жил особняком и отдавал приказания через старшего офицера, появляясь на палубе лишь в экстренных случаях.

Оставшись один, Ингольф позвонил и велел послать к себе Надода. С Красноглазым он был связан уговором относительно цели экспедиции, и теперь его беспокоила мысль о том, как отнесется его товарищ к предстоящему новому промедлению.

Разумеется, Ингольф нисколько не боялся Надода, но с этим дикарем случались иногда припадки такой ярости, что приходилось немало хлопотать над его укрощением. Однажды Ингольф вынужден был позвать четырех матросов, чтобы они привязали Надода к кровати, на которой капитан и продержал его до тех

пор, пока безумец не успокоился. Такие сцены, разумеется, не могли доставить Ингольфу удовольствия, и потому он их благоразумно избегал.

И как могли сойтись эти два человека, столь не похожие друг на друга ни характером, ни происхождением, ни воспитанием? Очевидно, их сблизило какое-нибудь одно общее темное дело...

Подобные совпадения иногда случаются, совершенно спутывая все человеческие расчеты... Разумеется, и Олаф с Эдмундом, знай они правду о «Ральфе» и его экипаже, ни за что не стали бы спасать их от ярости мальстрема и не пригласили бы Ингольфа к себе в гости... Но откуда могли они все это знать?

Прежде чем поднять, наконец, завесу, скрывавшую тайны преступного бандитского товарищества, и приступить к изложению драматических событий, составляющих предмет нашего рассказа, мы намерены сообщить читателям некоторые подробности о старинной герцогской фамилии, к которой принадлежали Эдмунд и Олаф и которую так смертельно ненавидел Красноглазый.

Причины этой ненависти читатель тоже узнает в свое время.

Что касается Ингольфа, то он хотя и знал о мстительных намерениях Надода, но совершенно не догадывался, что эти намерения относятся именно к спасителям «Ральфа» и его команды.

VII

Черный герцог.— Фиорд Розольфсе.— Немножко истории.— Старый замок.— Род Биорнов

Едва ли где-нибудь океан представляет более величественное зрелище, нежели близ Розольфского мыса, где происходят описываемые нами события. При малейшем северном ветре в открытом море образуются волны и с ревом бросаются на скалы, словно желая взять их приступом и смыть с берега. Одни из волн, разбиваясь о скалы, разлетаются белой клочковатой пеной, а другие, с ревом отхлынув от утесов, разбегаются по всем окрестным фиордам иногда миль на пятнадцать кругом.

Это именно великое море, Ар-Мор, как называли его древние кельты; оно является то мрачным и гневным, когда над ним

низко повиснут тяжелые, навеянные с севера тучи и когда оно грозно рокочет свою прелюдию к буре; то тихим и спокойным, когда волны его спят в глубоких безднах и блестящая темно-зеленая гладь отражает редкие лучи северного солнца; но как в том, так и в другом случае оно кажется одинаково гордым и важным в своей неизмеримости и беспредельности.

Капризно оно, непостоянно; два дня подряд не бывает оно одинаковым; вечно меняется, вечно в движении, только шхеры его всегда неизменны и угрюмы.

А между тем — странное дело! — несмотря на такую изменчивость океан всегда производит одинаковое впечатление. Причина этому та, что океан, как в бурю, так и в затишье, представляет лишь бесформенный хаос, где отдельные контуры выступают неясно, сливаясь в одно общее ощущение неизмеримости.

Человеческий дух есть лишь зеркало, отражающее различные образы природы. Поэтому вечное созерцание океана с его однообразным общим характером и неясностью подробностей наложило отпечаток угрюмой мечтательной суровости на характер жителей этих окраин Норвегии.

Помимо бесчисленных, извилистых и широких фиордов, изрезывающих северную Норвегию, берега ее усеяны островами, скалами, шхерами, рифами, вокруг которых при каждом приливе и отливе бурлят и кипят сердитые волны, сталкиваясь между собою и образуя непроходимую преграду из водоворотов, поглощающих всякий корабль, сунувшийся туда без лоцмана. Никакое знание, никакая опытность не могут тут поддержать моряка.

Эти почти совершенно недоступные берега, огражденные сверх того тайными подводными рифами, могли бы дать убежище целому флоту морских разбойников — убежище верное, где они могли бы смеяться над самой страшной погоней.

Именно отсюда средневековые норманны отправлялись в море на своих плоскодонных судах, не боясь никаких бурь, и наводили ужас на Францию и Англию. Они являлись внезапно, грабили прибрежные города и, прежде чем успевали подойти войска, уплывали в море. До самого начала текущего века потомки этих норманнов были самыми отважными ценителями моря. Под предлогом рыбной ловли они пробирались в Балтику, в Северное море, крейсировали у выхода из Ла-Манша — и все это в легких лодках, во всякую погоду.

Горе было коммерческим кораблям или неповоротливым испанским галиотам с грузом золота! Их окружали, экипаж истребляли до последнего человека, груз отбирали, а корабли пускали ко дну.

И при всем том грабители не оставляли после себя никаких следов.

На закате солнца, когда поднимался ветер, предвещавший бурю, из всех фиордов выплывали легкие шхунки, проворно скользившие по воде, словно большие хищные птицы. Они отправлялись на поиски заблудившихся кораблей, приманивая их к рифам, среди которых только эти шхунки и могли плавать,— и на другой день весь берег оказывался покрытым всевозможными обломками, которыми делились между собою дикие поморы.

Смягчение нравов, умственный прогресс, а главное — усовершенствование морской полиции по новейшим международным законам почти совершенно подавили морской разбой, но варварское пользование береговым правом, по которому остатки от разбитых бурей кораблей доставались прибрежным жителям, существовало еще долго, вопреки всем усилиям его отменить. Оно существует, вероятно, и до сих пор, если принять во внимание, что и в наше время бывают случаи таинственных исчезновений кораблей.

Вокруг Розольфского мыса тянутся обширные равнины, поросшие мхом, травой, черникой и вереском; местами над этой тощей растительностью торчат приземистые северные сосны и Бог весть каким чудом занесенные сюда ольхи. Это — ског, необработанная девственная почва, нечто вроде русских степей, индийских джунглей или американских саванн. Здесь живут и множатся на свободе волки, лисицы, горностаи, рыси, белки, куницы, бобры; водится тут и дичь: тетерев, снеговая и лесная курочка, белая куропатка, бекас, заяц, косуля, олень; дикие северные олени там буквально кишмя кишат. Медведей встречается тоже очень много, а полярных крыс такая масса, что когда они совершают нашествие на какую-нибудь местность, то не останавливаются решительно ни пред каким препятствием. Когда их доймет голод и холод, они миллионами наводняют самые теплые местности Норвегии и Швеции, где их удается остановить только огнем.

Невозможно изобразить пером фантастическую картину обширных равнин Скандинавии, три четверти года окутанных покровом тумана, в котором все предметы теряют всякую отчет-

ливость форм и сливаются во что-то смутное, неопределенное. В длинные летние дни солнце почти не сходит с неба, а зимой почти не показывается; зато ночи постоянно светлы и северное сияние придает им свойство производить какое-то особенно таинственное впечатление на душу.

В народных норвежских поверьях и легендах отведено большое место привидениям и призракам. Особенно много страшных рассказов ходит именно о Розольфском мысе. Здесь, по народному поверию, в известное время года собираются злые духи моря и степи и в бурю, в метель, предаются дикой пляске. Никто в эту пору, отвечающую в действительности тому времени, когда весенние муссоны меняются на летние, не отважится посетить проклятое место. Немногие живущие там семейства считаются с давних пор состоящими в сношениях с нечистой силой, им приписывают способность вызывать духов, заклинать корабли, портить людей и животных. Их с ужасом чураются, хотя в то же время, в известных случаях, прибегают к их могуществу.

Эта страна с ее наивной верой во всякие таинственные ужасы, с ее смелыми рыболовами и мореходами напоминает какой-то затерянный средневековый уголок. Тут не будешь, кажется, удивлен, если вдруг увидишь между скал широкие плоскодонные лодки древних скандинавов.

Розольфский фиорд, врезывающийся в землю на двадцать миль, пользуется такой же дурной славой, как и мыс того же имени; ни одна норвежская лодка не решится туда заглянуть, ибо существует поверье, что еще ни одна из них, зайдя туда, не возвращалась назад.

Когда, огибая Розольфский мыс, рыболов случайно увидит таинственный фиорд, он спешит выйти в море, с ужасом осеняя себя крестом. В хижинах по вечерам под завывание вьюги рассказывают легенды одна другой страшнее о нечистом месте. В конце этого морского канала, среди унылой и бесплодной степи, стоит старинный замок, выстроенный в XI веке Эриком Биорном, одним из дружинников Роллона, отказавшимся за ним следовать, когда тот вздумал основаться в Нормандии. Замок теперь в упадке, но прежде состоял из массивной центральной постройки, окруженной четырьмя толстыми башнями и обнесенной широким, глубоким рвом, через который можно было перейти только по подъемному мосту, напротив главного входа. Это был настоящий укрепленный замок, при толщине своих стен не боявшийся никакой осады в средние века, когда еще не было

изобретено огнестрельное оружие. Эрик два года выдерживал в нем осаду против Гаральда, преемника Роллона, и норманнский герцог ничего не мог с ним сделать. Осажденные постоянно получали провиант через длинный подземный ход, тянувшийся от замка на две мили к самому морю. Выход из подземелья был очень искусно скрыт в прибрежных утесах, так что незнающие не могли его отыскать.

Входящий в замок прежде всего вступал в обширный квадратный мощеный двор, обстроенный кругом конюшнями, караулами, сараями, погребами и проч.; затем возвышались два этажа здания, причем первый этаж имел окна лишь во внутренний двор, да и окна второго были узкие и низкие, как раз такие, чтоб из них можно было видеть равнину. Наверху была терраса, по четырем сторонам обнесенная оградой и соединявшая между собой все четыре башни. Здесь обыкновенно сражались защитники замка, обливая осаждающих горячим маслом, смолой, бросая в них зажженные снопы и разные другие горючие вещества.

На сто миль кругом Розольфского замка, то есть дней на пять пути, тянулась обширная равнина, до того поросшая мхом и кустарником, что лошади вязли там по грудь и не могли идти. Благодаря такому удобному местоположению своих владений, Биорны во все продолжение средних веков были независимы от норвежских герцогов и не согласились повиноваться им даже тогда, когда те приняли королевский титул. Все попытки покорить строптивых северных владетелей оканчивались неудачей. Биорны были суровые воины; в то время как все континентальное дворянство жило сухопутным грабежом, они, как, впрочем, и все норвежские вожди, занимались морским разбоем, рыская по морям и собирая десятину со всех встречных кораблей, а при малейшем сопротивлении овладевая и всем грузом. В Розольфскую бухту стекались богатства со всех концов света. Когда для сухопутного дворянства право грабежа было урегулировано под видом пошлин и оброков, морские дворяне продолжали гоняться за торговыми кораблями, насмехаясь над всеми международными постановлениями.

Биорны проявили особенную настойчивость в охранении того, что считали своей привилегией, и уступили лишь после того, как Англия и Голландия, торговые интересы которых страдали больше всех от розольфских норвежцев, организовали против них целый крестовый поход. В начале XVII века адмирал Рюйтер повесил Олафа Биорна с пятьюдесятью дружинни-

ками, и викинги, как до сих пор именовали себя владельцы розольфские, отказались, наконец, от морских набегов, обратившись к рыбной ловле. Их флотилия, снаряженная и вооруженная для ловли китов, более полутораста лет бороздила Северный и Ледовитый океан, прославившись опять такой смелостью и энергией, что на бывших флибустьеров стали смотреть как на первых рыболовов севера. От этого нового занятия богатство Биорнов только еще более росло. Они сделались наследственными герцогами Норрланда и, продолжая по традиции оберегать свою независимость, держали себя с королями норвежскими чуть не на равной ноге. Еще во время знаменитой Кальмарской унии, отдавшей Швецию и Норвегию под власть Маргариты и Вольдемара Датских, Свер Биорн формально протестовал на сейме против включения в унию Норрландской области, и этот протест сделался органическим статутом для всего рода Биорнов. Разумеется, это притязание герцогства Норрландского на формальную независимость осталось лишь историческим фактом, и власть Биорнов никогда не простиралась за пределы бесплодных степей, окружавших замок. Включая Розольфский фиорд, эти владения обнимали не более 500—600 жилищ, разбросанных по берегам фиордов, так как самый ског (степь) был совершенно необитаем ввиду множества водившихся там медведей, волков и других хищных зверей.

Современное могущество Биорнов основывалось на их неисчерпаемом богатстве. Семь или восемь веков пиратства и бережливости наполнили замковые погреба таким количеством золота и серебра, которые невозможно было оценить, хотя бы даже приблизительно. Поэтому государи трех королевств, когда попадали в стесненные обстоятельства, первым делом прибегали к щедрости Биорнов, никогда не получая отказа. Одолжив однажды королям какую-нибудь сумму, Биорны никогда уже потом не требовали долга назад.

Вот два примера того, как велико было богатство Биорнов.

В первый крестовый поход они вооружили и взяли на свое иждивение десять тысяч копейщиков, а когда св. Людовик попался в плен, предложили для выкупа царственного пленника сто тысяч золотых экю — сумму по тому времени громадную.

— От кого ты прислан? — спросил калиф у Гугофа Биорна, присланного с этим предложением.

— От викингов,— гордо отвечал посланник, напоминая этим

древний титул своих предков, норманнских вождей, современных Роллону.

В семействе Биорнов был один обычай, несогласный с общепринятыми дворянскими обычаями того времени. Снаряжением кораблей, рыбной ловлей и продажей продуктов в Гамбурге, Франкфурте и других ганзейских городах заведовали у них старшие члены семьи, тогда как младшие вступали на военную службу и поддерживали честь и достоинство рода при северных дворах. Как только какому-нибудь Биорну исполнялось шестнадцать лет, глава фамилии набирал ему полк и отправлял служить во Францию, Данию или Швецию. При вступлении на чью бы то ни было службу всякий Биорн получал генеральский чин — такая привилегия была выговорена издавна для представителей старинного герцогского рода.

Однако в конце XVIII столетия образ жизни Биорнов подвергся значительной перемене.

Всю свою рыболовную флотилию они вдруг продали гамбургским арматорам, по контракту обязавшись не заниматься больше никогда китоловлей, чтобы не делать конкуренции новым приобретателям. За собой Биорны оставили лишь несколько увеселительных кораблей, выстроенных в Венеции из самого дорогого дерева и снабженных всевозможным комфортом. Всего таких кораблей было у них пять — один быстроходнее другого. Сам по себе этот факт не удивил никого, так как все давно уже поражались тем, что такой старинный дворянский дом не пренебрегает заниматься торговлей, имея и без того громадные доходы, во много раз превосходящие бюджет королей Швеции и Норвегии. Поступок Биорнов можно бы было легко объяснить вошедшим в Европе, с легкой руки горделивого двора Людовика XIV, в моду дворянским презрением к торговле, если б не последовавшие затем некоторые события, наводившие на размышление. Дело в том, что вскоре после продажи биорнского флота Олаф и Эдмунд Биорны, служившие во Франции контр-адмиралами, получили от своего отца Гаральда Биорна, прозванного Черным герцогом, приказание взять у короля бессрочный отпуск и немедленно вернуться в Розольфсе.

Молодые люди беспрекословно повиновались, рассчитывая дома узнать причину этого распоряжения, разрушавшего все их мечты о карьере и славе, но старый Гаральд только приласкал сыновей и поблагодарил за послушание, причины же своего неожиданного распоряжения не объяснил.

Черный герцог был человек суровый. Окружающим он внушал невольный трепет, поэтому молодые люди не осмелились обратиться к нему с вопросом сами. Младший их брат Эрик, пятнадцатилетний мальчик, тоже ничего не знал и мог сообщить братьям только то, что старый герцог в последнее время целые дни просиживает в лаборатории, устроенной в одной из башен замка. День и ночь в лаборатории топились печи и из окон башен виднелся свет, придававший нечто фантастическое всему старинному зданию.

Лабораторию эту устроил в замке один из членов биорнского рода, Сигурд, живший в XIV веке. Он родился на свет уродом, не способным ни к военной службе, ни к какой-либо другой физической деятельности. Поэтому он усердно занялся алхимией и разными секретными науками, приобщив к своим занятиям одного из своих племянников. С тех пор в семье вошло в обычай, чтобы младший в роде посвящал себя научным занятиям. Каждый из них обязательно излагал в рукописи результаты своих работ. В конце концов получилась огромная сумма чрезвычайно важных научных открытий, тайна которых ни разу не вышла за пределы розольфских стен. Это обстоятельство породило насчет замка всевозможные легенды, и не было в окрестностях ни одного человека, который бы решился утверждать, что Биорны не занимаются колдовством.

Гаральд был младшим членом рода и воспитывался среди реторт и колб, как вдруг старшие братья его были случайно убиты на охоте в скоге и он неожиданно для себя сделался главой фамилии. Приняв в свои руки управление делами, он забросил свои научные занятия, но потом, вследствие одного события, с которым мы позднее познакомим читателей, снова принялся за них и даже пожертвовал ради этого выгодами торговли и карьерою своих сыновей.

Тщетно Олаф и Эдмунд ломали голову над загадкой — ничего у них не выходило. Особенно интриговало их то обстоятельство, что возвращение отца к занятиям в лаборатории совпало как раз с посещением замка каким-то таинственным незнакомцем, который вскоре исчез, проведя в замке только одну ночь. Ничего не придумав, молодые люди перестали, наконец, заниматься этим вопросом и решились терпеливо ожидать, когда случай или воля отца откроют им тайну.

VIII

Олаф и Эдмунд.— Их жизнь в родовом замке. — Надод.— Пропажа старшего сына Гаральда.— Мщение Гаральда

Для молодых людей — двадцатитрехлетнего Олафа и двадцатипятилетнего Эдмунда — потянулась праздная скучная жизнь. В конце концов они пристрастились к охоте, которая осталась для них единственным развлечением. Они воспитаны были в таком страхе и повиновении отцу, что им и в голову не приходило роптать на распоряжение Черного герцога.

Последний, впрочем, предоставил сыновьям полную свободу при единственном условии — ни под каким видом не переступать за черту розольфского поместья; но так как обширный ског, принадлежащий к поместью, тянулся кругом миль на шестьдесят или восемьдесят, то молодым людям было где развернуть свою удаль.

В сопровождении своего младшего брата Эрика и двух служителей-дядек, которые не покидали их с самого детства, Гуттора и Грундвига, они нередко целые недели проводили в степи, гоняясь за медведями и волками и всякий раз возвращаясь в замок с обильными трофеями, что вызывало на бледных губах старого Гаральда улыбку гордости.

— Хорошо, сынки мои, очень хорошо,— говаривал он.— Сейчас видно, что в ваших жилах течет кровь норманнских вождей. Недаром вы королевского происхождения.

Сумрачный владелец замка обменивался при этом всякий раз многозначительным взглядом с Гуттором и Грундвигом, но молодые люди обыкновенно не замечали этого, а если б заметили, то, конечно, догадались бы о существовании какой-то тайны между герцогом и обоими дядьками его сыновей.

Гаральд не лгал и не ошибался, приписывая себе королевское происхождение.

Избираемые сеймом, два Биорна последовательно занимали шведский трон в 802 и в 935 годах, и очень возможно, что этот сан, в те времена довольно-таки шаткий, гораздо чаще доставался бы роду герцогов Норрландских, если б они не предпочитали ему карьеру викингов, довольствуясь лишь тем, что держали себя с королями на равной ноге.

Покуда шведский трон занимали потомки древних скандинавских вождей — Ивардов, Сигурдов, Стенкиллей, Свеккеров, Фолькунгов, Ваза, Биорны заботились лишь о сохранении своей

традиционной независимости. Но когда на престол был приглашен голштинский принц Адольф-Фридрих, Биорны заявили громкий протест и объявили, что в свое время они еще поговорят об этом и предъявят свои права на престол. Сделавшись главой фамилии, Черный герцог подтвердил этот протест, который, впрочем, все восприняли как стремление с его стороны напомнить о себе. Не желая, чтобы сыновья служили при дворе «узурпатора», он отправил их на службу в Россию и во Францию, но, как мы уже видели, скоро вызвал их обратно.

У Гаральда был брат Магнус, моложе его лет на двадцать, никогда не вмешивавшийся ни в какие семейные дела, а занимавшийся со страстью мореплаванием и географией. С шестнадцати лет он совершал почти беспрерывные путешествия вокруг света на превосходном бриге в восемьсот тонн, нарочно для него поставленном по приказанию его отца. Уехав в первое плавание, Магнус с тех пор очень редко и лишь на короткие сроки возвращался в родовой замок. Ему не сиделось дома: море, любимая его стихия, постоянно тянуло его к себе.

Всякий раз Магнус возвращался домой с новыми коллекциями оружия и всяких редкостей, составляя себе постепенно настоящий богатый музей.

Четыре башни замка были построены таким образом, что соответствовали четырем сторонам света. Южную башню Магнус выбрал для своего музея и разместил в ней свои драгоценные коллекции. Они составлялись не только из того, что он сам во время своих путешествий собрал ценой труда и золота, но и из того, что в течение многих веков было награблено его пиратами-предками.

Несколько лет тому назад Магнус уехал в какую-то далекую, никому не ведомую экспедицию, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. В Розольфсе пришли к тому убеждению, что он погиб со всем экипажем от какой-нибудь бури, застигшей его у берегов Азии, так как последнее письмо от него получено было из Батавии.

Магнус был не единственным членом рода Биорнов, пропавшим без вести. У Гаральда Биорна еще пропал пятилетний сын Фредерик, старший брат Олафа и Эдмунда, и пропал вот при каких обстоятельствах.

При рождении каждого ребенка мужского пола в семействе Биорнов был обычай приставлять к новорожденному кого-нибудь из сыновей герцогских крепостных, так что этот мальчик становился товарищем детских игр молодого Биорна, его песту-

ном и дядькой. Крепостной мальчик к тому времени, как молодой его барчонок был еще ребенком, становился обыкновенно уже юношей и оставался на всю жизнь его любимым слугой.

Когда родился Фредерик, в замке был в числе прислуги двенадцатилетний паренек, сын герцогского камердинера, по имени Надод, или попросту Над. Герцог выбрал этого мальчика в дядьки своему сыну. Над был мальчик умный, но с самыми дурными наклонностями: жестокий, завистливый, хитрый, с юных лет приучившийся скрывать свои пороки. Отец воспитывал его строго, и потому Над превосходно выучился притворяться, наружно ведя себя самым примерным образом, так что его, бывало, постоянно ставили в пример прочей крепостной прислуге.

В том возрасте, когда люди обыкновенно думают лишь об играх да удовольствиях, Над уже составлял себе планы о том, как он воспользуется доверием к нему молодого барина, подговорит его украсть из кладовой замка большую сумму денег и убежит с ней куда-нибудь далеко, потом пустит эти деньги в оборот и разбогатеет.

Над не был красив, но лицо его было замечательно своим энергичным и умным выражением; у пятнадцатилетнего мальчика голова была характерно развита, как у взрослого; большие, глубокие, зеленоватые глаза, широкий, хотя довольно низкий лоб, крупный нос с широкими ноздрями, крупные губы, сильные челюсти, густые рыжие волосы, падавшие по плечам как грива, придавали виду Нада что-то даже приятное, придавали вид добродушной силы, которая кротка и податлива, когда спокойна, но ужасна и свирепа, когда ее разбудят и раздразнят.

Ко всему этому Надод обладал атлетической силой.

Маленького Фредерика он возненавидел с первого же дня, не будучи в силах свыкнуться с мыслью, что ему, Надоду, весь свой век придется прожить в услужении.

Ребенку пошел пятый год, когда Надод однажды отправился со своим барчонком на берег и сел с ним в лодку, чтобы покатать его по фиорду. Биорны с детства приучались к морю, как и их предки викинги. У выхода из фиорда Надоду встретился чей-то иностранный корабль. Юношу спросили, кто он и откуда. Надодом овладел ложный стыд за свое подневольное положение, и он, сам не зная как, начал врать небылицы, выдумал целый роман о том, как он с братом остались сиротами и с трудом находят себе пропитание, потому что рыбы мало, да и для той почти нет сбыта в здешних местах... Одним словом, он

насказал таких турусов, и так чувствительно, трогательно, что капитан разжалобился и предложил Надоду взять его брата на свое попечение.

В припадке безумия, порожденного затаенною ненавистью, Надод согласился и отдал ребенка...

Когда он опомнился, было уже поздно: неизвестный корабль вышел в море, увозя юную поросль биорнского рода. Три дня после того Над плавал по фиорду, не смея вернуться в замок. Наконец его отыскали и привели в замок, где он с плачем и всеми признаками глубокого горя рассказал, как мальчик наклонился из лодки, упал в воду и утонул.

Гаральд души не чаял в сыне, и месть его была ужасна. Надода приговорили к сотне палочных ударов, а выполнение приговора поручено было Гуттору и Грундвигу.

Такое наказание для мальчика равнялось смертной казни. Доверенные слуги Гаральда привязали голого Надода к скамье и принялись мерно бить его толстыми дубинками, остановившись лишь на сотом ударе.

Перед ними на скамье лежала бесформенная, окровавленная масса, которую и отдали Надодовой матери...

Мальчишка еще был жив, еще дышал. Чудеса материнской заботливости и любви отвоевали его у смерти; после ужасных страданий в течение полугода несчастный стал поправляться и подавать надежду на полное выздоровление, перенеся, однако, тяжкое воспаление мозга.

А гораздо лучше было бы для него умереть. Служители били его как попало, не глядя, куда бьют,— били по голове, по лицу, испортили ему нос, расшибли челюсть, повредили левый глаз. Одним словом, Надод превратился в урода, безобразие которого отталкивало всякого, на всякого наводило ужас.

Когда Надод в первый раз после болезни взглянул на себя в зеркало, он вскрикнул от ужаса и злобы, понимая, что на всю жизнь останется отвратительным страшилищем.

Да, он уже никогда не мог избавиться от этого огромного, выкатившегося, окровавленного глаза!.. В припадке необузданного гнева он схватил нож и хотел перерезать нервы, еще удерживавшие этот глаз, но мать остановила его и упросила не делать этого.

— Ты совершенно права,— согласился он, успокоясь немного.— Пусть этот глаз останется у меня до тех пор, пока я не истреблю последнего из Биорнов. Даю в этом клятву — и исполню ее!

Как только Надод выздоровел, он сейчас же покинул родину и после не давал о себе вестей никому, даже матери. О нем не было ни слуху ни духу, и все в замке думали, что Фредерик действительно утонул. Так как море не выбрасывало его трупа, было решено, что его съели рыбы.

Существовал один признак, по которому Фредерика можно бы было всегда найти, хотя это едва ли могло случиться ввиду всеобщей веры в факт его смерти.

С незапамятных времен в семействе Биорнов существовал старый обычай, легко объяснимый тем авантюристским образом жизни, который был свойствен всем Биорнам. При рождении каждого мальчика отец раскаленною печатью делал ему на груди клеймо в виде норрландского герба. На свете не было ни одного Биорна без этого знака, отсутствие которого равнялось бы непризнанию ребенка законным.

Куда неизвестный корабль увез ребенка, отданного Надодом? В какую общественную среду попал мальчик? Родных его, очевидно, никто не заботился отыскивать, зная из слов Надода, что они простые рыбаки.

С того времени до начала нашего рассказа прошло двадцать два года, и хотя все возможно в нашем подлунном мире, однако до сих пор не случалось ничего такого, что могло бы дать путеводную нить человеку, который принялся бы за расследование действительной участи старшего сына Гаральда Биорна.

Негодяй, сбывший мальчика, сам успел заметить лишь то, что корабль, очевидно, принадлежал какому-нибудь богачу, разъезжавшему для собственного удовольствия, так как он весь был построен из тикового и палисандрового дерева. Вдоль обшивки над бортом была резьба, а на корме стояла прекрасная бронзовая статуя женщины, державшей в руках лебедя. Над головой у женщины — это тоже заметил с удивлением молодой слуга — видны были четыре буквы, означавшие, очевидно, имя корабля. Однако, не умея читать, Надод не разобрал, какие это буквы.

Принимая в соображение господствовавшую в то время моду на все мифологическое, затем статую с лебедем и четыре буквы, мы полагаем, что не будет ошибкой предположить, что статуя изображала Леду и что таково же было имя корабля. Впрочем, это открытие имело бы большую цену, будь оно сделано вскоре после того, как корабль посетил розольфские воды, но через двадцать два года оно, конечно, уже не может иметь никакой цены.

Каково бы ни было общественное положение, в котором оказался впоследствии Фредерик, важно то, что ему не суждено было ни в каком случае вернуться в недра родной своей семьи, о которой он, за тогдашним своим малолетством, не мог сохранить никакого воспоминания.

В часовне замка ему поставили надгробный памятник рядом с монументами предков. Старый Гаральд, не чаявший в своем первенце души, никогда не мог утешиться в его смерти и часто приходил плакать над маленьким мавзолеем.

У Гаральда Биорна была еще дочь Елена, выданная замуж за графа Горна, командовавшего дворянским гвардейским полком в Стокгольме и бывшего таким образом одним из первых персон в шведском королевстве.

Таковы были последние представители старинного рода герцогов Норрландских, дружинников Роллона и Сигурда, давших Швеции двух королей.

Этот род был единственной уцелевшей герцогской фамилией, выводившей свой род от Одина и Сканда, вождей индоскандинавской эмиграции. Биорны сохранили свою независимость до конца XVIII века, то есть до тех пор, пока не погиб последний представитель их рода, что случилось при обстоятельствах в высшей степени драматических и таинственных.

В самом деле, весьма любопытна судьба этих молодых людей, которые, едва не добившись установления в Швеции древней династии Биорнов, погибли в льдах Северного полюса, как будто последним представителям этой могучей расы было мало обыкновенного савана, а понадобился огромный саван вечного снега.

Эти события и составляют предмет нашего рассказа. Они очень похожи на легенду, а между тем состоят из исторических фактов, относящихся не далее как к концу прошедшего века.

IX

Таинственный незнакомец.— Отчаянный крик в скоге.— Нападение медведя.— Совиный крик в необычное время

В тот вечер, когда «Ральф» так упорно боролся с разъяренным морем, грозившим его поглотить среди опасных рифов норвежского берега, буря свирепствовала и на суше, хотя и не с такой яростью.

Незадолго до заката солнца пожилой человек лет шестидесяти, с гордым барским лицом, с манерами человека, привыкшего повелевать, вышел из Розольфского замка на опущенный для него подъемный мост.

На старике был надет черный бархатный камзол и короткие, бархатные же, панталоны. Тонкие ноги его были обтянуты шелковыми чулками модного в то время цвета испанского табака и обуты в низкие, открытые башмаки. Костюм дополняла шапочка из меха черно-бурой лисицы с ярко сверкавшим бриллиантом с голубиное яйцо величиной и ценностью миллиона в два ливров, а сбоку висел, как знак высокого сана, короткий и широкий норвежский меч, рукоять которого была осыпана драгоценными камнями.

Этот старик, одетый с такой пышной простотой, был не кто иной, как Гаральд XIV, герцог Норрландский, глава биорнского рода. С тревогой посмотрев на погоду, он приложил к губам золотой свисток, висевший на такой же цепочке, прикрепленной к пуговице камзола, и резко свистнул. Свист этот гулко повторили сумрачные своды замка.

Почти моментально появился слуга.

— Где мои сыновья, Грундвиг? — спросил владелец замка.— В такую погоду, в такой сильный ветер неужели они плавают по морю? Не может быть!..

— Ваша светлость,— залепетал слуга,— разумеется, они не позволят... я полагаю, что нет... впрочем, припоминаю, они изволили отбыть в ског на оленью охоту.

— Нескладно рассказываешь, Грундвиг: путаницу несешь,— строго заметил герцог.— Сказывай правду: где молодые господа?

— Ваше высочество! Надо полагать, они меня провели, намекнув, что едут в ског охотиться, потому что «Сусанны» нет в фиорде.

— Ах, они безумцы, безумцы!.. Вечно в море, во всякую погоду! Уж проглотит оно их когда-нибудь, как проглотило их дядю Магнуса.

— Моих советов они не изволят слушать,— с горечью произнес старый слуга,— и лишь сторонятся меня все больше и больше. Бывало, ни шагу без меня не делали, а теперь говорят, что для мореплавания я слишком стар...

Верный Грундвиг смахнул навернувшуюся слезу и продолжал с усилием:

— Умоляю вас, ваша светлость, не поручайте мне больше

руководить ими. Мне с ними не справиться. Извольте сами посудить: погода ужасная, мальстрем, наверное, развоевался, а они в море — и я не с ними, не могу помочь им своею опытностью. Если с ними случится беда, я не переживу... О, ваша светлость! Ради самого Бога, запретите вы им сами так шутить с опасностью... Когда я не буду больше мешать им своими советами, они станут обращаться со мной по-прежнему и я буду сопровождать их всюду, как Гуттор... Счастливец!

Грундвиг мог говорить сколько угодно в этом тоне: герцог все равно не обращал внимания на жалобы своего старого слуги, горе которого было тем сильнее, что он завидовал своему товарищу Гуттору. Оба они не расставались с молодыми барчатами с самой их колыбели и были очень любимы ими. Когда молодые люди были на службе во Франции, Гуттор и Грундвиг находились безотлучно при них. С некоторых пор Гаральд приказал Грундвигу наблюдать за Эдмундом и Олафом, чтобы они не подвергали себя так часто опасности. Молодым людям это не понравилось. Почтительные увещания Грундвига надоели им, и они стали от него скрывать свои поездки по морю в дурную погоду. Гуттор, напротив, постоянно был с ними.

Покуда Грундвиг произносил свои жалобы, старый герцог бормотал про себя с гордостью:

— Да, сейчас видно потомков древних викингов, которые царствовали здесь много веков. С ними случится лишь то, что угодно Богу: никто своей судьбы не избежит...

Последние слова Грундвига он, однако, расслышал.

— Я не могу,— возразил он,— запретить моим сыновьям эти поездки по морю, потому что если я приказываю, то всякий должен повиноваться.— При этих словах лицо герцога приняло суровое выражение.— Да и, наконец, я вовсе не против того, чтобы они упражняли в себе энергию духа и тела: ничто так не закаляет человека, как борьба с морем. Мне бы только хотелось, чтобы они вели себя поосторожнее и без надобности не рисковали бы жизнью... Тебе, Грундвиг, мои планы известны; ты знаешь, какую роль призваны играть эти благородные принцы. Приближается время, когда от них потребуются и смелость, и энергия. Мне именно и хотелось всегда, чтобы эти качества в них как можно больше развились. Поэтому я возвращаю тебе свободу действий. Сопровождай их всюду — и в море, и в степь, руководи ими, умеряй их пыл и постарайся, чтобы семье нашей не пришлось опять надеть траур. Помимо той высокой

участи, которая их ожидает, попомни, что отец их двадцать два года оплакивает своего малютку сына и не перенесет новой потери.

— Никогда я не верил в смерть вашего сына, ваша светлость,— возразил Грундвиг, качая головой.

— Ты опять за старые бредни?

— Нет, ваша светлость, это не бредни... Надод плавал, как рыба, в тот день море было совершенно спокойно. Никогда бы не дал он дитяти утонуть и уж, во всяком случае, выловил бы его труп. Извольте также припомнить, что у входа в фиорд видели тогда какой-то чужой корабль.

— Ну, да, я знаю, ты ведь сочинил по этому поводу целый роман. Но я помню только, что Нада допрашивали и его родители, и я сам. Ему было обещано прощение и даже огромная награда, а между тем он твердил свое: мальчик упал в воду и пошел ко дну, я не успел его поймать. Почему бы ему не сказать правду?.. Может быть, я наказал его слишком строго, но ведь ему запрещено было брать Фредерика в море... Я и мать чуть с ума не сошли тогда от горя... Не будем больше об этом говорить, Грундвиг: старая рана и до сих пор у меня не зажила и болит при малейшем прикосновении.

— Извините меня, ваша светлость, но я никогда не перестану так думать — до самой смерти. Вот уже двадцать два года я ищу по всему свету, ищу всякий раз, когда получаю от вашей светлости отпуск, и буду это делать до последнего вздоха. Верьте мне, ваша светлость, это последнее мое слово, и я, из уважения к вам, никогда больше говорить не буду,— но я убежден, что Надод отправился за наградой, потому что многим было выгодно уничтожить мужское потомство герцогов Норрландских. Разве теперешняя шведская династия может забыть, что вы происходите от древних королей и что на сейме голштинская партия одержала верх над биорнской всего только большинством пяти голосов?.. Нет, ваша светлость, как вам угодно, но мальчика украли и воспитали где-нибудь в низкой доле, надеясь, что его никогда не отыщут... Но только ведь у него есть на груди ваш биорнский знак...

— Если бы твои предположения были хоть сколько-нибудь основательны,— перебил герцог,— то ведь и после того, наверное, делались бы попытки украсть и прочих моих сыновей...

— А вы разве уверены, ваша светлость, что таких попыток не было?

— Ты что-нибудь знаешь такое, чего мне не говорил,— сказал герцог, вдруг побледнев, как мертвец.

— Спросите, сударь, у Гуттора,— отвечал зловещим тоном слуга.— Вода фиорда не возвращает шпионов, которых в нее бросают.

Герцог вздрогнул.

Тем временем буря усилилась. Сделалось еще темнее. Ночь наступила окончательно. Вдали слышен был рев моря.

— Какая ужасная ночь! — вздохнул герцог.— Как только вспомню, что они отправились на самом легком из наших кораблей!..

— Это очень хорошо, ваша светлость, что на самом легком,— заметил Грундвиг.— «Сусанна», как пробка, может легко взлететь на самую высокую волну и безопасно спуститься. Кроме того, ваша светлость, не извольте думать, что ваши сыновья пустятся в плавание при такой погоде: они слишком для этого хорошие моряки. Наверное, они укрылись в каком-нибудь фиорде.

— Дай Бог, Грундвиг, дай-то Бог!

Вдруг Черный герцог вздрогнул: ему послышался вдали как бы слабый звук рога.

Что это такое? Сигнал или просьба о помощи?

Герцог прислушался. Тот же звук послышался опять несколько раз, но хорошо расслышать еще нельзя было.

— Это, должно быть, пастух, сзывающий рассеянное бурей стадо,— заметил Грундвиг.

— Нет, вернее, это кто-нибудь погибает в скоге,— возразил герцог, подумав несколько минут.— Слышишь, звук не делается ни тише, ни громче. Это значит, что кто-то не решается идти ни вперед, ни назад.

Вдруг раздался выстрел, за ним сейчас же другой. Потом все стихло.

На этот раз сомневаться было нельзя. Очевидно, в степи кто-то погибал и звал отчаянно на помощь.

— Скорее на коня, Грундвиг! Вели Гаттору взять четверых вооруженных людей и ехать с нами.

Меньше чем через три минуты Гаральд и его свита, пригнувшись к шеям своих коней, чтобы представлять как можно меньше сопротивления ветру, мчались в ту сторону, откуда слышались сигналы.

Ночь была так темна, что впереди ничего нельзя было разглядеть, и только благодаря привычным к степи лошадям всад-

ники могли совершить подобную экспедицию. Благородные кони, воспитанные в приволье скога, быстро неслись по густой степной траве, как по самой гладкой дороге.

Всадники вскоре услыхали радостный крик и увидали высокого человека, который стоял возле своей лошади и тщетно старался успокоить ее, так как она испуганно билась.

Грундвиг сейчас же узнал того таинственного незнакомца, который в последнее время несколько раз появлялся на короткое время в Розольфсе.

Увидав его, Черный герцог сделал ему чуть заметный знак и, быстро повернувшись к свите, произнес своим отрывистым, повелительным голосом:

— Гаттор, поезжай домой со своими людьми. Мне вы больше не нужны.

Конвой моментально повернул коней и скрылся в ночной темноте.

— Черт возьми! — сказал незнакомец, узнав Гаральда и Грундвига.— Вы поспели очень кстати, хотя чуть-чуть не опоздали... Вот, посмотрите.

При свете фонаря, который они с собой захватили, Гаральд и Грундвиг увидали в нескольких шагах от себя громаднейший экземпляр пещерного медведя, которые изредка попадаются в Северной Норвегии и Швеции до сих пор. Он лежал в луже дымящейся крови и, очевидно, только что издох.

— Ловкий удар! — сказал Гаральд, рассматривая кинжал, вонзенный по самую рукоятку в грудь зверя.— Вы счастливо отделались: ведь эти медведи необыкновенно свирепы и сильны.

— Я рассчитывал приехать в замок еще засветло,— продолжал незнакомец,— но меня застигла буря, и я заблудился в степи, время от времени подавая сигналы рогом в надежде, что из замка их услышат. Вдруг лошадь моя остановилась и, как я ее ни понукал, ни за что не хотела идти. В темноте я услыхал глухое рычание и понял, в чем дело. Моментально я спрыгнул на землю, зажав в руке свой широкий норвежский кинжал. Увидав прямо перед собой темную массу, я отпрыгнул в сторону и всадил медведю кинжал в самую грудь. Зверь упал, и я добил его двумя выстрелами из пистолета.

— Узнаю молодца Анкарстрема!

— По совести говоря, герцог, я не заслуживаю похвалы. Ведь что же мне было больше делать? Отступать нельзя было, приходилось защищать свою жизнь волей-неволей. Мне даже

раздумывать не было времени: все кончилось в какие-нибудь две секунды.

— Вот этому-то хладнокровию и этой находчивости я и радуюсь в тебе, Анкарстрем. Ты человек незаменимый... Какие новости ты мне привез?

— Очень важные, герцог... Можно ли говорить?

— В степи никого нет, услыхать некому.

— Но мы не одни.

— Это мой верный Грундвиг. От него у меня секретов нет.

— Чаша терпения переполнилась, герцог. Время действовать наступило. Народ изнемог под тяжестью налогов и не хочет их платить. Не довольствуясь попранием дворянских привилегий, Немец, занимающий трон Биорнов и Ваза, распустил дворянский гвардейский полк, которым командовал ваш зять граф Горн. До той минуты граф был в числе нерешительных, но теперь примкнул к национальной лиге.

— Не может быть!

— Я вам привез доказательство.

— А как армия?

— Армия ждет только сигнала...

— Ваша светлость,— вмешался Грундвиг,— не разговаривайте здесь, послушайтесь старого слуги! Есть вещи, которых не следует доверять даже ветру, дующему в степи. Вспомните Сверра и Эйстена, умерших на эшафоте... Вспомните вашего родителя, павшего под ножом неизвестного убийцы!

— Ну, кто отважится прийти в ског в такую ночь? — отвечал Черный герцог.— Слышишь, какой вой там вдали? Это волки. Они растерзают всякого шпиона, который осмелится забраться в ског. Они — самые надежные охранители Розольфского замка.

— Это верно, ваша светлость, но я сегодня ночью слышал какие-то странные звуки... Да вот, извольте прислушаться сами.

Со стороны моря послышался какой-то жалобный крик.

— Изволили слышать? — спросил, понизив голос, Грундвиг.

— Так вот какие звуки тебя беспокоят, Грундвиг! Крик белой совы!

Едва герцог произнес эти слова, как другой такой же крик, словно в ответ первому, раздался вдали откуда-то слева.

— Это довольно странно,— задумчиво произнес Гаральд.

— Тем страннее, ваша светлость, что белая сова летом улетает от нас в Лапландию.

— Есть над чем думать! — продолжал, помолчав немного, герцог.— Это какая-нибудь запоздавшая пара. Вот они и перекликаются ночью... Во всяком случае нам нужно вернуться домой: я горю нетерпением узнать поскорей новости. Отложим, Анкарстрем, разговор до более удобного момента. В стенах замка можно будет говорить уже вполне безопасно: оттуда ничто не выйдет наружу.

— Так-то лучше, ваша светлость,— сказал Анкарстрем и прибавил, понизив голос: — Немец догадывается, что недовольные вспомнили о Биорнах, и потому нет ничего мудреного, если он разослал всюду шпионов. Негодяй Гинго, его друг и наперсник, организовал их целую армию. Я вам советую, герцог, быть осторожнее.

— На коней! — сказал Гаральд, сознавая справедливость всех этих доводов.— Едем домой.

Действительно, несмотря на малую вероятность того, что посторонние люди могли забраться в ског, все-таки лучше было пока не продолжать этого важного разговора.

Между тем буря дошла до самого сильного разгара. Ветер проносился по степи с такой силой, что всадники вынуждены были крепко прислоняться к лошадям, чтобы не быть опрокинутыми наземь.

— И в такую погоду мои сыновья в море! — сказал Гаральд.

— Может ли это быть, ваша светлость?

— Ах, Анкарстрем, ты их еще не знаешь, но завтра я тебя с ними познакомлю. Им любо среди бушующих волн и рева бури; настоящие викинги...

Тут герцогу вспомнился страх своего доверенного слуги, он рассмеялся и сказал:

— Едем же, едем скорее, а то мой храбрый Грундвиг боится сов.

— Господин мой! — мрачно возразил Грундвиг.— Тридцать пять лет тому назад была точно такая же ночь и точно так же у меня было предчувствие, что в скоге происходят странные вещи. Так же точно кричали зловещие птицы... Ваш родитель, благородный герцог Эрик, не послушал меня тогда и уехал на охоту, а домой его привезли пронзенного семью кинжалами.

— Это правда,— печальным тоном произнес Черный герцог,— и смерть его еще не отомщена, несмотря на данную мной клятву.

X

По дороге в замок.— Два соглядатая.— Трумп и Торнвальд.— На берегу фиорда

Три всадника стрелой полетели в замок Розольфсе.

Дорогой они почти не разговаривали между собой, но, приближаясь к замку, старый герцог все-таки не утерпел и, наклоняясь к скакавшему рядом с ним Анкарстрему, сказал тихим голосом:

— Я опять принялся за свое старинное занятие, и недавно мне удалось открыть то, чего в шутку просил у меня мой зять граф Горн.

— А чего он у вас просил?.. Беззвучного пороха и безударного пистолета?.. Да?

— Вот именно.

— Вы изобрели такой порох и такой пистолет?

— Да.

— Ну, теперь, Немец, берегись!

— Я думал, что заговорщики удовольствуются его отречением.

— Нет. Слишком уж много крови им пролито.

— Послушай, неужели ты?..

— Да, мне достался жребий!..

Положив руку на круп Гаральдовой лошади, гигант Анкарстрем наклонился к самому уху Черного герцога и шепотом продолжал:

— Дни Немца сочтены. В насмешку над дворянством он через две недели дает костюмированный бал-маскарад, на который приказано явиться всем дворянам. Графу Горну будет одному известен тот костюм, в который нарядится король. Граф укажет мне на него тем, что подойдет к королю и скажет: «Здравствуй, прекрасная маска!» После этих слов Немец падет мертвый.

— Убийство! — с отвращением прошептал Гаральд и вздрогнул.

— А вашего отца разве не убили, не заманили в гнусную западню? Разве кровь нашего лучшего дворянства не вопиет к небу о мщении?

Точно сговорившись, герцог и Анкарстрем задержали своих коней и поехали тише.

— Я сомневаюсь, чтобы мои сыновья согласились принять участие в заговоре, имеющем целью...

— Тише, ради Бога! — вскричал Грундвиг, все время бывший настороже.

Словно в подтверждение его опасений шагах в двадцати от всадников снова раздался где-то в темноте крик белого филина. Черный герцог невольно вздрогнул. Теперь и ему самому показался странным этот крик зловещей птицы полярных ночей.

— О, чтоб тебе черт шею свернул, проклятая птица! — выбранился Анкарстрем.

— Это не птица,— пробурчал Грундвиг, которого невозможно было разубедить в том, что он однажды вбил себе в голову.

И, не дожидаясь приказа, старый слуга громко затрубил в рог, давая знать в замок о прибытии своего господина.

До замка было уже недалеко. Всадники отдали поводья своим коням, и кони, подстрекаемые утренним холодком, живо умчались в Розольфсе.

Едва успел снова подняться, пропустив приезжих, опускной мост, как из кустов, группами разбросанных по долине, выскочили какие-то два человека и со всех ног побежали к берегу моря.

— Какая неосторожность,— сказал один из них.— А Сборг ведь особенно наказывал нам не делать ничего такого, что могло бы возбудить подозрение в жителях замка.

— Ну, вот! Мне только хотелось поинтриговать немножко этого старого плута Грундвига,— отвечал другой.— И это мне, ты сам видел, удалось.

— Да, удалось... навести его на наш след. И добро бы ты не знал, что это за человек! С ним шутить опасно... Впрочем, что ж? Я тут ни при чем и умываю руки, но предупреждаю тебя, что если дело примет другой оборот, то уж ведайся с разгневанным Сборгом сам, как знаешь.

— Честное слово, дружище Трумп. Ты слишком все преувеличиваешь. Поверь, ничего из этой шутки не выйдет... К тому же мы несем Сборгу такие интересные вести, что он не прогневается на нас за небольшие отступления от его приказа. Да, наконец, все отлично умеют подражать крику белого филина, перья которого очень ценятся, так как идут для офицерских плюмажей. Поэтому Грундвиг самое большее может заподозрить, что какие-нибудь неизвестные охотники охотились в скоге на белых филинов и, чтобы приманить их, подражали их крику.

Видно, что ты нездешний житель, иначе это было бы тебе известно.

— Ну, да уж ладно, ладно... У тебя на все найдется ответ, Торнвальд.

— Да, наконец,— кто знает? — быть может, твой Сборг утонул нынче ночью вместе с проклятым капитаном Вельзевулом.

— Ты все балагуришь, Торнвальд. Смотри, не накличь этим беды на себя!

— Это только значит, Трумп, что у меня веселый характер. Проживи ты с мое — и сам убедишься, что в жизни ни к чему не стоит относиться серьезно. Это и почтенный Пеггам говорит... Шестьдесят уж лет подряд он ворует, грабит, режет, душит — и все с улыбочкой да со смешком... Ты у нас еще новобранец, Трумп, потому тебя и прикомандировали ко мне, травленому волку, учиться уму-разуму. Чтобы научиться работать как следует, тебе придется расстаться со многими иллюзиями. Знай, во-первых, вот что: всякий, вступающий в общество «Грабителей морей», должен каждую минуту быть готовым ко всяким мукам и ко всякому роду смерти. Всеми этими любезностями грозят тебе люди, не разделяющие образа мыслей нашего уважаемого товарищества и не одобряющие его поступков. Быть ко всему готовым — самое лучшее средство беспечально пройти долину слез, как называет земную жизнь все тот же почтенный Пеггам... Все это, Трумп, я говорю тебе в назидание. Знай также, что я вовсе не шутил, когда говорил, что Сборга, нашего знаменитого начальника, мы, быть может, уже не увидим. Ты не моряк и не понимаешь всей силы того урагана, который бушевал нынешнею ночью, да и теперь еще не совсем утих. Если буря подхватила «Ральфа» и унесла в мальстрем, что весьма вероятно, то никакая сила не могла спасти тех, кто был в это время на бриге.

— Ты меня пугаешь.

— Нечего пугаться,— продолжал старый бандит.— Вся жизнь состоит из счастливых и несчастных случайностей. Впрочем, если случится так, как я говорил, то я приду к окончательному убеждению, что замок Розольфсе охраняют какие-то странные чары. Ведь это будет уже третья неудавшаяся экспедиция против миллионов, спрятанных в замковых погребах. Почтенный Пеггам способен будет, пожалуй, умереть от огорчения: он до такой степени был уверен в успехе, что даже посадил на «Ральфа» своего доверенного человека, желая оградить свою долю добычи от захвата со стороны прочих товарищей.

— Как! Этот старый болван Ольдгам, воображающий, что его везут в Океанию!.. Неужели ты про него говоришь?

— Про него самого.

— А я думал, что капитан Ингольф случайно похитил его, чтобы привести в порядок счетоводство на бриге.

— Капитан и сам так думает, но эту мысль ему внушил Красноглазый по уговору с Пеггамом, и почтенный Ольдгам, нарочно посланный своим хозяином, очутился как раз на том берегу, где его подстерегал Ингольф. У старого нотариуса были, кроме того, еще и другие причины сплавить этого дурака, который, разумеется, никогда не увидит больше ни родины, ни семьи. Пеггам подозревает, что его клерк был свидетелем одного совершенного им несколько лет назад отчаянного преступления. Хотя Ольдгам до сих пор ничем не обнаруживал, что он что-нибудь знает, однако нотариус, из предосторожности, решил на всякий случай упрятать его подальше.

— Из-за чего так хлопочет старый злодей? Ведь у него и без этого преступления много других черных дел на душе... Не все ли равно — одним больше, одним меньше?

— Это верно, но ведь Пеггам, собственно говоря, не замешан прямо ни в одном из дел товарищества «Грабителей». Он всегда действовал так ловко, что под него нельзя было подточить иголки. Разве только Красноглазый, наш Сборг, мог бы, пожалуй, вывести его на чистую воду, да и то вряд ли. В Англии он пользуется репутацией безукоризненного человека.

— Все это очень странно.

— Подожди, увидишь и не такие странности... Но сегодня я ничего тебе не могу больше сказать. Впоследствии я расскажу тебе о таких делах, что у самого храброго волосы на голове станут дыбом... Для меня это вопрос жизни и смерти. Мы находимся в руках общества, девиз которого — повинуйся и молчи. Если узнают, что я тебе рассказал даже это немногое — я пропал. Помни это... Итак, заданное нам дело исполнено. Все наши молодцы расставлены на назначенных местах и снабжены провиантом на три дня, а в замке никто ничего не заметил. Если и теперь Красноглазый не будет доволен, то чем же ему после этого угодить?.. Не говоря уже о том, что мы подглядели, как в Розольфсе приехал незнакомый посетитель.

Так разговаривая, Трумп и Торнвальд дошли до берега фиорда, предполагая следовать им до того места, где назначил бандитам свидание их начальник Надод, высадивший их пять дней тому назад, вместе с десятком других таких же негодяев,

близ Нордкапа и поручивший им одно секретное дело, результаты которого мы читателям не замедлим сообщить.

День давно уже настал, а бандиты продолжали быстро идти, то и дело огибая встречавшиеся на пути утесы. Вот уже вдали показалась голубая полоса моря. Вдруг, на одном из изгибов берега, они очутились прямо на виду у красивой шхуны, быстро шедшей вверх по каналу под попутным ветром. За шхуной следом шел большой корабль с высокими мачтами, в котором бандиты сейчас же узнали «Ральфа»... Разбойничий бриг вступил в Розольфский фиорд под руководством «Сусанны».

— Спрячься скорее! — сказал Торнвальд своему товарищу, ложась ничком на землю за утесом.— Нехорошо, если со шхуны нас увидят.

Трумп сделал так, как велел ему товарищ, а Торнвальд радостно продолжал:

— Ну, теперь розольфские миллионы, много веков хранившиеся в погребах, от нас не уйдут. Однако я не могу понять, каким чертом удалось этому Сборгу попасть на буксир шхуны, принадлежащей замку?..

XI

Красноглазый и Вельзевул.— Стокгольмский острог.— Ложный пастор.— Переодевание.— Двадцать второй побег

Между тем как оба корабля спокойно шли по Розольфскому фиорду, Ингольф, как помнит читатель, велел позвать к себе Надода, имея надобность поговорить с ним несколько минут. Не зная, что предпринятая сообща экспедиция близится к цели, он намеревался предупредить Надода о неожиданной задержке, вызванной приглашением, полученным от Эдмунда и Олафа. Зная вспыльчивый характер своего сообщника, Ингольф намеревался привести ему все доводы в оправдание своего поступка. Со своей стороны Надод, еще не опомнившийся от сюрприза, преподнесенного ему открытием того обстоятельства, что спасители «Ральфа» — сыновья ненавистного врага, которому он всю жизнь собирался мстить, с тревогой спрашивал себя, согласится ли теперь Ингольф, при своих рыцарских свойствах, помогать Надоду в его мщении? Это было сомнительно, а между тем без помощи Ингольфа Надод ровно ничего не мог сделать. Ни один матрос на «Ральфе» не пойдет против своего капитана. Если б у Надода было время, то он мог бы рассчитывать, что постепенно ему удастся переманить экипаж брига надеждой на несметную

добычу, но в том-то и беда, что времени не было. Надо было действовать быстро, иначе все пропадало. Но попробуй только Надод начать происки против Ингольфа, тот при малейшем подозрении застрелит его, как собаку...

Когда пришел посланный от Ингольфа, Красноглазый и без того уже находился в самом тревожном настроении духа, а тут его тревога еще возросла. Нужно было сразу решиться на что-нибудь, а между тем, на случай неуспеха, у Надода еще ничего не было придумано. Чтобы выиграть время и на чем-нибудь остановиться, Надод через того же посланного попросил Ингольфа отложить разговор до вечера, сказав при этом, что и сам он, Надод, со своей стороны, тоже хочет поговорить с Ингольфом, имея сообщить ему много очень важных вещей.

Сам не подозревая всей важности предстоящего разговора, Ингольф отвечал, что ему все равно, когда ни поговорить, и успокоенный Надод улегся в свой гамак, получив возможность на свободе обдумать и обсудить дело со всех сторон.

Во всяком случае, он решил идти на всякую крайность, лишь бы не выпускать из рук предоставившуюся возможность отомстить. Одну минуту он даже думал взять всю экспедицию в свои руки, устранив Ингольфа, но потом сообразил, что Ингольф ни за что не отдаст ему под команду сколько-нибудь значительную часть экипажа, без чего дело не могло выгореть... В конце концов Надод решил сказать Ингольфу все прямо, рассчитывая, что капитан пиратов не устоит против заманчивого соблазна одним ударом достигнуть главной своей цели. Пора, однако, объяснить, каким образом Надод и Ингольф сошлись так близко, какие обстоятельства их свели. Читатель, конечно, уже понял, что Надод Красноглазый — не кто иной, как бывший розольфский крепостной, убежавший из замка после перенесенного ужасного наказания. Со времени бегства он повел такую жизнь, которая очень скоро довела его до тюрьмы, где он довершил свое воровское образование и после отбытия наказания сделался ужасом всего Стокгольма. По выходе из Эльсинорского острога он навербовал целую шайку мошенников и ловко распоряжался действиями ее, но по доносу одного из своих подручных, подкупленного полицией, был пойман и приговорен к каторжным работам. Когда его привели на эшафот и палач обнажил его могучие плечи, чтобы наложить установленное клеймо, Надод вдруг встряхнулся и сбежал с помоста, так что его потом лишь с большим трудом укротили при помощи целого взвода солдат.

С этого дня безобразный урод поклялся в непримиримой ненависти к обществу и скоро прославился такими бандитскими подвигами, в которые можно бы, пожалуй, и не поверить, если б о них не свидетельствовали официальные судебные документы.

Двадцать два раза бегал Надод из острогов и тюрем Швеции, обращая в ничто все чрезвычайные предосторожности, принимаемые для того, чтобы помешать его бегству. Всякий раз его ловили опять, потому что исключительная наружность мешала ему скрыться, и снова он совершал более или менее ловкий побег. Сначала он только крал и грабил, но в конце концов озлобился настолько, что поклялся отомстить судьям, беспрестанно его осуждавшим. И вот в одно прекрасное утро Стокгольм был взволнован ужасной вестью: Надод опять убежал из острога и вместе с тем пять судей, заседавших в то время, как разбиралось его последнее дело, найдены были зарезанными в своих постелях.

С этого дня его никто больше не видал, но страшная рука его чувствовалась во всех дерзких кражах, грабежах и убийствах. Полиция всех государств Европы безуспешно старалась отыскать его.

Затеяв свой последний побег, Надод притворился, что у него паралич всей левой половины тела, и пролежал целый месяц, не шевеля ни левой рукой, ни ногой и ужасным образом скривив левую сторону лица. Роль свою он сыграл с таким совершенством, что тюремный врач поддался на обман и объявил, что второй такой удар избавит общество навсегда от опасного врага. Накануне побега Надоду было, по-видимому, особенно плохо, так что для него призвали пастора. Тут произошла интересная сцена между пастором и притворно умирающим.

— Зачем вы пришли смущать меня в последние минуты моей жизни? — едва внятно пролепетал Надод.

— Раскайся, сын мой,— ласково отвечал пастор,— искреннее раскаяние искупает всякий грех.

— Говорят вам, убирайтесь вон! — с гневом прошептал больной.— Я вас не звал. Зачем вы пришли?

Тогда пастор попросил позволения остаться с умирающим с глазу на глаз. Начальству было доложено, и оно разрешило сторожам, не уходившим из камеры Надода ни днем, ни ночью, выйти на некоторое время.

— Сын мой, отчего ты не хочешь раскаяться? — спросил пастор, когда остался с Надодом наедине.

— Послушай, говорят тебе, убирайся! — отвечал, начиная выходить из себя, закоренелый злодей.

— Потише, Надушка, потише! — сказал пастор несколько громче.— Шпионов нет, незачем притворяться.

— Кто же ты такой? — вскричал удивленный разбойник.

— Тебе какое дело? — отвечал мнимый пастор.— Меня к тебе послали...

— Кто послал?

— Не знаю.

— Стало быть, ты шпион.

— А ты глупец.

Надод покраснел от гнева.

— Ну, ну, не сердись,— продолжал неизвестный.— Если ты считаешь меня шпионом, зачем же ты все время шевелишь левой рукой, которая у тебя будто бы в параличе?

— И то правда,— заметил сконфуженный Надод.

— Если б я был шпионом, мне бы не о чем было с тобой говорить, и я бы ушел. Но я останусь, чтобы исполнить данное мне поручение.

Неизвестный вытащил из-под рясы какой-то сверток и продолжал:

— Спрячь под постель. Тут все нужное для побега. И запомни то, что я тебе сейчас скажу. «Грабителям морей» нужен человек твоего закала. Хочешь командовать людьми, которые будут исполнять всякое твое приказание, переносить всякую пытку, не выдавая своих братьев, и с улыбкой всходить на эшафот?

— О! С такими людьми я переверну весь мир!

— В таком случае, как только освободишься, поезжай в Англию, в город Чичестер, спроси там нотариуса Пеггама и скажи ему: «Я тот, кого ждут...»

И, не меняя тона, мнимый пастор вдруг прибавил без всякого перехода:

— Да будет с тобою мир, сын мой!

Бандит слегка повернул голову и понял: дверь в это время отворилась и посетителю снова пришлось взяться за роль пастора.

Вошедший сторож объявил, что срок, назначенный для свидания, прошел. Пастор встал и простился с умирающим.

— Ночи не проживет,— тихо произнес он в дверях и вздохнул с сокрушением.

XII

Сестра милосердия.— На свободе.— Подвиги «Грабителей».— Олаф и Эдмунд случайно являются свидетелями ужасной драмы

Предсказание мнимого пастора оправдалось: Надод действительно не прожил этой ночи в тюрьме.

По тюремным правилам освещать камеры полагалось только от семи до десяти вечера, а между тем зимой в шесть часов бывает уже совсем темно. Сторожа на минуту вышли зачем-то из камеры, а Надод этим воспользовался и развернул принесенный ему пастором сверток. В свертке оказалась бритва и костюм сестры милосердия.

— Вот оно, оружие о двух концах! — произнес бандит, улыбаясь зловещей улыбкой.

Сначала он подумал воспользоваться сном сторожей, перерезать им обоим горло и убежать, но вспомнил, что ему придется идти через гауптвахту, а уж там его, конечно, не пропустили бы. Тогда Надод придумал другое средство, которое именно и удалось благодаря своей крайней дерзости. Быстро обрив себе бороду, он, покуда не пришли сторожа, надел на себя платье сестры милосердия, затем сделал чучело, которое положил вместо себя на постель, а сам встал на колени, как будто на молитву. В камере было темно настолько, что обман не бросался в глаза.

— Вот тебе раз! — сказали в один голос оба сторожа, как только вернулись.— Сюда кто-то пришел!

Они подошли ближе и увидали одну из сестер общины милосердия.

— Кто вас сюда пропустил, мать честная? — с удивлением спросил один из сторожей.

Они уже привыкли к посещению сестер милосердия, этих достойных, уважаемых женщин и девиц.

Надод отвечал самым тихим шепотом, чтобы лучше изменить свой голос:

— Сам господин директор по рекомендации того пастора, который навещал узника. Господин пастор полагает, что я могу усладить последние минуты несчастного, но только узник принял меня дурно, с разным богохульством и, отвернувшись к стене, объявил, что не станет мне отвечать ни слова, так как ни в каких моих заботах не нуждается.

— Как он сказал, так и сделает, матушка,— отвечал сторож.— Я уверен, что вы не знаете, к кому вас прислали?

— Нет,— чуть слышно ответил робкий голос сестры милосердия.

— Это знаменитый разбойник и убийца Надод Красноглазый,— продолжал особенно значительным голосом сторож.— Он уж двадцать один раз бегал из острогов и тюрем и, когда его привели к нам сюда, насмешливо сказал нам: «Меньше чем через месяц я убегу отсюда, и это будет мой двадцать второй побег». Он мог бы прибавить — и последний, так как теперь ему, как надо полагать, придется волей-неволей удалиться из этого мира.

— На его хвастовство,— вмешался другой сторож,— мы ответили ему тогда же, что во всяком случае он не уйдет отсюда живой. Знаете, сестра, таких разбойников, как Надод, нельзя запереть ни на какой замок. Одно средство устеречь их — это не спускать с них глаз ни на одну минуту.

— Я полагаю, что мне здесь совершенно нечего делать,— сказала сестра милосердия.— Мое присутствие неприятно ему.

— Мы то же самое думаем,— отвечал первый сторож,— потому что вы от него ничего не добьетесь. Раз он поклялся, он уж ни слова не произнесет. Ступайте с Богом. Один из нас проводит вас, так как вам непременно нужно будет пройти через гауптвахту. Да, нелегко отсюда выбраться узнику... Отсюда еще ни один из них не выходил иначе как в деревянном ящике.— Эти последние слова были сказаны с грубым смехом.— Ступайте, сестра, я вас провожу, а Иогансон останется здесь.

Услыхав эти слова, Надод с облегчением перевел дух. Во время этого разговора у него на лбу стояли капли холодного пота. Ночь между тем надвигалась, становилось все темнее и темнее. Вздумай кто-нибудь случайно зажечь лампы на четверть часа раньше — и он бы погиб. Степенно, неторопливо сторож выбрал из связки большой ключ, отпер дверь и пропустил сестру милосердия вперед.

— Как есть, ни зги не видно! — проворчал он досадливо.— Что бы им зажечь лампы?.. А все экономия... Дайте мне вашу руку, сестра, я вас поведу.

— Нет, благодарю вас, я вижу достаточно хорошо,— отвечал Надод с редким присутствием духа.

Протяни только он сторожу свою мощную длань, его сейчас бы узнали.

— Ну, как угодно,— равнодушно заметил сторож.

Он шел по коридору, насвистывая какой-то мотив. Надод шел сзади, стараясь как можно тише ступать. Через каждые десять метров сторож отпирал железную дверь, потом каждая из них захлопывалась со зловещим глухим стуком. К счастью, никто не попадался навстречу: большинство служащих при тюрьме в это время обедали, иначе Надод и сторож непременно бы наткнулись на кого-нибудь из надзирателей, которые часто прохаживались по коридорам с фонарем в руке.

Вдруг Надод почувствовал, что холодеет от ужаса.

Он вспомнил, что по тюремным правилам всякий посетитель должен пройти через канцелярию, где удостоверялась его личность при входе и выходе. Канцелярия была, конечно, хорошо освещена, и Надода узнают там непременно.

Как и везде, между служащими в тюрьме и чиновниками канцелярии была глухая вражда. Как будут рады эти чернильные души подцепить сторожа, так наивно готовившегося выпустить на свободу одного из заключенных — и кого же? — Надода Красноглазого, самого страшного бандита! О, тогда такая поднимется кутерьма...

Все это разом промелькнуло в голове Надода, и он уже подумывал о том, не лучше ли, во избежание скандала, открыться сторожу, который преспокойно отведет его обратно в камеру и даже будет ему очень благодарен за избавление от неприятности. Из чувства признательности сторож, быть может, сам потом поможет ему убежать...

В ушах Надода заранее звучали хохот и глумленье, которые, конечно, не замедлил бы поднять сонм торжествующих чиновников. Да, нечего делать, нужно этот скандал устранить.

Надод уже протянул руку, чтобы хлопнуть сторожа по плечу, как вдруг последний обернулся сам и с живостью спросил:

— Скажите, пожалуйста, сестра: вас директор через канцелярию провел? Видели вас эти чернильные души?

Сказано это было с неподражаемым презрением.

Надоду блеснул луч спасения. Железный этот человек волновался, как нервная женщина.

— Нет! — произнес он с усилием.— Господин директор провел меня прямо в камеру.

— В таком случае мы и теперь пройдем тем же путем. Чер-

нильные души будут очень рады случаю отметить нарушение правил. Правда, они попридержат язык за зубами, потому что сделал это сам господин директор, но все-таки лучше с ними не связываться... Пойдемте сюда. Я вас выведу прямо на гауптвахту.

Сторож повернул в боковой коридор, отворил дверь на гауптвахту и, выпустив туда Надода, объявил:

— По приказанию господина директора.

— Пароль? — спросил унтер-офицер.

— Бдительность и верность! — шепнул сторож на ухо солдату.

— Проходите! — сказал унтер-офицер.

Лицо Надода было совершенно закрыто покрывалом.

Сторож проводил его до самого выхода.

— До свидания, матушка! — сказал наивный человек и низко поклонился.

— До свиданья, мой друг,— прошептал бандит и не спеша вышел на улицу, скрестив на груди руки в широких рукавах.

Надод был свободен.

В пятидесяти шагах от тюрьмы его уже дожидался мнимый пастор с каретой, запряженной парой быстрых коней. Надод вскочил в экипаж, который понесся как вихрь.

В ту же минуту со стороны тюрьмы грянул пушечный выстрел.

Сторож, оставшийся в камере, заметил побег еще прежде, чем возвратился его товарищ, и, как сумасшедший, побежал дать тревогу.

После побега не прошло еще десяти минут. Беглеца надеялись поймать...

Погоня была послана по горячим следам, но все поиски остались безуспешны.

Несчастного сторожа прогнали с места и едва не посадили самого в тюрьму. Он был женат, имел детей и очутился в самой злой нищете.

Однажды вечером несчастный сидел у нетопленного очага и с тоскою слушал, как голодные дети его просили хлеба, которого не было в доме. Вдруг в комнату вошел какой-то незнакомец, положил на стол объемистый мешок и удалился.

В мешке оказалось двадцать тысяч золотых талеров, а на дне лежал клочок бумажки с надписью: «От сестры милосердия».

Надод исчез бесследно. Ни в Швеции, ни в Норвегии его не могли найти.

В это время только что окончилась Семилетняя война, в которой принимали участие Пруссия, Франция, Австрия и Россия. Северные державы совершали раздел Польши. Во всей Европе гремели войны. Разбой усилился, проезжие дороги были лишены всякой безопасности. К этому именно времени и относится образование в Европе многочисленных разбойничьих шаек, носивших разные наименования: «Рыцари Шварцвальда», «Рыцари Горных стран», «Вольные товарищи», «Грабители морей» и др.

«Грабители морей» действовали на морских берегах всей Европы. Главное отличие их от других шаек было в том, что они одинаково подвизались как на море, так и на суше. Агенты их проникали всюду и вынюхивали добычу, но действовали так осторожно, что честные люди и не догадывались об их деятельности.

К числу таких агентов принадлежали и некоторые почтенные граждане Англии, побережье которой было едва ли не самым важным для пиратов. Добыча каждой экспедиции делилась обыкновенно на две части: половина шла участникам экспедиции, а другая — невидимым вождям «Грабителей», которых не знали в лицо даже самые важные агенты, но власть которых и скрытое влияние чувствовались всеми.

Когда в один прекрасный день шайка «Грабителей» собиралась ограбить дворец какого-нибудь богатого лорда, руководитель шайки получал подробный план дома, ключи от всех дверей и описание всех запертых помещений и хранящихся в них ценностей.

Кто мог доставлять такие сведения?

Разумеется, кто-нибудь из покровителей шайки, принадлежавших к высшему обществу.

Однажды ночью был дочиста ограблен дворец герцога Девонширского на глазах у десятка полисменов.

В другой раз шайка «Грабителей» была изловлена на месте преступления в то время, как она взломала денежный шкаф одного из богатейших банкиров Лейчестер-Рода. Разбойников приговорили к повешению, но невидимая рука помогла им всем бежать ночью, накануне казни. Иногда «Грабители» действовали в интересах чьего-нибудь личного мщения, таинственно отправляя на тот свет целые семейства, мешавшие какому-нибудь высокопоставленному лицу. При одной из драм этого рода довелось однажды присутствовать Олафу и Эдмунду. Спрятавшись в пустынной бухте одного островка в Северном

море, они видели, как «Грабители» сбросили в море семерых человек: отца, мать и пятерых детей, из которых старшему было только восемь лет.

Это происходило в ста метрах от берега, и молодые люди слышали, как несчастные молили о пощаде.

— Я знаю, моему брату хочется получить мой титул, занять мое место в палате лордов,— говорил отец семейства.— Пусть он берет и то и другое. Я уступлю ему и титул маркиза, и майорат, и все свои права, только пощадите нас!.. Составьте протокол о нашей смерти и отвезите нас на какой-нибудь остров в Тихом океане. Даю вам честное слово, что о нашем существовании никто никогда не услышит.

Но палачи оказались недоступными жалости. Каждому из несчастных привязали к ноге по пушечному ядру и всех вместе сбросили в воду. Олаф и Эдмунд слышали все это, онемев от ужаса...

Убийством руководили два человека: в одном из них молодые люди впоследствии узнали нотариуса Пеггама, а другой был закутан в морской плащ с капюшоном, и лица его не было видно. Молодые люди, впрочем, заметили, что он был мужчина атлетического роста и сложения.

Это был не кто иной, как Надод, который после своего побега послушался совета своего освободителя и уехал в Чичестер, где и поступил в общество «Грабителей морей».

Олаф и Эдмунд, не помня себя от волнения, вернулись на свою шхуну, стоявшую на якоре с другой стороны острова, и пошли следом за разбойничьим кораблем, рискуя подвергнуться нападению. Они дали себе клятву отыскать виновников этого ужасного злодеяния и отомстить злодеям. Следуя за кораблем, они, незамеченные бандитами, пришли в Чичестерскую гавань, но в ту же ночь корабль исчез.

Молодые люди уже хотели уезжать домой в Норрланд, как вдруг на одной из улиц города повстречали нотариуса Пеггама, в котором сейчас же узнали одного из главных виновников убийства. Гнусного бандита сопровождал почтенный Ольдгам, его первый клерк. Велико было изумление молодых Биорнов, когда они узнали, что этот Пеггам состоит членом парламента за Чичестер и пользуется репутацией честнейшего человека в графстве. Они уехали домой, решившись все рассказать отцу и вернуться назад с своими верными Гуттором и Грундвигом, чтобы следить за Пеггамом и вывести его на чистую воду. Этот план они и собирались привести в исполнение, когда встрети-

лись с Ингольфом и спасли его от ярости мальстрема. Теперь читателю понятно их волнение, когда они неожиданно увидали Ольдгама, которого узнали сейчас же, и чтобы поправить дело, потребовалась вся смелость и все хладнокровие Ингольфа.

Они сделали очень важную ошибку, намекнув при Надоде о драме, совершившейся на их глазах. С этого момента в душе бандита решена была их участь, тогда как, не будь этого обстоятельства, он, быть может, удовольствовался бы местью одному старому Гаральду.

XIII

Мистер Пеггам.— Злодейский уговор.— Планы и намерения

Общество «Грабители морей» носило свое название с полным правом, потому что занималось преимущественно грабежом купеческих кораблей и отсюда получало свой главный доход. Давно уже зарилось оно на древний Розольфский замок и на миллионы, восемь веков хранившиеся в его погребах. Четыре попытки были уже сделаны, но все четыре не удались. Наконец «Грабители» прибегнули к помощи Красноглазого, надеясь на его смелость и опытность и принимая во внимание его прежние отношения к замку, а также ту жажду мщения, которая его одушевляла.

Легкие корабли «Грабителей», приспособленные преимущественно для абордажных схваток с неповоротливыми купеческими судами, никогда не дерзали нападать на старый замок, защищенный толстыми стенами, пушками и эскадрой из семи или восьми прекрасно вооруженных кораблей. Четыре раза посылали их форсировать вход к фиордам, и всякий раз капитаны их возвращались с докладом, что при наличных их средствах нет возможности исполнить эту трудную задачу.

Надоду поручили сделать новую попытку и с этой целью дали ему carte-blanche, предоставив в его распоряжение все средства общества.

Красноглазый скоро убедился, что средств этих слишком недостаточно, потому что у «Грабителей» нет никаких орудий для того, чтобы вести осаду замка. Нужно было, таким образом, поискать другое средство. И Надод отыскал его. Ему пришла в голову просто гениальная мысль.

В то время в Швеции было очень натянутое политическое

положение. Дворянство ненавидело Густава III за его действительно невозможный характер. Трон этого короля сильно шатался. Со всех сторон ему грозили заговоры. В обществе поговаривали о том, чтобы восстановить на шведском престоле древнюю династию Биорнов.

Красноглазый написал письмо Гинго, любимцу короля, изобразив ему положение дел, и рекомендовал средство укрепить королевский трон. В конце письма присовокуплялось, что Надод желал бы встретиться с Гинго где-нибудь на нейтральной почве и сообщить ему свой план в подробностях.

Гинго был человек не из совестливых и действовал обыкновенно, не разбирая средств. Он с удовольствием ухватился за предложение Надода и сам отправился для свидания с ним на английский берег. Надод убедил Гинго, что Биорны являются душою всех заговоров против короля — что было совершенно неверно, но вполне согласовалось с его планами — и что если этот мятежный род уничтожить, то в Швеции немедленно водворится спокойствие. Ввиду критического положения, в котором находился Густав, Гинго очень обрадовался этой идее и спросил Надода, какого рода поддержки он для себя желает и какой награды ждет, если будет успех.

— Для себя я требую только отмены всех судебных приговоров, вынесенных мне,— отвечал Красноглазый,— требую полного восстановления моей чести, пожалования мне дворянского достоинства и предоставления мне права поделиться со своими помощниками тем золотом, которое будет нами найдено в замке.

— Я согласен,— отвечал Гинго.

— Что касается поддержки,— продолжал Надод,— то мне необходим военный корабль с тридцатью пятью пушками и шестьюдесятью матросами. Вы должны предоставить его в полное мое распоряжение.

Гинго возразил, что это совершенно невозможно, потому что такой поступок правительства даст лишь новое оружие в руки врагов короля.

— Даже больше того,— говорил он,— нам придется поймать человек двадцать негодяев и расстрелять их, под предлогом виновности в нападении на замок. Если вам мы дадим помилование и награду, то лишь под тем предлогом, что вы будто бы защищали замок и обнаружили необыкновенную преданность и верность. В противном случае мы только ускорим свое падение.

Надод согласился с этими действительно резонными дово-

дами, но все-таки объявил, что без военного корабля он ничего не может сделать.

— За этим дело не станет! — отвечал Гинго.— У нас тут была сделана вопиющая несправедливость, против которой я безуспешно протестовал: корсару Ингольфу, который в последнюю войну оказал нам больше услуг, чем весь наш остальной флот, вместе взятый, обещано было зачисление в корпус офицеров регулярного флота, но зависть адмиралтейства помешала королю сдержать данное обещание. Вы знаете, конечно, что Ингольф не отдал назад вверенного ему корабля и вступил в открытую беззаконную войну со всеми европейскими флотами. Вот человек, какой вам нужен. Отыщите его и обещайте ему чин капитана 1-го ранга и амнистию за все прошлое. Можете быть уверены, что он согласится идти за вами. Это человек замечательно способный и готовый отдать полжизни за то, чтобы выйти из своего нелегального положения.

Идея очень понравилась Красноглазому. Он пришел от нее в восторг, но при этом совершенно основательно заметил королевскому любимцу, что Ингольф обещаниям не поверит уже по одному тому, что его один раз обманули. Поэтому нужно будет начать с амнистии и с выдачи ему патента на чин, подписанного самим королем.

Гинго согласился и на это. Положение было настолько серьезно, что король без труда дал свою подпись, и через неделю в руках Надода было уже два драгоценных документа.

С одним из своих товарищей он отправился искать Ингольфа, который корсарствовал за свой собственный счет и не имел до сих пор никакого отношения к «Грабителям». В конце концов, после двухнедельных поисков по морям, Красноглазый отыскал его и сделал ему известное читателям предложение, изменив его в том отношении, что о патенте и об амнистии умолчал, благоразумно решившись выдвинуть эти два аргумента лишь в крайнем случае, если представится какое-нибудь неожиданное затруднение. Он изобразил ему дело в виде контрзаговора, придуманного друзьями Густава III для отражения заговоров, затевавшихся всюду против короля и центром, очагом которых был будто бы замок Розольфсе.

— В случае удачи,— говорил Ингольфу коварный пират,— друзья короля сумеют выхлопотать для тебя все, что ты пожелаешь: они достаточно сильны для этого. Во всяком случае, ты найдешь в замке несметное богатство.

Сначала Ингольф отнесся ко всем этим внушениям очень неблагосклонно. Надод уже собирался вручить ему патент на чин и указ об амнистии, как вдруг Ингольф попросил двадцать четыре часа на размышление и по прошествии этого срока согласился, к удивлению самого Надода.

Мы впоследствии узнаем, что побудило Ингольфа дать свое согласие.

Красноглазый поспешил воспользоваться благоприятным обстоятельством и отправился с Ингольфом к нотариусу Пеггаму, у которого оба пирата заключили между собой форменный договор. Сверх того, Надод взял с Ингольфа слово, что он никогда и ни под каким видом не покинет общее дело, прежде чем цель экспедиции не будет достигнута. Ингольф слово дал, и Надод знал, что он от своего слова не отступится.

Очевидно, у Ингольфа, несмотря на свое нелегальное положение сохранившего чувство чести, были какие-нибудь очень веские причины, если он решился связаться с таким низким негодяем, как Красноглазый. Эти причины мы скоро узнаем из разговора, который последует между двумя пиратами.

Между тем в Розольфсе никто и не подозревал, какая беда нависла над головами старого Гаральда и его детей. Слепой случай устроил так, что бандиты без труда попали как раз туда, куда им было нужно, и посредством самого гнусного из предательств — посредством злоупотребления гостеприимством, готовились привести в исполнение свои злодейские замыслы.

Под вечер этого дня корабли вступили в небольшую Розольфскую гавань, и молодые люди поспешили представить отцу своего нового друга. Старый Гаральд пригласил Ингольфа к обеду в этот же вечер. Ингольф всегда тщательно берег свой парадный капитанский мундир, который ему было позволено носить во время войны, и теперь, вырядившись в него, явился на обед к герцогу Норрландскому.

Когда он проходил под крытыми воротами замка, весь сияя золотым шитьем и орденами, которые ему действительно были пожалованы разными государствами, хотя впоследствии и отняты,— навстречу ему вышел посланный Гаральдом старый Грундвиг, чтобы проводить гостя по лабиринту коридоров древнего замка в приемную залу.

Увидав Ингольфа, старый слуга вдруг побледнел, как мертвец, и даже прислонился к стене, чтобы не упасть. Так стоял он, глядя растерянно перед собой и не в силах будучи вымолвить ни слова.

— Что с тобой, старинушка? — ласково спросил его Ингольф, подходя к старику и поддерживая его рукой.

У капитана был голос очень звучный, принимавший иногда необыкновенно нежный тембр.

— Голос герцогини!..— бормотал обеспамятевший слуга.— А сходство какое!.. Боже мой! Боже мой! Неужто я сошел с ума?

Капитан стоял, не понимая, что такое делается со стариком. Из затруднения его вывел прибежавший весьма кстати Эдмунд.

— Что же ты, Грундвиг? — сказал юноша, полусмеясь, полусердито.— Отчего же так долго не ведешь моего друга? Нездоровится тебе, что ли?

— Ничего, ваша светлость, это я так... пойдемте... ослабел немного. Годы-то мои разве молодые? — бормотал старик.

Эдмунд дружески взял Ингольфа под руку, и скоро оба молодых человека скрылись под сводами коридора. Грундвиг смотрел им вслед и продолжал лепетать:

— Господи! Господи!.. Дай, чтоб это был он! Тогда я умру спокойно.

XIV

Ночь в Розольфской гавани.— Блокада английской эскадры.— Цепь.— Не пропускают

Под конец обеда, за которым Ингольф всем очень понравился своим чисто великосветским уменьем себя держать, один из матросов герцога вдруг принес важную весть: у входа в фиорд остановилась английская эскадра в семь кораблей, из которых один направился в канал, несмотря на поданный ему береговым телеграфом знак не делать этого.

Фиорд был собственностью герцога, и никто не имел права входить в него без его разрешения.

Услыхав это известие, Ингольф слегка побледнел, чего, впрочем, никто не заметил. Он один понимал, что нужно английской эскадре в норрландских водах.

— Какая дерзость?! — с гневом вскричал Гаральд.— Что же, в них стреляли?

— Никак нет, ваша светлость. Начальник караула Нюстен не посмел этого сделать, но зато протянул цепи у адских ворот, и английский корабль принужден был остановиться.

Адскими воротами называлось то место канала, где он суживался до пятидесяти метров, так что тут можно было заграждать вход цепями, разматывая их при помощи ворота.

Матрос продолжал:

— Командир корабля велел на это сказать, что завтра на рассвете он наведет свои пушки и разобьет цепи, если его не пропустят добровольно. Нюстен отвечал, что при первой же подобной попытке он откроет огонь со всех батарей и пустит английский корабль ко дну.

— Это хорошо! — вскричал Гаральд.— Этим он загладил свою нерешительность в начале столкновения... Продолжай...

— Затем, ваша светлость, начальник караула отправил меня к вам с рапортом и за приказаниями.

Гаральд тут же продиктовал своему секретарю следующее письмо:

«Герцог Норрландский, верховный владетель фиордов и берегов, входящих в состав герцогства, предписывает командиру английского корабля, ворвавшемуся в Розольфский фиорд, немедленно удалиться из вод герцогства под опасением насильственного удаления оттуда. О том же самом предупреждается и вся эскадра, которой сим предписывается раньше восхода солнца оставить розольфские воды.

Гаральд XIV, герцог Норрландский».

По роковой случайности имя Биорнов опять не было произнесено, так что Ингольф по-прежнему остался в неведении, что его гостеприимные друзья и есть именно те Биорны, которым собирался мстить Красноглазый Надод, до сих пор подробно не рассказавший Ингольфу о своих врагах.

Одно слово могло бы все объяснить Ингольфу, но это слово не было сказано. Достаточно бы было герцогу подписаться своим родовым званием, но он, как на грех, подписался только личным именем и проставил свой титул. Все как будто нарочно благоприятствовало мстительным замыслам Надода.

— Как объяснить такую неслыханную дерзость? — сказал Ингольфу старый герцог.— Ведь это чудовищно: англичане пользуются слабостью современной Европы и присвоили себе право заходить во все порты для осмотра. Я не намерен подчиняться такому унижению. У меня у самого есть шесть кораблей, при помощи которых я могу, если окажется нужным, охранить от пиратов свои рыбные ловли. Я сумею всякого заставить уважать независимость Норрландского герцогства, торжественно признанную Кальмарской унией.

— Я вас вполне одобряю, ваша светлость,— сказал Ингольф.— Невозможно терпеть такую наглость тем более, что в вашем распоряжении находится семь кораблей — число, равное численности английской экскадры, пришедшей в фиорд.

— Вы ошибаетесь, капитан,— возразил Гаральд,— у меня не семь кораблей, а только шесть. «Сусанна» — увеселительная яхта, и она не вооружена.

— И все-таки, ваша светлость, у вас семь кораблей, считая мой бриг, которому вы, разумеется, позволите принять участие в битве с англичанами.

— Как! Вы решитесь принять участие в битве! — вскричал в изумлении Черный герцог.— Но ведь вы можете за это ответить перед своим правительством.

Если б Ингольф последовал тому, что ему подсказывала его рыцарская натура, он бы воскликнул:

«Не хочу вас больше обманывать: англичане пришли в фиорд ради меня. Я капитан Вельзевул. Вступив в битву с англичанами, вы будете защищать не столько себя, сколько меня. Если хотите, выдайте меня англичанам, и король их немедленно пришлет вам орден Подвязки; от Англии не отстанут и другие державы: Швеция даст вам орден Железной Короны, Пруссия — Черного Орла... Берите меня. Прикажите арестовать за вашей трапезой капитана Вельзевула».

Но он подумал немного и промолчал. Собою он имел право рисковать сколько угодно, но теми храбрыми матросами, которых он сам же превратил в пиратов, не имел ни малейшего права. Далее он вспомнил клятву, торжественно данную Надоду, и покорился судьбе.

— Вы не отвечаете? — сказал герцог, с уважением отнесясь к этой задумчивости.

— Я все думал, как бы избежать тех последствий, на которые вы мне указали,— возразил Ингольф, пришедший, наконец, к определенному решению,— и придумал. Я буду сражаться под вашим флагом, и никто не узнает, кто я такой на самом деле.

Пират произнес эти последние слова с какой-то странной улыбкой, смысла которой не понял никто.

— Браво, капитан! — вскричал с юношеским пылом герцог.— Это будет уже третья морская битва за честь герцогства Норрландского. Датчане и голландцы кое-что помнят об этом...

Олаф и Эдмунд, радуясь случаю померяться с англичанами, горячо пожали Ингольфу руку.

— Если мы их победим,— сказал старый герцог на ухо Анкарстрему,— это будет очень хорошо для наших планов.

— В Швеции и Норвегии это вызовет всеобщий восторг,— отозвался Анкарстрем.— Тогда нет никакого сомнения, что сейм выберет в короли Эдмунда.

Эти слова были сказаны так тихо, что их расслышал только Гаральд, и лицо его озарилось улыбкой радости и гордости.

XV

В море!..— Лев и лиса.— Решительное объяснение.— Связан клятвой.— Ультиматум

Было решено, если англичане не уйдут, сразиться с ними в розольфских водах, под защитой небольшого укрепления на мысе.

Присланный Нюстеном матрос ушел, унося ультиматум герцога англичанам и приказ начальнику караула. После этого все разошлись по своим комнатам, а Ингольф вернулся на свой бриг. Олаф и Эдмунд выпросили у отца, чтобы их новому другу было вверено общее начальство над эскадрой, так как он был тут всех опытнее, потому что участвовал в настоящей, большой войне. Возвратясь на свой бриг, Ингольф на палубе встречен был Надодом, который ждал его с нетерпением. Красноглазый тоже собирался дать битву всему тому, что было в Ингольфе благородного и великодушного, и не был при этом уверен в победе. А между тем победа для него была необходима, так как другой такой случай утолить свою ненависть к Биорнам уже не мог больше представиться. Вместе с тем Надод, в случае успеха предприятия, получал и прощение за все свои преступления, а это тоже было для него очень важно. С этой амнистией и с миллионами, награбленными в Розольфсе, негодяй рассчитывал вновь появиться в обществе, высоко держа свою преступную голову, над которой давно был занесен топор палача. В случае неудачи Надод решился хладнокровнейшим образом убить Ингольфа и, приписав его смерть розольфцам, воззвать к матросам брига о страшной мести обитателям замка.

Настала одна из прекраснейших полярных ночей. На небе засияли мириады звезд, отражаясь золотой пылью в темных

водах фиорда. Теплый ветер, пропитанный острым ароматом моря, тихо колебал высокую степную траву скога, в которой стоял смутный сонный гул уснувшей природы — жужжание насекомых, шелест листьев, ропот ручейков среди мха, а в ветвях трепетнолистной осины заливался северный соловей, прерываемый по временам громким, нескладным кваканьем болотных лягушек.

Вдруг по всем окрестностям замка громко прокатился рокот норвежской военной трубы, сзывавшей всех розольфских моряков, рыбаков и вассалов на защиту замка.

Надод не понимал значения этих звуков, но тем не менее сердце у него сжалось недобрым предчувствием. Он и без того уже был встревожен тем, что Ингольф слишком долго, по его мнению, не возвращается.

Но вот на берегу раздались чьи-то быстрые шаги. От пристани отделилась шлюпка и поплыла к бригу... Это возвращался капитан.

— Я запоздал,— сказал Ингольф своему товарищу, вступив на палубу,— но там, в замке, случились важные происшествия. Пойдем ко мне в каюту, я тебе все расскажу. Эй, господин Альтенс! — позвал он мимоходом своего помощника.

— Я здесь, командир мой.

— Всех людей на места, да втихомолку приготовьте все к сражению.

— Слушаю, командир мой,— совершенно невозмутимо отвечал Альтенс.

В сопровождении Надода Ингольф вошел в свою каюту. Заперев за собой дверь, пират предложил Надоду стул и сел сам.

— Я хотел с тобой давеча поговорить об одном осложнении. С тех пор дела еще больше ухудшились, предупреждаю тебя.

У Надода перекосилось все лицо, но он ничего не сказал.

Ингольф продолжал:

— Мне кажется, что нам придется отказаться от нашей экспедиции.

Надод все молчал, только огромная волосатая рука его судорожно сжималась.

— Само собой разумеется, что я тут ни при чем,— флегматично продолжал капитан,— и что твои замыслы, вероятно, отчасти сделались известными там...

Он не мог продолжать. До сих пор Надод сдерживался, но тут вся его злость прорвалась наружу.

— Очумел ты, что ли, чертов сын? Настоящий ты Вельзевул после этого... Что ты тянешь из меня душу, отчего не скажешь разом, что такое случилось?

Ингольф встал, покраснев от гнева.

— Еще одно слово — и я тебя задушу,— сказал он голосом, в котором звучала холодная решимость.

Надод отскочил и выхватил из кармана пистолет.

— А! Так вот ты как! — вскричал Ингольф и, взмахнув ногой, очень ловко вышиб из рук Красноглазого пистолет, который отлетел прочь шагов на десять. Обезумев от ярости, Надод бросился на капитана, пытаясь ухватить его за горло, но тот сам схватил его за шиворот и за талию, приподнял с полу, как ребенка, и крикнул:

— Нет, уж это слишком, негодяй этакий! Теперь я тебе не спущу и разобью тебя об стену!

Он приподнял Надода еще выше и размахнулся, чтобы исполнить свою угрозу, но тут негодяй взмолился жалобным голосом:

— Сжалься, Ингольф, пощади! Если б ты знал, как было мне тяжело услыхать, что мои планы рушатся!

К счастью для негодяя, Ингольф, быстро взяв себя в руки, выпустил Надода.

— Пошел!.. Ты мне просто противен, да и сам я себе противен не меньше,— сказал капитан печальным голосом.— Два таких бандита, каковы мы, не могут объясняться между собою, как люди... Я было и забыл об этом...

Красноглазый смущенно молчал. Ингольф сидел, низко опустив на грудь голову, и молчал тоже. Наконец он нарушил молчание.

— Раз тебе хочется узнать все поскорее,— сказал он,— так знай, что, когда сыновья герцога Норрландского пригласили меня в гости, я хотел было отказаться, но в это время вахта заметила на горизонте английскую эскадру. Выйти в море нам нельзя было, поэтому я решился укрыться дня на три или на четыре в фиорде... Но уж не знаю почему: эти ли молодцы, усомнившись в нас, пригласили эскадру, или англичане сами нас выследили, но только семь военных кораблей явились в фиорд и стали у входа. Их остановила лишь протянутая вовремя заграждающая цепь. Взбешенный герцог Норрландский потребовал, чтобы англичане ушли из фиорда, грозя в противном случае принудить их к тому силой, и завтра у нас будет битва, так как я, разумеется, не мог предоставить розольфцам справляться с

англичанами одними своими силами, которых слишком недостаточно, и предложил свою помощь. Разумеется, я должен же был отплатить гостеприимным хозяевам замка за их любезность и за то, что им придется сражаться ради меня. Когда же англичане уйдут, тогда я снова буду продолжать экспедицию, так как я дал тебе слово, от которого не отступлю.

Надод был изумлен.

Итак, Ингольф все еще не знал, что герцог Норрландский и Гаральд Биорн — одно и то же лицо! Итак, Ингольф не отказался от экспедиции и твердо помнил данное слово!.. Что же касается англичан, то Надод рассчитывал их удалить, дав им знать, что перед ними не пират, а действительно капитан шведского флота, на что даже имеется патент.

Надежда вернулась к Надоду, и он решился взять быка прямо за рога.

— Спасибо за ваше сообщение, дорогой капитан,— начал он мягким голосом,— и простите меня еще раз за безобразное мое поведение, виной которому мой вспыльчивый характер. Я так раскаиваюсь, так сожалею... А теперь позвольте мне указать вам средство отделаться от англичан без битвы. Выслушайте меня внимательно. То, что я собираюсь вам сказать, имеет огромное значение.

— Я готов тебя слушать,— улыбаясь, отвечал Ингольф,— но все-таки замечу, что ведь и ты не обошелся без предисловия, а сам же давеча на меня рассердился за это.

— Я не стану тебя долго томить, не беспокойся. Ты сейчас мне сам сказал, что неспособен изменить данному слову, и я желаю услышать от тебя еще раз это же самое.

— Другому я знал бы, что на это ответить, но так как ты — негодяй, совершенно не понимающий подобных вещей, то я тебе повторяю, что слову своему я не изменю.

— Даже для того, чтобы спасти свою жизнь?

— Даже для спасения собственной жизни.

— Даже для спасения друга, родственника, благодетеля?

— Это еще куда ты гнешь?

— Отвечай!

— Странная настойчивость.

— Ты сам говоришь, что тебя ничто не заставит изменить своему слову.

— Разумеется, ничто. Доволен ты теперь?

— Так слушай же, капитан Ингольф. Те люди, которым я уже двадцать лет собираюсь жестоко отомстить, не кто иные,

как владельцы замка Розольфсе, Биорны, имеющие титул герцогов Норрландских.

Ингольф был поражен как громом. Несколько минут он стоял, безмолвный от ужаса.

— Герцог Норрландский,— проговорил он, наконец, сдавленным голосом.— Герцог Норрландский!.. Сыновья которого рисковали жизнью, чтобы нас спасти!

Затем он вдруг опять вспылил и вскричал с гневом:

— Этого не может быть! Таких гнусностей не бывает! Ведь ты просто так пошутил, да? Ну, Надод, не терзай меня, это нехорошо. Бывают мерзости, но все же не такие... Ты только подумай: отнять жизнь у тех, кто нам спас жизнь!.. Ведь это чудовищно!..

Но Красноглазый холодно молчал. Ингольф понял, что он не шутит, и продолжал просящим, ласковым голосом:

— Вот что, Надод: я умру от невыносимого презрения к самому себе, если совершу эту гнусную измену. Послушай, откажись от экспедиции.

— Нет, я не могу,— сухо ответил негодяй.— Я двадцать лет только и жил, только и дышал этой мечтой. Взгляни на меня, погляди на мое обезображенное лицо, на мой отвратительный, ужасный глаз... Ведь я урод, на которого никто не может взглянуть без крайнего отвращения. И кому я всем этим обязан? Им, этим Биорнам.

— Но они нас спасли!

— А меня погубили.

— Олаф и Эдмунд невинны. Они тут ни при чем.

— Мои родители, умершие от горя, тоже были ни в чем не повинны. Пощадил ли их Гаральд! Ты думаешь, главная цель — убить старого герцога? Вовсе нет: он и так уж стар, ему все равно недолго жить. Нет, я хочу уничтожить весь их проклятый род, я хочу, чтобы старый герцог ползал у моих ног, моля о пощаде для своих сыновей, и все-таки не получил бы ее... Я поклялся это сделать, а ты дал слово мне помогать.

— Относительно слова я тебе вот что скажу, Надод,— возразил Ингольф, цепляясь за всякую соломинку,— если слово честное, то оно имеет силу только относительно честных целей.

— Жалкие отговорки! О честных целях может быть речь только между честными людьми, а не между пиратами. Впрочем, я вовсе не поступил с тобою изменнически. Речь с самого начала шла о нападении на замок Розольфсе, принадлежащий Биорнам.

Этот замок перед нами. Идешь ты на него или нет? Говори. Я жду ответа.

— Прибытие англичан подняло на ноги всех вассалов замка. Разве ты не видишь, что мы будем побиты, если предпримем нападение?

— Не думал я, Ингольф, чтобы ты был до такой степени наивен. Ведь я же тебе сказал, что у меня есть средство удалить англичан, и средство верное. Добыча от нас не ускользнет. Когда все успокоится, когда вассалы уйдут восвояси и снова примутся за свои дела, мы в одну прекрасную ночь нападем на замок, сделаем свое дело — и уйдем в море. Надеюсь, что против этого ты уж ничего не можешь возразить?

Негодяй говорил с такой уверенностью потому, что чувствовал за собою победу. Ингольф сам попался в поставленную ловушку, повторив несколько раз о своем уважении к однажды данному слову. Возражать ему больше было нечего. С другой стороны, он понимал, что продолжительное сопротивление может только повредить тем, кого он решился во что бы то ни стало спасти, употребив для этого какую-нибудь хитрость. Он рассчитывал победить противника ловкостью, как уже ему удалось победить его силой.

Допуская, что Надоду удастся заставить англичан удалиться без боя, Ингольф надеялся, что в следующие несколько дней у него явится какое-нибудь средство помешать осуществлению намерения Надода или, по крайней мере, спасти герцога Гаральда и его сыновей. Но при этом нужно было действовать крайне осторожно, потому что злодей сам был подозрителен и изворотлив.

Подумав обстоятельно обо всем этом и выдержав в душе сильную борьбу, Ингольф поднял голову и отвечал на последний вопрос Надода:

— Мне нечего больше говорить, я дал слово и исполню его до конца.

— В добрый час! — сказал Красноглазый.— Я никогда, впрочем, и не допускал мысли о том, чтобы ты мог серьезно изменить данной клятве.

И, вынув из-за пазухи лист бумаги, он подал его Ингольфу, присовокупив:

— А вот и награда тебе, хотя я предпочел бы, чтобы на твою верность можно было положиться и без этого.

Ингольф взял бумаги и начал читать патент, составленный по всей форме... Дочитав его, он разрыдался... Патент восста-

навливал его честь и предоставлял ему те права, которые он честно выслужил себе в пятилетней войне, но в которых ему до сих пор несправедливо отказывали...

— Ты сделал это, Надод? Ты выхлопотал для меня это? — сказал он, в первый раз беря бандита за руку, и даже не за одну, а за обе, и горячо пожимая их.— Если когда-нибудь тебе понадобится моя жизнь, чтобы заплатить за это...

— Помоги только мне в одном этом деле — и больше мне от тебя ничего не нужно... Теперь ты видишь, что англичанам стоит только сказать одно слово — и они уйдут. Они ищут капитана Вельзевула, но такого здесь нет, а есть капитан шведского королевского флота.

— Таким образом,— сказал обрадованный Ингольф,— мы избежим необходимости жертвовать понапрасну столькими неповинными людьми.

Но вдруг он нахмурился и переменил тон:

— Впрочем, мы, кажется, рано начали радоваться. Ведь старый герцог, может быть, не захочет моего заступничества. Он так ревниво оберегает свою независимость, а ведь здесь не Швеция...

— Ни до чего подобного не дойдет, можешь успокоиться,— возразил Надод.— Разве ты не знаешь англичан? Они нахальны со слабыми, но, как только им показать зубы, они сейчас покажут пятки... Завтра же утром ни одного корабля не останется в фиорде.

Вдруг в обширной степи раздался крик совы. Надод вздрогнул.

— Что это такое? — спросил Ингольф.

— Ничего,— отвечал не без смущения Надод.— Ведь здесь сова часто кричит.

— Странно! — задумчиво промолвил Ингольф.

— Что же тут тебе кажется странным?

— Так, мне представилось...

Опять послышался совиный крик. Надод нахмурился и взглянул на своего товарища, но тот не обратил на него внимания, продолжая о чем-то думать. У Надода явилось подозрение.

— Ингольф,— сказал он,— я не хочу от тебя ничего скрывать. Ты совершенно прав, находя странным крик белой совы в такое время года. Это не сова, это сигнал мне.

— А! — равнодушно произнес капитан.

— Пятнадцать сыщиков, которых ты сам высадил недавно в Нордкапе, наблюдают за Розольфским мысом. Им даны мною

разные поручения, и тебе не придется участвовать в самой щекотливой части нашего предприятия. Твое участие ограничится только взятием замка и перенесением сокровищ на корабль; пленников брать будем мы сами. Ты видишь, я позаботился отстранить от тебя все наиболее грязное в этом деле... Однако прощай: мне нужно сходить и узнать, что такое они мне сообщают...

Красноглазый поспешно ушел.

XVI

Размышления Ингольфа.— Странное ощущение, испытанное им.— Случайно подслушанный разговор

— Ну, теперь они погибли! — сказал Ингольф, когда Красноглазый вышел.— Что бы я ни предпринял для их спасения, ничего не поможет, если только... Но это даже и к цели не приведет: я их знаю хорошо, успел узнать в короткое время... Если я их предупрежу об опасности, то они, вместо того чтобы сесть на корабль и уехать на время из замка, созовут своих вассалов и будут до последней крайности защищать замок своих предков. Раз уж они готовы вступить в бой с целой английской эскадрой, то перед горстью бандитов подавно не отступят... Что за ужасная моя судьба! Если я скажу слово — Надод погибнет, а этого я не могу допустить, так как вступил с ним в договор. До сих пор я был лишь вольным корсаром... И что заставило меня согласиться на участие в этой позорной экспедиции? Зачем я это сделал? Я только окончательно опозорил себя!.. Если я промолчу — погибнет древний род, на котором, я это вижу и чувствую, не лежит никакого пятна... Я уверен, что заговор, в котором они будто бы участвуют,— пустая басня... О, если б мне, по крайней мере, получить уверенность, что они действительно опасны для государства!

Он с волнением прошелся по каюте.

— Но в сущности — какое мне дело? Разве я тут судья?.. Я теперь офицер регулярного флота, получивший специальную командировку, и обязан исполнить долг службы. Последствия меня не касаются... Да, но могу ли я вычеркнуть из памяти геройский подвиг, спасший нас всех от гибели в волнах мальстрема? Могу ли я хладнокровно допустить, чтобы на моих глазах резали этих доблестных людей?.. Нет, я должен их спасти во что бы то ни стало... Но как это сделать, не погубив Надода?

Пусть он бесчестный бандит, но разве он не достоин сожаления? Разве сам он не жертва чужой жестокости? — Ингольф, очевидно, верил басне об утонувшем мальчике.— Разве его неосторожность, объясняемая молодостью лет, оправдывала варварский поступок с ним?.. Что мне делать? Боже мой, Боже мой, что мне делать?.. Как выйти из этого ужасного положения?

Голова Ингольфа была как в огне, он задыхался. Чтобы подышать свежим воздухом, он подошел к окну каюты и отворил его. Перед ним отчетливо рисовались берега фиорда с их зубчатыми скалами, а вдали выступал безмолвный силуэт замка на фоне звездного неба. Вдоль берега светились красные и белые огни: то вассалы готовились к защите древних розольфских вольностей, созванные Черным герцогом. Но кругом все было тихо, и эта тишина подействовала на Ингольфа успокоительно. Мысли его приняли другое направление. Поглядев несколько минут на этот пейзаж, он опять повторил то восклицание, которое уже слышал от него однажды Надод.

— Странно! — воскликнул он.— Очень странно!

Дело в том, что Ингольф с некоторых пор стал испытывать какое-то необъяснимое ощущение. Вся розольфская местность — фиорд, скалы, корабли в гавани, самый замок, наконец, необозримый ског — казались ему чем-то знакомыми, как будто он уже это все видел когда-то, а между тем он отлично помнил, что никогда здесь раньше не бывал.

Это его бесконечно удивляло.

— Положительно, я помню эту местность,— говорил он сам с собою,— но почему — совершенно не понимаю.

В недоумении продолжал он любоваться пейзажем. Вдруг его внимание привлек огромный столетний дуб, росший метрах в ста от замка. Очевидно, этот дуб долго боролся с суровостью климата, но крепкая натура, наконец, превозмогла, и он широко разросся, покрыв своею тенью большое пространство.

Увидав дуб, Ингольф вдруг вспомнил одно обстоятельство своей жизни. Он вспомнил, что в раннем детстве играл под точно таким же дубом, подле которого стояла каменная статуя, изображавшая рыцаря с копьем.

Каково же было удивление Ингольфа, когда, вглядевшись пристальнее, он увидал подле розольфского дуба совершенно такую же статую! Наконец, слышанный им крик белой совы тоже напомнил ему одно из ярких впечатлений детства, хотя Надод потом и объяснил ему, что это только подражание...

Где мог слышать Ингольф раньше этот крик? Белая снеговая

сова прилетает в Норрланд только зимою, а в это время года Ингольф не бывал в тех краях.

Несмотря на приближение драматической развязки, Ингольф невольно думал обо всех этих обстоятельствах, и чем больше думал, тем больше терялся в догадках... Как могло остаться у него такое впечатление от детских лет? Он хорошо помнил, что в детстве ездил со своим отцом только во Францию и Испанию, а в Норвегию не ездил.

Среди этих размышлений Ингольф вдруг услыхал голоса, донесшиеся до него с «Сусанны», стоящей недалеко от «Ральфа». Разговаривал с кем-то Черный герцог, только что сделавший смотр всем своим кораблям и заехавший на минутку на «Сусанну», с которой он собирался следить за ходом предстоящего сражения.

Гостиная яхты имела небольшой круглый балкон, на который герцог и вышел, так как ночь была необыкновенно теплая и приятная.

Герцог был не один, и вот какие слова услыхал от него Ингольф:

— Какая славная ночь, Анкарстрем!.. А все-таки мне хочется, чтоб она прошла скорее, так как меня терзает нетерпение узнать, до каких пределов дойдет наглость англичан.

Разговаривающие не заметили Ингольфа, несмотря на то что яхта и бриг стояли друг к другу очень близко. Ингольф, не желая подслушать какую-нибудь тайну, уже собирался обозначить чем-нибудь свое присутствие — например, зажечь в своей каюте лампу, как вдруг его поразил ответ Анкарстрема. Услыхав этот странный ответ, Ингольф переменил намерение и облокотился на окно.

Ответ Анкарстрема был такого рода:

— Позвольте мне, герцог, не разделять вашего нетерпения. Я, напротив, с прискорбием отношусь к тому, что теперь здесь происходит, и отдал бы десять лет жизни за то, чтобы помешать столкновению. В то время когда сейм собирается пригласить вашего сына Эдмунда на престол Швеции, я не могу смотреть с легким сердцем на то, как он рискует своей драгоценной жизнью.

— Если Эдмунд не сумеет защитить герцогство своего отца, каким же охранителем будет он для своего королевства? — возразил герцог.

— А что, если он падет в битве?.. Подумайте, ведь дни Гус-

тава III сочтены, а заговорщики только и рассчитывают...

Конец фразы был произнесен так тихо, что Ингольф его не расслышал.

Но вот Анкарстрем опять возвысил голос:

— К счастью, у меня есть надежда, что со стороны англичан все это одна фанфаронада и что они удалятся, получив ваш энергичный протест.

— Мне тоже хочется этого,— сказал герцог,— но если они не уйдут, я решился защищаться до последней крайности.

Слова эти были произнесены с энергией, обличавшей в герцоге непреклонный характер.

Ингольф узнал достаточно. От окна он отошел уже несколько успокоенный. Ему, пирату, сделавшемуся офицером королевского флота, хотелось получить доказательство, что Биорны действительно участвуют в заговоре. Доказательство это он получил, услыхав его из уст самого герцога. Тем не менее положение все-таки было презатруднительное. Он понимал, что теперь, как офицер королевского флота, он должен действовать против герцога, если только не намерен прямо отказаться от чина и предоставить все Надоду...

Но мог ли он спасти обитателей Розольфсе, даже если б желал? У него у самого был отец, который тосковал о нем, хотя в его приключении не было ничего позорного.

Ингольфа, когда он был еще мичманом, тяжко оскорбил один армейский штаб-офицер; молодой мичман кинул оскорбителю в лицо перчатку, вызывая его на дуэль... За этот поступок Ингольфа исключили из службы. Во время войны он получил крейсерский корабль и своими подвигами прославился на всю Европу, но после заключения мира с ним опять обошлись несправедливо, не дав ему обещанного чина. И вот Ингольф поднял знамя бунта,— но тогда был такой уж дух — это было в нравах тогдашней эпохи и не считалось позорным. Вчерашний корсар сплошь и рядом превращался в адмирала или полковника, и Конде с Тюреннем безнаказанно могли переходить с одной стороны на другую, смотря по тому, куда склонялся их личный интерес. За это с них не взыскивали и не подвергали бесчестью. Теперь времена, конечно, изменились. В настоящее время корсар не может сделаться адмиралом, но зато и адмирал, как прежде, не запишется с легким сердцем в грабители морей. Сознание долга по отношению к родине развилось, сделалось отчетливее, и в настоящее время Ингольфам нет места ни на земле, ни на море.

Ингольф, сделавшись корсаром, не опозорил себя по понятиям того времени; но если б он, назначенный офицером королевского флота, перешел на сторону заговорщиков, против которых был послан действовать, это было бы уже изменой, и на прощение нечего было бы рассчитывать. Мог ли после этого Ингольф поступить подобным образом? Имел ли он право до такой степени огорчить своего старика отца, который, со своей стороны, беспрестанно хлопотал о том, чтобы его сыну вернули эполеты?.. Нет, благодарность имеет свои границы, а честь положительно требует теперь, чтобы он строго исполнил свой долг. Не может же он жертвовать собой и своим отцом ради людей, затеявших заговор против отечества и против короля, который, хотя и поздно, все же загладил первоначальную свою несправедливость и наградил Ингольфа за прежнюю службу. Да, он, Ингольф, исполнит свой долг, хотя в то же время и сделает все возможное для того, чтобы спасти Гаральда и его сыновей. Он не отдаст их в руки Красноглазому, он отвезет их в Стокгольм в качестве пленников, а там уж их сторонники позаботятся доставить им способ убежать.

Остановившись на таком решении, Ингольф прилег на диван отдохнуть, так как уже более суток был на ногах. Диван был турецкий, очень покойный, и шел по стенам вокруг всей каюты. Как только Ингольф прилег, так сейчас же и заснул крепким сном.

По прошествии часа Ингольфа вдруг разбудил страшный шум, крики, ругань. Вскочив с дивана, он расслышал чей-то громкий голос, гудевший как труба и покрывавший собою весь прочий гул. Голос кричал по-английски:

— Первого, который сунется, рубить прямо по голове!

XVII

Неожиданное зрелище.— Прижат к стене.— Ингольф в плену у англичан.— Приговор.— Имя Пеггама заставляет английского адмирала побледнеть

Ингольф бросился вон из каюты — и обомлел, увидав ужасное зрелище.

Человек пятьсот англичан, войдя в шлюпках в фиорд, окружили бриг «Ральф» и ворвались на его палубу, прежде чем вахтенный успел это заметить и дать знать начальству.

На каждого матроса брига пришлось по пяти англичан. Нападение совершено было так неожиданно и так искусно, что не пролилось ни капли крови. Альтенс был бледен как смерть и до крови кусал себе губы.

Палуба была освещена как днем. Рядом с английским офицером, руководившим атакой, стояли Черный герцог и его сыновья.

Ингольф с первого взгляда понял все или, во всяком случае, по-своему объяснил себе происходящее. Он подумал, что ему изменили те самые люди, ради которых он только что собирался жертвовать собою, и вся кровь бросилась ему в голову... Скрестив на груди руки, он остановился в гордой позе у дверей каюты и кинул презрительный взгляд на розольфцев. Случись все это вчера, он схватился бы за оружие и дорого продал бы свою жизнь; но теперь у него был в кармане патент на чин капитана 1-го ранга, делавший его неприкосновенным. Поэтому он мог спокойно ждать, что будет дальше.

— Вы должны сдаться! — сказал ему английский офицер, делая знак четырем матросам, чтобы они приблизились к Ингольфу и взяли его.

— Позвольте! — остановил офицера старый Гаральд.— Ведь вам известно, что ваш начальник мне обещал.

Офицер велел матросам остановиться. Гаральд выступил вперед и сказал Ингольфу:

— Капитан! я буду называть вас так, пока мне не будет доказано, что вы на это не имеете права,— в ответ на мой ультиматум английский адмирал Коллингвуд лично явился ко мне и представил ряд документов, доказавших, во-первых, что вы не кто иной, как знаменитый пират, по прозванию капитан Вельзевул; во-вторых, что вы вступили в разбойничье товарищество, именующее себя обществом «Грабителей морей» и поставившее себе целью разрушение и ограбление замка Розольфсе, и, наконец, в-третьих, что недостойный Гинго, министр Густава III, заранее заплатил вам за мою смерть, а также и за смерть сыновей моих патентом на чин капитана 1-го ранга. Ввиду таких серьезных фактов я разрешил адмиралу арестовать временно ваш корабль, но с тем, чтобы на вашей голове не был тронут ни один волос, покуда вы не ответите мне на мои вопросы. Я жду. Кто бы вы ни были, я вижу, что вы вполне джентльмен, и с меня довольно будет вашего слова. Если адмирал Коллингвуд сказал правду, то вы не поставите мне, надеюсь, в вину, что я предоставил свободу действия тем, кото-

рые явились на защиту моего дома, моей семьи. Если же адмирал ошибается, то, опять-таки повторяю, одного вашего слова будет для меня довольно, и вы получите свободу вместе с вашими матросами, а господа англичане удалятся, произведя на прощанье салют в качестве извинения... Таково, капитан, условие, заключенное между мною и адмиралом. От вас зависит, который из пунктов этого условия будет исполнен.

Старый Гаральд произнес эту речь с замечательным благородством, так что Ингольф невольно почувствовал восторг.

— Я тоже, в свою очередь, поставлю один вопрос,— отвечал он,— и по получении на него ответа немедленно отвечу сам. Впрочем, нет, я ответа ожидать не буду, а только поставлю вопрос и затем стану отвечать за себя. Правда ли, что Гаральд Биорн, герцог Норрландский, вступил в заговор, имеющий целью убийство Густава III, короля Швеции, и замещение его на троне Эдмундом, старшим сыном упомянутого герцога?.. Я не умею, не способен лгать. Да, я действительно капитан Вельзевул, но даю честное слово, что никогда не намеревался грабить и разрушать замок Розольфсе и убивать герцога Норрландского и его сыновей. Даю честное слово, что я лишь недавно узнал о производстве меня в капитаны шведского флота, получив вместе с тем приказ арестовать вас троих за государственную измену, доказательство которой я, между прочим, вижу в том, что в данную минуту в Розольфском замке находится один из самых деятельных главарей заговора, нити которого протянуты между Стокгольмом и Розольфсе.

— Довольно, милостивый государь! — возразил, нахмурясь, Черный герцог.— Итак, вы с легким сердцем готовились арестовать двух молодых людей, которые за несколько часов перед тем вас спасли, кинувшись в пучину мальстрема! Вы забыли долг благодарности, забыли также, что герцогство Норрландское — независимая страна, что мой род дал уже Швеции двух королей и что я никому не обязан отчетом в своих действиях. В государственной измене можно обвинять лишь подданного, я же в подданстве у шведского короля не состоял и не состою.

— Прекрасно,— с живостью возразил капитан,— но шведский король, во всяком случае, имеет право защищаться от своих врагов.

— Не оспариваю у него этого права, которое и мне принадлежит в такой же мере,— сказал герцог.— Шведский король поручает свою защиту капитану Вельзевулу, а я поручаю свою

адмиралу Коллингвуду. Вы — пленник адмирала, а так как прежде всего вы пират, переменивший кожу лишь по случаю...

— Если только его патент не поддельный,— заметил английский офицер.

— Одним словом,— докончил Черный герцог жестким, повелительным тоном,— вы ответите за свои поступки перед военным судом.

Четыре матроса подошли к Ингольфу и взяли его за воротник. Пират хотел было оттолкнуть их всех и швырнуть в фиорд, но сообразил, что этот грубый поступок не принес бы ему никакой пользы, и спокойно дал себя арестовать, не сказав ни слова.

В эту минуту глаза его встретились с глазами Эдмунда и Олафа, и в их взглядах он прочел самое недвусмысленное сочувствие к себе. Проходя мимо молодых людей, он сказал им:

— Мне очень грустно, господа, терять ваше уважение. Но могу заверить вас, что все, сказанное мною вашему отцу,— чистая правда. За два часа перед этим я еще не знал, что арестовать мне поручено именно герцога Норрландского и его сыновей, и если я принял это поручение, то лишь потому, что вы неминуемо погибли бы, если б его исполнил кто-нибудь другой; я же дал себе клятву спасти вас во что бы то ни стало. Прощайте, господа. Вы можете поверить слову человека, у которого бесспорно много грехов на душе, но который еще ни разу в жизни не солгал...

— Отец! — воскликнули умоляюще молодые люди.

— Оставьте! — сурово остановил их Черный герцог.— Правосудие должно совершиться.

— Я должен вам заметить, милостивый государь,— сказал Ингольф английскому офицеру,— что вы арестуете штаб-офицера шведского королевского флота.

И он подал ему свой патент.

— Я исполняю лишь полученный приказ,— возразил офицер, отказываясь принять бумагу.— Дело это разберет военный суд.

Час спустя военный суд под председательством самого адмирала вынес резолюцию: Ингольфа и весь его экипаж подвергнуть смертной казни через повешение за морской разбой и за покушение на ограбление замка Розольфсе.

Осужденным дали двадцать четыре часа для того, чтобы написать письма своим семействам, сделать последние распоряжения и приготовиться к смерти. Исполнение приговора назначено было на следующий день, рано утром, на восходе солнца.

Для исследования прошлой жизни матросов «Ральфа» была назначена особая комиссия. Предполагалось собрать сведения об их происхождении и возрасте и предложить герцогу помилование некоторых из них. При этом заранее было оговорено, что офицеры и матросы, поступившие на бриг «Ральф» с других кораблей, ни в каком случае помилованию не подлежат.

Стали проверять корабельный список и недосчитались двух человек: бухгалтера Ольдгама и казначея Надода.

Красноглазый числился на «Ральфе» как казначей, чтобы матросы не делали лишних догадок.

Несмотря на самые тщательные поиски, казначея и бухгалтера нигде не нашли и даже не могли определить, хотя бы приблизительно, момент их исчезновения.

Странное совпадение: около того же времени Черный герцог хватился двух своих служителей, Гуттора и Грундвига,— и точно так же никто не мог их нигде найти.

Мы впоследствии увидим, какая связь была между исчезновением Ольдгама с Надодом, с одной стороны, и Гуттора с Грундвигом, с другой.

С тех пор как Ингольф превратился в вольного корсара, кинувшего вызов всей Европе, он взял с боя и разрушил одиннадцать английских кораблей, из которых каждый был значительно сильнее его брига. Легко поэтому понять, с какою злобой готовились англичане ему отомстить.

Очевидно, в среду «Грабителей» замешался предатель, сделавший англичанам самый обстоятельный донос о целях и намерениях экспедиции, предпринятой Ингольфом и Надодом. Адмирал Коллингвуд шел наверняка и прибыл как раз вовремя, чтобы спасти замок Розольфсе и его обитателей.

По объявлении резолюции суда Ингольфа отделили от прочих офицеров и матросов и заперли в одной из комнат Южной башни. Комната освещалась одним квадратным окошком, а дверь была крепкая, обитая железом, и не позволяла даже думать о побеге.

Внизу под этой комнатой находилось помещение Магнуса Биорна, пропавшего брата Гаральда. В эти комнаты с тех пор никто ни разу не входил. Магнус, уезжая в путешествие, запрещал входить туда без него, а в последний свой отъезд особенно настойчиво подтвердил это запрещение. Впрочем, Черному герцогу не приходилось даже и следить за тем, чтобы это запрещение соблюдалось: доступ в эту часть замка достаточно строго

охраняла существовавшая на ее счет таинственная легенда, способная расхолодить самое пылкое любопытство.

В этих комнатах некогда повесился один розольфский управляющий, причем никто так и не мог доискаться причины этого отчаянного поступка. После того шепотом стали рассказывать, что привидение управляющего каждую ночь является в тех апартаментах, болтаясь на веревке и возобновляя каждую ночь сцену самоубийства. При этом будто бы раздавались стоны и стук костей.

Комната, в которой заперли приговоренного Ингольфа, находилась на самом верху башни и выходила на четырехугольную террасу, которая шла кругом всех четырех стен старого замка. Не будь этой террасы, никто из розольфской прислуги не решился бы провести Ингольфа в верхнюю комнату, потому что в таком случае им пришлось бы пройти через заповедные покои. При всем своем высоком умственном развитии Гаральд и его сыновья были все же люди своего века, и хотя не верили суеверным россказням прислуги, однако все же чувствовали непобедимое отвращение к помещению, в котором Магнус, бывший в своей семье свободным мыслителем, хранил свои многочисленные коллекции. Впрочем, Черному герцогу однажды ночью послышались в Магнусовых комнатах какие-то странные звуки и померещился какой-то зловещий свет в окнах, и это было вскоре после исчезновения Магнуса... Больше ничего и не требовалось для того, чтобы заставить прислугу обегать такое нечистое место.

Капитанский помощник Альтенс и четыре других офицера были заперты в трюме «Ральфа» вместе с прочими матросами. Оружие было, разумеется, отобрано у всех. Все люки были наглухо забиты и охранялись часовыми, да, впрочем, о бегстве нечего было и думать ввиду того, что палуба брига была занята многочисленным отрядом англичан.

На судне Альтенс, старый морской волк, сказал следующую речь:

— Все вы подлецы и трусы,— обозвал он своих судей, — вы взяли нас в плен изменническим образом. Отдайте нам корабль и капитана и сразитесь с нами в честном бою: хоть вас и пятеро на одного, а все-таки мы потопим вас в море... Да что! Вы на это никогда не осмелитесь. Вы трепетали при одном имени капитана Вельзевула; вам понадобилось семь кораблей и две тысячи экипажа для того, чтобы погнаться за нами. Но мы еще не повешены, поэтому берегитесь!

Произнеся эту речь, Альтенс сделался нем как рыба, и больше от него не могли добиться ни слова.

День прошел совершенно спокойно, и, к удивлению англичан, из трюма не доносилось ни малейшего шума, ни малейшего крика. Когда заключенным отнесли пищу, то нашли их сидящими в порядке, по ранжиру, при унтер-офицерах и офицерах, готовыми идти на смерть как по команде.

Настал уже вечер, а ни Ольдгам, ни Надод не подавали и признака жизни. Равным образом не найдено было следов Гуттора и Грундвига.

Решено было, что оба верных служителя убиты этими двумя бандитами, убежавшими под шумок с «Ральфа», и бешенству старого Гаральда не было пределов. Даже у Олафа с Эдмундом пропала к пиратам всякая жалость.

— Завтра, как только совершится казнь,— сказал Черный герцог,— мы обыщем весь ског и, наверное, поймаем убийц.

Это сказано было за обедом, данным в замке в честь адмирала Коллингвуда и его офицеров.

— У вас есть приметы этих бандитов? — спросил адмирал.— Если есть, то ведь их нетрудно будет отыскать.

— Одного из них мы сейчас же узнаем,— отвечал Эдмунд,— потому что он замечательно похож на клерка одного английского нотариуса, по имени Пеггам, которого мы видели в Чичестере.

При имени Пеггама адмирал Коллингвуд смертельно побледнел, но сейчас же закашлялся, чтобы скрыть свое смущение. Поэтому никто не успел заметить, какое странное впечатление произвели на адмирала слова Эдмунда.

Что сказали бы Олаф и Эдмунд, если б узнали, что лорд Коллингвуд сделался пэром Англии и маркизом Эксмутским вследствие смерти своего старшего брата, погибшего со всей своей семьей в море во время кораблекрушения?!

XVIII

Замыслы Альтенса.— Раздача оружия.— Разоблачение Иоиля.— Альтенс и его план.— Побег

Англичане поступили очень опрометчиво, заперев пиратов в трюме их собственного корабля. Правда, у них и выбора другого не было, так как они прибыли к «Ральфу» на шлюпках, да при-

том же им не могло прийти в голову, что на бриге имеются все приспособления к бегству на случай казуса, подобного случившемуся.

На конце трюма имелся выдвижной люк, открывавшийся на корме. Через этот люк можно было тайно выслать в лодке часть экипажа для разведок, причем с борта корабля ничего этого нельзя было увидать. Матросы не знали об этом приспособлении, но Альтенс знал и потому в душе сильно обрадовался, когда англичане совершили свой необдуманный поступок.

Под самым трюмом был, кроме того, спрятан запас оружия, которым в случае нужды можно было снабдить пленников.

Как только закрыты были все люки и пленники остались одни, Альтенс приказал матросам разместиться в обычном порядке и объявил им о представляющейся возможности совершить побег.

— В крайнем случае,— сказал он,— нам придется вступить в бой. Англичан — пятьсот человек, а нас восемьдесят. Ну, что ж? Нам не в первый раз. Так, ребята?

Все это было сказано сухим, отрывистым тоном человека, вообще не любящего много говорить, а в данном случае не имеющего и времени на это.

Офицеры разбились на группы, переговорили друг с другом и с нижними чинами и затем передали Альтенсу единодушный ответ.

— А как же наш капитан? Мы ни за что его не покинем, мы или освободим его, или умрем вместе с ним.

В среде матросов «Ральфа» было очень немного отпетых негодяев,— большинство же было из старых военных моряков, души не чаявших в Ингольфе.

— Друзья мои,— сказал тогда некто Иоиль, один из той небольшой группы «Грабителей», которую привел с собой Надод,— нападать на замок, прежде чем будут истреблены англичане,— значит идти прямо на гибель.

— Это правда,— послышалось несколько голосов.

— В таком случае, друзья мои,— продолжал Иоиль,— не доверите ли вы мне спасение капитана? Клянусь вам, что на его голове ни одного волоса не тронут.

В ответ послышался глухой ропот. Очевидно, Иоилю не верили.

— Ты и себя-то не спас, а попался вместе с нами; каким же образом думаешь ты спасти капитана? — за всех возразил Иоилю гигант матрос по имени Ганс.

— Я сам пожелал разделить вашу участь, Ганс,— отвечал Иоиль,— потому я и с вами. Но я выражу свой вопрос иначе: верите ли вы Альтенсу, помощнику нашего капитана?

— Да! да! да!..— со всех сторон послышались голоса.

— Ну вот, так ему и сообщу придуманный мною способ выручить капитана, так как больше я не могу доверить этой тайны никому. Если господин Альтенс заявит вам, что считает мой способ несомненно надежным, откажетесь ли вы от своей безумной мысли — лезть на стены Розольфского замка и разбивать себе об них лоб?

— Мы сделаем так, как прикажет Альтенс,— единодушно отозвались матросы.

— Я позволил вам говорить,— заявил тогда особенно сухим тоном Альтенс,— но вы, кажется, забыли, что здесь никто не имеет права высказывать своего мнения. Решать так или иначе имею право только я один. Вспомните же это и молчите. Смирно!.. У меня есть свой собственный план, как спасти капитана, но я не отказываюсь выслушать и то, что скажет Иоиль. Который из них окажется наилучшим, тот я и выберу. А теперь знайте, что при существующих обстоятельствах нужна особенно строгая дисциплина, и потому я буду взыскивать за каждое нарушение ее беспощадно. Ведите же себя смирно и повинуйтесь беспрекословно, если не желаете болтаться на рее. Офицеры передадут вам мои распоряжения, из которых первое — размозжить голову всякому, который вздумает артачиться.

Иоиль подошел к Альтенсу, и они вступили между собою в беседу, результатом которой капитанский помощник, очевидно, остался очень доволен, так как суровое лицо его просияло и он закончил разговор следующими знаменательными словами:

— Хорошо, Иоиль. Я уверен, что при таких обстоятельствах у Ингольфа нет лучшего покровителя, нежели лорд Коллингвуд. Нужно только, чтоб вам удалось бежать, потому что в случае неудачи англичане будут особенно злобно преследовать вас, чтобы уничтожить следы своего преступления. Но кто же возьмется передать адмиралу требование об освобождении Ингольфа?

— Я возьмусь,— отвечал Иоиль.

— Хорошо. Ты храбрец.

Убийственно медленно тянулись часы для восьмидесяти матросов, с нетерпением ожидавших, скоро ли наступит момент их освобождения. Но вот, наконец, настала ночь и окутала пленников мраком, так как англичане не пожелали осветить трюм.

Альтенс решился привести свой замысел в исполнение сейчас же, как только заснут караульные. Он знал, что англичане провели предыдущую ночь на ногах и сильно утомились. Поэтому, надеясь на крепость замков, они заснули крепче, чем бы это следовало при существующих обстоятельствах. Из разговоров матросов наверху он узнал, что адмирал и все офицеры отправились в замок и что матросы остались под командой унтер-офицеров.

Понемногу все звуки на палубе стихли, только раздавались шаги часовых, расхаживающих взад и вперед для того, чтобы согреться от ночного холода и отогнать сон.

Но вот и эти шаги стали затихать,— очевидно, утомление донимало и часовых. Кончилось тем, что шаги окончательно стихли. Альтенс понял, что и часовые не выдержали и вздремнули, прислонившись к мачтам.

Решающая минута приближалась. Всем матросам было роздано по мушкету, по кортику и по абордажному топору. С таким вооружением экипаж «Ральфа» готов был идти на англичан, сколько бы их ни было.

Несколько минут Альтенс обдумывал, что делать дальше, и пришел к заключению, что завязывать битву на «Ральфе» неудобно, так как даже в случае победы бриг очутился бы меж двух огней: между замком и эскадрой, стоявшей в фиорде.

Получив от офицеров, обошедших ряды, рапорт, что все готовы, он тихо отодвинул задний люк и выглянул наружу.

То, что он увидал, заставило его тихо испустить радостный возглас, и он молча сжал руку Лютвига, старшего лейтенанта.

Берега фиорда были совершенно безлюдны, а вокруг «Ральфа», в методическом порядке, стояло десять или двенадцать шлюпок, в которых приплыли на бриг английские матросы. Каждая из них могла свободно вместить человек пятьдесят, и двух из них было вполне достаточно, чтобы принять весь экипаж «Ральфа».

Чтобы неслышно приблизиться к бригу, англичане обернули весла тряпками, и эта предосторожность, в свою очередь, должна была сослужить службу пиратам.

Матросы выбрались из трюма через люк и сели в шлюпки; Альтенс вышел последним и задвинул люк на прежнее место. Одной шлюпкой сел командовать Альтенс, другой — лейтенант Лютвиг. Лодки беззвучно отошли от «Ральфа», беззвучно прошли мимо «Сусанны» и посреди глубокой тишины направи-

лись к противоположному берегу фиорда, за которым уже начинался необозримый ског.

Когда шлюпки достигли берега и были достаточно далеко от эскадры и замка, Альтенс скомандовал своим звучным голосом:

— Вперед, ребята! Налегай на весла,— надобно доплыть туда, прежде чем взойдет месяц!

XIX

Фрегат и шлюпки.— Смелость Альтенса.— Похищение фрегата.— Ингольф в тюрьме.— Розольфский призрак

Тридцать два гребца налегли на весла, и две шлюпки полетели по воде со скоростью двенадцать узлов в час.

По всей вероятности, английский адмирал составил десантный отряд из матросов того фрегата, который вошел в фиорд и, преследуя «Ральфа», остановился перед цепями, заградившими ему дальнейший путь. Альтенс задумал захватить этот корабль врасплох, подобно тому, как англичане захватили бриг.

Спустя какое-то время пираты увидали вдали могучие очертания военного фрегата, гордо выделявшегося на темном фоне ночи своими батареями и мачтами.

Шлюпки шли совершенно рядом, чтобы команда слышна была на обеих одинаково ясно и чтобы не нужно было возвышать голоса.

— Стой! — сказал Альтенс.— Этот лакомый кусочек упускать не приходится.

С тех пор как на Альтенса легла ответственность за все, он сам себя не узнавал. Обыкновенно молчаливый и несловоохотливый, теперь он живо говорил с матросами, удивляя их своим красноречием.

— Ребята! — говорил он.— На таких кораблях, как этот, бывает обыкновенно от пятисот до восьмисот человек команды. Если адмирал взял для экспедиции пятьсот матросов, остается еще триста человек. Согласны ли вы испытать счастье?

— Согласны, согласны! — крикнули матросы.— Мы готовы отомстить и ни перед чем не отступим.

— Хорошо, друзья. Я был в вас уверен. Да, впрочем, нам и делать больше нечего, потому что на двух шлюпках нельзя проскочить под носом у английской эскадры, стоящей у входа в

фиорд. Кораблем нужно завладеть во что бы то ни стало. Если нам будет удача, то мы высадим Иоиля на берег,— он пойдет в замок и даст знать командиру обо всем.

Решили потихоньку приблизиться к фрегату и напасть на него врасплох, перебив всех матросов, какие только попадутся под руку. Было полное основание рассчитывать, что устрашенные неожиданным нападением матросы даже и защищаться не будут.

Для того чтобы пираты, в темноте не узнав друг друга, не нанесли как-нибудь нечаянно своим вреда, Альтенс велел каждому из них натереть себе лоб смесью серы и фосфора. Этот светящийся знак давал возможность пиратам отличить своих от врагов.

Наконец, строго-настрого было запрещено давать кому бы то ни было пощады.

Окончив все распоряжения, Альтенс повернул свою лодку к берегу, а другой лодке велел дожидаться.

— Куда же это вы? — спросил Иоиль, догадываясь, для чего это делает Альтенс.

— Хочу высадить тебя на берег,— отвечал капитанский помощник.

— После сражения, капитан. Вас немного, вы не должны лишать себя хотя бы даже одного человека, способного сражаться... Да, наконец, и мне самому хочется разделить с товарищами опасность.

— Но если тебя убьют, что тогда будет с капитаном?

— Вы замените меня кем-нибудь из ваших храбрых матросов.

— Но влияния твоего никто не заменит... Ведь свидетелем-то был ты...

— Достаточно будет открыть все герцогу... Имя Пеггама сделает все.

— Ну, ладно. Если будет нужно, в крайнем случае, я сам отправлюсь в Розольфсе. Раз уж ты непременно хочешь — поезжай с нами... Вперед!

Больше не сказано было ни одного слова. Шлюпка снова заскользила по воде, все ближе и ближе поднося к фрегату восемьдесят храбрецов, решившихся умереть или победить. Меньше чем через четверть часа они приблизились к борту фрегата, мирно стоявшего на якоре. Высокие скалы по обеим сторонам узкого канала тенью своей прикрывали их, облегчая им приближение.

Вдруг раздался крик вахтенных, перекликнувшихся между собою.

Очевидно, они бодрствовали и наблюдали зорко.

Едва замолк их крик, как оба они, без малейшего стона, упали на палубу с проломленными головами. Пираты ворвались на корабль и стали рубить абордажными топорами направо и налево.

Альтенс приказал им действовать только холодным оружием и огнестрельного не употреблять до тех пор, пока из межпалубного пространства не выбегут остальные матросы.

Ночная вахта фрегата состояла из шестидесяти человек, которые вповалку спали на палубе, завернувшись в плащи. Спали они совершенно безмятежно, зная, что капитан Вельзевул и его пираты взяты в плен и заперты. Не было, следовательно, никакого основания чего-либо опасаться, поэтому и ночное дежурство соблюдалось на этот раз только для формы.

В один миг каждый пират убил по одному матросу. Удары топорами наносились так верно, что за все время раздалось всего два или три глухих стона.

Вахтенный офицер, сидевший в ближайшей к палубе каюте, услыхал возню и подумал, что это поссорились матросы. Он вышел на палубу и в ту же минуту упал, чтобы уж больше не встать. Пятеро матросов вошли в капитанскую каюту и закололи капитана, прежде чем тот успел сообразить, что случилось.

Затем последовала ужасная сцена. Восемьдесят пиратов, понимая, что щадить кого-нибудь — значит губить себя, ворвались в межпалубное пространство и принялись крошить спящих матросов. Часть пиратов проникла в общую офицерскую каюту и перебила сонных офицеров. Одним словом, весь экипаж был перебит до последнего человека, причем ни офицеры, ни матросы не успели даже дать себе отчета в том, что происходит.

Это была не битва, а бойня. Защищаться пробовали только человек двадцать, которым удалось сплотиться тесной группой и пустить в дело кое-какое холодное оружие. Но и они в конце концов погибли так же, как и их товарищи.

В десять минут пираты исполнили свое черное дело, и из английских моряков не осталось в живых ни одного на всем фрегате.

На рассвете шесть остальных кораблей английской эскадры, стоявших милях в двух от фиорда, увидали фрегат «Медею», на всех парусах при попутном ветре выходивший из фиорда и направлявшийся к югу. Прежде чем они успели спросить фре-

гат, что это значит, как он уже сам отсалютовал им флагом и выставил разноцветные сигналы, означающие: «Спешное поручение в Англию. Приказ адмирала».

Шесть кораблей отвечали на салют, и «Медея» быстро исчезла в утреннем тумане.

Что же тем временем делалось в Розольфсе и удалось ли Иоилю поспеть вовремя, чтобы спасти капитана Вельзевула?

Что стало с Ольдгамом и Красноглазым? Удалось ли им убежать от англичан? Что касается Надода, то его исчезновение объяснялось очень просто: увидав крушение своих надежд, он, по всей вероятности, спрятался где-нибудь в доме и убрался незаметно из Норрланда. Но почтенному бухгалтеру не было никакой нужды скрываться, и ему даже в голову не могла прийти такая мысль. А между тем оба исчезли неизвестно куда.

Когда Ингольфа заперли в башню, он понял, что участь его решена и что спасти его может только чудо, а так как в чудеса он не верил, то и готовился к смерти. Он думал теперь только о своем отце, с которым не видался после своего приключения и который так был бы рад зачислению Ингольфа в регулярный флот. Прегрешения Ингольфа не были для него позором, по понятиям той эпохи, а патент на капитанский чин сглаживал их окончательно. Для него уже начиналась новая жизнь, как вдруг явились эти проклятые англичане и помешали всему... Его обвинили в покушении на грабеж Розольфского замка, что было уже несмываемым позором, так как тайное поручение, данное Ингольфу королем, должно было оставаться в секрете. Оставляя в стороне вопрос о том, был или нет герцог Норрландский независимым владетелем, во всяком случае он составил заговор против короля, и король имел полное право защищаться. Скверно во всей экспедиции было только то, что королевский фаворит Гинго действовал через гнусных посредников, вроде Надода, и из-за этого Ингольф очень много терял, так как адмиралу Коллингвуду нечего было опасаться дипломатического вмешательства со стороны министра, никогда бы не решившегося признаться, что он заодно с «Грабителями».

Другое дело, если бы Ингольфу, произведенному в капитаны, одному поручено было бы все дело. Тогда его личность была бы неприкосновенна для англичан и они никогда не посмели бы сделать того, что сделали. Но, к несчастью, знаменитый корсар действовал сообща с Надодом, и уже одно это обстоятельство оправдывало образ действий по отношению к нему английского адмирала.

Обдумав и обсудив свое положение со всех сторон, Ингольф пришел к выводу, что для него нет ни малейшей надежды на спасение. Гаральд или его сыновья еще могли бы, пожалуй, помочь чем-нибудь, но англичане отличаются совершенным отсутствием великодушия: это их характерная черта. Если даже проследить всю историю Англии, в ней не найдешь ни одного великодушного деяния.

Придя в этом отношении к определенному выводу, Ингольф стал обдумывать, не представится ли ему какой-либо возможности совершить побег.

Он принялся тщательно осматривать свое помещение. Тюрьма освещалась единственным окошком в тридцать сантиметров высоты при десяти сантиметрах ширины. Убежать через такое отверстие можно было только при помощи доброй феи, если б та превратила узника в птицу. Стены были необъятной, чисто средневековой ширины, а двери были железные, и о том, чтоб их выломать, нечего было и думать. Тюрьма была выбрана замечательно-удачно, и сам Надод, если б его туда засадили, закончил бы тут ряд своих счастливых побегов. Целый день Ингольф придумывал какой-нибудь способ к побегу и не придумал ничего.

В течение нескольких часов Ингольф предавался безумной ярости. Умереть в двадцать семь лет позорной смертью в качестве сообщника гнусного Надода Красноглазого, умереть смертью простого грабителя — это было ужасно! Как зверь в клетке, метался он по своей тюрьме, в отчаянии ломая руки... Неужели никто не явится к нему на помощь в последний час? Неужели эта ночь будет для него последней, неужели ему остается жить лишь несколько часов?

— Меня называют капитаном Вельзевулом! — вскричал Ингольф.— Неужели никто не придет ко мне на помощь и я должен погибнуть...

Он не успел договорить, как в стене раздался глухой стук, словно в ответ на этот призыв.

Ингольф не был суеверен, но такое странное совпадение подействовало и на него. Возбуждение его разом стихло, уступив место глубокому изумлению. Он остановился, удерживая дыхание, и прислушался — не повторится ли стук.

В замке все давно уже спали. В честь спасителей Розольфского замка было выпито много шампанского и рейнвейна, так что лорда Коллингвуда и его офицеров пришлось унести спать мертвецки пьяных. Ночь стояла торжественная, безмолвная.

Снизу до башни, в которой сидел Ингольф, не доносилось ни малейшего шума, а между тем как раз около этого времени совершился побег пиратов из трюма «Ральфа».

Стук не повторялся в течение нескольких минут, и Ингольф уже пришел к заключению, что ему просто послышалось. Продолжая, однако, размышлять об этом, он решил, что, во всяком случае, не мог же он до такой степени обмануться. Полубессознательно подошел он к стене и стукнул в нее два раза. Ответа не было. Для чего же ему стучали тогда? Что это значило?.. Он приложился ухом к стене и невольно вздрогнул от головы до ног: за стеною слышались какие-то странные стоны, потом чей-то голос затянул заунывную песню вроде колыбельных песен лопарей и гренландцев. Кто бы это мог петь в старом замке, давно погруженном в глубокий сон?

Не тот ли это незнакомец, который стучал в стену? Но почему же он не отвечает, не отзывается?.. Ингольф принялся стучать в стену изо всех сил. Пение затихло. Настала опять глубокая тишина. Тщетно узник ломал себе голову, придумывая какое-нибудь объяснение,— ничего придумать он не мог.

Вдруг на террасе послышались шаги, в тюремной двери отворилась узенькая форточка, чей-то голос снаружи окликнул узника:

— Капитан Ингольф!

— Что нужно? — отозвался корсар.

— Я послан к вам с очень неприятным поручением, которое обязан исполнить, как адъютант адмирала.

— Говорите.

— Наступил час вашей казни. Вам остается только десять минут.

— Как! Ночью! — вскричал Ингольф.— Знаете, после этого вы — варвары, дикари...

— Но ведь вы не знаете...— сказал офицер и замялся.

— Какая-нибудь новая гнусность? — спросил Ингольф.

— Сейчас открылось, что все ваши матросы убежали из трюма «Ральфа». Когда это случилось — неизвестно...

— А, теперь я понимаю,— перебил Ингольф.— Ваш адмирал, несмотря на превосходство сил, боится, как бы мои храбрые моряки не освободили меня... Но битвы ему во всяком случае не избежать: мои моряки — не такие люди, чтобы стали спокойно издали смотреть, как умирает на виселице их капитан.

— К сожалению, я должен вас предупредить, что ваша казнь совершится во внутреннем дворе замка.

— Да ведь уж вы известные подлецы и трусы, я на ваш счет никогда не ошибался.

— Вам можно простить эти слова ввиду предстоящей смерти. Мне приказано доставить вам все, чего вы пожелаете.

— Вы говорите: мне осталось десять минут. Хорошо. Позвольте же мне попросить вас, чтобы вы избавили меня от своего присутствия и оставили одного.

— Мне остается только повиноваться.

Форточка захлопнулась, и шаги, постепенно удаляясь, затихли на террасе.

— Через десять минут меня повесят! — говорил, оставшись один, Ингольф.— Повесят! Через десять минут от меня не останется ничего, кроме бренной оболочки! Интересно знать, что после того будет с моим «я», во что оно превратится?..

Такие мысли занимали капитана Вельзевула в последние минуты его жизни. Он был моряк, а жизнь моряка развивает наклонности к отвлеченным размышлениям. Затем Ингольфу вспомнилось его детство, вспомнился старик отец, с тревогой дожидавшийся в Копенгагене возвращения своего сына, которого ему не суждено было увидать. Матери своей Ингольф не помнил... При мысли об отце сердце молодого человека сжалось до боли и слезы выступили на его глазах.

Под гнетом ужасной тоски он прошептал:

— Как долго тянутся эти десять минут!

В противоположность слабодушным людям, готовым надеяться до самой последней минуты, Ингольф, убедившись в неизбежной смерти, торопился избавиться от горьких воспоминаний и поскорее обрести вечный покой.

Едва он успел произнести эти слова, как в стене опять послышался стук, на этот раз гораздо слышнее, чем в первый раз. Ингольф, сидевший на стуле с опущенной головой, вдруг приподнял голову и вскричал печальным и дрожащим голосом:

— Кто бы ты ни был, друг или враг, зачем ты смущаешь мои последние минуты?

Вслед за тем на террасе послышались звучные, мерные шаги солдат по каменным плитам. Десять минут прошли, и за Ингольфом явился взвод солдат, чтобы вести его на казнь.

Ингольф лишь слегка вздрогнул. Он готов был ко всему.

— Стой! — скомандовал офицер.— Становись в две шеренги!

Ингольф ступил несколько шагов к двери, чтобы гордо и с улыбкой встретить своих палачей. Вдруг налево послы-

шался легкий шорох. Ингольф обернулся — и едва не лишился чувств: при скудном свете ночника, освещавшего комнату, он увидал, как стена раздвинулась и в образовавшемся отверстии появилось что-то вроде призрака с тусклыми впалыми глазами.

Щеки и руки у призрака были тощи, как у скелета. Он был закутан в длинный черный саван и знаками подзывал к себе Ингольфа.

В замке двери между тем уже поворачивался ключ. Ингольф без колебания бросился в отверстие стены, призрак посторонился, чтобы пропустить его, и стена снова беззвучно сдвинулась.

В это самое время дверь отворилась, и Ингольф за стеной расслышал, как чей-то повелительный голос крикнул:

— Капитан Ингольф, десять минут прошли, ступайте за мной.

Вслед за тем раздался крик ярости: офицер увидал, что Ингольфа нет...

XX

Мистер Ольдгам сходится во мнениях с Грундвигом.— Неудачные попытки Эриксона.— Ольдгам принимает Грундвига за полинезийца

Пора, однако, нам посмотреть, что сталось с мистером Ольдгамом и другими интересными личностями, фигурирующими в нашем правдивом рассказе.

Первой заботой Ингольфа, по прибытии в Розольфсе, было запереть почтенного бухгалтера в особую каюту и приставить к дверям часового, чтобы мистер Ольдгам не выбежал и не наделал бед своим болтливым языком.

Молодому лейтенанту Эриксону, большому приятелю бухгалтера, было поручено сделать так, чтобы мистер Ольдгам подчинился своей участи. Но — увы! — на этот раз все красноречие офицера осталось втуне: почтенный клерк ничего не хотел слышать. Напрасно Эриксон рассказывал про розольфскую стоянку разные ужасы и даже придумал ей название «бухты Убийств», уверяя, что здешние канаки всякого высадившегося на берег немедленно убивают, потрошат, начиняют картофелем и, зажарив на вертеле, съедают,— мистер Ольдгам нисколько не отступался от своего желания выйти на берег.

— Брр! — пугал его Эриксон.— Как это вы будете жариться в собственном соку... Бедный Ольдгам!..

Даже и это не действовало. Клерк непременно желал посмотреть на канаков, чтобы потом дома, в тихом семейном кругу, рассказывать по вечерам о своих приключениях.

Все доводы Эриксона были напрасны. Добряк-счетовод был упрям и ни за что не хотел отступиться от того, что раз навсегда вбил себе в голову.

Истощив все аргументы, офицер решился сказать Ольдгаму правду и объявил ему напрямик, что бриг «Ральф» находится вовсе не в Океании, а в Норрланде, около самой Лапландии, в тридцати градусах от Северного полюса.

Ольдгам не дал ему даже и договорить — покатился со смеху.

— Рассказывайте! — сказал он.— На каком же это полюсе солнце может греть в течение восемнадцати часов?

— Да ведь чем ближе к полюсу, тем дни дольше,— возразил лейтенант.— Если бы мы были на экваторе, то дни равнялись бы ночи, потому ведь экватор и называется равноденственною линией.

— Оставьте вы свои шутки,— твердил свое Ольдгам.— Не знаю, что у вас за причина не пускать меня на берег, но что мы в Океании — в этом я убежден. И капитан, и Надод, все вы говорили мне, что идете в Океанию. Тогда у вас не было причины меня обманывать. Да, наконец, я хоть и близорук, а все-таки разглядел и берега, и роскошную тропическую растительность... Как хотите, а на берег я съеду, не посмотрю на вашего часового. Вы узнаете на опыте, Эриксон, что англичанин никому не позволит насмехаться над собою.

Отвечать было нечего. Лейтенант ушел, приказав часовому, чтобы он смотрел за бухгалтером в оба.

Решившись на этот раз во что бы то ни стало исполнить свое намерение, Ольдгам подсчитал кассу, подвел баланс, привел в порядок все книги и стал готовиться к побегу.

Вычислив свою долю в призах, так как никто не держал на корабле много денег на случай несчастья, мистер Ольдгам оказался обладателем 150 000 франков, которые лежали у банкиров Дерлинга и Фрэзера в Лондоне. Ввиду скромных вкусов мистера Ольдгама сумма эта была для него очень значительна. Ее достало бы ему на то, чтобы всю жизнь прожить без нужды, даже если б нотариус Пеггам и не взял его опять на прежнее место.

Он решился покинуть «Ральф» навсегда, что считал себя вправе сделать в любое время, так как на бриге его держали насильно. Наличных денег было у него в данную минуту 18 000 франков. Он их держал при себе для того, чтобы накупить всевозможных коллекций и украсить ими свой кабинет в Чичестере.

Уложив в небольшой мешок провизии на три дня, мистер Ольдгам стал нетерпеливо дожидаться ночи.

Как раз под окном его каюты плавала привязанная на простую веревку лодочка, в которой обыкновенно ездил по своим делам повар. Когда стемнело, Ольдгам тихонько притянул лодочку к борту корабля, тихо спустился в нее из окошка каюты, обрезал веревку и поплыл в море.

Сердце билось у него сильно, когда он отъезжал от корабля, но, к счастью, его никто не заметил.

Незаметно приблизился он к «Сусанне», стоявшей на якоре, и поспешил скрыться за ней. Тут уж он был вне опасности и, благополучно доехав до берега фиорда, который считал рекою, радостно выпрыгнул из лодки.

Он был спасен, так как Ингольф, отправляясь в замок, строго запретил своим матросам сходить с корабля.

Почтенный клерк, ничего не знавший о случившемся событии, полагал, что капитан Ингольф отправился в гости к какому-нибудь европейскому колонисту, и это вполне успокаивало его относительно людоедства туземцев.

Едва Ольдгам ступил по берегу несколько шагов, как перед ним выросла чья-то тень и обратилась к нему с речью на незнакомом языке.

Ольдгам нисколько не испугался. Он этого ожидал. Разумеется, он должен же был кого-нибудь встретить, и чем скорее это случилось, тем лучше,— по крайней мере, не придется ночевать под открытым небом.

«Это, должно быть, канак,— подумал он.— Как жаль, что я не знаю местного наречия!»

Незнакомец повторил свою фразу.

— Друг мой,— отвечал по-английски Ольдгам,— я, к несчастью, не знаю твоего благозвучного диалекта, я иностранец и приехал на твой остров в первый раз, чтобы изучить нравы и обычаи туземцев и проверить рассказы путешественников.

— Кто бы ты ни был,— отвечал ему по-английски Грундвиг (туземец был не кто иной, как он),— я очень рад тебя видеть в нашей стране.

— Канак, говорящий по-английски! — изумился вслух мистер Ольдгам.— Вот уж никак не ожидал!

«Он меня принимает за канака! — подумал старый норрландец.— Кто же он такой? Сумасшедший или шутник?»

В голове Грундвига постоянно сидела мысль — отыскать Фредерика Биорна. Верному слуге показалось, что лицо Ингольфа необычайно напоминает изящные и благородные черты покойной герцогини. Путешествуя с Магнусом Биорном в Китай, Японию, Индию и даже в Океанию, Грундвиг всюду разыскивал следы пропавшего мальчика, но ни на одном из тех мальчиков и юношей, которых он принимал за Фредерика Биорна, не оказывалось биорнского клейма, неизгладимым способом накладываемого на каждого родившегося в этом семействе младенца мужского пола. При виде же Ингольфа у Грундвига явилось какое-то необыкновенно сильное предчувствие, что этот молодой человек и есть Фредерик...

Об Ингольфе, об его семейном положении он ничего не знал, а между тем едва не упал в обморок, когда увидал его лицо.

Прежде чем откровенно обратиться к капитану «Ральфа» с вопросом, нет ли у него на груди клейма, он решился воспользоваться отсутствием Ингольфа и отправиться на бриг, чтобы поболтать с кем-нибудь из тамошних людей и навести справки об их капитане. Случай совершенно неожиданно свел его с почтенным Ольдгамом.

Услыхав, что незнакомец принимает его за канака, Грундвиг собирался уже разъяснить ему его ошибку, но Ольдгам продолжал свою болтовню, не дав Грундвигу раскрыть рта:

— Извините мое волнение, почтенный полинезиец, но ведь я, знаете ли, вот уж двадцать лет собирался посетить Океанию — и никак это мне не удавалось. Ведь я — простой клерк в конторе нотариуса на берегу Англии и согласился сесть на этот бриг лишь с тем условием, чтобы меня свозили посмотреть Океанию, куда бриг именно и шел, как говорил сам капитан. Правда, когда мы сюда пришли, лейтенант Эриксон стал уверять, что здешние жители людоеды, но я не побоялся этого и все-таки вышел на берег, вверив себя святым законам гостеприимства, которые не чужды, конечно, и вам, о первобытные чада природы!.. Теперь я слышал из уст твоих, почтенный полинезиец, английскую речь и заключаю из этого, что цивилизация не чужда и твоей родине. Итак, вверяюсь тебе всецело... Ты, вероятно, здешний великий вождь?

Грундвиг был человек очень умный и в замке занимал положение не столько слуги, сколько доверенного человека, наперсника. Для своего времени он был даже довольно образован и начитан. Поэтому, слушая наивную речь Ольдгама, он сразу же понял, что видит пред собой какого-нибудь легковерного простака, которого вышучивают офицеры брига. Имея в виду чего-нибудь добиться от незнакомца, Грундвиг не стал его разуверять и преважно отвечал ему, сдерживаясь, чтобы не прыснуть от смеха:

— Да, Утава — великий вождь, и он приветствует белого гостя в своих владениях. Но прежде чем я отведу тебя в свою хижину, ты должен ответить мне на мои вопросы, ибо мои братья послали меня узнать, что это за корабль пришел к нам.

— Спрашивай! Ольдгам с удовольствием ответит своему брату Утаве! — отвечал клерк, подделываясь под манеру своего собеседника.

— Кто капитан этой большой лодки?

— Его зовут Ингольф, он капитан шведской службы. Швеция — это страна, которой ты, Утава, не знаешь. Там настолько холодно, насколько здесь жарко.

При других обстоятельствах этот ответ насмешил бы Грундвига, но теперь ему было не до смеха. Сердце его сжималось от страха, что ему не удастся узнать того, чего он желает.

Он продолжал допрос:

— Где живут родители капитана и знал ли ты их?

— Ничего не могу тебе ответить, потому что сам познакомился с капитаном Ингольфом только на корабле.

Этот ответ причинил Грундвигу сильное разочарование, но все-таки старый слуга продолжал слушать, так как Ольдгам пояснял дальше.

— Впрочем, если ты желаешь подробных и самых верных сведений,— говорил клерк,— то на корабле есть человек, которому известно все прошлое капитана. Это один белый... вернее, рыжий, и, одним словом, европеец, то есть такой же человек, как и я.

— Как его зовут?

— Его зовут Нададом.

— Нададом! — вскричал Грундвиг, не в силах будучи скрыть своего удивления.

— Да, Нададом... Что тебя так удивляет это имя? Оно очень обыкновенно в Швеции и Норвегии, и нотариус Пеггам, у кото-

рого я служил, говорил мне, что этот человек родился в герцогстве Норрландском.

— Надод!.. Норрландское герцогство! — пробормотал Грундвиг, удивление которого росло.

— У этого Надода,— докончил Ольдгам,— есть еще прозвище Красноглазый, потому что один глаз у него налит кровью и совершенно вышел из орбит. Его, говорят, очень сильно побили в детстве. Пеггам мне рассказывал, что Надода наказали так по приказу его господ за то, что он недоглядел за ребенком, который был поручен его надзору, и тот утонул.

Грундвиг слушал Ольдгама, боясь вздохнуть, боясь проронить хотя бы словечко.

— Впрочем, я не вполне уверен, утонул ли ребенок: мне помнится, мистер Пеггам говорил, что мальчик жив. Эти рассказы меня никогда особенно не интересовали, поэтому я и слушал их кое-как, без большого внимания. Одно могу тебе сказать, мой друг Утава, что Надод находится на корабле и что никто лучше этого человека не может рассказать тебе о нашем капитане.

Грундвиг не мог ошибиться в личности Надода, потому что приговор герцога исполнял он, Грундвиг, вместе с Гуттором.

— Слава тебе, Господи! — пробормотал он вполголоса.— Да, это он: предчувствие на этот раз не обмануло меня... Надобно увидать этого Надода, вырвать у него тайну... И зачем он явился опять в Розольфсе! Уж, разумеется, не за хорошим делом. Этот гнусный бандит на хорошее дело не способен... Разве, убегая из замка, он не поклялся жестоко отомстить за причиненное ему увечье? Разве он не говорил, что не успокоится до тех пор, покуда не омоет руки в крови последнего из Биорнов?.. Разве не поклялся он меня с Гуттором пригвоздить живыми к воротам замка?.. Боже мой! Что, если он явился сюда теперь именно для того, чтобы исполнить свои угрозы?.. И почему он прибыл именно на этом бриге?.. О, какая дьявольская мысль: разрушить Розольфсе руками одного из Биорнов!.. Ужасная мысль, но вполне достойная такого бандита... Нельзя терять времени, необходимо овладеть Надодом во что бы то ни стало... Но как это сделать?..

Он задумался...

Весь его предыдущий монолог был сказан на том наречии, которым говорят норвежские поморцы, и Ольдгам, не понявший ни одного слова, был уверен, что слышит настоящий канакский язык. Вместе с тем он полагал, что великий вождь Утава про-

износит какое-нибудь заклинание против духов ночи,— об этом почтенный клерк тоже вычитал в книге о путешествиях.

Грундвиг был теперь убежден не только в том, что Ингольф есть Фредерик Биорн, но и в том, что Надод нарочно воспитал его для своего мщения и внушил ему мысль разрушить Розольфский замок. Злее этой мести не могло быть — уничтожить род Биорнов через одного из членов этого же рода! Но это было не так. Такая идея, конечно, легко бы могла прийти Надоду в голову, но в действительности он вовсе не воспитывал Ингольфа и даже не знал его до тех пор, пока три месяца тому назад министр Гинго не посоветовал ему обратиться к молодому корсару. Министру Гинго хотелось овладеть Черным герцогом и его детьми, но так, чтобы самому остаться в стороне в случае неудачи. Что же касается ближайшей цели Надода, то Грундвиг не ошибался относительно ее нисколько: бывший розольфский крепостной собирался мстить своим прежним господам и всем тем, которые так или иначе участвовали в исполнении над ним грозного приговора.

Вдруг Ольдгам позволил себе нарушить молчание и вывести предполагаемого Утаву из задумчивости: на «Ральфе» в это время зажглись огни, как это делается ночью на военных кораблях, и на корме брига показался человек, прохаживающийся взад и вперед. Даже издали можно было заметить, что у этого человека непомерно большая голова.

— Вот, мой друг Утава, тот самый человек, о котором я тебе говорил,— сказал Ольдгам.— Это Надод Красноглазый. Он дожидается капитана, который съехал на берег в гости к одному колонисту. Что касается меня, я предпочитаю погостить у кого-нибудь из туземцев: это гораздо интереснее.

— Мой белый брат рассуждает совершенно справедливо,— отвечал Грундвиг, которому хотелось поскорее избавиться от собеседника, уже начинавшего ему надоедать и мешать.— Пойдем со мной, я велю тебя проводить в мою хижину одному из моих воинов, а самому мне нужно здесь пробыть еще какое-то время.

Грундвиг и Ольдгам прошли молча около мили, затем верный слуга Биорнов взял свисток, висевший у него на шнурке, и несколько раз протяжно свистнул.

Спустя десять минут захрустел валежник — послышались чьи-то шаги.

— Это ты, Вилль? — спросил Грундвиг.

— Я, господин Грунд,— отозвался молодой голос.

Розольфские слуги очень часто называли Грундвига сокращенным именем Грунд. Это делалось из особенного к нему уважения, как к главному слуге Черного герцога.

Вилль был очень толковый юноша и обучался у лучшего стокгольмского ветеринара. Гаральд поручил ему главный надзор за стадами, за лошадьми и за охотничьими собаками. Грундвиг уже успел придумать отправить Ольдгама в ског, где паслись олени и были выстроены палатки для пастухов. Роскошная трава и оригинальные костюмы лопарей, по мнению Грундвига, должны были оставить близорукого и легковерного Ольдгама при его иллюзии, будто он находится в Океании.

Отведя Вилля в сторону, Грундвиг в коротких словах объяснил ему, в чем дело. Вилль должен был увести Ольдгама на большую пастушескую стоянку Иокильсфильд, так как теперь, после разговора, было бы слишком опасно позволять ему встречаться с Надодом.

Грундвиг представил Ольдгаму Вилля как своего родственника-туземца, которому белый гость может вполне довериться. Почтенный клерк принялся горячо благодарить, и Вилль увел его. Близорукость Ольдгама чрезвычайно облегчала задачу Вилля.

Как только они скрылись, Грундвиг побежал в замок и сейчас же опять вышел оттуда, но уже не один, а с Гуттором.

XXI

Замысел Грундвига.— Его предположения.— Подслушанный разговор.— Два шпиона.— Короткая расправа.— Поимка Надода

Гуттор был с виду настоящий северный богатырь — шести футов ростом, широкоплечий, с огромными руками и ногами и обладал просто феноменальной силой. Был с ним однажды такой случай. Эдмунд, состоя на французской службе, командовал фрегатом «Сеньеле». Однажды на этом судне с грот-мачты упал матрос. Несчастному при падении грозила смерть, но Гуттор подбежал, раскинул руки и принял падающего матроса при громких аплодисментах всей команды. При такой громадной силе он уступал Грундвигу в тонкости ума, но не в преданности и любви к Биорнам. Разница между обоими была, впрочем, еще та, что Грундвиг постоянно боялся за молодых своих господ, а Гуттор, не рассуждая, готов был содействовать им во всяком

предприятии, какое бы только они ни затеяли. Гуттор был любимцем Фрица, которого сам и выдрессировал. Когда медведь приходил в дурное расположение, силач хватал его за загривок, как щенка, и сажал в клетку.

Олаф и Эдмунд души не чаяли в своем богатыре, с которым чувствовали себя в безопасности где бы то ни было.

— Я совершенно с тобой согласен,— говорил Гуттор своему другу, идя с ним к берегу фиорда,— что Надод явился в Розольфсе с каким-нибудь дурным намерением. Недаром же он так старательно прячется от нас... Впрочем, у нас есть только одно средство узнать, что он затевает,— это овладеть им.

— Да как это сделать?

— Ты вот не хочешь пустить меня прямо на корабль.

— Помилуй, что ты... Это все нужно сделать в самой строгой тайне.

— Правда, тем более что у него ведь сообщники... Знаешь, я нахожу, что герцог напрасно пригласил к себе в гости этого капитана. Этот молодец тоже не лучше других, я думаю.

— Неужели ты подозреваешь молодого командира «Ральфа»?

— Все они одного поля ягоды!

— Слушай, Гуттор,— сказал тогда, сдерживая волнение, Грундвиг,— я скажу тебе необыкновенную новость... Слышишь ты, как у меня дрожит голос?

— Да. Отчего же это?

— Ты не заметил, как похож капитан Ингольф на нашу покойную госпожу, герцогиню Норрландскую?

— Ты опять за свое! — засмеялся Гуттор, но сейчас же вновь сделался серьезен.— Ты всегда так. Ты и в смерть бедной Леоноры не верил и говорил, что не поверишь, покуда тебе не покажут ее мертвой, а между тем она погибла в море во время бури,— погибла вместе с мужем, герцогом Эксмутом и со всеми детьми. Тебе почему-то кажется, что Биорны не могут погибать, как другие люди. Разуверься, Грундвиг: они — такие же смертные, как и все.

— Фредерик Биорн утонул в море пяти лет от роду; Леонора, его сестра, умерла той же смертью двадцати восьми лет... Ты скажешь — это судьба, а по-моему, тут оба раза было преступление... Но что Фредерик Биорн не умер, а был только похищен — в этом я теперь убедился, и у меня даже есть доказательство.

— Что ты говоришь? — вскричал изумленный Гуттор.

— Правду говорю. Ты сам знаешь, что у меня нет обыкновения лгать.

— Это верно, но ты можешь ошибиться.

— Я же тебе говорю, что у меня есть доказательство, понял?

— Кто же он? Уж не капитан ли «Ральфа»?

— Этого я не говорю.

— Зачем же ты упомянул о его сходстве с покойной герцогиней?

— Выслушай меня внимательно, Гуттор. Я получил несомненные доказательства, что Фредерик Биорн жив, но еще не могу сказать утвердительно, что он и капитан брига одно и то же лицо. Это только мое предположение, но я тебе сейчас объясню, на чем оно у меня основано.

— Говори. Это интересно,— сказал в высшей степени заинтересованный Гуттор.

— Сегодня утром я чуть не упал в обморок, когда увидал капитана,— до такой степени поразило меня его сходство с нашей покойной госпожой. Несколько часов спустя я узнаю, что молодой Фредерик Биорн никогда не умирал и что Надод находится на бриге. Как же после этого не предположить...

— Действительно, все это очень странно... Теперь вот что: Надод, конечно, прибыл сюда для того, чтобы мстить. Но что же он может сделать один? И почему именно он приехал на «Ральфе»?.. Очевидно, он рассчитывал на помощь матросов этого корабля, а стало быть, и капитан Ингольф нисколько не лучше Надода.

— Ты меня пугаешь, Гуттор... Знаешь, я сам об этом думаю... Что, если этот негодяй воспитал его для преступлений?

— Да?.. Ну, в таком случае твой капитан не может быть Биорном, и ты можешь успокоиться,— убежденным тоном заявил богатырь.— Порода всегда скажется.

— Однако на рассуждениях далеко не уйдешь. Покуда Надод не в наших руках, мы ничего не узнаем.

— О! — произнес со зловещей улыбкой Гуттор.— Я берусь заставить его говорить.

Они подошли к берегу и остановились напротив брига, на корме которого расхаживал Надод, дожидавшийся Ингольфа.

Грундвиг указал на него Гуттору:

— Только бы он сошел на берег!

— Подождем,— сказал Гуттор,— быть может, и сойдет.

Вдруг вдали послышались чьи-то шаги.

То возвращался Ингольф.

Два друга спрятались в кустах и притаились. Капитан прошел мимо, не заметив их. Когда он взошел на корабль, друзья встали и в ту же минуту услыхали со стороны фиорда чьи-то голоса.

Какие-то люди разговаривали очень громко, очевидно уверенные, что они совершенно одни. Разговаривая, они шли к тому месту, где находились Грундвиг и Гуттор, поспешившие тем временем опять спрятаться.

— Дальше идти незачем,— говорил один из незнакомцев,— Надод отлично услышит нас и отсюда. Ты знаешь,— он не велит слишком близко подходить к кораблю.

— Ну, уж теперь, я думаю, он будет нами доволен,— отвечал другой,— ведь мы все его приказания исполнили в точности... Но странно, право: что за фантазия ему пришла назначить нам свидание здесь, а не у входа в фиорд, как было прежде условлено?

— Очень понятно: ему хочется быть поближе к замку, чтобы не так далеко было перетаскивать на корабль миллионы, хранящиеся в кладовых Розольфского замка.

Грундвиг и Гуттор взволнованно переглянулись.

Разговор продолжался.

— Не знаю, право, что меня удержало в прошлую ночь... А как мне хотелось пустить пулю в герцога, когда тот встретился с иностранцем, уложившим медведя. По крайней мере, в решительный день было бы значительно меньше дел...

— Разве ты думаешь, что всех перебьют?

— Всех. Надод никого не хочет щадить.

— Знаешь, Торнвальд, он ужасный человек.

— Да, Трумп, совершенно верно; но нам ли на это жаловаться? Благодаря ему мы сделаемся так богаты, что заживем честными людьми. Тогда, Торнвальд, нам, в свою очередь, придется бояться воров.

Эта штука насмешила обоих бандитов, и они громко засмеялись. Грундвиг воспользовался этим и сказал шепотом своему товарищу:

— Неужели мы дадим им уйти?

— Нет, нужно сделать так, чтобы в решительный день было поменьше дел...— отвечал Гуттор фразой, подслушанной минутой раньше.— Хватать, что ли?

— Подождем еще немного, быть может, мы узнаем очень важные вещи.

Перестав смеяться, разбойники возобновили прерванную беседу.

— Знаешь, Трумп,— сказал тот бандит, который был, по-видимому, старше годами,— ты замечательно счастлив: еще новичок, а уже рискуешь виселицей.

— У меня отец и два брата погибли на виселице, дружище Торнвальд; меня этим не удивишь.

— А! Ну, теперь я понимаю, за что судьба посылает тебе такое счастье... Ты еще не был на каторге?

— Нет, но в тюрьме полгода отсидел.

— Э, да ты совсем еще невинность... Я вот уж тридцать лет работаю, двадцать два года с ядром на ноге проходил, клеймо на мне выжгли, а между тем еще в первый только раз участвую в деле, которое пахнет миллионами. Ты еще только начинаешь карьеру — и уже попал в такое великолепное предприятие! Ведь подумай — эти миллионы веками копились... да, веками! Лет тысячу, по крайней мере...

— Что бы ты сказал, Торнвальд, если б я тебе предложил дело еще более выгодное?

— Ты!.. Молокосос!..

— Да, я. Не продать ли нам тайну за миллион на каждого?

— Замолчи, несчастный! Ну, если тебя услышит Надод? — произнес Торнвальд с дрожью во всем теле.— Вот и видно, что ты еще не знаешь его хорошенько.

— Я пошутил,— возразил Трумп.

— Не шути так в другой раз. Однако пора дать Надоду условный сигнал.

— Скажи, пожалуйста, как это ты так удачно подражаешь крику той гадкой птицы... как ее?..

— Снеговой совы?

— Да.

— А вот как. Слушай.

И бандит с замечательным искусством крикнул по-совиному.

— Вот как, парень. Слышал? Видел?.. Ну, а по второму крику сюда явится Надод.

— Вперед! — сказал шепотом Грундвиг.— Да смотри не промахнись. Кинжала не надобно, а то они, пожалуй, закричат. Сдавим им горло и...

Два друга поползли по траве так искусно, что не было слышно ни малейшего шороха.

— Вот ночь так ночь! — вскричал Торнвальд.— Дальше носа не видать... Очень удобно в это время душить кого надо...

Он не договорил: две железные руки сдавили ему горло. То был Гуттор. Богатырь нарочно выбрал себе Торнвальда, так как предполагал, что он сильнее Трумпа. И действительно, едва ли кто-нибудь, кроме Гуттора, мог справиться со старым бандитом. Этот последний отчаянно бился в державших его руках, но Гуттор давил ему горло словно железными тисками, и через несколько минут злодей лежал мертвый в траве.

Молодой Трумп почти не защищался. Застигнутый врасплох, он после нескольких судорог замер в могучих руках Грундвига...

— Что нам делать с этой падалью? — спросил Гуттор.

— Там увидим,— отвечал Грундвиг,— а теперь надо поскорее дать другой сигнал, чтобы вызвать Надода на берег. Надобно, чтобы промежуток между обоими сигналами был не слишком длинен.

И он крикнул, как кричит снеговая сова, сделав это с не меньшим совершенством подражания, чем незадолго перед тем Торнвальд.

Это было как раз в ту минуту, когда Красноглазый ушел от Ингольфа, уговорив его исполнить приказание Гинго.

Выйдя на берег фиорда, Надод стал вглядываться в темноту, чтобы узнать, в какую сторону надо идти. Раздавшийся легкий кашель указал ему направление.

Надод повернул немного вправо.

Гуттор и Грундвиг отошли шагов на сто, чтобы Надод не увидал мертвецов, а также для того, чтобы быть подальше от корабля.

— Есть у тебя чем его связать и заткнуть ему рот? — спросил шепотом Гуттор.

— Держу в руках и то и другое.

— Ладно. Предоставь сделать первое нападение мне, так как он, вероятно, силен: он и двенадцатилетним мальчишкой был уже силачом. Я схвачу его сзади, а ты тем временем поскорее заткни ему рот.

— Хорошо... Но тс!.. Молчи!..

Надод подходил, приговаривая тихонько: «Гм!.. Гм!..» Грундвиг отвечал тем же... В темноте неясно обрисовывалась коренастая фигура бандита, и Грундвиг с Гуттором разом почувствовали, что противник будет у них серьезный.

Гуттор торопливо шепнул своему товарищу:

— Смотри же, не суйся, а то ты мне только помешаешь. В открытой борьбе богатырь справился бы, конечно, с Надо-

дом в десять секунд, но тут дело шло не о том, чтобы убить Надода, а о том, чтобы взять его живым и в то же время помешать ему крикнуть. Тут, стало быть, нужна была не только сила, но и ловкость.

Гуттор присел в траву, а Грундвиг прошел шагов двенадцать вперед.

Бандит был спокоен. Между тем малейший случай мог все погубить. Предшествующий день был очень жаркий, и теперь на небе по временам вспыхивали зарницы. Как раз тогда, когда бандит проходил мимо Гуттора, вспыхнула особенно яркая зарница. К счастью, Надод не успел ничего заметить. Впрочем, он смутно разглядел перед собою человека.

— Это ты, Торнвальд? — спросил он.— А где же твой товарищ?

Необходимо было отвечать — иначе у негодяя непременно явилось бы подозрение. Но что, если он вдруг услышит не тот голос, которого ожидает?

Однако Грундвиг все-таки решился ответить.

— Он спит в траве,— отвечал он шепотом и так тихо, что Надод едва-едва расслышал.

— Этакий лентяй!.. Но ты можешь говорить громче, мы ничем...

Он не договорил.

Грундвиг кашлянул. Это был сигнал. Гуттор, уже стоявший сзади бандита, вдруг обхватил его руками и сдавил ему грудь так, что у того перехватило дыхание. Нападение было так внезапно, что негодяй, считавший себя в полной безопасности, от изумления раскрыл рот и поперхнулся недоговоренной фразой.

Одним прыжком Грундвиг подскочил к нему и заткнул ему рот кляпом.

— Поторапливайся,— сказал товарищу богатырь своим ровным, спокойным голосом,— а то этот негодяй колотит меня по ногам каблуками... Но если он надеется вырваться...

— Не бойся, он сейчас успокоится,— отвечал Грундвиг и, обратясь к бандиту, продолжал: — Слушай, Над, злодей и убийца, я — Грундвиг, а держит тебя в своих руках Гуттор, одним ударом кулака убивающий буйвола. Ты не забыл ведь нас, разумеется?.. Ну, так знай, что если ты будешь барахтаться, то я задушу тебя как пса!

Надод вздрогнул всем телом, услыхав эти два имени, вызвавшие в нем самые ужасные воспоминания.

Он знал, что Гуттор и Грундвиг ничего на свете не признавали, кроме Биорнов. Добродетель, мужество, честность, великодушие имели в их глазах цену лишь в том случае, если относились к Биорнам. Что такое честь?.. Честь рода Биорнов. Если ее задевали, то у Грундвига и Гуттора пропадала всякая жалость к людям. Двадцать лет тому назад они превратили в безобразный кусок мяса того, кто был виновником пропажи мальчика из рода герцогов Норрландских, и теперь этот виновник снова попал в их руки. Он собирался им мстить, а сам — в их власти!..

— Ну, теперь поведем его в башню Сигурда,— сказал Грундвиг, заранее составивший себе план.

— Сейчас, только дай мне убрать эти два трупа,— ответил Гуттор.

Он вернулся к тому месту, где лежали мертвые Торнвальд и Трумп, взвалил разом оба трупа себе на плечи, подошел к самому краю берега и бросил их в бездну, которая поглотила их навсегда.

XXII

Башня Сигурда.— Надод покоряется необходимости.— Гленноор убит!

— Ну, друг мой, Над,— сказал Грундвиг своему пленнику, оставшись с ним наедине,— ты, стало быть, не выдержал и явился еще раз взглянуть на Розольфсе, на родные места, на старых друзей. Ты обещал вернуться — и вернулся; обещание свое держишь ты свято, Над, это хорошо. Я уверен, что ты останешься доволен приемом, который мы тебе окажем. Неужели ты думаешь, что о тебе забыли и что счет с тобой покончен после того, как тебя наказали? Напрасно. Ведь герцогиня после пропажи сына истаяла от горя, как свеча, и умерла; за ее смерть еще не отомщено. Даже если б ты и не явился в Розольфсе, за тобой все-таки оставался бы неуплаченный должок... Знай же, дружок, чтобы уж не лгать без нужды, когда мы будем тебя спрашивать,— знай, что мы проведали про все твои намерения. Люди, которым ты поручаешь свои дела, слишком много болтают между собой. Двое из них уже поплатились жизнью. Слушай теперь, что я тебе скажу, и обдумай все это, покуда мы поведем тебя в Сигурдову башню, знакомую тебе так же

хорошо, как нам. Я думаю, ты в настоящую минуту не дорого дашь за свою жизнь? Так знай, что единственное средство спасти ее и получить свободу — это чистосердечно во всем признаться. Мало того: ты можешь даже получить некоторое вознаграждение, чтобы впоследствии честно жить, если только честная жизнь совместима с твоей испорченностью. Если ты скажешь нам всю правду, то клянусь тебе, что все это будет сделано для тебя; если же ты солжешь, тогда не прогневайся: тебе не жить... Итак, твоя судьба в твоих собственных руках.

При первых словах Грундвига бандит вздрогнул. Итак, ему оставалась еще надежда на спасение жизни, а стало быть, и на сохранение возможности отомстить. Он в эту минуту с радостью отдал бы свою жизнь за то, чтобы хотя бы в течение десяти минут иметь в своих руках Гуттора, Грундвига, Гаральда и его сыновей.

Когда Грундвиг закончил свою речь, бандит сказал сам себе:

«Ну, стало быть, еще не все потеряно... Напротив... Не пройдет и трех дней, как они меня самого станут умолять на коленях о пощаде».

Гуттор возвратился, насвистывая какую-то веселую песенку, словно сделал самое обыкновенное дело. Он уже собирался взвалить Надода на плечи и нести, но Грундвиг заметил ему:

— Может быть, он согласится идти сам?..

— О! Мне все равно,— сказал богатырь.

Надода спросили. Он кивнул головой, давая знать, что согласен идти беспрекословно. Ему развязали ноги, но руки оставили связанными.

Сигурдова башня, куда розольфцы вели пленника, была плодом прихоти одного из Биорнов по имени Сигурд. Выстроена она была для охотничьего павильона и стояла в глухой степи, в восьми милях от замка. Кругом были чрезвычайно живописные места, в которых водилось много медведей, волков и оленей по причине близости небольшой речки, куда эти животные являлись на водопой.

Массивная башня эта была в пять этажей, с несколькими комнатами в каждом этаже и с великолепною террасой наверху, откуда видно было все происходящее в долине, на восемь или на десять миль кругом. В нижнем этаже помещалась столовая с буфетами, снабженными всем необходимым, так что охотники, застигнутые во время охоты метелью, могли там свободно переждать ее несколько дней.

Олаф и Эдмунд любили это место и сделали его центром

всей охоты, проводя в башне иногда целые недели. Смотрителем башни был старый служитель по имени Гленноор, который там и жил круглый год.

Черный герцог не любил, когда его сыновья отправлялись в башню, которую он и прочие члены его семьи покинули более двадцати лет тому назад. Случилось это вследствие одного происшествия, подобного которому, кажется, не могло бы произойти нигде больше на земле.

В четверти мили от башни находилось несколько нор полярных крыс, этих ужасных грызунов. Можно ходить по этим норам сколько угодно: крысы даже и не почувствуют этого. Иной раз, впрочем, они и выбегут и даже будут смотреть на вас с любопытством, но не причинят вам вреда. Но беда, если вы раздражите их: они тут же набросятся на вас, раздерут своими крепкими зубами. Полярных крыс боятся даже волки и медведи.

Вообще крысы истощают страну, в которой поселяются, лет в десять — пятнадцать и перекочевывают в другую. Ничто не может их остановить — ни реки, ни заливы, ни горы; жители спасаются от них только огнем — и это единственное средство остановить нашествие страшных грызунов.

Теперь понятно, почему старый Гаральд так беспокоился, когда его сыновья отправлялись в башню Сигурда. Герцог боялся, как бы они не сделали какого-нибудь неосторожного поступка и не навлекли на себя нападения крыс. Он боялся также, как бы расставленные всюду врагами шпионы нарочно не подвели Олафа и Эдмунда под мщение грызунов. Достаточно для этого было раздразнить крыс, взорвав в скоге мину,— и те набросились бы на первого попавшегося человека.

Быть может, Грундвигу и Гуттору пришла бы тоже в голову эта печальная возможность, если б они догадались, какую радость вдруг почувствовал Надод, когда услыхал, что его хотят вести в башню Сигурда. Догадайся они об этой радости, они, конечно, постарались бы доискаться истинной цели, для которой Надод посылал Трумпа и Торнвальда в ског... Но есть вещи, которых не может предвидеть человеческая прозорливость. Грундвиг и Гуттор не знали, что Надод успел высадить в Нордкапе целую шайку грабителей и устроить засаду. Но, быть может, и Надод начал радоваться слишком рано, так как смерть Трумпа и Торнвальда могла повлиять дурно на шайку, оставив ее без руководителя...

Один раз, когда Надод остановился, вглядываясь в темноту, сзади его довольно сильно ударил какой-то корень. Уж не

сигнал ли это был?.. Надод приостановился, как бы поджидая, что будет дальше, но сейчас же услыхал грубый голос Гуттора:

— Ну, ну, иди! Чего стал? Или уже утомился? Скоро же!..

Не имея возможности отвечать, Надод должен был молча повиноваться. Грундвиг и Гуттор не разговаривали. По временам пробегали мимо стада оленей, вдали слышен был вой волчьих стай и рев медведя, потревоженного присутствием человека.

Но вот на темном фоне обрисовался силуэт Сигурдовой башни. Звезды начали бледнеть. До рассвета оставалось уже недолго.

Кругом старой башни царило угрюмое молчание. Дверь ее была заперта.

— Это странно,— сказал Грундвиг,— я был уверен, что старый Гленноор нас ждет.

Он свистнул три раза и не получил никакого ответа.

«Ладно! — подумал Надод.— Давай знать о своем присутствии, давай! Ничего лучшего я и не желаю».

Грундвиг подошел к двери и без труда ее отворил.

На столе в столовой горела старая норвежская лампа из темной глины. В нее был налит тюлений жир.

— Гленноор!.. Гленноор!..— позвал Грундвиг.

Эхо башни повторило его крик, затем настала глубокая тишина, исполненная чего-то зловещего.

Богатырь ввел пленника, запер дверь и подошел к своему другу.

На губах Надода играла злорадная усмешка, Грундвиг это заметил.

— Прежде всего нужно этого негодяя убрать в надежное место,— сказал он,— а потом мы увидим, в чем дело.

Вдруг Гуттор, заглянув под стол, испустил ужасный крик.

— Что такое? — вскричал Грундвиг.

— Черт возьми! Он убит! — отвечал богатырь.

— Кто убит?

— Гленноор.

Он вытащил труп из-под стола. Бедный старик получил удар кинжалом прямо в сердце. Оружие было оставлено убийцей в ране. Тело еще не успело остыть.

Грундвиг с силою отворил дверь в примыкавшую к столовой тесную комнатушку, втолкнул туда Надода и, старательно заперев дверь, вернулся к другу.

— Послушай, Гуттор,— сказал он шепотом,— я, честное слово, боюсь... Это со мной в первый раз случилось, я боюсь, говорю тебе откровенно!

XXIII

Как говорят немые.— Откровенное признание.— Ужас.— Герцогиня Эксмут

Тщательно осмотрев все пять этажей башни и ее подземелья, Гуттор и Грундвиг возвратились в столовую, где лежал труп несчастного Гленноора. Ничего подозрительного они не нашли.

— Гуттор,— сказал старый биорнский управляющий,— это оказывается гораздо серьезнее, чем я сперва думал. Очевидно, Розольфский замок окружен со всех сторон — и с суши, и с моря. Наши господа подвергаются огромной опасности.

— Пожалуй, нам не следовало приходить сюда.

— В замке мы не были бы полными господами над нашим пленником. Герцог постарел, сыновья его — само великодушие, и в случае если б негодяй отказался говорить, у нас не было бы средств принудить его. Наконец, если б мы сюда не пришли, мы не узнали бы, насколько сильны бандиты. Я узнаю во всем этом руку «Грабителей морей», которые за несколько лет ограбили и разрушили множество замков по берегам Швеции, Норвегии, Англии и Шотландии, и уверен, что они действуют здесь по плану, выработанному Надодом, который, к счастью, теперь в наших руках. Это даст нам время обдумать все, так как «Грабители» не решатся приступить к делу, пока не вернется Красноглазый.

— Стало быть, капитан Ингольф заодно с ним?

— Боюсь я этого... Дай Бог, чтобы я ошибался, но подобная месть вполне в характере Надода. Ведь он мог двадцать лет воспитывать мальчика в ненависти к Биорнам и теперь привести его сюда для того, чтобы несчастный молодой человек истребил собственное семейство, убил своего отца, своих братьев... Быть может, Надод собирается сказать умирающему Гаральду: «Знаешь ли ты, кто разорил твой дом, убил твоих детей, убил тебя самого? Фредерик Биорн, твой старший сын, похищенный мною и воспитанный в ненависти к тебе... Капитан Ингольф и Фредерик Биорн — одно и то же лицо».

— Ах, замолчи, пожалуйста, Грундвиг! Твои слова меня бросают в дрожь... Это ужасно!

— Подожди, это еще не все. Я всегда заранее предчувствовал все беды, какие только случались с нашими господами. Я знал, что Магнус Биорн не вернется; знал, что леди Эксмут, наша юная и прелестная Леонора, погибнет во цвете лет; предвижу, что Елена, графиня Горн, кончит тем же... Сказать тебе, кто убил Магнуса Биорна? Кто погубил герцогиню Эксмут с детьми? Кто собирается извести Черного герцога, Олафа, Эдмунда, Эрика и Елену Биорн?.. Все он, все бессовестный Надод... И это он сделает, если мы его выпустим из рук.

— Но если он будет говорить, если он сознается во всем?.. Ведь мы ему дали честное слово, Грундвиг.

Старик рассмеялся горьким смехом.

— «Честное слово»!.. Может ли идти речь о чести, Гуттор, о нашей личной чести, когда дело идет о спасении Биорнов и о наказании их врагов?

Понизив голос, он прибавил несколько спокойнее:

— Видишь ли, Гуттор, я при самом рождении получил один ужасный дар, переходящий у нас в роду от отца к сыну. Когда в воздухе носится беда, то мы ее предчувствуем и предвидим. Я чувствую, что на роде Биорнов лежит роковая печать, что он прекратится вместе с нынешним веком... Но, разумеется, мы будем защищать остающихся до последней капли крови — не так ли, Гуттор?

— Ты ведь знаешь, я думаю, что моя жизнь вся принадлежит им,— сказал Гуттор трогательно-просто.

— Ну пойдем же допрашивать негодяя.

— Если твои предположения верны, то он говорить не станет.

— Не станет?.. Ну, брат, вот ты увидишь, что Грундвиг и немого сумеет заставить говорить.

Сказав это, старик улыбнулся с такой холодной жестокостью, что Гуттору даже страшно сделалось,— не потому, чтобы он жалел бандита, но по врожденному добродушию.

Грундвиг спустился в подземелье и принес оттуда нечто вроде жаровни, которую и поставил в угол, сделав знак Гуттору, чтобы тот привел пленника.

Гуттор немедленно исполнил приказание друга.

— Ну,— сказал Надоду Грундвиг, прямо приступая к делу,— у тебя было довольно времени обдумать мои слова. Что

же, решился ли ты ответить мне и Гуттору на те вопросы, которые мы тебе зададим?

Надод все это время внимательно прислушивался, словно ожидая услышать какой-нибудь сигнал или хотя бы шум. При виде убитого Гленноора он догадался, что бандиты не замедлят прийти к нему на помощь. В переводе на обыкновенный язык убийство старика означало: «Господин! Мы недостаточно еще сильны, чтобы напасть на твоих стражей и освободить тебя, но держись,— мы скоро вернемся и поможем тебе». Поэтому Надод, уже решивший было признаться во всем, лишь бы спасти свою жизнь, теперь заупрямился. Кинув на своих врагов взгляд, исполненный ненависти, он отвечал медленно и обстоятельно:

— Вот уже двадцать лет, как мы не видались с вами, Гуттор и Грундвиг, но вы должны хорошо меня знать и потому не удивляйтесь, если я откажусь отвечать вам, запугать меня нельзя ничем. Зрело обдумав все, я решил молчать. Мы играем втемную. Теперь я в ваших руках, но мы еще увидим, чья возьмет... Делайте со мной что хотите.

— Это твое последнее слово? — с рассчитанной холодностью спросил Грундвиг.

— Первое и последнее. Вы больше от меня не услышите ничего.

— Увидим,— отвечал старик со зловещим спокойствием, от которого Надода невольно бросило в дрожь.

Негодяй знал, насколько важно было для его противников, чтобы он говорил, и потому он был убежден, что жизнь его во всяком случае пощадят и лишь запрут его в какое-нибудь подземелье. Поэтому холодный ответ Грундвига смутил его и даже несколько испугал.

«Неужели они осмелятся подвергнуть меня пытке?» — подумал он.

Не говоря больше ни слова, Грундвиг стал нагревать жаровню, и это занятие, по-видимому, доставляло ему большое удовольствие, потому что он насвистывал старинную норвежскую балладу, переставая это делать лишь тогда, когда нужно было раздувать уголь.

Надод с ужасом следил за этой операцией.

Вдруг он увидал, что Грундвиг сунул в жаровню нож, который в несколько минут накалился добела.

— Свяжи этому негодяю ноги,— сказал Гуттору старик.

Гуттор поспешил исполнить приказание.

— Что значит эта шутка? — спросил Надод, щелкая от страха зубами.

Никто ему не ответил.

Накалив нож, Грундвиг вынул его из жаровни и, зажав его в руке, подошел к Надоду, который обезумел от ужаса и вскочил на ноги, но железная рука Гуттора удержала его, и несчастный увидал раскаленную сталь близко-близко от своего лица.

— Сжальтесь,— пробормотал он.— Я буду говорить.

— Что, брат? Поумнел? — сказал Грундвиг, саркастически смеясь.— Выслушай же меня еще раз. Тебя зовут Красноглазым. Даю тебе честное слово, что тебя станут называть Безглазым, потому что я выколю тебе последний глаз, так как убивать тебя не стоит — это было бы слишком жалкой местью... Итак, ты предупрежден. Многого от тебя я не потребую; отвечай мне только: да или нет, и помни, что я все знаю и потому лгать будет бесполезно. Правда ли, что Фредерик Биорн не утонул, как ты утверждал это?

— Действительно, Фредерик Биорн не утонул, но я не знаю, жив ли он теперь.

Раскаленное железо снова приблизилось к лицу бандита.

— Клянусь именем матери, единственного существа, которое я люблю! — вскричал в испуге несчастный.— Я правду говорю.

В этом восклицании звучала правдивость. Грундвиг остановился.

— Объяснись,— сказал он.

— С детства я ненавидел Биорнов за их могущество, за их богатство, за их удачи во всем. Мне хотелось причинить им какое-нибудь зло. Однажды, прогуливаясь с мальчиком в лодке по фиорду, я отдал Фредерика неизвестным людям, приехавшим на великолепной увеселительной яхте.

— Как же ты это сделал?

— Я сказал, что мы будто бы сироты и что мне нечем кормить братишку.

— Негодяй!.. А как назывался корабль?

— Не заметил.

— Флаг у него какой был?

— Датский, насколько помню.

Грундвигу хотелось крикнуть: «Лжешь, негодяй! Ты отлично знаешь, что капитан Ингольф и Фредерик Биорн одно и то же лицо!»

Но он удержался, желая допросить бандита еще.

— Значит, ты с тех пор никогда не видал Фредерика?

— Где же мне было его видеть? Вы меня так жестоко избили, что я долго боролся со смертью и выздоровел лишь благодаря заботливому уходу моей матери. Когда же я потом ушел из Розольфсе, где я мог найти мальчика, не зная сам, кому я его отдал?

— Он прав,— тихо сказал Гуттор.

— Это верно,— пробормотал Грундвиг,— но если Фредерик командует «Ральфом», то какими судьбами они встретились! Это странно.

Допрос продолжался.

Надод, не боявшийся смерти, предпочел сказать всю правду, только бы не лишиться зрения.

Действительно, сделавшись слепым, он уже не мог бы мстить, тогда как он был убежден, что все равно к нему на выручку скоро явятся его товарищи.

Мы не станем повторять того, что уже известно читателю. Скажем только, что Надод откровенно во всем сознался, рассказал о том, как «Грабители» предприняли нападение на Розольфсе, как им оказал поддержку Гинго, желающий отделаться от Биорнов, как ему, Надоду, удалось привлечь на сторону Ингольфа, который, впрочем, потребовал, чтобы жизнь владельцев замка была пощажена.

Последнее сведение наполнило сердце Грундвига чрезвычайной радостью, так как теперь он нашел оправдание капитану Ингольфу, который, как офицер, не мог не повиноваться приказанию начальства.

Под конец допроса Гуттор и Грундвиг пришли в совершенный ужас, когда узнали, каким образом погибла несчастная леди Эксмут со всем семейством: все они были утоплены в море по приказанию адмирала Коллингвуда, который во что бы то ни стало желал наследовать титул и поместья своего старшего брата, мужа Леоноры.

Что сказали бы Гуттор и Грундвиг, если б они знали, что адмирал Коллингвуд явился с эскадрой в Розольфсе? Но они ушли из замка раньше прибытия англичан.

Наконец, все Биорны не знали, что Коллингвуд — родной брат герцога Эксмута. Покойный герцог был в ссоре с братом давно, и в его доме запрещено было произносить имя адмирала.

После ужасной катастрофы, лишившей Черного герцога его любимой дочери, Гаральд не имел никаких сношений с родными

зятя и не знал, что герцогу Эксмуту наследовал брат, который был убийцей его, а также его жены и детей.

Взволнованные всем услышанным, Грундвиг и Гуттор взяли друг друга за руку и поклялись жестоко отомстить всем тем, кто так или иначе был причастен к этой ужасной драме.

XXIV

Помощь.— Брошенный с башни.— Правильная осада.— Костер.— Благодетельная буря

Окончив свою исповедь, Надод впал в совершенно угнетенное состояние духа.

При всей своей низости он был вполне храбрый человек, и, не приди Грундвигу дьявольская мысль лишить его зрения, не убивая его, он не побоялся бы никаких пыток и не раскрыл бы рта. Но лишиться зрения значило для Надода лишиться возможности отомстить, а месть Биорнам сделалась единственной страстью этого негодяя. Вот почему он решился сделать признание. Потом, постепенно увлекаясь, он начал как бы похваляться своей преступностью. Ему доставляло удовольствие видеть, какое ужасное впечатление производит на слушателей его рассказ.

Только он окончил свою исповедь, как раздался сильнейший стук в дверь башни.

Надод встрепенулся в душе, но ни один мускул не тронулся у него на лице.

Кто бы это мог быть так рано? Убийцы Гленноора? Но нет, едва ли от них можно было ожидать такой прыти. Не Гаральд ли хватился своих служителей и послал искать их?.. Во всяком случае надо было сначала узнать, кто это. Этого требовала самая элементарная осторожность. Но наши норрландцы были люди не робкого десятка.

— Кто там? — спросил Грундвиг, уже отпирая дверь.

— Друзья! — отвечал чей-то голос.— Отворяйте скорее.

Грундвиг не обратил внимания на голос и потянул к себе дверь, но сейчас же вслед за тем отчаянно закричал:

— Ко мне, Гуттор!.. Скорее!..

Тщетно старался он захлопнуть дверь. В нее уперлись уже человек пять. Но тут Гуттор подскочил к двери и, схватив переднего из нападающих, отшвырнул его внутрь залы, затем захлопнул дверь и спокойно спросил товарища:

— Запереть, что ли, на замок?

— Конечно, запереть, разумеется! — поспешил ответить Грундвиг.— Ведь их там десятеро на одного!..

— Только десятеро? — заметил богатырь самым естественным тоном, без малейшего хвастовства, продолжая прижимать дверь спиной.

Грундвиг торопливо задвинул болты.

— Ты, кажется, с ума сошел,— заметил он товарищу.— Ты забываешь, что я больше как с одним противником не справлюсь, а их тут двадцать пять человек, может быть, даже тридцать.

Бандит, втолкнутый Гуттором в залу, притаился в углу. Это был дюжий, широкоплечий мужчина.

— Что нам делать с этой гадиной? — спросил богатырь.

— Для убийц Гленноора не может быть пощады,— отвечал Грундвиг.— Они явились сюда для того, чтобы расправиться точно так же и с нами, а своего атамана освободить.

Гуттор схватил пленника за шиворот и сказал ему:

— Сиди — не шевелись, а то я разобью тебя об стену.

Указывая на Надода, богатырь прибавил:

— Одним камнем не убить ли уж двух зайцев?

— Нет,— отвечал Грундвиг,— этот нам еще нужен... Пусть участь его решают Черный герцог и Фредерик Биорн.

А тем временем снаружи раздавались яростные крики:

— Наберем валежника и подожжем дверь!

— Ладно же! Я вас потешу! — сказал богатырь и, схватив пленника, потащил его по лестнице на верх башни.

Выйдя на террасу, он крикнул оттуда нападающим:

— Эй, вы! Псы голодные! Вот вам ваш товарищ! Нате, берите его!

И богатырь со всего размаха бросил его с башни на землю.

Раздался ужасный крик — и бандит распластался у ног своих товарищей! Брошен он был с такой силой, что упал шагах в двадцати от башни...

Ничто так не поражает людей, как примеры неслыханной физической силы. Бешеная стая разбойников опешила и стояла с минуту неподвижно и безмолвно.

Богатырь между тем стоял на верху башни, и высокая его фигура при утреннем тумане казалась еще выше. Он представлялся каким-то легендарным великаном старинных норвежских баллад.

Но вот бандиты опомнились от испуга и с новыми яростными

криками бросились собирать валежник, чтобы исполнить свое намерение насчет костра.

— Дверь сделана из очень старого и крепкого дерева,— сказал Грундвиг Гуттору, когда тот сошел вниз,— она будет гореть медленно, как ртуть.

— Ладно! Мы им еще покажем!.. Посмотрим, как-то они сюда войдут!

Он сходил в погреб, где хранились поленья для огромных средневековых каминов башни, выбрал одно из них — оглоблю футов в десять длиной — и приладил к нему огромный топор. Вооружась этим грозным оружием, он встал у двери, готовый уложить одним ударом всякого, кто войдет в дверь.

Увидав это, Надод невольно почувствовал ужас. Великан в два-три приема мог искрошить таким образом половину нападающих.

Снаружи послышались радостные крики: бандиты зажгли костер, и огненные языки уже начали облизывать массивную дверь.

Прошло десять минут. Вдруг словно само Небо послало помощь осажденным: собиравшиеся всю ночь тучи пролились на землю сильнейшим ливнем — и в несколько минут костер бандитов был залит до последнего уголька.

XXV

Объяснения, сделанные призраком.— Sursum corda.— Фредерик Биорн.— Дядя Магнус

Ингольф с волнением слушал, как удалялись солдаты, пораженные исчезновением узника. Совершилось невероятное чудо: он был спасен в тот самый момент, когда жизнь его висела на волоске.

Из оцепенения вывел Ингольфа голос того самого человека, который его спас.

— Идите за мной,— сказал этот голос так тихо, что Ингольф едва-едва расслышал.— Вам больше нечего бояться.

Капитан, однако, вздрогнул, почувствовав прикосновение костлявой, тощей руки. Незнакомец повел его по узкой лестнице, устроенной в толще стены и ведшей в нижний этаж, где находились комнаты пропавшего Магнуса Биорна.

Перед тем как начать спускаться, незнакомец вдруг, словно

уступая обуявшему его чувству любопытства, приподнял небольшой фонарик и осветил им лицо Ингольфа. Внимательно поглядев на черты молодого капитана, таинственный незнакомец как будто взволновался, и Ингольф услыхал, как он бормочет, тяжело шагая вниз по лестнице:

— Да, это так. Грундвиг правду сказал. Вылитая герцогиня Матильда в молодости... И как это Гаральд не узнал его.

Помолчав немного, старик продолжал, размахивая ключом:

— Гаральд! И я тоже хорош: чего захотел от него!.. Гаральд только занят Олафом и Эдмундом... Его накажет Бог за то, что он покинул своего брата. За себя я его прощаю... мне уж так немного осталось жить!

Успокоившийся Ингольф со своей стороны тоже разглядывал тем временем старика. Старик был, по-видимому, уже в самых преклонных летах и, казалось, давным-давно изжил свой век. На его ссохшемся, тощем теле, словно на вешалке, болтался черный полукафтан с широкими рукавами, спускавшийся ниже колен. Это одеяние показалось сначала Ингольфу чем-то вроде савана. Кожа на лице, казалось, совершенно присохла к костям и на лбу и скулах цветом своим напоминала старую слоновую кость, губы и щеки были словно пергаментные; потухшие глаза придавали старику сходство с мертвецом. Трудно было придумать фигуру, наиболее подходящую к понятию о призраке, о привидении. Самый голос старика был глухой, словно замогильный, и какой-то окостенелый. По-видимому, в старике едва душа держалась, а между тем он сохранял полнейшую ясность ума.

Входя в комнату, в которую вела упомянутая нами потайная лестница, столетний старик сказал Ингольфу:

— Здесь вы в совершенной безопасности и вас никто не потревожит.

И он задвинул панель, которая маскировала проход.

Ингольф остановился, изумленный роскошной обстановкой комнаты. По стенам тянулись восточные диваны, крытые дамасским штофом; стены и потолок были обиты тисненой кожей; чудесный паркет был покрыт толстым ковром, с потолка, на серебряной цепи, спускалась огромная лампа из розового богемского хрусталя. По одной стене шли громадные книжные шкафы красного дерева, наполненные книгами совершенно одинакового формата и в одинаковых переплетах. На корешке каждой значился год ее издания. Ингольф заметил, что тут были все года от 1130 до 1776.

Оглядев комнату, Ингольф поклонился старику, который оставался для него загадкой.

— Кто бы вы ни были,— сказал он,— но вы спасли меня, хотя меня и не знаете. Благодарю вас от всей души. Если мне представится случай доказать вам свою признательность, то я...

— Я вас не знаю? — перебил старик своим замогильным голосом, от которого невольно пронимала дрожь.— Я вас не знаю!.. Как вы можете знать, знаю я вас или нет?

— Так неужели же вы знаете меня? — изумился Ингольф.

— Как же мне его не знать! — пробормотал старик, не давая прямого ответа.— Мне ли его не знать, когда он при мне родился!

Ингольф подумал, что его собеседник давным-давно впал в детство.

— Кто же я такой, по-вашему? — спросил он с ласковой улыбкой.

— Твое теперешнее имя я забыл, хотя Грундвиг и сказал мне его,— отвечал старик.— Вообще на все настоящее память у меня крайне туга. Но и немудрено: ведь я все равно что законченная книга, в которой нельзя уже больше прибавить ни одной страницы. Но я знаю, что при рождении ты получил имя и титул Фредерика Биорна, принца Розольфского, так как старшие сыновья герцогов — принцы.

Ингольф невольно улыбнулся. Ему стало жаль старика.

— Стало быть, отец хотел повесить собственного сына,— сказал он,— и вы спасли герцога от такого страшного преступления?

Старик понял намек.

— Ты тоже принимаешь меня за сумасшедшего или, по крайней мере, за выжившего из ума... Не отнекивайся, не оправдывайся: я на тебя нисколько не сержусь... Где ж тебе знать?

Эти слова, сказанные с такою уверенностью, произвели на Ингольфа сильное впечатление. В самом деле, они нисколько не были похожи на болтовню безумного.

— Грундвиг рассердится, что я украл у него радость... Что же делать! Так сложились обстоятельства. А между тем, по всей справедливости, этот миг должен бы принадлежать ему, потому что он тебя ищет вот уже двадцать лет. Я тоже имею право на долю в этом счастии, потому что жить мне осталось немного... быть может, всего несколько часов.

С этими словами старик достал из выдвинутого ящика в

столе медальон с прелестным женским портретом и подал его Ингольфу.

— Тебе это знакомо? — спросил при этом старик.

С первого же взгляда на портрет Ингольф вздрогнул и побледнел; глаза его увлажнились слезами. Сходство поразило его. Он невольно вскричал:

— Мать! Это, должно быть, моя мать!..

Он все на свете забыл и, схватив портрет, поцеловал его, обливаясь слезами.

А между тем он не знал своей матери. Ему говорили, что она умерла родами, когда он появился на свет.

Ингольф задумался.

— Роковое сходство! — сказал он.— Увы! Это возможно. Я умру, не взглянув на ее черты: у моего отца не сохранилось ни одного ее портрета.

Он вспомнил, что отец говорил ему:

— Портрета твоей матери у меня нет и не было никогда.

В то же время в кабинете его висел портрет женщины, которую прислуга называла барыней.

Между тем старик из того же ящика достал золотую печать с яшмовой ручкой и опять, подавая Ингольфу, спросил:

— А это знакомо тебе?

Ингольф внимательно поглядел на печать, потом протер себе глаза, словно разгоняя туман, застилавший их и мешавший ему разглядеть вещь... Потом он опять стал глядеть — и по мере рассматривания рисунка печати руки молодого человека дрожали, губы лепетали непонятные фразы... Неужели это галлюцинация? Он взглянул на старика. У того глаза временами вспыхивали, точно потухающие угли, а рот кривился улыбкой... И сам Ингольф расхохотался как сумасшедший.

Вдруг замогильный голос опять произнес:

— Покажи мне свою грудь, Фредерик Биорн!

Капитан сделал над собой усилие, чтобы опомниться и прийти в себя. Ингольф внимательно поглядел на печать...

«Как! Этот старик знает! — подумал он.— Знает тайну, о которой я никогда никому не говорил!..»

Он быстро обнажил свою грудь. На ней, в середине синеватого кружка, глубоко выдавленного на теле, выделялся такого же цвета летящий орел, державший в когтях сердце, а внизу виднелась полоска с изображенным на ней девизом Биорнов: Sursum corda — в горе имеем сердца.

Это было точное воспроизведение рисунка и слов, вырезан-

ных на яшмовой печати. Когда печать накладывали на Ингольфа или, правильнее говоря, на Фредерика Биорна, то на этот раз не ограничились тем клеймом, которое выжигалось на нем от раскаленной печати, но какой-то артист разрисовал тонкой иглою все детали рисунка и девиза и натер их порохом, вследствие чего и получился тот синеватый оттенок, который ярко бросался в глаза даже по прошествии стольких лет.

Теперь уже не оставалось никакого сомнения. Ингольф был сыном герцога Норрландского, старший брат Олафа и Эдмунда, своих спасителей.

Старик поднял голову.

Он, казалось, помолодел лет на двадцать.

— Мы с Грундвигом никогда не отчаивались тебя отыскать,— сказал он молодому человеку.— Мы не верили басне о том, что ты будто бы утонул в фиорде, хотя эту басню изобрел приставленный к тебе сторож.

— Как? Разве тут думали...

— Да, я тебе сейчас это расскажу. Мы были оба еще молоды и полны сил. В следующую после твоей пропажи ночь мы пошли к тому месту фиорда, где ты будто бы утонул, по словам негодяя, который тебя бросил или, быть может, даже продал. Отлив еще не мог унести тогда твоего тела. Целых шесть часов искали мы по всем направлениям и ничего не нашли. Вследствие этого мы оставались в уверенности, что ты жив и что рано или поздно мы найдем тебя по знаку на твоей груди.

И, указывая пальцем на этот знак, старик прибавил:

— Знаешь ли ты, Фредерик, кто наложил на тебя этот знак?.. Его наложил старый Розевель, то есть я.

— Вы! — вскричал молодой человек.— И вам же я обязан тем, что нашел своих родных! И вы же мне спасли жизнь!

В порыве искреннего чувства Ингольф прижал старика к своей груди и долго держал его в объятиях, горячо поцеловав его при этом в холодный лоб.

— Творец мой! — говорил старик.— Теперь я могу спокойно умереть.

Память Ингольфа осветилась тысячами воспоминаний. Он вспомнил, что когда он был еще ребенком, то отец его прогнал одного слугу, который при мальчике сказал, что арматор вовсе ему не отец; что при поступлении его в морской кадетский корпус вместо метрического свидетельства о рождении и крещении был представлен какой-то нотариальный документ... Далее ему вспомнилась одна фраза, случайно услышанная им, когда он

играл у дверей кабинета своего отца, который в это время сидел с своим нотариусом: «Вы совершенно поняли мои намерения, господин Свитен,— говорил отец Ингольфа,— составьте же поскорее бумагу, потому что если я умру без завещания, то ребенок не получит наследства». И, кроме того, Ингольфу припомнилось множество мельчайших подробностей, которые, группируясь вокруг главного факта, придавали ему неоспоримую достоверность.

Теперь для него объяснилось, почему все в Розольфсе казалось ему знакомым, уже виденным когда-то прежде. Детская память, как это весьма часто случается, гораздо лучше сохранила впечатления глаза, чем впечатления ума.

Нескольких минут было достаточно Ингольфу для того, чтобы разобраться в своих воспоминаниях. Ему теперь хотелось узнать, каким образом он был похищен из лона семьи, и старик рассказал ему все с мельчайшими подробностями, обнаружившими в старце необычайную ясность ума.

Невозможно описать, с каким изумлением капитан выслушал рассказ о подлом поступке Надода, о том влиянии, которое имел этот бандит на всю жизнь Ингольфа. Он просто не верил ушам и несколько раз заставил Розевеля повторить этот удивительный рассказ.

— Странно! Странно! — твердил молодой человек.— Ну, как не сказать, что все это — судьба? На родину меня привез тот самый человек, который оторвал меня от родных,— и сделал это бессознательно... Негодяю едва не удалось толкнуть меня на отцеубийство, потому что разве можно было бы знать заранее, как далеко завело бы меня исполнение министерского предписания? Разумеется, отца и братьев я хотел только арестовать, но смог бы я остановить пыл своих матросов, в особенности если б этот подлец Надод стал их подстрекать?

При одной этой мысли капитан похолодел от ужаса.

— Нет, решительно этот человек — злой дух нашего семейства,— сказал он.— Я должен его наказать за все... Впрочем — что я говорю! Он, вероятно, убежал вместе с моими матросами.

— Нет,— отвечал старик,— он еще вчера вечером скрылся вместе с другим человеком с вашего корабля, только я забыл, как его зовут. Это говорили англичане, я слышал. Отсюда слышно решительно все, что говорится во внутреннем дворе... Много лет уже у меня не было другого развлечения, так как я не имею права выходить из этих комнат. Видишь эти решетки в

окнах? Благодаря им я не могу показаться наружу. Я не имею сношений ни с кем, кроме Грундвига, который носит мне пищу и каждый день заходит ко мне побеседовать о старине... Кроме него и твоего отца, никто в замке не знает, что я живу в этой башне, которая считается необитаемой. Все здешние даже убеждены, что тут ходит привидение... Это привидение — я,— пояснил старик с бледной улыбкой.— Так пожелал Гаральд. Он, видишь ли, боится за Олафа и Эдмунда... За себя я ему охотно прощаю, но тот... как тот должен был его проклинать, умирая среди полярных льдов, всеми покинутый!.. Если только он действительно умер...

Капитан слушал старика не перебивая. Он был изумлен до крайности. Все, что тот говорил, казалось молодому человеку неправдоподобным, фантастическим, так что он снова начал сомневаться в умственных способностях своего собеседника.

— Что же тут такое делается? — пролепетал он.— Расскажите мне, и если вам нужен защитник, заступник...

— Это очень печальная история,— отвечал не без колебаний Розевель,— но тебе все-таки следует ее знать, потому что я еще не потерял надежды найти его...

— Как? У вас тут еще кто-то пропал?

— Твой дядя Магнус... Слушай же. Время еще есть, так как отсюда ты можешь выйти лишь в сопровождении Грундвига, когда тот приготовит твоего отца и братьев к этой удивительной новости.

— Но ведь меня станут искать по всему замку и, вероятно, придут сюда...

— Не бойся ничего. Кроме меня и Грундвига, никто не знает о существовании этой потайной лестницы, которую Магнус велел проделать в стене. Даже если б Гаральд и догадался, что ты спрятался сюда, ни за что в мире не позволил бы он, чтобы кто-нибудь сюда входил. Впрочем, при малейшем подозрительном шуме я спрячу тебя так, что никто тебя не найдет. Поэтому ты можешь слушать меня со всем вниманием: нам никто не помешает.

— Хорошо, Розевель. Я слушаю.

— Знай, во-первых, что я на самом деле гораздо моложе, чем кажусь. Я на два года моложе твоего отца, герцога Гаральда.

Капитан невольно сделал жест изумления.

— Вижу, что это тебя удивляет, но это правда. Источник жизни во мне иссяк. Я столько перенес страданий, что тело мое

надломилось... Масло в лампе выгорело почти до последней капли, и в один прекрасный день я погасну незаметно для самого себя. Но довольно обо мне. Буду говорить о деле. Тебе известно, что Биорны владели огромным рыболовным флотом и занимались рыбной и китовой ловлей более семи веков. Корабли их заходили далеко на север и менялись своими продуктами с венецианскими патрициями, получая от них золото, шелк, зеркала, бархат, парчу, пряности и всевозможные товары Востока и распространяя все это на север. Между городом дожей и князьями-купцами Норрландскими, как их официально называла Венецианская республика, ежегодно подводился выгодный для обеих сторон торговый баланс, колебавшийся от полутора до двухсот миллионов, и старший сын герцога Норрландского всегда записывался в золотую книгу венецианского патрициата, вследствие чего он становился гражданином этой великой республики, адриатической царицы... Видишь ты эти книги в шкафах? Это все корабельные журналы капитанов, служивших Биорнам от 1130 года до 1776 года... Впрочем, довольно пока об этом; впоследствии ты и сам познакомишься с историей твоего рода. Твоему отцу было уже двадцать лет, когда родился его младший брат, Магнус Биорн. Мне было тогда восемнадцать, и, по старинному биорнскому обычаю, меня приставили к мальчику для услуг, с тем чтобы впоследствии я сделался его доверенным человеком, его управляющим. Юный Магнус с ранних лет стал проявлять любовь к путешествиям и приключениям; ему было всего четырнадцать лет, когда мы с ним сделали первое кругосветное путешествие на превосходном трехмачтовом бриге с отборным экипажем. Но у него засела в голове идея, которую, к сожалению, впоследствии ничто не помешало ему исполнить. Он перечитал все корабельные журналы наших капитанов, собранные здесь, и заметил в них во всех одну любопытную особенность. При наступлении холодов, когда все корабли по необходимости возвращались в Розольфсе, чтобы их не затерло льдом, со всех концов Европы тянулись морские птицы, направляясь прямо к Северному полюсу. Пролетали они в таком количестве, что застилали небо. Все капитаны делали такое заключение: очевидно, птицы летели на север вовсе не за льдом, потому что они не могут жить без травы и болот, где они отыскивают насекомых. С другой стороны — почему они возвращаются назад в наши умеренные страны, как только там снова появится вешнее солнце? Если они убегают от сравнительно легкой европейской зимы, то, следовательно, на севере,

около полюса, есть какая-нибудь страна, изобилующая болотами и реками и даже, может быть, свободное ото льда море, омывающее берега, покрытые густой растительностью, среди которой эти миллиарды птиц находят себе пропитание. Об обширности этой земли можно было составить себе представление уже по одному количеству улетающих туда птиц, и притом, например, таких, как дикие гуси, утки и лебеди, которые не могут акклиматизироваться даже на Шпицбергене. Предположить, что эти птицы летят туда, где вечный лед, было бы совершенной нелепостью. Из этого само собою напрашивалось заключение, что там лежит земля, которая ждет еще своего Христофора Колумба. Вот это-то и было причиной гибели моего бедного господина. С двенадцати лет он мне твердил: «Розевель, мы с тобой прославимся открытием шестой части света». Но прежде чем пуститься в это предприятие, он хотел основательно подготовиться к нему. В течение пяти лет мы плавали с ним по Северному морю, зимовали на Шпицбергене, на Новой Земле, побывали на берегах Лены, проехали в санях до 84-й параллели. Все эти приготовления к будущей экспедиции делались тайно, так как Магнус не желал заранее огорчить своего брата Гаральда, а с другой стороны, ему хотелось сделать всему миру сюрприз, сразу поразить его открытием нового материка... Семь лет прошло с того дня, как мы отправились из Сибири в экспедицию, взяв с собою небольшую свиту и наняв небольшой отрядец эскимосов с собаками и санями. Впереди мы гнали стадо оленей, которые должны были служить пищей для нас и для собак. Подробностей нашего путешествия я передавать не буду, скажу только, что оно было невыносимо трудно и что я тут потерял все свое здоровье. Мы достигли 87-й параллели, где встретили третью зиму. Однажды вечером мы взошли на ледяную гору, высотою около трех тысяч футов. До сих пор было ужасно холодно, но тут нам показалось, что мороз как будто стал легче. Вдруг Магнус испустил крик торжества: в самый момент солнечного заката он увидал на горизонте длинную голубую полосу, в которой, как в зеркале, отражались последние лучи дневного светила.

— Вот море, свободное от льда! — вскричал он.

Итак, мы достигли, наконец, нашей цели, хотя и ценою страшных страданий. Но — увы! — мы слишком поспешили радоваться: нам предстояло пройти еще миль двадцать по ледникам, прокладывая через них дорогу топорами. Оставаться здесь на зимовку было нельзя: мы уже прозимовали две зимы и на третью

зимовку у нас не хватило бы провизии. Я стал советовать вернуться назад, но Магнус Биорн рассердился. Возвращаться назад накануне успеха — нет, ни за что! Он соглашался лучше погибнуть.

Старик помолчал и вздохнул, потом продолжал ослабевшим голосом:

— Что мне сказать еще?.. Он решился продолжать путь во что бы то ни стало, решился провести третью зиму на Крайнем Севере. Наши эскимосы вырыли нам пещеры в ледниках, и мы остались. Что дальше было — совершенно не помню. Какими судьбами вернулся я домой — не знаю. Должно быть, эскимосы привезли меня совершенно обеспамятевшего. Благодаря заботливому уходу Грундвига, я пришел в себя, хотя крайне ослаб здоровьем. Гаральд узнал всю историю от моих проводников. Он стал бояться, как бы Олаф и Эдмунд не вздумали отправиться за дядей... Они оба ведь такие благородные, великодушные юноши!.. Никто не знал, что я вернулся в замок, так как меня никто не узнал: я постарел на несколько десятков лет. Распустили слух, что иностранец, которого привезли эскимосы, умер, и я был осужден на вечное пребывание в этой башне. Вот уже три года я не вижу здесь никого, кроме Грундвига, и жду не дождусь смерти, которая соединит меня с моим господином. Об этой части замка, где мы с тобой в настоящую минуту находимся, нарочно распустили страшную легенду, так что сюда здешние люди и подойти-то близко боятся... Таким образом Магнус Биорн, если он жив, не может ждать помощи ниоткуда.

— Как знать! — возразил на это капитан.

— Что ты говоришь! — переспросил старик, думая, не ослышался ли он.

— Я говорю, что Фредерик Биорн, желая загладить проступки пирата Ингольфа, снарядит экспедицию для поисков своего дяди Магнуса Биорна, как только расправится с злодеем Надодом.

— Ты! — вскричал вне себя старик.— Ты это хочешь сделать!

— Клянусь сделать это! Этим я искуплю свои грехи и заблуждения. Надеюсь, что Бог пошлет мне успех!

— Да благословит тебя Бог! Ты настоящий Биорн!

— Если мне не удастся найти его живым, по крайней мере я отыщу его останки, чтобы они нашли себе успокоение среди родных.

Беседа эта продолжалась несколько часов, и солнце уже стояло высоко на небе, когда она окончилась. Розевель удивлялся, что не приходит Грундвиг.

— Должно быть, его задержали какие-нибудь экстренные дела,— говорил старик,— иначе он поспешил бы разъяснить недоразумение и не дал бы мне радостного случая тебя спасти. Едва он тебя увидал, как уже прибежал мне сказать о том, что его в тебе поразило. Будем ждать. Без него выходить отсюда опасно.

XXVI

Что происходило в замке.— Появление Иоиля.— Иоиль исполняет поручение.— Он вовремя умолкает.— Клятва мести.— Фредерик Биорн

Теперь посмотрим, что делалось в замке, покуда в потайных комнатах происходила трогательная сцена, оказавшая такое решительное влияние на всю дальнейшую судьбу пирата Ингольфа.

Когда английский офицер сконфуженно вошел и доложил адмиралу Коллингвуду об исчезновении узника, все, кто тут был, единогласно решили, что побег совершился не без помощи призрака, посещающего башню. Адмирал оказался больше других скептиком и предложил произвести в замке строгий осмотр, но его предложение было единогласно отвергнуто. Даже герцог Гаральд — и тот, к удивлению, решительно восстал против обыска.

Олаф и Эдмунд не могли отрешиться от сочувствия к человеку, которого они спасли от гибели в мальстреме, и потому чрезвычайно обрадовались решению, принятому их отцом.

— Как вам угодно, любезный герцог,— сказал Коллингвуд, несколько раздосадованный отказом.— В сущности, дело касается, главным образом, вашей безопасности, поэтому вы вольны как угодно распорядиться с этим негодяем, едва не ограбившим ваш замок и замышлявшим предать вас в руки ваших заклятых врагов.

— Нужно быть все-таки справедливым,— отвечал Черный герцог, задетый словами адмирала.— Ингольф для нас теперь уже не корсар, а офицер регулярного флота, исполнявший при-

каз начальника и, следовательно, не ответственный за свои действия. Обедая за моим столом, он не знал, что данный ему приказ имеет отношение именно ко мне: он дал в этом честное слово. Вследствие этого я все равно не допустил бы, чтоб его повесили. Биорны сражаются с врагами лицом к лицу, они честные воины, а не поставщики живого материала для виселицы.

— Очень хорошо, герцог. Я вижу теперь, что мне здесь больше нечего делать...

Он не договорил, потому что в это время вдруг с шумом прибежала толпа английских матросов, тащивших какого-то человека со связанными руками.

— Оставьте же меня, скоты этакие! Пустите, вам говорят! — кричал связанный, отбиваясь от матросов.— Ну, чего вы меня тащите? Я и сам хочу видеть вашего адмирала, мне только этого и нужно!

— Господин адмирал,— сказал один из матросов,— это пират с «Ральфа», нам удалось его изловить.

— Сам ты пират, дуролом этакий! — огрызнулся Иоиль.— Чем хвалишься: поймали!.. Мудрено ли было меня поймать, когда я сам шел сюда к адмиралу?.. Победители тоже! Двадцать на одного...

— Ну, уж вот этого-то я непременно велю повесить,— сказал Коллингвуд.— Этот уже не уйдет!

— Во-первых, вы забываете, что здесь вы не на английской земле,— возразил Иоиль, и смелость этого ответа очень понравилась всем норрландцам.— А во-вторых, через пять минут вы сами будете горячо меня защищать, господин адмирал... Прежде же всего извольте приказать, чтобы мне развязали руки.

— Какая наглость! — сказал адмирал.

— Берегитесь, адмирал Коллингвуд! — возразил Иоиль.— Смотрите, как бы вам не пришлось раскаяться в вашей резкости.

— Негодяй! Ты забываешься...

— Я явился к вам от вашего лучшего друга, мистера Пеггама,— торопливо перебил его Иоиль.

— От Пеггама! — вскричал, бледнея, адмирал.

— Пеггам! Что такое Пеггам? — спросил Олаф, не в силах будучи скрыть своего изумления.

Эдмунд успел заметить смущение Коллингвуда и остановил брата.

— Молчи,— сказал он ему тихо,— давай лучше слушать.

— Да, от вашего друга Пеггама,— повторил с откровенной дерзостью Иоиль.

— Развязать его! — неожиданно приказал Коллингвуд и прибавил с насильственной улыбкой: — Я не могу ни в чем отказать посланцу моего приятеля Пеггама.

— Я так и знал! — воскликнул Иоиль и обвел всех присутствующих торжествующим взглядом.

— Пеггам ваш друг? — спросил Эдмунд, с холодной пытливостью глядя Коллингвуду прямо в лицо.

— Что же тут особенного? — отвечал адмирал.— Пеггам мой нотариус и поверенный.

На глазах у всех происходило что-то странное. Но что именно? Этого никто не знал, кроме Иоиля и Коллингвуда...

Однако все чувствовали, что горючего материала накопилось много и что стоит только поднести к нему одну маленькую искорку, чтоб он вспыхнул.

— Полагаю,— продолжал адмирал, обращаясь к Иоилю,— что поручение, данное тебе Пеггамом, не касается этих господ, поэтому пойдем лучше ко мне на корабль, ты там и скажешь, в чем оно заключается.

— Не стоит для этого ходить так далеко,— отвечал дерзкий посланец.— Поручение незамысловатое. Я требую именем Пеггама, чтобы вы отпустили капитана Ингольфа,— только и всего.

— Это уже не в моей власти: пленник убежал час тому назад.

— Вы лжете! — вскричал Иоиль, весь красный от гнева.

— Спроси вот у них! — возразил Коллингвуд.

— Это правда,— подтвердил один из присутствующих,— его не нашли в тюрьме, хотя за десять минут перед тем видели его там.

— Ну, стало быть, этот человек,— сказал Иоиль, указывая на адмирала,— стало быть, этот человек убил его, как убил раньше...

— Замолчи, негодяй! — вскричал, задыхаясь, Коллингвуд.

— Говори! — повелительным тоном произнес Эдмунд.

Иоиль молчал, не зная, что ему делать. Он знал, что, скажи он слово — и потоками потечет кровь. Его пугали последствия. Поблизости находилось пятьсот англичан, готовых ринуться на защиту своего адмирала, а в замке было в ту минуту слишком мало народа для борьбы с ними. Он решил выиграть время.

— Мне нечего больше говорить! — громко ответил он Эдмунду на его требование и потом прибавил тихонько: — Ради

Бога, ваша светлость, не спрашивайте меня теперь... Скоро вы узнаете все.

Коллингвуд желал одного: как можно скорее убраться. Он чувствовал, что у него под ногами горит земля.

— По-видимому, мы имеем дело с каким-то нелепым шутом,— сказал он, принужденно улыбаясь.— Засим, герцог, позвольте с вами проститься, причем я не могу не отметить того факта, что вчера мое вмешательство признавалось полезным, а сегодня оно уже перестало нравиться.

Гаральд в ответ только поклонился и ничего не сказал. Коллингвуд со всеми офицерами удалился из замка, будучи убежден, что Иоилю ничего не известно о страшном преступлении. Равным образом адмирал не знал, что этот человек, до глубины души возмутившись виденной им ужасной сценой, дал себе клятву сообщить розольфцам тайну, касающуюся смерти герцогини и ее семейства.

— Ну,— сказал Эдмунд, как только адмирал вышел за ворота замка,— объясни же нам, что означают твои слова: «Скоро вы узнаете все».

— Я согласен говорить только при самом герцоге и его сыновьях,— отвечал Иоиль,— а больше ни при ком.

Все лишние удалились.

— Мы слушаем,— сказали оба брата.

— Пошлите вашим кораблям приказ затопить те две шлюпки, которые сейчас пройдут мимо них,— посоветовал Иоиль.

— Что это значит?

— Вы знаете ли, кто этот человек?

— Адмирал Коллингвуд... Ведь ты же и сам его так зовешь?

— Нет, я не про то... Известен ли вам его титул? Он герцог и пэр.

— В первый раз слышим.

— В списках членов верхней палаты английского парламента он значился под именем Чарльза, шестого герцога Эксмута.

— Бог мой! — вскричал Гаральд.— Так он брат моего несчастного зятя?.. Отчего же он мне ничего не сказал?

Олаф и Эдмунд страшно побледнели, но не произнесли ни единого слова.

Пеггам, негодяй Пеггам был нотариусом и поверенным этого человека!..

Безмолвно и с видом твердой решимости ждали они дальней-

ших разоблачений, предугадывая истину уже из того, что Пеггам был другом Коллингвуда.

— Да,— продолжал Иоиль, желавший, во избежание столкновения на суше, дать Коллингвуду время сесть в шлюпку,— адмирал Коллингвуд — брат вашего зятя... А знаете ли вы, герцог Норрландский, каким образом Коллингвуд получил наследство от своего брата? Он утопил его в море вместе с женой и детьми при помощи нотариуса Пеггама и Надода Красноглазого.

— О негодяй, негодяй! — вскричал Черный герцог, поднимая к небу руки.

— О, брат мой!.. О, какое ужасное воспоминание!.. Ведь это нашу сестру бросили тогда в море!.. Ведь вот что тогда мы видели!.. О изверги! — воскликнул Олаф.

— И мы не помогли ей... Мы ее не спасли!..— с горечью произнес Эдмунд.

— Да что ж вы? Бегите скорей! — вне себя от горя и гнева крикнул Гаральд.— Бегите, велите палить картечью в этих разбойников!

Олаф и Иоиль хотели броситься из комнаты, но Эдмунд остановил их жестом.

— Что ты делаешь! Ведь они от нас уйдут! — упрекнул его старый герцог.

— Отец,— возразил Эдмунд,— при этом изверге находится пятьсот неповинных человек. Наша месть да не коснется их! Наконец, он недостоин того, чтобы умереть от пули: такая смерть для него слишком почетна.

Все более и более воодушевляясь, молодой человек продолжал с пылающим лицом:

— Не правда ли, Иоиль, ведь он стоял там поодаль, с закрытым лицом?.. О, как только я вспомню, что наша бедная Леонора стояла перед ним на коленях, умоляя пощадить ее детей!.. Нет, он должен умереть жестокой, медленной смертью... Нужно довести его до того, чтоб он сам умолял нас пресечь поскорее нить его жизни... Боже мой! Что со мной делается?! Я положительно схожу с ума!.. Ведь я видел, как этот изверг вырвал у матери из рук ее полугодовалого ребенка и кинул его, у нее же на глазах, в пучину!.. Я это видел — и ничего не мог сделать для спасения несчастных жертв!

— Как!.. Вы это знаете? — удивился Иоиль.

— Мы были спрятаны на острове Бедлоэ,— отвечал, рыдая, Эдмунд.— Нас было трое, а против нас было...

— Шестьдесят человек экипажа,— пояснил Иоиль.

— Отец,— сказал Эдмунд, немного успокоившись после слез,— согласен ли ты доверить своим сыновьям дело отмщения?

— Согласен! — мрачным тоном отвечал старик.— Отомстите за свою сестру, за ее несчастного мужа, за их детей... Отомстите за наше семейное горе: это ваш первый и самый священный долг.

— И мой также: нас теперь трое! — произнес вдруг чей-то молодой голос.

С этими словами из башни во внутренний двор, где происходила эта сцена, выбежал Ингольф и бросился к ногам старого герцога.

Из комнаты Розевеля он слышал все разговоры и в последнюю минуту не в силах был себя сдержать.

— Ингольф! — воскликнули в один голос все трое — Черный герцог и оба брата.

Их удивление было безмерно.

— Я не Ингольф,— возразил капитан,— я Фредерик Биорн, возвращающийся в родной дом после двадцатилетнего отсутствия.

— Фредерик!..— пролепетал старый герцог.— Какой Фредерик? Кто это сказал — Фредерик Биорн? Где он?

— Фредерик Биорн — я,— отвечал капитан.— О мой отец, узнайте же своего сына!

Он обнажил свою грудь, и все увидели на ней неизгладимое биорнское клеймо.

— Sursum corda! — вслух прочли Олаф и Эдмунд и разом вскрикнули: — Брат!.. Брат!..

— Обойми же меня, сын мой! — воскликнул герцог.

При этих словах капитан почувствовал такое сильное волнение, что покачнулся и едва не упал, но тут подбежали Эдмунд с Олафом и подхватили его. Так, поддерживаемый своими братьями, Фредерик Биорн и получил от отца первый поцелуй.

Очищенный отцовским объятием, Фредерик Биорн разом освободился от тяготевшего над ним мрачного прошлого. Пират Ингольф, он же капитан Вельзевул, перестал существовать, вместо него явился старший сын герцога Норрландского — Фредерик Биорн, принц Розольфский.

XXVII

В скоге.— Продолжение осады.— Прибытие Черного герцога.— Гаральд и Надод.— Опасное великодушие

На другой день после отъезда Коллингвуда, напуганного Иоилем, из старого замка выступил, под начальством самого Гаральда, отряд в 25 человек на выручку Гуттора и Грундвига, осажденных в Сигурдовой башне бандитами, которых Надод отправил в ског еще до прибытия «Ральфа» в Розольфсе. Красноглазый надеялся, что эти бандиты застигнут Олафа и Эдмунда на охоте и что он таким образом избавится от молодых Биорнов еще прежде, чем будет совершено нападение на замок. С устранением двух таких сильных противников задача Надода значительно облегчалась, так как уже одно горе о погибших сыновьях могло сломить энергию старого герцога и лишить его нравственных сил, необходимых для защиты замка.

Могло также случиться и то, что бандиты встретили в скоге почти весь наличный гарнизон замка, тем более что Анкарстрем был большой любитель охоты в широких размерах. Да оно бы наверное так и случилось, если б события, быстро наступившие одно за другим, не устранили тем самым у розольфцев всякую мысль о развлечениях. Рассчитывая на благоприятные обстоятельства, Надод составил адский план, который легко мог удаться ввиду превосходного знания Красноглазым всех местных условий. Вот почему он и сказал в тот вечер Ингольфу, что ему, то есть Надоду, быть может, даже и не понадобится содействие капитана Вельзевула. Он был уверен в успехе, так как поручил все дело Торнвальду, который прежде служил у Биорнов пастухом и подал ему самое мысль. Весь расчет, таким образом, был основан на предположении, что розольфцы устроят большую охоту и сборным пунктом, как обыкновенно, назначат Сигурдову башню. Надод был заранее уверен, что весь охотничий кортеж, включая собак, погибнет в степи так же бесследно, как погибают в океане корабли.

Однако такой случай, как видит читатель, не представился. Олаф и Эдмунд в это время не охотились, а плавали по морю на своей яхте «Сусанна». Зато, когда вследствие неожиданного прихода англичан все планы Надода, казалось, готовы были рухнуть, Гуттору и Грундвигу пришла несчастная мысль уйти в Сигурдову башню, а вследствие этого привлекались в ског именно те люди, которым Надод готовил страшную гибель.

Весь вопрос заключался теперь в том — достаточно ли знакомы «Грабители» с планом Надода, чтобы действовать самостоятельно, не дожидаясь приказаний, которых пленный вожак бандитов, разумеется, не мог им дать.

Мы оставили «Грабителей» в ту минуту, когда внезапный дождь залил костер, который они развели у дверей осажденной ими башни, после того как Гуттор сбросил с вышки одного из бандитов. При самом начале осады их увидал один розольфский псарь, посланный выслеживать диких оленей, и поспешил в замок уведомить герцога.

Исчезновение Гуттора и Грундвига сначала только удивило герцога и его сыновей, но по мере того как проходило время, их удивление сменялось сильнейшим беспокойством. Они уже хотели послать в ског людей на поиски пропавших служителей, когда явился псарь и доложил о том, что он видел у Сигурдовой башни. Подробностей псарь не мог сообщить никаких, однако он успел заметить, что осаждающие вооружены абордажными саблями, но огнестрельного оружия, по-видимому, не имеют. Надод действительно не дал им ни ружей, ни пистолетов, желая, чтоб они всячески избегали столкновения с розольфцами и лишь исполняли то, что им специально было поручено.

Капитан Ингольф, которого мы с этих пор будем называть Фредериком Биорном, вспомнил, что Надод высадил в Нордкапе отряд бандитов, и объяснил отцу всю суть дела.

— Гуттор и Грундвиг,— сказал он,— очевидно, узнали бандита, когда он сошел с корабля, и пустились за ним в погоню, а он заманил их в ског, где нашел своих товарищей. Подавленные численным превосходством, ваши верные слуги заперлись в башне — теперь это для меня ясно как день.

Читатель видит, что Фредерик Биорн ошибался лишь относительно подробностей, но что в общем его объяснение было совершенно верно.

Во всяком случае, Гуттора и Грундвига необходимо было как можно скорее выручить.

Все уже было готово к выступлению, когда к Фредерику Биорну подошел Иоиль.

— А ваши матросы, капитан? — спросил он.— Насчет них какое же будет ваше решение?

— Ах, да! — вскричал Фредерик Биорн.— Я о них и забыл!.. Что с ними сталось? Где они?

Иоиль описал капитану бегство пленников...

Черный герцог не мог удержаться, чтобы не похвалить их беспримерное мужество.

— Молодцы! — воскликнул он.— Право, молодцы!

— Да, мой отец, экипаж был у меня отборный,— сказал Фредерик и невольно вздохнул.

Герцог понял все и с доброю улыбкой заметил сыну:

— Разве ты думаешь, что те, которые верой и правдой служили капитану Ингольфу, потеряют все свои хорошие качества, когда перейдут на службу к Фредерику Биорну?

— Отец! — вскричал молодой человек, не помня себя от радости.

— У нас враги довольно сильные, тебе это лучше, чем кому-либо, известно,— продолжал, улыбаясь, старик,— и потому нам не приходится пренебрегать такими храбрыми защитниками.

Иоиль в немногих словах досказал конец истории и сообщил, что Альтенс, взяв курс на юг, чтобы сбить англичан с толку, намерен был затем крейсировать близ берегов и выслать к берегу лодку для капитана. Лодка эта, вероятно, уже дожидается Ингольфа.

— Поезжай к ним, сын мой,— сказал старый герцог.— Негодяй Коллингвуд, наверное, поторопится уйти, и тебе сегодня же вечером можно будет вернуться в Розольфсе.

— Отец! Разве мое место не при вас в минуту опасности?

— Нас много, мой сын, и мы хорошо вооружены. Это даст нам огромное преимущество над бандитами, у которых ружей нет. Ступай, милый сын, не бойся. Ты не должен покидать товарищей в критическую минуту.

Капитан, томимый предчувствием беды, неохотно уступил настояниям отца и попросил братьев оберегать жизнь почтенного старца.

Несколько минут спустя Фредерик Биорн и Иоиль сидели уже на конях и мчались к берегу, а отряд Гаральда, тоже верхом на конях, спешил по степи к Сигурдовой башне.

Не проехав и четверти мили, всадники услыхали позади себя знакомое рычанье. То был друг Фриц, обычный спутник Олафа и Эдмунда во время охоты в скоге. Видя, что все о нем позабыли, медведь сорвался с цепи и, весело подпрыгивая и ворча, пустился следом за своими хозяевами.

Между тем осаждающие, несмотря на неудачу, постигшую их намерение поджечь дверь Сигурдовой башни, не отказывались от мысли овладеть Гуттором и Грундвигом и освободить Надода Красноглазого...

Однако злодей, видя, что осада все еще продолжается, начал мало-помалу утрачивать свою самоуверенность. Он понимал, что каждая лишняя минута увеличивает шансы его противников...

Неожиданно он вздрогнул всем телом, услыхав через бойницу отрывок разговора между двумя из осаждающих.

— И чего ждут? — говорил один.— Несколько фунтов пороху подложить — и дверь разлетится вдребезги.

— Ты разве забыл, что Торнвальд весь порох израсходовал уже на главное дело? — отвечал другой.

— Почему же не взять оттуда обратно сколько нужно? Ведь то дело все равно не выгорело.

— Кто тебе сказал, что оно окончательно оставлено? Седжвик, принявший начальство после ухода Торнвальда, полагает, что дело непременно должно выгореть, и даже велел прекратить собирание хвороста для костра. Мы будем только сторожить башню, ничего покуда не предпринимая, и если к вечеру розольфцы сюда не соберутся, то уж это будет черт знает что за несчастье для нас.

Затем Надод слышал, как бросили на землю охапку хвороста, после чего разговаривающие удалились.

Если бы Грундвиг, оставшийся при пленнике один, так как Гуттор беспрестанно поднимался на башню обозревать окрестность,— если бы, повторяем, Грундвиг взглянул в эту минуту на пленника, он прочел бы на его лице самую злобную радость, которая не преминула бы навести его на размышления.

— Ничего! — сказал, возвращаясь с вышки, Гуттор.— Я, по правде сказать, рассчитывал, что нас скорее хватятся и будут отыскивать... Эти негодяи не хотят больше раскладывать костра. Главный их приказал, чтоб они перестали носить хворост, и сосредоточил весь отряд шагах в ста отсюда. Они о чем-то советуются, должно быть, что-то особо скверное замышляют против нас. Если это еще долго будет продолжаться, то я даю тебе слово, что сверну Надоду шею и сделаю вылазку.

— Вот и отлично,— засмеялся Грундвиг.— Ты будешь авангард, я арьергард, а в центре... в центре будет то расстояние, какое окажется между нами.

— Смейся сколько хочешь, но, по-моему, это просто унизительно — подвергаться осаде всяких бродяг, у которых даже огнестрельного оружия нет.

— А у нас разве есть оно, Гуттор?.. Ну, да это все бы ничего, будь я такой же силач, как ты, я бы согласился на твое

предложение, но ведь дело в том, что ты будешь буквально один против всех... Разве это не сумасшествие?

— Поверь, я этой дубиной положу на месте одним ударом человек пять или шесть, а они не...

Богатырь замолчал. Вдали послышался звук рога.

— Это они! — радостно вскричал он.— Это Гаттор трубит!

Он бросился наверх и почти сейчас же спустился обратно.

— Они и есть! — сказал он.— Герцог с сыновьями и при них двадцать пять или тридцать всадников... Как тебе покажется? Все осаждающие попятились, ни одного не видать.

— Они не трусы, Гуттор,— заметил Грундвиг, качая головой,— тут какая-нибудь загвоздка.

Надод был вне себя от радости, которая выражалась у него отвратительными гримасами, так что лицо его казалось еще противнее, чем всегда.

Десять минут спустя дверь башни отворилась. Вошел герцог и с ним два его сына, Олаф и Эдмунд.

Смерть Гленноора опечалила герцога. Он в грустном раздумье остановился над трупом своего старого слуги, как вдруг услыхал сзади себя голос и обернулся. Увидав Надода, Гаральд невольно попятился, почувствовав вдруг крайнее отвращение.

— Герцог Норрландский,— говорил негодяй,— имей же мужество взглянуть на дело рук своих. Этот человек умер, но он не страдает больше, тогда как я, по твоей милости, двадцать лет терплю ужасные мучения, которых и описать нельзя.

— Кто ты такой? — спросил, видимо смущаясь, герцог.

— Я Надод, твой бывший крепостной, по прозванию Красноглазый. Благодаря твоей жестокости я сделался существом, внушающим отвращение всякому, кто на меня ни посмотрит. Узнаешь ли ты меня?

Все бросились к бандиту, чтобы заставить его замолчать, но Гаральд жестом отстранил их прочь. Сын был ему возвращен — и теперь в сердце герцога было место лишь для сострадания и прощения. Надода он после наказания ни разу не видал и был чрезвычайно взволнован последствиями своего приговора.

— Назад, холопы! — крикнул Надод.— Не мешайте осужденному на смерть поговорить со своим палачом: это его неотъемлемое право.

— Кто тебе сказал, что ты осужден на смерть? — пролепетал герцог.

— Разве ты не видишь, как твои холопы крепко связали меня? Даже веревки в тело впились.

— Развяжите его! — приказал герцог.

— Ваша светлость, не делайте этого! — вступился подошедший Грундвиг.— Он собирался ограбить замок, а нас всех перерезать.

— Я хотел отомстить за себя, за свою мать, умершую от горя и нищеты.

— Развяжите его! — повторил герцог тоном, не допускающим возражения.

— Ваша светлость!.. Герцог мой дорогой!..— возражал Грундвиг.— Ведь он замешан в убийстве нашей...

Герцог не слушал. Он был занят своими собственными мыслями и бормотал про себя:

— Сын мне возвращен... Довольно крови пролито... Не надо больше... Нынешний день да будет днем прощения...

Так как никто не спешил повиноваться, то он сам разрезал веревки, которыми связан был пленник.

Надод с удивлением поглядел на Гаральда. При всей своей черствости злодей был тронут таким великодушием, но только на одну минуту. Прежняя злоба сейчас же вернулась к нему во всей своей силе.

О своем собственном преступлении злодей не думал, а между тем что может быть ужаснее — похитить у отца с матерью их любимого сына? Он не подумал о том, как старик двадцать лет оплакивал своего погибшего первенца.

Гаральд вырвал листок из записной книжки, написал на нем несколько строк и отдал Надоду.

— Возьми вот это и уходи... Да поскорее, а то я не ручаюсь за своих людей. Постарайся сделаться честным человеком.

Красноглазый прочитал:

«Банкирскому дому Рост и Мейер, во Франкфурте.

По предъявлении извольте заплатить немедленно сто тысяч ливров. Гаральд Биорн»

Надод был озадачен, но через миг ненависть вспыхнула в нем еще сильнее. Он с презрением бросил бумажку на пол и выбежал вон.

Гуттор бросился было за ним.

— Ни с места! — прикрикнул на него герцог.

С минуту богатырь постоял в нерешительности. В первый раз в жизни он готов был возмутиться, но Гаральд пристально устремил на него свой холодный и ясный взгляд, и кончилось

тем, что Гуттор покорился. Он пошел к Грундвигу, сердито бормоча:

— Попадись он мне только лицом к лицу!.. Герцог с ума сошел. Быть теперь беде, уж я вижу...

Черный герцог медленно окинул взглядом всех присутствующих. Ни в ком, не исключая и сыновей своих, не встретил он одобрения своему поступку.

XXVIII

Новая низость Надода.— Смерть Черного герцога.— Лемминги.— Надод за себя отомстил

С Сигурдовой башни открывался великолепный вид на окрестности. Не желая порицать отца, Эдмунд медленно поднялся по лестнице, чтобы там, наверху, хоть немного успокоиться, созерцая величественную панораму.

Налево сверкала ровная темно-зеленая гладь спокойного в эту минуту моря, а направо отливала изумрудами зеленая равнина скога. Надо всем этим синело необъятное небо, по которому заходящее солнце разливало золотисто-розовый свет. По всему своду тянулась широкая радуга, символ мира и успокоения. Один конец ее, казалось, упирался в высокие ледники Лапландии, а другой погружался в успокоенный океан — там, где он сливается с небом.

К Эдмунду постепенно присоединились на башне все прочие; только Олаф остался с отцом, который сидел в кресле, подперев голову руками. Молодой человек, сев поодаль, тоже задремал.

Чья это тень появилась вдруг под портиком башни, собираясь войти туда и оглядываясь по сторонам рысьими глазами? Вот она, нагнувшись, крадется вдоль стены, точно дикий зверь, готовый броситься на добычу... Вот она внезапно выпрямилась...

Негодный Надод! Чего тебе надобно?..

В один прыжок очутился он возле Черного герцога и ударом топора рассек ему голову. Герцог упал, даже не вскрикнув.

Олаф вскочил, удивленно и растерянно озираясь кругом. Он не успел позвать на помощь и сам, бездыханный, упал рядом с отцом.

Наверху никто ничего не слыхал.

— Вот и два! — прорычал Красноглазый, обходя залу, словно тигр, отыскивающий, не будет ли для него новой добычи.

Не найдя ничего, он бросил свой окровавленный топор, выбежал из башни, отвязал лошадь Гаральда, вскочил на нее и вихрем помчался в степь.

С террасы на башне раздался страшный крик. Все находившиеся там кинулись вниз по лестнице.

Из окрестных кустов выскочили люди, отвязали розольфских лошадей и, оседлав их, помчались вслед за своим атаманом.

Первые прибежавшие в залу подняли отчаянный крик, острой болью отозвавшийся в сердцах тех, кто еще не успел сойти с вышки. Прибежавшие встали как вкопанные.

— Отец! Бедный мой отец! — вскричал Эдмунд, склоняясь над телом Черного герцога.

Грундвиг встал на колени перед телом Олафа... Хриплое рыдание вырвалось из груди Гуттора. На великана было страшно смотреть: дико ворочая глазами, он озирался по сторонам, ища виновника преступления.

Вдали раздался треск ружейной пальбы... Это продолжалось минут пять, но никто не обратил на это внимания.

Пробовали вернуть несчастных жертв к жизни, подняли их, положили на стол. Тем временем над розольфцами собиралась страшная беда: им грозила неминуемая и бесповоротная гибель...

Но кто мог ее предвидеть? Кто в эту минуту думал о себе? Все находившиеся в зале рыдали, оплакивая Гаральда и Олафа.

Гуттор хотел было погнаться за убегающими злодеями, но скоро вернулся обратно в залу, понурив голову. Негодяи были уже далеко.

Вдруг вдали послышался неопределенный, смутный гул, похожий на плеск прибоя во время затишья на море.

Гул постепенно усиливался, становясь похожим на рев. Присутствующие вздрогнули. Среди всеобщей тишины кто-то громко сказал:

— Это лемминги!.. Мы погибли!..

Остававшиеся до этого времени на вышке поспешно сбежали оттуда вниз, крича:

— Запирайте дверь!.. Запирайте дверь!..

Они увидели в скоге двигающуюся темную массу, похожую на колеблющийся вал наводнения. Этот вал занял собою всю степь, насколько ее можно было окинуть взглядом, и стремился к башне.

Это были лемминги. Это было живое наводнение, во сто раз

опаснейшее, чем вода, потому что это наводнение ничем, кроме огня, нельзя остановить, а мыслимо ли было поджечь со всех четырех концов весь огромный ског?

И кому было поджигать? Помощь в этом отношении могла бы прийти только извне, так как на башне с такой задачей справиться было нельзя.

Двадцать лет уже северные крысы спокойно жили под слоем мха и земли, двадцать лет они не совершали переселений, несмотря на страшное их размножение. Но малейший внешний толчок и малейшая возня могли взволновать их и потревожить, и Гаральд это знал, вследствие чего и не любил, чтобы его сыновья охотились близ Сигурдовой башни. Этих-то грызунов мстительный Надод и сделал орудием своей злобы.

По совету Торнвальда Надод велел заложить в скале двести или триста небольших пороховых мин и соединить их все между собою посредством фитиля. Стоило поджечь фитиль, чтоб в степи последовал ряд взрывов и взбудоражил крыс.

Достаточно было, чтоб двинулась с места одна стая: за нею должны были подняться и все остальные.

Как только раздался крик «запирайте дверь!», Гуттор поспешно задвинул засовы. С этой стороны не было никакой опасности: дверь запиралась герметически. Наскоро заткнув чем попало отверстия бойниц, все бросились снова на вышку поглядеть на ужасающее зрелище живой волны, со всех сторон надвигавшейся на башню. Каждый помнил, как во время последнего нашествия леммингов погибали целые деревни: крысы безжалостно уничтожали и людей, и животных...

Первые прибежавшие на вышку в один голос вскрикнули от ужаса. Неровные камни старой башни представляли крысам множество опорных пунктов для того, чтобы ползти вверх.

Вот они влезли и уже покрыли сплошным мехом весь нижний этаж. Глаза страшных маленьких хищников горели, как миллионы искр, а щелканье их челюстей, вследствие их многочисленности, производило громкий и зловещий шум.

Каждый понял всю неизмеримость опасности: если крысы ворвутся в башню, то оттуда не спасется ни один человек. Все погибнут ужасной смертью: крысы обгложут их живьем... На спасение не было надежды.

Каждый наскоро вооружился — и не саблями, а длинными шестами, принесенными из кладовой. Этими шестами можно было очищать стену от лезших на нее крыс. Гуттор взял на себя одного целую сторону башни.

Лемминги надвигались. Они миновали уже первый и второй этажи, тщетно попытавшись влезть в крепко запертые окна, добрались до третьего, и... борьба началась.

Первое время защищаться было легко: при малейшем ударе шестом сбрасывались вниз целые ряды хищников. Но эти ряды сейчас же заменялись новыми, и стены башни сплошь покрывались крысами до того места, до которого достигали спускаемые с вышки шесты. Лемминги лезли на башню с ожесточением. Теперь они видели перед собою упорных противников, и это озлобляло их еще больше.

В таком положении дело находилось в течение нескольких часов без малейшей перемены в чью-либо пользу. Впрочем, осажденные начинали уже уставать, и надежда на благополучный исход все более и более ослабевала у них. Они тоскливо переглядывались между собою, чувствуя, что им уже недолго осталось жить.

С самого начала нападения грызунов Фриц, в крайнем перепуге, убежал в замок, и осажденные надеялись, что возвращение его поднимет там тревогу. Но кто же догадается созвать вассалов и двинуть их на помощь осажденным? Кто же догадается поджечь ског?

Надежда на это была так слаба, что лучше уж было совсем не надеяться.

Так прошел день, а к вечеру осажденными овладело глубокое, безмолвное отчаяние, которое невозможно описать словами.

Наступила минута, когда все окончательно выбились из сил,— кроме Гуттора, который еще мог держаться на своем посту.

— Держитесь, не уступайте,— сказал он Эдмунду и Грундвигу,— я вас спасу.

Отекшие, окостеневшие руки защитников башни отказывались служить. Несчастные розольфцы бросили защищаться — и миллионы крыс ворвались наконец в башню... Эти маленькие, злобные создания вышли победительницами из борьбы.

Настала темная ночь, в тишине которой раздавались стоны и вопли несчастных жертв.

Надод за себя отомстил!

Когда, на следующий день, явился Фредерик Биорн во главе своих моряков и собранных вассалов замка и, зажегши степь, прогнал леммингов, он сразу побежал в Сигурдову башню, не дожидаясь, чтобы земля остыла после пожара.

Еще издали он увидал на вершине башни странное зрелище. На самом верху флагштока башни висела какая-то большая бесформенная масса, напоминавшая тела казненных людей.

Старший в роде Биорнов подбежал и среди ужасного бедствия, обрушившегося на его голову, нашел некоторое утешение: его брат Эдмунд был жив, привязанный к флагштоку.

Богатырь Гуттор, когда увидел, что больше нет никакой надежды отразить нападение крыс, взял Эдмунда на свои могучие плечи и, влезши на флагшток, крепко привязал его к самой верхушке. Потом он проделал то же самое с Грундвигом и, наконец, повис на флагштоке сам, все время подтягиваясь на руках. В таком положении он пробыл до утра, покуда пожар не очистил ског от леммингов.

Таким образом при этих трагических обстоятельствах Гуттор обнаружил во всем блеске свою необычайную, сверхъестественную силу.

Эдмунд был в обмороке, но его скоро удалось привести в чувство.

По какому-то странному случаю трупы Гаральда и Олафа, лежавшие на столе в зале нижнего этажа, не были съедены леммингами.

Бывший пират не пролил ни одной слезы. Он ощущал внутри себя какой-то внутренний жар, который его поддерживал и ободрял. Он простер руку над телами брата и отца и глухим голосом произнес:

— Спите мирно, благородные жертвы! Я устрою вам кровавую тризну. В этом клянется вам сам капитан Вельзевул!..

Анкарстрем уехал из замка еще накануне этих событий, а две недели спустя король шведский Густав III пал от его руки во время придворного маскарада.

Сейм по первому голосованию предложил корону старшему сыну герцога Норрландского.

История Фредерика Биорна, бывшего пирата Ингольфа, сделалась известна всем шведам. По всей Швеции ходил рассказ о том, как старый Розевель, под видом привидения, спас приговоренного к казни Ингольфа через потайную дверь и как тот же старик, похожий на мумию, открыл тождество между Ингольфом и старшим сыном Черного герцога. Читатели, конечно, не забыли ту патетическую сцену, когда Розевель показал Ингольфу печать с гербом Биорнов и их девизом Sursum corda.

Когда послы от сейма явились в замок Розольфсе и сооб-

щили Фредерику Биорну, что его зовут на престол, молодой герцог Норрландский дал им следующий ответ:

— Моя жизнь уже мне не принадлежит. Я дал клятву отомстить за своих убитых родственников и отыскать в полярных льдах останки моего дяди Магнуса. Но ты, дорогой Эдмунд...

— Я хочу быть подле тебя и помогать тебе,— отвечал молодой человек.

— Разлетелись прахом все мечты покойного герцога! — прошептал Грундвиг.

Слеза набежала на ресницы старого розольфца. Он смахнул ее и тихо-тихо сказал, так что лишь один Гуттор мог расслышать:

— Над старым замком носится веяние смерти. Знаешь, Гуттор, я боюсь, что скоро нам придется навеки запереть семейный склеп Биорнов, надписав на камне: «Здесь покоится прах последнего в роде».

Некоторое время спустя сейм провозгласил французского генерала Карла Бернадота наследником престола Сигурдов, Биорнов и Ваза.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

I

Цена крови.— Лондонское City.— Трактир «Висельник».— Мистер Боб.— Два посетителя

Вечерело. Над Лондоном, словно балдахин над гробом, повис тяжелый густой туман, весь пропитанный черным дымом из фабричных и домовых труб. На улицах было уже темно и стоял неопределенный, смутный гул, который производила толпа, стремившаяся по ним из деловых центров города в свои жилища на более или менее далеких окраинах. В те времена Лондон по ночам не освещался, только у королевских дворцов и у домов знатных лордов зажигались фонари. Поэтому каждый житель спешил возвратиться домой засветло, чтобы не подвергнуться неприятностям, так как по ночам лондонские улицы превращались в арену для всевозможных ночных деятелей, которые, с незапамятных времен, взимали дань с запоздалых прохожих.

Полицейскими правилами предписывалось обывателям не выходить по ночам из домов иначе как группами в несколько

человек и непременно с фонарями, но ночные джентльмены тоже действовали не в одиночку, а шайками, и в большинстве случаев сила оказывалась на их стороне. Они незаметно подкрадывались, разбивали и тушили фонари и грабили прохожих, весьма часто отнимая у них буквально все и оставляя их в том костюме, в котором ходил Адам до грехопадения.

По указу короля Георга III при всех полицейских постах были устроены склады одеял, чтобы укутывать ограбленных и в таком виде доставлять их домой, после чего одеяло относилось обратно на пост.

Мало-помалу шум в городе затих, и, когда часы на Тауэре пробили восемь, на улицах остались одни голодные собаки да изредка проходил патруль, совершавший свои обходы с такою аккуратностью, что ночные деятели могли с полной безопасностью обделывать свои делишки в одном участке, покуда патруль находился в другом. Таким образом, все были довольны, исключая ограбленных обывателей, являвшихся голыми на полицейские посты с просьбою прикрыть наготу одеяльцем.

Та часть Лондона, которая называется Сити, в конце прошлого века пользовалась особенно дурной репутацией. Ночью туда положительно нельзя было показаться без того, чтобы безрассудного смельчака не ограбили дочиста и не избили, так как тамошние ночные джентльмены были особенно азартны вследствие того, что Сити еще со времен короля Этельреда пользовался привилегией держать всю ночь открытыми кабаки и трактиры. Добряк Этельред выдал эту привилегию с той целью, чтобы «несчастные обыватели, преследуемые жуликами, могли находить себе убежище во всякое время», но в конце концов эти кабаки и трактиры превратились в самые гнусные и опасные притоны.

В самом центре Сити, на улице Ред-стрит, что в переводе значит Красная улица, стоял один из таких притонов, называвшийся трактиром «Висельник». Это и был излюбленный притон «Грабителей морей», одна из шаек которых постоянно оставалась на дежурстве в Лондоне, чтобы доносить заправилам преступной ассоциации о всякой наклевывающейся там добыче.

Эта шайка, само собой разумеется, не теряла на суше времени даром и грабила частные дома, магазины, лавки, после всякого преступления скрываясь на каком-нибудь из своих кораблей, где, конечно, пропадал всякий след грабителей и где их уже совершенно нельзя было найти.

В описываемый вечер в таверне, вопреки обыкновению, было очень мало народу. Лишь в глубине скудно освещенной залы, в темном уголке, сидели за столом два человека, выбравшие, должно быть, нарочно такое место, чтобы быть подальше от света. Один из них был мужчина богатырского роста и сложения, невольно поражавший своими громадными формами всякого при первом же взгляде. Богатырь, очевидно, знал, в каком притоне сидит он со своим другом, но знал он также свою силу, и потому немудрено, если держал себя спокойно и самоуверенно. Его товарищ тоже не обнаруживал ни малейшей робости.

Собеседники пили белое шотландское пиво, наливая его себе в стаканы прямо из крепкого дубового бочонка, который они велели поставить перед собою тут же на столе. Богатырь всякий раз выпивал весь стакан залпом.

Мистер Боб, хозяин таверны, далеко не был так беззаботно спокоен, как его два случайных посетителя. Зная причину, почему грабители в этот вечер запоздали прийти в трактир, он знал также, что в десять часов эти почтенные джентльмены ворвутся в таверну и станут требовать, чтобы все те, кто не принадлежит к их шайке, немедленно удалились. Принимая во внимание богатырскую фигуру одного из посетителей, мистер Боб предполагал, что требование «Грабителей» будет исполнено далеко не беспрекословно, и бормотал сквозь зубы:

— Ну, дружище Боб, у тебя непременно выйдет неприятность, если ты не примешь заранее мер, чтобы предотвратить ее.

Несчастный трактирщик смущенно похаживал около двух посетителей, которые продолжали спокойно беседовать на каком-то иностранном языке, не обращая ровно никакого внимания на хозяина.

Между тем нужно же было принять какие-нибудь меры, иначе «Грабители» вышвырнут, без дальних разговоров, обоих посетителей за дверь.

Мистер Боб подходил к столу все ближе и ближе, описывая все более и более тесные круги и беспрестанно покашливая, но посетители продолжали показывать вид, что не замечают его.

Трактирщик всячески подбадривал себя, даже пристукивал ногою по паркету, но все еще не решался заговорить.

Положение его было, в сущности, пренеприятное. Ведь, как бы вежливо и дипломатично ни составил он фразы, все-таки смысл ее мог быть только один: «Заплатите, господа, за то, что вы скушали и выпили, и уходите подобру-поздорову».

Несколько раз он пробовал начать:

— Гм!.. Кхе, кхе!.. Почтенные джентльмены!.. Кхе, кхе!..

Но «почтенные джентльмены» по-прежнему делали вид, что не слышат, и все красноречие мистера Боба разом пропадало. Он был, вообще, человек крайне трусливый, и при малейшем затруднении душа у него уходила в пятки. Чтобы себя подбодрить, он выпивал в таких случаях стаканов шесть джина, но так как и голова у него была довольно слабая, то мысли начинали путаться, слова не шли на язык, и мистер Боб бормотал что-то непонятное. Злые языки говорили тогда, что мистер Боб напился пьян, но, разумеется, это была неправда.

В данном случае мистер Боб, желая сохранить ясность мыслей, ограничился тремя стаканами и действительно почувствовал бодрость без излишнего возбуждения. Медленными шагами подошел он к посетителям, тщательно обдумав свою речь и решившись во что бы то ни стало отклонить прискорбное столкновение, грозившее разразиться в его почтенном доме.

— Чего от нас нужно этому дураку? — спросил собеседник гиганта.— Посмотри, как он все время похаживает вокруг нас и мечется, точно медведь в клетке.

— Я только что хотел сказать тебе это же самое,— отвечал богатырь.— Впрочем, скоро мы узнаем, что ему нужно, когда он, наконец, решится заговорить.

Затем, возобновляя прерванный разговор, гигант прибавил:

— Итак, ты вполне уверен, что он не может нас узнать?..

— Уверен вполне.

— Относительно тебя я нисколько не сомневаюсь: ты так сумел изменить свою наружность, что тебя невозможно узнать. Я бы сам способен был ошибиться, хотя мы прожили неразлучно сорок лет. Честное слово, ты положительно неузнаваем... Но послушай, Грундвиг, скажи по совести: не ошибаешься ли ты? С лица я действительно стал совершенно не тот, но зато мой рост, мое сложение... Ведь Красноглазый Надод — тонкая шельма.

— Это верно, и твои опасения были бы совершенно справедливы, если б нам предстояло вступить с ним в разговор. Но здесь, в этой таверне, которая сию минуту наполнится всяким сбродом, Надод на нас не обратит никакого внимания. Ему не до нас, у него много разных других забот, да, наконец, он ведь и не знает, что мы в Лондоне.

— По крайней мере, уверен ли ты, что он сюда придет?

— Я ж тебе говорил: его случайно встретил на улице Билль, плававший с ним на «Ральфе». Надод сейчас же узнал его и

предложил ему вступить в общество «Грабителей». Наш матрос притворился, что предложение ему понравилось, и Красноглазый назначил ему здесь в трактире свидание, чтобы окончательно условиться с ним.

— Понимаю, но ведь Надод такой человек... С ним надо постоянно быть настороже.

— Для чего же бы стал он приглашать Билля сюда в таверну?

— Он прехитрый злодей и прековарный. Вообрази, что ему пришло в голову, не остался ли Билль на службе у Фредерика Биорна, бывшего капитана Ингольфа, а ныне герцога Норрландского и старшего в роде Биорнов. Разве он в таком случае не способен заманить Билля в западню, чтобы узнать намерения герцога относительно убийцы его отца и брата?

— Ну, слава Богу, додумался, наконец! — засмеялся Грундвиг.— Да ведь я ж это самое и толкую тебе вот уже битый час, объясняя, для чего мы сюда пришли.

— Ты говорил все намеками какими-то... Сказал бы прямо, сразу...

— Я боялся, что ты сочтешь предприятие слишком опасным,— возразил Грундвиг, отлично знавший, каким способом можно довести Гуттора до нужного состояния.

Богатырь слегка покраснел.

— Слишком опасным? — повторил он, поглядывая на свои громадные кулаки.— Да знаешь ли ты, что для меня расправиться со всеми этими грабителями, не исключая и их Красноглазого Надода, все равно что выпить вот этот стакан с пивом!

С этими словами богатырь наполнил стакан до краев и выпил его одним духом.

II

Совет мистера Боба.— Цистерна.— Грабители.— Мистер Ольдгам.— Красноглазый Надод.— Трое против пятидесяти.— Бегство.— Подвал в трактире «Висельник»

После трагической смерти отца сделавшись герцогом Норрландским, Фредерик Биорн энергично принялся за дело отмщения убийцам. Корабли розольфской эскадры, под личным его начальством, а также под начальством его брата Эдмунда, деятельно выслеживали «Грабителей» и специально — адмирала

Коллингвуда. Но адмирал всегда плавал в сопровождении целой эскадры, и о нападении на него открытой силой нечего было и помышлять, поэтому герцог Фредерик решился перенести театр своих действий в Лондон. Его агенты выследили Коллингвуда, а затем напали и на след Надода, благодаря случайной встрече последнего с Биллем, бывшим лейтенантом брига «Ральф», а теперь командиром корабля «Олаф», присланного герцогом в Лондон.

Гуттор и Грундвиг, переговорив с Биллем, решили прийти в таверну «Висельник», чтобы узнать, где живет Надод. Вот почему мы и застали их там, сидящими за столом и пьющими вино.

— Однако что мы будем делать, если Надод нас узнает? — спросил Гуттор, которому эта мысль не давала покоя.

Разумеется, богатырь тревожился не за себя, а за исход дела.

— Это будет очень неприятно, потому что он не преминет натравить на нас всю свою шайку,— отвечал Грундвиг.— Нам придется силой пробивать себе путь.

— За это я берусь,— сказал богатырь.

— Все-таки это будет очень досадно, потому что Надод, наверное, увернется от нас опять, тем более что он, как мне сказал Билль, стал совершенно неузнáваем.

— Кстати, что же это наш молодой капитан так долго не приходит? Я думал, что он должен был прийти одновременно с нами.

— Он придет. Ведь еще рано: десяти часов нет.

Эти слова были сказаны как раз в тот момент, когда к разговаривающим во второй раз приблизился мистер Боб, видимо желавший им сказать что-то.

Грундвиг догадался об этом и был настолько добр, что поспешил ему помочь.

— Что вам угодно, почтенный хозяин? — спросил он.— Вы как будто собираетесь нам что-то сообщить.

— Совершенно верно, джентльмен,— отвечал Боб, ободренный словами Грундвига.

Дальше, однако, он не мог продолжать, запнувшись и потеряв нить придуманной речи.

— Что же вы? Говорите, пожалуйста, мы вас слушаем,— настаивал Грундвиг.

Часовая стрелка двигалась до ужаса быстро, и скоро в трактир должны были нагрянуть «Грабители». Сознание грозящей опасности побудило, наконец, почтенного мистера Боба собраться с духом, и он заговорил:

— Гм!.. Гм!.. Я бы желал, почтенные джентльмены... Видите ли... Гм!.. Я бы желал дать вам один добрый совет... Гм!.. Кхе!.. Да, очень добрый совет...

Он опять запнулся, вытер себе потный лоб и перевел дух. Таких длинных фраз он никогда не произносил, разве только когда был трезв, а трезв он не был ни разу с тех пор, как десять лет тому назад похоронил свою супругу, мистрис Тернепс. При жизни мистрис Тернепс достойный Боб бил ее смертным боем, но с тех пор как она умерла, не переставал оплакивать ее и заливать свое горе вином.

— By God! — проворчал пьяница, опираясь о стол, так как ноги его подкашивались.— Что это со мной? Ведь я выпил всего три...

Он считал, разумеется, только три последние стакана, которые он выпил один за другим, а между тем они-то именно и вывели его из равновесия.

Однако мысль о «Грабителях» до такой степени пугала мистера Боба, что происходившая в нем борьба между нерешительностью и страхом разрешилась окончательно в пользу последнего.

— Ну, что же? В чем ваш совет? — спросил Грундвиг.

Боб сделал над собой отчаянное усилие и выговорил залпом следующую фразу:

— Гм!.. Вот именно. Сейчас видно, что вы, почтенные джентльмены, не здешние, не лондонцы... Гм!.. Иначе вы не зашли бы в таверну «Висельник», да еще в такой час... Вы, конечно, не знаете, почему она так называется?..— Он понизил голос до шепота и продолжал с самым зловещим видом: — Здесь повесился мой дед!.. И отец повесился!.. Все Тернепсы этим кончают!.. Да, что, бишь, я хотел вам сказать? А, вспомнил!.. Знаете, по лондонским улицам небезопасно ходить в такой поздний час. На вашем месте я бы поскорее ушел отсюда, заплатив, разумеется, по счету, как оно и следует порядочным людям.

— Только-то! — воскликнул Гуттор и громком расхохотался.

Смех богатыря прокатился по всей таверне, как гром. Пьяница был оглушен, озадачен, но так как предстоящая драма его пугала, то он решился договорить и выставить последний, самый убедительный аргумент.

— Стало быть, вы не знаете, где находитесь? Ни один констебль не решится сунуть сюда носа ночью. Ночные патрули, несмотря на свою многочисленность, боятся ходить по

этой улице. Вы находитесь в таверне «Грабителей морей»!

Мистер Боб, с которого от волнения соскочил почти весь его хмель, рассчитывал, что при этих словах оба случайных посетителя без оглядки бросятся вон из трактира и даже позабудут заплатить за выпитый бочонок пива. Один бочонок куда ни шел; почтенный трактирщик уже мирился мысленно с этой потерей. Но, к вящему его удивлению, менее рослый из двух посетителей только плечами пожал с самым явным презрением, а богатырь вторично загремел хохотом на весь трактир.

— Гм!.. Джентльмен, вы с ума сошли,— продолжал Боб, у которого на лбу выступили крупные капли холодного пота.— Подумайте: разве «Грабители» допустят, чтобы при их совещаниях находились посторонние свидетели? Вы оба погибнете, если не уйдете заблаговременно.

Боб произнес эти слова твердым голосом. Он был страшно бледен, но совершенно трезв. Винные пары улетучились из его головы под давлением смертельного страха.

Сколько кровавых драм разыгралось уже в этом злодейском притоне! Сколько было привезено сюда связанных людей, даже детей и женщин, от которых кому-нибудь выгодно было отделаться!.. Эти привозимые люди уже не выходили обратно... Только Боб один знал счет трупам, зарытым в подвалах и погребах трактира или брошенным в огромную цистерну для стока воды, находившуюся под домом.

Однажды вечером к таверне подъехала наемная карета, из которой вышла богато одетая молодая женщина с тремя маленькими детьми. Ей было сообщено, что с мужем ее сделался апоплексический удар и что больной перенесен в какой-то дом в Сити. Вне себя от испуга, приехала она в этот дом, захватив с собой всех детей, прошла, ничего перед собой не видя, через трактирную залу и стала спускаться по лестнице в ту комнату, где лежал, как ей сказали, ее больной муж. Вдруг раздался ужасный крик: ступени подогнулись под ногами несчастной дамы и она упала в грязную цистерну вместе с тремя невинными малютками.

Час спустя приехал ее муж, привлеченный таким же точно известием, и подвергся той же самой участи.

Много подобных происшествий случилось в трактире «Висельник» за последние десять лет. Дяди отделывались таким способом от племянников и племянниц, опекуны от опекаемых, младшие братья от старших, мужья от жен. На образном жаргоне «Грабителей» эта нечистая клоака называлась «Ямою на-

следств». Да не подумает читатель, что это вымысел: это исторический факт, проверенный во время разбирательства процесса «Вайтчапельских убийц» в 1778 году.

Страшная ассоциация «Грабителей морей» сделалась чрезвычайно опасной для общества в конце XVIII века, когда Европа, расстроенная продолжительными войнами, лишенная дорог и удобных сообщений, предоставляла каждому гражданину самому заботиться о своей безопасности.

Не было ни одной провинции, где бы не завелась своя собственная шайка разбойников, грабителей, убийц, смеявшихся над дорожной стражей и грабивших подчас целые селения и города.

Но ни одна из таких шаек не могла равняться силой с грозным обществом «Грабители морей», которое организовал нотариус Пеггам. У этого общества был свой флот, были сухопутные шайки, были могущественные покровители, задаренные деньгами, были сообщники даже в Верхней палате английского парламента и в коронном суде Великобританской державы.

Пролив Ла-Манш, Балтийское море, Северное море служили обычной ареною преступных подвигов общества, наводившего страх на берега Англии, Дании, Швеции, Норвегии, Голландии и Германии. Самый Лондон оно в течение двадцати лет держало под ужасным террором.

Дошло до того, что «Грабители» взимали пошлину со всех богатых негоциантов, арматоров, банкиров и домовладельцев Сити. Этим лицам посылались категорические требования доставить в такой-то день и час в таверну «Висельник» такую-то сумму, которая обыкновенно назначалась соразмерно богатству облагаемого этою незаконной податью лица. В письме обыкновенно упоминалось о прискорбных последствиях, которые неминуемо должен повлечь за собою отказ, и внизу ставилась подпись: «Грабители».

В первое время некоторые энергичные люди пробовали сопротивляться, но через неделю исчезали неизвестно куда, так что от них ни малейшего следа не оставалось. Кончилось тем, что больше уже никто не отважился противоречить дерзким бандитам.

Несколько раз в таверне «Висельник» устраивались полицейские облавы, и были случаи массовых арестов тех лиц, которые там оказывались. Но хотя администрация была вполне уверена, что арестованные принадлежат к обществу «Грабителей», все-таки их в конце концов приходилось выпускать из-под ареста за неимением достаточных улик. Против них не находилось ни

одного свидетеля. Когда «Грабители» обкрадывали чей-нибудь дом или корабль, они обыкновенно убивали всех ограбленных. Никто не догадывался, что следовало приняться за Пеггама и Надода. Они были душою преступного товарищества, и с их падением оно распалось бы само собою. Но главари шайки умели искусно прятаться, и никому в голову не приходило заподозрить их.

Железная дисциплина господствовала в среде общества во всем, что касалось его специальной деятельности, но затем каждый член ассоциации получал золота вволю и мог предаваться каким угодно излишествам.

Понятен поэтому испуг Боба, когда посетители не послушались его и не согласились удалиться. Его могли обвинить в том, что он нарочно впустил шпионов, и предать смертной казни по неписаному уставу общества.

Часы пробили десять.

— Да уходите же отсюда! — сказал опять Боб, побледнев еще больше.— Неужели вы не поняли, что я вам говорил?

— Здесь публичное место, и каждый имеет право здесь быть, если он только платит за то, что берет,— флегматично отозвался Грундвиг.— Что касается ваших «Грабителей», то вы не беспокойтесь, почтеннейший: мы с ними не начнем ссоры, если только они сами...

Он не успел договорить, как с улицы послышались свистки, и лицо Боба исказилось от ужаса.

— Послушайте, хозяин,— спросил Грундвиг,— чего вы так боитесь?

— Они!.. Они!..— дрожащим голосом твердил Боб.— Я погиб, и вы со мной тоже.

Вдруг ему в голову пришла одна мысль.

— Послушайте,— сказал он торопливо,— если вы не хотите моей смерти... Я бы должен был давно вас удалить, потому что сегодня вечером здесь в зале назначено собрание «Грабителей», и сам Сборг будет председательствовать... Да, если вы не хотите моей смерти... и своей также... то не противоречьте мне, когда я буду по-своему объяснять ваше присутствие здесь, и, пожалуйста, уходите, как только вам прикажут удалиться.

Грундвиг и Гуттор не успели ответить: у входа в трактир раздались громкие голоса, и Боб стремительно бросился к двери встречать гостей.

Гуттор и Грундвиг поняли, к сожалению, слишком поздно, что они сделали большую неосторожность. Они вовсе не имели в

виду вызывать на бой «Грабителей», они думали, что Надод назначил Биллю свидание в обыкновенном трактире, а не в специальном притоне бандитов. Билль говорил им, что Надод стал совершенно неузнаваем, так как искусный хирург вставил ему искусственный глаз и выправил нос и челюсти. Гуттор и Грундвиг задумали воспользоваться удобным случаем увидать преображенного Надода, проследить его до квартиры и, если окажется возможным, овладеть им, после чего верные слуги Биорнов рассчитывали отвезти Красноглазого в Розольфсе на корабле «Олаф», которым командовал Билль, произведенный Фредериком в капитаны. Кроме того, они имели в виду оказать Биллю помощь на тот случай, если б Надод устроил ему в трактире какую-нибудь ловушку. Теперь же все это менялось: Гуттору и Грундвигу предстояли серьезные неприятности.

Приятели не успели передать друг другу своих впечатлений: в таверну ввалилась толпа «Грабителей», таща какого-то человека, завернутого в одеяло. Они отбили этого человека у констеблей, провожавших его, ограбленного, домой. Само собой разумеется, что обобрали его не они: такими мелкими делами они не занимались.

— Ах, негодяи! Ах, разбойники! Ах, убийцы! — кричал во все горло человек в одеяле.— Мало того, что они раздели меня донага, они украли у меня то, чем я всего более дорожу: мою рукопись, плод усердного труда в продолжение целого года! Это сочинение должно было произвести целый переворот в науке: я в нем описывал нравы и обычаи канаков, решительно опровергая весь тот вздор, который до сих пор об этом писался разными лжецами... Ах, Боже мой, что скажет миссис Ольдгам!.. И что это, господа, вы не позаботились спасти мою рукопись, когда спасали меня!.. Как вам не стыдно!

Почтенный клерк воздел руки в горе, забывая, какое на нем одеяние, и это одеяние упало, а сам он остался в костюме Аполлона Бельведерского. Впрочем, он сейчас же схватил упавшее одеяло и величественно задрапировался в него.

Взрыв хохота раздался в ответ на монолог чудака, который, по своей близорукости, смешал жуликов с констеблями и воображал, что его спасли те самые люди, которые теперь его вышучивали.

Во время этой сцены Гуттор и Грундвиг советовались между собой, что им делать. Но когда среди шума они вдруг услыхали имя «Ольдгам», они оба подняли головы и увидали бывшего бухгалтера брига «Ральф». Одна и та же мысль мелькнула у обоих:

нехорошо будет, если Надод увидит Ольдгама. Встретить в один день бывшего лейтенанта «Ральфа» и бывшего бухгалтера!.. Это может привести Надода к догадке, не дал ли Фредерик Биорн какого-нибудь поручения своим бывшим подчиненным.

Под шумок Гуттору и Грундвигу было бы еще не поздно улизнуть из таверны, но они не желали оставлять Билля одного в подобном притоне.

В эту минуту в трактир вернулись вышедшие незадолго перед тем двое грабителей. Один нес под мышкой одежду Ольдгама, а другой — его знаменитую рукопись. Клерк даже взвизгнул от радости. «Грабителей» боялись все жулики Сити, и потому выручить украденные вещи чудака клерка им не стоило никакого труда. Покуда Ольдгам одевался, дверь вдруг с шумом распахнулась, и в залу, отбиваясь от державших его разбойников и сжимая в руке пистолет, вбежал молодой человек с раскрасневшимся лицом и сверкающими глазами.

— Говорят же вам, что меня ваш Сборг сам сюда пригласил! — кричал он громким голосом.— Прочь от меня, а не то я размозжу голову первому, который ко мне сунется!

Это был Билль. Четыре разбойника, пытавшиеся его задержать, отступили в сторону, и один из них сказал:

— Ну, хорошо. Если ты лжешь, тебе все равно несдобровать.

— Зачем бы я стал лгать? — возразил молодой лейтенант.— Мне до вас дела нет, а вам до меня. Вы не имеете права меня спрашивать, а я не желаю вам отвечать. Разве я спрашиваю вас, зачем вы сюда собрались? Ведь нет? Так и вы оставьте меня в покое и не мешайте мне выпить бутылочку эля... Эй, трактирщик! Бутылку сюда! Да смотри, живее у меня!

В толпе пробежал одобрительный ропот. Открытое, смелое обращение юноши понравилось всем, да и имя Сборга подействовало магически.

Билль спокойно прошел через всю залу и, как бы случайно, подошел к столу, за которым сидели Гуттор и Грундвиг, но сел на противоположном конце и вполоборота к ним. Тут только «Грабители» заметили посторонних и обратились было к трактирщику за объяснением, но в эту минуту вдруг в залу величественно вошел Красноглазый — и все умолкли.

Нахмурив брови, Надод пытливо обвел глазами залу, отыскивая молодого человека. Увидав Билля, он злобно усмехнулся и направился к нему.

Очевидно, намерения его относительно молодого человека

изменились. Какая была причина к тому? Что такое он узнал за этот день?

Как бы то ни было, Надод, дойдя до середины залы, остановился, указал рукой на Билля и произнес повелительным тоном:

— Взять его!

Человек двенадцать бросились исполнять приказание Сборга и вдруг остановились как вкопанные.

Билль встал, бледный и дрожащий от гнева, и приготовился стрелять из пистолета: но в эту самую минуту Гуттор протянул руку, осторожно взял молодого человека за талию и переставил его по другую сторону стола, а сам с рассчитанной медлительностью выпрямился во весь свой богатырский рост и, глядя на разбойников, собравшихся исполнить приказ Надода, произнес своим ровным и звучным голосом:

— Ну-ка, попробуйте, возьмите его!

Грундвиг не удерживал своего друга. Он тоже понимал, что нельзя оставить без помощи молодого командира розольфского судна «Олаф».

В зале все притихли. Слышно было только дыхание нескольких десятков человек.

Надод был поражен, увидав гиганта, и первое время никак не мог понять, что это значит. Но затем ему разом вспомнились богатырь Сигурдовой башни и его товарищ — и он тут же узнал обоих, несмотря на их переодевание.

— Гуттор! Грундвиг! — воскликнул он.— О! Это сам ад передает их в мои руки!

— Да, мы — Гуттор и Грундвиг,— отвечал богатырь, видя, что ему больше уж нечего терять.— Ты получишь, наконец, достойную казнь: небесное правосудие передает тебя нам.

Красноглазый саркастически засмеялся:

— Ты хорошо делаешь, что обращаешься к Небу: твой последний час пробил. Ребята,— прибавил он, обращаясь к своим подчиненным,— пятьсот золотых крон тому, кто схватит этого хвастуна.

Приближалась минута ужасной, беспощадной борьбы. Надод, пылая местью к людям, которые некогда исполнили над ним приговор Черного герцога, не мог больше сдерживаться. Ему хотелось поскорее получить их в свою власть и насладиться их мучениями. Тогда исполнилась бы его клятва: все, кого он хотел убить, были бы убиты и он мог бы уехать в Америку, которая только что завоевала независимость, где он надеялся найти себе забвение, счастье и покой.

В этот самый вечер ему предстояло получить от адмирала Коллингвуда значительную сумму, которая вместе с прежними накопленными деньгами должна была составить очень крупную цифру. На следующий день Надод собирался исчезнуть навсегда, не опасаясь больше мести со стороны Фредерика Биорна: ведь не мог же герцог Норрландский отыскать в неизмеримых пустынях Нового Света убийцу своего отца и брата.

Хотя в окончательном исходе борьбы нечего было сомневаться, однако исполнить приказ Надода было вовсе не легко. Богатырь и его два товарища находились в очень удобной позиции: они стояли, прислонясь к стене и прикрываясь большим тяжелым столом. Нападать на них можно было только спереди. Сверх того, Гуттор нашел у себя под руками грозное оружие: вдоль стены была протянута толстая железная полоса в четыре метра длиною, вделанная концами в стену. На эту полосу ставились бочки с пивом, когда в трактире устраивалось какое-нибудь особенное пиршество. Гуттор схватил эту полосу, поднатужился и вырвал ее из стены. Два обыкновенных человека едва бы могли приподнять ее, но богатырь действовал ею свободно, как дубиной.

Увидав такую страшную силу, разбойники, бросившиеся было исполнять приказ Надода, отхлынули прочь. Ропот удивления пробежал по всей зале. Физическая сила всегда производит большое впечатление на толпу.

Надод закусил губы от злости. Он понял, что грозное орудие Гуттора, особенно в таких могучих руках, способно уложить враз человек двадцать. «Грабители» были люди храбрые, способные пойти навстречу какой угодно опасности, но при условии, чтобы кто-нибудь повел их вперед, показывая пример. Как на грех, в этот вечер Надод имел важные причины не рисковать жизнью, хотя вообще он был далеко не трус.

Нужно было, однако, решиться на что-нибудь. В зале царила глубокая тишина. «Грабители» с тревогой поглядывали на своего вождя, ожидая, что вот-вот он поведет их на бой с силачом, который, спокойно улыбаясь, собирался крошить их одного за другим.

Гуттор имел теперь полную возможность поглумиться над трусостью «Грабителей» и с удовольствием готов был это сделать, но вовремя сообразил, что это значило бы играть на руку Надоду. Красноглазый дорого бы дал за то, чтобы Гуттор и Грундвиг раздразнили чем-нибудь «Грабителей» и дали бы им тот толчок, которого только недоставало. В сущности, разбой-

никам стоило бы только броситься в атаку всей массой и пожертвовать десятком из своих: тогда все дело было бы окончено в несколько минут. На беду еще, «Грабители» не были вооружены: им строго воспрещалось ходить в таверну с оружием, так как прежде ни одна сходка не обходилась, по крайней мере, без одного убийства, вследствие пьяной ссоры.

Положение нескольких десятков разбойников, боявшихся начать нападение на трех человек, становилось в конце концов просто смешно. Надод понял это и в злобном отчаянии вскричал:

— «Грабители»! Отворяйте двери, снимайте шляпы и становитесь на колени! Дайте пройти этим людям, раз уж вы, будучи в числе пятидесяти против трех, все-таки не решаетесь с ними сразиться.

Слова эти были сказаны толпе тоном самого уничижительного презрения. Яростный крик, потрясший таверну, был ответом на них. Толпа разбойников хлынула к столу, но сейчас же на нее несколько раз опустилась смертоносная железная полоса... Несколько черепов было тут же размозжено. Раненых не было: грозное оружие Гуттора убивало наповал.

Бешенство «Грабителей» росло, и они продолжали наступать на Гуттора. Шестеро из них ухватились за железную полосу, выждав момент, когда она опустилась, совершив свое страшное дело. Гуттор, показывая опять невероятный пример физической силы, поднял свое оружие вместе с уцепившимися за него разбойниками и при этом встряхнул его так, что разбойники посыпались прочь и ударились — кто об стену, кто об пол. Но на этот раз железная полоса выпала из рук Гуттора...

Зала огласилась криком торжества, но вслед за тем произошло нечто уже совсем невероятное: богатырь встряхнулся и повлек на себя облепивших его со всех сторон «Грабителей», потом разбежался и ударил об стену. Затрещали кости, брызнули мозги из разбитых голов... Богатырь продолжал ударяться об стену, давя бандитов. Стоны, крики и вой стояли в зале.

— Неужели мы дадим ему перебить всех наших? — вскричал Надод, вне себя от ярости.

Собрав разбойников, еще не принимавших участия в битве, он приготовился ринуться с ними сам на Гуттора, как вдруг сцена переменилась: с шумом распахнулась дверь таверны, и в залу ворвались человек двенадцать «Грабителей», вооруженных ружьями.

В честь прибывшего подкрепления грянуло бешеное «ура». Курки щелкнули. Дула ружей направились на трех героев.

Но Красноглазый, подняв руку, остановил своих подчиненных. Несколько человек еще боролись с Гуттором, и выстрелы могли их задеть.

— Все назад! — скомандовал Надод громким голосом.

«Грабители» поспешили повиноваться. Еще несколько секунд — и залп должен был грянуть. Вдруг позади розольфцев бесшумно отворилась дверь, скрытая за печкой, и в отверстии появился Боб. Бледный и безмолвный, он молча указал им жестом на дверь. Они бросились туда, и дверь за ними захлопнулась.

— Бегите по прямой линии,— торопливо шепнул им Боб.— На конце коридора выход в переулок. Там вы будете спасены.

Три друга быстро побежали вперед в темноте, но едва они пробежали десяток шагов, как под их ногами пол опустился и они упали в пустое пространство, не успев даже вскрикнуть.

— Трусы! — вскричал Надод, видя, что его враги скрылись за печкой.— Вы боитесь взглянуть смерти прямо в глаза и прячетесь... За мной, ребята! Пощады никому!

«Грабители» кинулись вслед за Надодом...

Пространство за печкой оказалось пустым.

— Измена! — заревел Надод в бешенстве.— Они от нас убежали!

Дверь за печкой снова отворилась, и в отверстии опять показалась фигура пьяницы Боба.

— Успокойся, Сборг,— сказал он,— твои враги навсегда похоронены в «Яме наследств».

В ту же минуту снаружи раздался громкий крик:

— Спасайтесь!.. Солдаты!..

В несколько секунд «Грабители» рассеялись по соседним переулкам, и, когда в таверну вступила рота кэмбелевского горно-шотландского полка, расквартированного в Сити, в таверне «Висельник» не было никого. Только в луже крови на полу валялись тридцать трупов. Никому бы и в голову не пришло, что эта гекатомба устроена одним человеком. Дорого продал Гуттор свое поражение...

Совершая обыск, солдаты отыскали под столом бедного Ольдгама, который забился туда от страха. Так как он был весь в крови, то его арестовали впредь до прибытия коронера, приняв

его «за опасного убийцу, принадлежащего к преступной шайке».

На другой день вышел королевский указ, повелевавший закрыть навсегда таверну «Висельник» по случаю целого ряда преступлений, совершенных там в последнее время. Самый дом, где помещался трактир, приказано было срыть до основания.

Несчастный Ольдгам, как уличенный на месте преступления, подвергался опасности быть приговоренным к смертной казни через повешение.

— Увы! — говорил он, сидя под арестом.— Недаром мой любезный тесть, мистер Фортескью, всегда говорил, что в моем взгляде есть что-то роковое. Оказывается, мне на роду было написано сделаться жертвой судебной ошибки... и все это только потому, что я вздумал посетить землю канаков!

Однако мрачным его предчувствиям не суждено было сбыться. Его ожидала совсем иная участь.

Когда фальшивый пол выскользнул из-под ног Гуттора и его товарищей, они упали в цистерну, которая долгое время служила приемником для стока воды. Глубиною она была метров шесть или семь, не более. После знаменитого процесса «Вайтчапельских убийц» нотариус Пеггам, желая уничтожить всякие вещественные доказательства, приказал в одну ночь очистить цистерну от человеческих костей и отвести от нее сточные трубы, чтобы кому-нибудь не пришло в голову еще раз воспользоваться ямой. Надод, вступивший в общество «Грабителей» после «Вайтчапельского дела», не знал, что механизм, с помощью которого опускался пол над ямой, еще существует. Знай он это, он, разумеется, сам приказал бы Бобу своевременно употребить это вредное средство, которым трактирщик догадался воспользоваться лишь под самый конец, когда «Грабители» уже потеряли три десятка самых энергичных бойцов из своей шайки.

III

В «Яме наследств».— Подслушанный разговор.— Неудачный выстрел.— Одиннадцать часов.— Спасены! — Прощание богатыря с мистером Тернепсом

По необыкновенно счастливому случаю Гуттор, упавший первым, принял на свою спину обоих товарищей, так что они упали сравнительно мягко; сам же он отделался лишь незначи-

тельными ушибами. Встав на ноги и несколько опомнившись, все трое первым делом окликнули друг друга в темноте. Успокоившись насчет друг друга, они принялись измерять высоту ямы. Для этого Грундвиг встал Гуттору на плечи, а на свои плечи принял Билля, которому удалось в одном месте нащупать квадратное отверстие.

— Во всяком случае верх недалеко,— заметил по этому поводу Грундвиг,— потому что в цистернах такие отверстия делаются обыкновенно очень близко от верха.

— Это мы увидим,— ответил Гуттор.— Я придумал...

Богатырь вдруг умолк. Наверху, над головами заключенных явственно послышались голоса.

— Ну, трусище, показывай мне дорогу,— говорил чей-то голос.— Ведь патруль в эту ночь другой раз не придет.

Три друга вздрогнули, узнав голос: он принадлежал Надоду Красноглазому.

— Я их не боюсь, Сборг,— отвечал другой голос, в котором нетрудно было узнать голос трактирщика Боба.— Я, если захочу, могу тут спрятаться на несколько месяцев и смело ручаюсь, что никто меня не найдет. Впрочем, кроме меня, никто не сумеет отворить двери из залы в коридор.

— Затворил ли ты ее опять-то, болтун этакий?

— Затворил, Сборг.

— Хорошо. Ну, зажигай свой фонарь. Дженкинс, Партеридж, вы тут?

— Здесь, господин.

— Брр!.. Как жутко было мне шагать через трупы товарищей, убитых этим извергом.

— Сам ты изверг! — проворчал Гуттор.— И если только ты попадешься когда-нибудь мне в руки...

— Слезайте скорее, Билль,— шепотом сказал Грундвиг.— Они направляются к нам.

Молодой человек спустился на землю. Грундвиг тоже слез с плеч богатыря.

— Ляжем на пол и притворимся мертвыми,— сказал последний.— Негодяи сюда идут, вероятно, для того, чтобы посмотреть, не дышим ли мы еще.

— Вот сила-то необычайная! — продолжал Надод, не скрывая своего восторга.— Не подоспей к нам помощь, он бы нас укокошил всех до одного. Ну, да теперь он уж, наверное, успокоился навсегда. По правде сказать, я бы не желал еще раз встретиться с таким противником.

— Но ты встретишься, негодяй, клянусь Богом! — проворчал Гуттор, лежа на спине поперек ямы.

— Уверен ли ты, что яма достаточно глубока и что они убились до смерти? — спросил Надод.

— Четырнадцать локтей глубины, Сборг,— отвечал мистер Тернепс.— Не разбиться тут нельзя.

— Поторапливайся же,— продолжал Надод.— Свети сюда фонарем. Я хочу удостовериться.

— Тише, Сборг,— предостерег его Боб.— Вы можете тут оступиться и упасть, как они. Позвольте, я открою люк.

— Открывай, да поскорей: мне до полуночи нужно послеть в Вест-Энд.

— Мы слишком симметрично лежим,— торопливо прошептал Грундвиг.— Это может внушить подозрение. Ляжем так, как будто бы мы свалились один на другого, а Гуттор пусть ляжет сверху. Надод подумает, что богатырь окончательно нас задавил.

Едва они успели переменить свое положение, как в яму проник свет фонаря. Гуттор мельком успел заметить, что в правом углу ямы каменная кладка отсырела.

На краю ямы стояли четыре человека: трактирщик Боб, Надод и те два разбойника, которых Сборг перед тем подозвал к себе в темноте. Все четверо с тревожным любопытством разглядывали Гуттора и его товарищей, лежавших на дне ямы. Те разыгрывали свою роль превосходно. И никому в голову не могло прийти, что они живы.

— Ну, я думаю, что с ними кончено,— сказал Надод со вздохом облегчения.— Это нам дорого обошлось, но во всяком случае нам теперь не грозят неприятности, которые можно было ждать от них.

— Они сразу же расшиблись до смерти,— заметил Боб.— Взгляните, гигант придавил собою тех двух, а сам ударился головой прямо о каменную стену.

— Хотелось бы мне удостовериться, не в обмороке ли он только,— продолжал Красноглазый.

— Я думаю, в яму можно на чем-нибудь спуститься,— заметил Дженкинс.

Гуттор вздрогнул всем телом. Оба товарища, лежавшие под ним, задрожали от страха.

— Спуститься никак нельзя,— отвечал Боб,— прежде для этого употреблялась лестница, но она уже давно никуда не годится.

Оба товарища Надода имели при себе оружие.

— Кто-нибудь из вас дайте мне свой пистолет,— обратился к ним Красноглазый.

Гуттор вздрогнул всем телом. Он знал, что бандит стреляет метко.

Надод взял поданный ему Дженкинсом великолепный пистолет и тщательно осмотрел его.

— Свети мне, Боб, чтобы видна была голова гиганта. Вот увидите, как я снесу ему полчерепа.

Он стал медленно прицеливаться.

Богатырь произнес чуть слышным шепотом:

— Прощайте! Отомстите за меня!

Грянул выстрел.

Пуля, задев висок богатыря и ссадив на нем кожу, вонзилась в камень на вершок от его лица. От камня брызнули мелкие осколки и оцарапали щеки предполагаемого мертвеца. Гуттор не пошевельнулся.

— Этакий я неловкий! — вскричал Надод.— Впрочем, так всегда бывает, когда стреляешь из непривычного оружия. Этим пистолетом надобно целиться на вершок выше того места, в которое желаешь попасть: у него слишком сильна отдача. Дженкинс, заряди опять! На этот раз я уж не промахнусь... Хотя, впрочем, богатырь наш совершенно мертв, иначе выстрел заставил бы его очнуться. Если я и собираюсь стрелять, то только для того, чтобы загладить свой промах. Дженкинс, клади пороху поменьше. На таком коротком расстоянии достаточно половины заряда.

Грундвиг и Билль переживали ужасные минуты, сознавая, что их товарищ бесповоротно осужден на погибель, но сам Гуттор был спокоен, примирившись с неизбежностью смерти.

В эту решительную минуту вдруг начали медленно бить часы на дворце лондонского лорд-мэра. Надод принялся считать: раз, два, три...

Бой часов казался Биллю и Грундвигу похоронным звоном в честь их верного друга.

— Одиннадцать! — сказал Надод, когда часы кончили бить.— Мы больше не можем терять времени. Спрячь свой пистолет, Дженкинс, а ты, Боб, уйди на минутку. Я должен поговорить с этими господами об очень важных вещах и не хочу, чтобы ты слышал наш разговор. Не вздумай подслушать, иначе я попробую вторично пистолет милорда Рочестера уже на тебе самом. Ступай на улицу и жди нас там. Я тебе потом объясню,

что ты должен сделать до прибытия коронера, который, разумеется, явится завтра утром на следствие.

Трактирщик ушел ворча.

Надод продолжал, обращаясь к товарищам:

— Слушайте меня внимательно, потому что, когда мы выйдем на улицу, разговаривать будет уже неудобно. Вот в чем дело. Вы сами лично были очевидцами смерти лорда Эксмута и знаете, что мы в этом случае хлопотали для его брата, адмирала Коллингвуда. Сегодня вечером адмирал должен отдать нам плату за кровь. Ему уже дано знать, что я являюсь к нему в дом сегодня незадолго до полуночи, чтобы получить условленную сумму в обмен на два документа, которые целиком писаны его рукой и которых вполне достаточно для того, чтобы отправить его на виселицу. Адмирал Коллингвуд — человек, способный на всякую пакость. Он способен поставить меня в такое положение, что я вынужден буду отдать ему оба документа даром, без денег.

— Еще бы! — заметил Дженкинс.— Сто тысяч фунтов стерлингов — сумма аппетитная. Сохранить ее у себя всякому лестно.

— Поэтому я придумал, чтобы вы пошли со мной. Документы я передам одному из вас, и вы будете ждать меня у дверей адмиральского дома. Таким образом, если лорд Коллингвуд совершит на меня покушение, то бумаги будут спасены, и он вынужден будет пойти на сделку. Если же он согласится честно расквитаться со мной, то я постучу в окно, и один из вас принесет мне документ, а другой останется у дверей. Надобно все предусмотреть. Если через четверть часа мы оба не возвратимся, то пусть тот из вас, который останется у дверей, пойдет и уведомит Тома Пирса, которому я заранее дал соответствующие приказания. Том Пирс явится во главе сотни вооруженных товарищей и возьмет штурмом дом герцога Эксмута, которому дорого придется поплатиться за свою подлость. Том Пирс должен был, по первоначальному плану, дожидаться известия от меня здесь, в этом трактире, но после недавних событий место пришлось переменить. Теперь они все находятся у Вильяма Джонса в Блэкфрайарсе... Поняли вы меня?

— Совершенно поняли, Сборг! — отвечали оба разбойника.

— Так идемте. Вот документы, Дженкинс. Возьми их себе, а ты, Партеридж, карауль хорошенько.

— Вы еще хотели что-то приказать Бобу? — напомнил Партеридж.

— Да, позови его... Или нет, не нужно: мы встретим его на улице.

Три бандита вышли из коридора, не позаботившись закрыть яму. Да и зачем было закрывать? Ведь там лежали три трупа. Об этом уж мистер Тернепс должен был позаботиться, а Надод торопился к лорду Коллингвуду. Если все произойдет так, как он надеялся, то через несколько часов, на рассвете, он будет уже на корабле, отходящем в Новый Орлеан, и скажет последнее «прощай» старой Европе, которую он двадцать лет осквернял своими преступлениями. С тремя миллионами в кармане он рассчитывал начать честную жизнь, которая была ему до сих пор совершенно чужда, обзавестись семьей и найти в ней забвение и даже счастье... Вообще, у этого бандита был странный характер: совершая самые гнусные преступления, он не переставал надеяться окончить свои дни честным человеком.

В таверне все стихло. Стук затворяемых дверей дал нашим пленникам знать, что теперь они могут подумать о своем избавлении из плена.

— Клянусь святым Гудольфом, моим патроном,— вскричал, вставая, Гуттор,— что я в этот раз не на шутку за себя перепугался!

— Да, прескверное положение,— заметил Грундвиг.— Чувствовать, что в тебя прицеливается негодяй, каких мало, и каждую секунду ожидать смерти. Тут вполне простительно испугаться и тебе, Гуттор.

— Во всяком случае теперь мы спасены,— сказал Гуттор,— и можем подумать о том, как выбраться из ямы. Мне кажется, это будет не особенно трудно.

— Ты только что начал рассказывать нам, что придумал, когда сюда пришли «Грабители».

— Это верно. Когда же фонарь Боба осветил яму, то я окончательно убедился, что мою мысль легко привести в исполнение.

— В чем же состоит твоя мысль?

— Она очень проста. Мы опять встанем друг на друга, но только ты ставь ноги не на плечи мне, а на ладони вытянутых рук. Точно то же сделает Билль относительно тебя. Таким образом наш живой столб будет на этот раз значительно выше, и Билль уже наверняка достанет руками до краев ямы. Подтянуться затем на руках и вылезть вон для моряка уже ничего не стоит. Выбравшись на волю, Билль принесет и спустит к нам в яму одну из тех длинных скамеек, которые стоят в зале по стенам. По этой скамейке мы в несколько минут выберемся отсюда.

— Браво, Гуттор! Невозможно лучше придумать.

— Только нужно спешить: вы ведь слышали — Коллингвуд в Лондоне. Это такая важная для нас новость...

— Да,— согласился Грундвиг,— это значит, что и наш дорогой герцог, а ваш, мой милый Билль, бывший капитан находится в Лондоне...

— Подумайте, как это было бы хорошо,— продолжал Гуттор,— если бы можно было и Надода, и Коллингвуда поймать обоих в одну сеть. И мы сделаем это, если поспеем вовремя.

— Как это я сам об этом не подумал? — сказал Грундвиг.— Где была у меня голова?.. Правда, она у меня совершенно закружилась от страха за тебя... Ну, скорее к делу! Пора нам выбираться отсюда.

Все произошло так, как и предполагал богатырь. Биллю удалось достать до края ямы, за который он уцепился пальцами, после чего приподнялся на руках и вылез вон.

Притащить и спустить скамейку было потруднее, так как Биллю приходилось действовать в темноте, но в конце концов и этот маневр был исполнен. Три друга благополучно выбрались из ямы.

Придерживаясь стены, они пошли по коридору к двери той залы, где происходил бой с «Грабителями». Вдруг в коридоре показался свет. То был Боб с фонарем. Трактирщик собирался исполнить приказание Надода, которое состояло в том, чтобы выбросить в яму все тридцать трупов и закрыть отверстие наглухо, чтобы коронер на следующее утро ничего не мог найти. Три друга инстинктивно спрятались за дверь. Они поняли друг друга без слов.

Боб шел, пошатываясь, видно, уже успев наверстать потерянное время и хватить несколько стаканов джина. Он шел и бормотал сквозь зубы:

— Черт бы взял этого Сборга с его нелепыми выдумками... Неужели он думает, что это легко — перетаскать на себе...

Он не договорил. Чья-то рука вырвала у него фонарь. Он остановился, как бы окаменев, и широко вытаращил глаза. Изумление его было настолько велико, что он даже вскрикнуть не мог.

Перед ним, лицом к лицу, стояли те самые три человека, которых он считал мертвыми и лежащими на дне ямы.

Они стояли и насмешливо переглядывались.

— Что это, мистер Боб? — сказал Гуттор.— Вы уж старых друзей перестали узнавать?

Негодяй стоял ни жив ни мертв. Он хотел ответить, но слова застряли у него в горле. Впрочем, что-то бессвязное он, наконец, пролепетал.

— Я очень рад, мистер Тернепс, что нам довелось с вами проститься перед разлукой,— продолжал богатырь. А чтобы с вами в наше отсутствие не случилось какой-нибудь неприятности, мы спрячем вас в такое место, где уж, разумеется, никто вас не побеспокоит.

И, вполне довольный своей остротой, Гуттор схватил негодяя за пояс, покачал несколько секунд над отверстием ямы и бросил.

С глухим шумом полетел мистер Тернепс вниз, заревев при этом, как бык на бойне.

— Правосудие свершилось! — воскликнул Грундвиг.— Теперь нам нужно как можно скорее бежать в дом герцога Эксмута, если только мы хотим поспеть туда вовремя.

IV

Возвращение лорда Коллингвуда в Англию.— Молодой секретарь.— Крики по ночам.— Верный слуга-шотландец.— Таинственное предостережение

Лорд Коллингвуд вернулся в Англию по вызову тогдашнего первого министра Вильяма Питта, который в это время старался провести в Верхней палате свой знаменитый «Индийский билль» и для этой цели собирал голоса. Адмирал рассчитывал пробыть в Лондоне недолго — самое большее с месяц, хотя адмиралтейство дало ему гораздо более продолжительный отпуск.

Коллингвуд чувствовал себя на суше скверно. Ему казалось, что он находится в безопасности лишь тогда, когда он в море, среди своей эскадры. Он предвидел, что рано или поздно наступит день, когда сыновья старого герцога Норрландского потребуют у него отчета за кровавое дело. Вследствие этого он распродал все имения герцогов Эксмутских, за исключением неотчуждаемого майората, сопряженного с титулом, обратил в деньги акции Индийской компании, которых оказалось на десять миллионов, и вынул из лондонского королевского банка двадцатипятимиллионный капитал, положенный туда прадедом адмирала еще при самом основании банка. Все эти суммы адмирал

Коллингвуд перевел в Америку, рассчитывая убежать туда при малейшей опасности.

Ему хотелось поскорее добыть от Пеггама те два документа, которые нотариус заставил его подписать. С этою целью он удержал при себе сто тысяч фунтов стерлингов, или два с половиной миллиона франков, которые он обязался уплатить «Грабителям», как только займет место в палате лордов. Этот день наступил, и лорда Коллингвуда уже предупредили, что к нему явится поверенный чичестерского нотариуса Надод за получением денег, причем компрометирующие документы будут вручены адмиралу. Коллингвуд рассчитывал вздохнуть, наконец, свободнее, так как до этих пор он опасался, что бесчестный Пеггам оставит документы у себя и будет при их помощи шантажировать его.

Негодный братоубийца уже нес тяжелую кару. Почти всякую ночь его посещали грозные сновидения. То ему представлялось, будто дверь его спальни отворяется и перед ним дефилируют его несчастные жертвы, испуская жалобные стоны, потом начинают плясать вокруг него, потом подхватывают его на руки и над грозно гудящим океаном несут к Лофотенским островам, к тому месту, где погибла Леонора Биорн с мужем и детьми... То ему снилось, что он попался в руки сыновей герцога Норрландского, которые заперли его в одно из подземелий Розольфского замка и подвергают самым лютым средневековым пыткам... После каждого такого кошмара несчастный просыпался весь в холодном поту, стуча зубами и не помня себя от страха.

Каждый раз он с ужасом встречал приближение ночи и зачастую совсем не ложился спать, расхаживая взад и вперед по палубе своего корабля и надеясь, что физическое утомление поможет ему найти душевный покой. В Лондоне он с этою же целью бродил всю ночь по улицам и ложился спать уже на рассвете.

Никакие средства не помогали. Как только Коллингвуд закрывал глаза, так сейчас ему начинали мерещиться все те же ужасные сцены.

Он решительно не в силах был выносить одиночества. Однажды — это было в Ньюфаундлене — ему пришло в голову, что если при нем будет безотлучно находиться какой-нибудь человек, то ему будет легче. Воспользоваться для этой цели кем-нибудь из своих адъютантов адмирал не считал удобным, так как ему не хотелось, чтобы этот адъютант слышал его отчаянные крики по ночам. Как же быть в таком случае? Долго

думал лорд Коллингвуд и, наконец, решился взять себе частного секретаря.

В одно прекрасное утро в канадских газетах появилось такого рода объявление:

«Герцог Эксмут Коллингвуд, командир английской эскадры в Атлантическом океане, приглашает к себе в частные секретари молодого человека благородного происхождения и хорошего воспитания, свободно говорящего по-английски и по-французски. Национальность безразлична».

Несколько дней спустя в Монреаль прибыл молодой человек лет тридцати, высокий, стройный и очень представительный. Он отрекомендовался Коллингвуду маркизом Фредериком де Тревьером и пояснил, что его семейство давно поселилось в Канаде и что его отец служил под начальством знаменитого Монкальма, защитника Канады. Коллингвуд был человек суеверный и легко поддающийся первому впечатлению. Наружность молодого человека ему понравилась. Черные, как смоль, волосы и такая же борода обрамляли тонкие изящные черты лица молодого маркиза; глаза же его, по странной случайности, были светло-голубые. Документы молодого человека были все в порядке, и на них значилась виза канадского генерал-губернатора лорда Кольсона. Коллингвуд не стал больше ничего спрашивать и тут же условился с маркизом, не скрывая своего полного удовольствия. Легкомысленный! Он не заметил, каким взглядом окинул его украдкой молодой секретарь и как при этом добрые голубые глаза изменили свое выражение, засверкав огнем дикой, неумолимой ненависти.

Адмиральские апартаменты на английских кораблях очень просторны: в них смело можно поместить до пятнадцати человек. Адмирал Коллингвуд отвел своему секретарю прехорошенькую спальню, примыкавшую с одной стороны к небольшой гостиной, а с другой — к рабочему кабинету; это помещение отделялось от собственных покоев адмирала лишь небольшой приемной. Вместе с тем Коллингвуд объявил ему, что обедать они будут вместе и что прислуге приказано будет относиться к нему, маркизу, совершенно так же, как и к хозяину дома,— что, одним словом, маркиз будет жить у адмирала на правах хорошего знакомого.

В первую же ночь молодой человек был разбужен криками и стонами, доносившимися из спальни адмирала, который, впрочем, еще с вечера предупредил своего секретаря, что он, адмирал, подвержен нервной болезни и спит по ночам очень беспо-

койно. В объяснение этой болезни адмирал сочинил целую историю о том, как он был бессильным очевидцем гибели в морских волнах своего брата с женой и пятерыми детьми.

— С этих пор я волнуюсь и кричу почти каждую ночь,— прибавил Коллингвуд.— Если вы когда-нибудь услышите мой крик, то, пожалуйста, разбудите меня. Этим вы окажете мне огромную услугу, так как избавите от жестоких страданий, вредно отзывающихся на моем здоровье.

Слова эти адмирал произнес тоном глубокой печали, но они не вызвали в Фредерике де Тревьере ни малейшего сочувствия, а только возбудили в нем, по-видимому, сильное любопытство.

Услыхав стоны, молодой человек торопливо набросил на себя халат и побежал к адмиралу.

Несчастный метался по своей постели в страшнейшем нервном припадке. Он не спал, а подвергался самой жестокой галлюцинации. На губах его была пена. Он махал руками, как бы отгоняя от себя грозные призраки.

Злая улыбка пробежала по губам Фредерика де Тревьера, когда он увидал адмирала в этом состоянии. Глаза его сверкали дикой радостью, и, вместо того чтобы подать несчастному помощь, он остановился в дверях, как бы наслаждаясь зрелищем его ужасных мучений.

Припадок продолжался около часа; наконец адмирал затих и погрузился в тяжелый сон...

Фредерик де Тревьер тихо вышел из комнаты, шепча про себя:

— Час возмездия пробил. Кара уже начинается.

На другой день Коллингвуд спросил его:

— Вы ничего не слыхали ночью?

— Ничего не слыхал,— отвечал Фредерик де Тревьер, с твердостью выдерживая робко-пытливый взгляд адмирала.

Следующие ночи были совершенно такие же, как только что описанная нами. Лишь только с адмиралом начинался припадок, Фредерик де Тревьер на цыпочках приходил к нему в комнату, словно тигр, подстерегающий добычу, и со злорадной улыбкой любовался ужасной сценой. Взгляд молодого человека по-прежнему сверкал при этом холодной неумолимой ненавистью. Секретарь адмирала уходил к себе в спальню всякий раз не раньше, чем припадок оканчивался и адмирал засыпал, истощенный и обессиленный.

Кто же был этот загадочный молодой человек, пользовавшийся любезностью и радушием адмирала Коллингвуда, и не

только не чувствовавший к нему ни малейшего сострадания, а напротив — даже наслаждавшийся его муками?

Очевидно, для такой жестокости у него были очень серьезные причины, которые он тщательно скрывал под маской холодного, невозмутимого равнодушия.

Между тем адмирал Коллингвуд всей душой привязался к своему секретарю, который днем являл собою образец благовоспитанности и доброты. В беседе с ним адмирал забывал свои терзания и по вечерам нарочно не уходил спать как можно дольше, чтобы оттянуть тяжелую минуту периодического припадка.

Когда Коллингвуда вызвали в Лондон, он, само собою разумеется, не пожелал расставаться со своим молодым секретарем, который, со своей стороны, тоже охотно согласился уехать с ним в Европу.

— Я ни разу еще не выезжал из Канады,— сказал он,— и с удовольствием побываю в Англии, а в особенности во Франции.

В первый же день по приезде в Лондон Коллингвуд должен был отправиться с официальными визитами, причем, разумеется, секретаря с собой не взял. Пользуясь этим, Фредерик де Тревьер тоже ушел из дома и с уверенностью, совершенно не свойственной человеку, в первый раз приехавшему в Лондон, углубился в лабиринт лондонских улиц.

Ни у кого не спрашивая дороги, прошел он через Вест-Энд, проник в Сити, прошел улицы Поль-Моль, Пиккадилли, Оксфорд, Реджент-стрит, Стрэнд и спустился в Саутварк, ни разу не запутавшись. До сих пор он шел очень быстро, но здесь замедлил шаг и направился вдоль берега Темзы, внимательно присматриваясь к кораблям, стоявшим на якоре в устье реки.

Судя по всему, он долго не находил того, чего искал.

— Неужели мне придется спуститься до самого Гревезенда? — бормотал он про себя.

Поравнявшись с Ламбетом, он вдруг остановился и, приставив ладони к глазам, стал смотреть вдаль.

У него вырвалось радостное восклицание:

— Наконец-то!.. Это они. А я уж думал, что они забыли мой приказ.

Взгляд его не мог оторваться от большого трехмачтового корабля, окрашенного в зеленый цвет — любимый цвет жителей Севера.

Своей массивностью корабль резко выделялся среди прочих судов.

В ту же минуту молодой человек обратил внимание на другой корабль, точь-в-точь такой же, как и предыдущий: та же оснастка, тот же размер, та же зеленая окраска, напоминающая отблеск норрландских глетчеров.

Корабль этот, распустив паруса, шел вверх по Темзе. Приблизившись к своему двойнику, он ловко повернулся и встал на якорь рядом с ним. Маневр исполнен был так ловко, что матросы с соседних кораблей прервали на миг свои занятия и похлопали капитану и экипажу неизвестного зеленого корабля.

Сам Фредерик де Тревьер, хотя с корабля его нельзя было видеть, не мог удержаться от аплодисментов.

С новоприбывшего корабля на прежний перекинули мост, и матросы обоих экипажей радостно стали пожимать друг другу руки. В самый разгар этой сцены молодой человек вдруг услыхал изумленное восклицание таможенного досмотрщика, который, скрестив руки на груди, расхаживал по набережной.

— Еще один!.. Да это целая эскадра.

Третий корабль, как две капли воды похожий на предыдущие, подходил со стороны Ламбета, идя с еще большей скоростью, так как ветер успел посвежеть.

— Странно! — пробормотал задумчивый наблюдатель.— В один час, почти в одну минуту... Чего не сделаешь с такими моряками!

Новый корабль совершил так же ловко тот же маневр и встал рядом с прежними двумя кораблями, приветствуемый дружными аплодисментами матросов-товарищей.

— Три брата! — воскликнул досмотрщик, не перестававший наблюдать это любопытное зрелище.

Действительно, сходство между кораблями было поразительное — как в общем, так и в частностях. Очевидно было, что их строили по одному плану и на одной верфи.

Таможенные досмотрщики, немедленно отправившиеся на борт двух новоприбывших кораблей, вернулись обратно с одинаковой отметкой для обоих: «Без груза». Такая же отметка была сделана и десять месяцев тому назад относительно первого корабля. Об этом обстоятельстве уже много было толков в трактирах Ламбета и Саутварка.

Молодой человек, постояв некоторое время в задумчивости, вдруг направился к тому месту, где стояли лодки, и уже хотел окликнуть одну из них, но вслед за тем сейчас же одумался и прошептал про себя:

— Нет, лучше подожду до вечера. Не надо, чтобы кто-

нибудь видел меня среди белого дня. Как знать?.. Осторожность никогда не мешает. Ведь тут дело идет о жизни и смерти.

Он задумчиво пошел обратно в дом герцогов Эксмутских.

Когда он вернулся домой, время обеда давно уже прошло. Лорд Коллингвуд, долго прождав своего секретаря, отобедал без него и уехал в парламент, который в то время уже заседал по ночам. Он очень досадовал, что не успел перед отъездом поговорить с Фредериком, и оставил ему следующую записку:

«Сегодня между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи ко мне явится один человек. Если заседание затянется и я к тому времени не вернусь, то попросите этого человека подождать, причем для меня очень важно, чтобы вы не спускали с него глаз до моего возвращения. Если вам необходимо будет зачем-нибудь выйти, то передайте надзор Мак-Грегору. Это единственный из моих слуг, которому вы можете безусловно доверять».

В этой записке Коллингвуд говорил о посланце Пеггама, но молодой человек нисколько не догадывался об истине, так как адмирал, разумеется, не посвятил его в свои слишком интимные дела. Ниже, однако, мы увидим, что Фредерик де Тревьер знал об отношениях Коллингвуда с «Грабителями» гораздо больше, чем адмирал мог предполагать.

Молодой человек наскоро пообедал и ушел опять, дав Мак-Грегору соответствующие приказания. Вернулся он в одиннадцать часов очень озабоченный, нахмуренный и даже как будто раздосадованный.

Нетерпеливо снимая перчатки, он разорвал их, бросил на стол и пробормотал:

— Все трое ушли с утра, и никто не знает, куда именно... Какая небрежность!.. Не сообщить мне ни слова!.. По их милости я теперь лишен возможности воспользоваться удобным случаем.

Он закурил сигару и вышел на веранду с мраморными колоннами. Она шла вдоль всего первого этажа, придавая Эксмут-Гаузу вид греческой постройки. Прямо перед домом катила свои черные глубокие воды Темза, а на противоположном левом берегу смутно выделялись на темном фоне звездного неба контуры домов Сити.

Городской шум затихал. Деятельность мало-помалу замирала в этом большом человеческом улье, обитатели которого собирались ложиться спать, утомленные дневной суетой и борьбою за существование.

Фредерик де Тревьер был крайне взволнован. Ему казалось, что наступают решительные события, и смутно мерещилась какая-то опасность.

Он стоял, задумчиво облокотясь на перила, и вздрогнул, когда часы стали бить полночь. Вслед за тем на веранде послышались шаги. Фредерик де Тревьер быстро обернулся. К нему подходил Мак-Грегор.

— Извините меня, сэр, что я нарушаю ваше задумчивое уединение,— сказал, низко кланяясь, верный шотландец.— Но вот письмо, присланное с нарочным из Валлиса. Я бы не стал вас беспокоить, если бы посланный не спрашивал, не опоздал ли он, и не требовал скорого ответа, чтобы сейчас ехать обратно.

Коллингвуд питал к своему секретарю такое доверие, что уполномочил его распечатывать всякие письма, приходившие на имя адмирала.

Молодой человек вошел в гостиную, распечатал конверт и прочитал:

«Лорда Коллингвуда покорнейше просят повременить с выдачей ста тысяч фунтов стерлингов, которые он должен вручить сегодня уполномоченному для того лицу. Причины очень важные. Пеггам».

Внизу стоял угрожающий постскриптум:

«Вы погибнете, если заплатите деньги. Час спустя после приезда моего гонца я буду сам в Эксмут-Гаузе».

По прочтении этого таинственного письма Фредериком де Тревьером овладело необычайное волнение. По-видимому, он понял сокровенный смысл записки, потому что вся кровь бросилась ему в голову и рука, державшая письмо, задрожала.

— Что прикажете отвечать, сэр? — спросил Мак-Грегор.

Молодому человеку удалось овладеть собой. Он понимал, что при этом шотландце, всею душою преданном своему господину, ни в каком случае нельзя выказывать своих чувств. Но какой мог он дать ответ, не возбудив подозрений в самом лорде Коллингвуде? Откуда мог он знать, устранена ли от его патрона та опасность, на которую намекали в письме? Ведь адмирал, быть может, еще до отъезда в парламент уплатил ту сумму, о которой шла речь. Но нет, вернее, что предстоящий визит неизвестного лица, о котором предупреждал Фредерика адмирал, именно относился к уплате ста тысяч фунтов стерлингов.

Остановившись на этом соображении, он перестал колебаться и сказал Мак-Грегору.

— Скажи гонцу, что он приехал вовремя.

Затем он поспешил вернуться на веранду, так как желал остаться один и собраться с мыслями.

Затворив за собою дверь, молодой человек пробормотал с дрожью в голосе:

— Сто тысяч фунтов стерлингов!.. Негодяй! Это плата за пролитую кровь!.. Гнусный Пеггам! Он будет сейчас здесь, а я не имею возможности дать им знать... Когда-то еще представится такой удобный случай!.. Не съездить ли в Саутварк?.. В экипаже я, быть может, успею вернуться сюда вовремя... Но вот вопрос — встречу ли я их там?.. Ах, зачем они не оставили мне даже своего адреса!.. Нет, отсюда уходить нельзя. Даже если я отыщу их, нужно будет сперва сговориться, составить план, а на это опять-таки нужно время. Лучше уж я останусь здесь. У меня есть предчувствие, что сегодня ночью я получу самые решительные сведения.

V

Опять Надод.— Крик снеговой совы.— Это они! — Герцог Норрландский.— Ловкое переодевание.— В библиотеке

В эту самую минуту вошел опять Мак-Грегор, но Фредерик де Тревьер держался настороже и не дал застать себя врасплох.

Он заметил, что от шотландца не укрылось его смущение и что слуга как-то особенно внимательно за ним наблюдает.

— Что еще? — спросил равнодушным тоном молодой человек.

— Сэр, пришел неизвестный человек, называющий себя Надодом и желающий видеть его светлость.

Хорошо, что на веранде было темно, а то шотландец непременно увидал бы, как щеки адмиральского секретаря покрылись вдруг смертельной бледностью и сейчас же вслед затем к ним с силою прилила кровь, от которой они покрылись густой краской. В глазах у молодого человека потемнело, в горле пересохло. Некоторое время он ничего не видел и не мог выговорить ни слова.

Коллингвуд! Пеггам! Надод!.. Что ему сделали эти люди? Отчего он не мог слышать равнодушно, когда произносились их имена?

Странно, ведь Фредерик де Тревьер был канадец; какое же мог иметь он отношение к этому зловещему трио? Или

они даже в Канаде успели натворить гнусные преступления?..

Однако Фредерик де Тревьер сделал над собой усилие и с протяжным зевком, как будто Мак-Грегор вывел его из легкого усыпления, сказал самым беспечным и равнодушным тоном:

— Это, должно быть, тот самый человек, о котором мне говорил адмирал. Проводи его в библиотеку и оставайся при нем. Ты должен смотреть за ним так, чтобы ни один жест его от тебя не укрылся. Таков приказ адмирала. Я потом приду и сменю тебя.

Молодой человек чувствовал потребность остаться наедине с самим собою, чтобы привести в порядок свои мысли и чувства.

Мак-Грегор едва успел уйти, как Фредерик де Тревьер, несмотря на темноту, увидал с веранды, что три каких-то человека пробрались к подъезду дома, стоящего напротив Эксмут-Гауза.

Заинтересованный этим, молодой человек спрятался за колонну и притаился там.

Три незнакомца старались занять такое место, чтобы им был виден весь фасад адмиральского дома, но чтобы их самих не видел никто. Вот один из них выступил несколько вперед из подъезда, и, увидав его громадный рост, Фредерик де Тревьер едва не вскрикнул от удивления.

По одному этому росту он узнал незнакомца.

— Гуттор! — пробормотал он.— Это они! Сам Бог посылает их сюда!

И, желая поскорее убедиться, что он не ошибся, молодой человек издал крик норвежской снеговой совы.

Едва по воздуху пронеслись три монотонные резкие ноты: «ки-уи-вуи», как богатырь поспешил вернуться в тень подъезда, и вслед затем раздался точно такой же ответный крик.

— Я говорил, что это они,— вскричал с нескрываемой радостью адмиральский секретарь,— они и есть!

Он вышел из-за колонны и, перегнувшись через балюстраду, повторил еще раз тот же крик.

От группы отделился один человек и перешел через улицу.

— Кто это здесь, в Лондоне, подражает крику северной птицы? — спросил он.

— Это я, Грундвиг,— отвечал молодой человек,— я, Фредерик Биорн.

— Герцог!.. Господин наш дорогой!.. Вы здесь?

— Да. Отойдите на противоположную сторону от дома. Там есть глухой переулок. Мне нужно с вами поговорить.

Он позвонил Мак-Грегору и сказал ему, что пойдет узнать,

кончилось ли заседание парламента, так как его начинает уже беспокоить такое продолжительное отсутствие адмирала. Напомнив шотландцу еще раз, чтобы он хорошенько смотрел за Надодом, Фредерик ушел.

Проводив его, шотландец покачал головой и пробормотал:

— Странные происходят здесь вещи. Смотри в оба, Мак-Грегор... Этот молодой человек, свалившийся к нам точно с неба, довольно подозрителен.

Герцог Норрландский — читатели, конечно, уже узнали его — отчаялся в возможности овладеть адмиралом Коллингвудом среди его эскадры и воспользовался газетным объявлением, чтобы попасть к герцогу Эксмуту в качестве частного секретаря. Теперь он спешил передать своим верным слугам, в каком положении находятся дела. В нескольких словах он объяснил им все: как его хитрость увенчалась успехом и как случай устроил, что Коллингвуд, Пеггам и Надод соберутся в этот вечер все вместе. По мнению Фредерика, их теперь очень легко было захватить. Для этого Грундвиг с товарищами должны отправиться в Саутварк и привести с собой пятьдесят человек матросов, впрочем, без огнестрельного оружия, чтобы не возбудить подозрения у полицейских. Фредерик Биорн брался провести их тайно в дом, после чего злодеями можно будет овладеть без всякого кровопролития.

На рассвете предполагалось сняться с якорей и идти в Розольфсе,— и убитые были бы отомщены.

Грундвиг возразил, что экипаж «Олафа» насчитывает едва пятьдесят человек, а так как всех взять с корабля нельзя, то, следовательно, требование герцога невыполнимо. Тогда герцог объявил, что утром в Саутварк только что пришли еще два розольфских корабля — «Гаральд» и «Магнус Биорн», под начальством его брата Эдмунда. Он прибавил, что с братом он еще не виделся, так как торопился вернуться в Эксмут-Гауз. Поэтому Грундвигу поручено было передать Эдмунду, чтобы сам он не съезжал с своего корабля, так как вся эскадра должна была готовиться к отплытию.

Времени было мало, поэтому разговор шел недолгий.

Однако Грундвиг успел сообщить герцогу, по какой причине они явились к дому адмирала и как они собирались похитить Надода при выходе его от Коллингвуда.

— Берегитесь, ваша светлость,— в заключение предостерег он герцога,— берегитесь, как бы Красноглазый не узнал вас. Ведь вы не хуже меня знаете, как он хитер и на что способен.

— Я ничем не рискую, милый мой Грундвиг,— отвечал Фредерик,— я так удачно замаскирован, что нет никакой возможности меня узнать. Надод знал меня белокурым и обритым, а теперь я брюнет с бородой, как у британского сапера.

— Вы не видали еще здесь этого негодяя, ваша светлость?

— Нет, не видал. Я его оставил под надзором доверенного слуги адмирала.

— Как хорошо, что мы встретились с вами и можем вас предупредить! Ведь вы знаете: Надод до такой степени переменился в своей наружности, что если б вы увидели его, то невольно выразили бы удивление. Его совершенно нельзя узнать.

— Что такое? Я ничего не понимаю.

— Вы знали Надода чудовищем, уродом — не так ли? Теперь ничего подобного нет. Доктор Патерсон, королевский хирург, сделал ему превосходный стеклянный глаз. Ценой ужасной боли Надод позволил выпрямить себе нос и челюсти... Это была ужасная боль, так как приходилось сызнова ломать кости и опять их сращивать... Все это он сам рассказывал Биллю, которого пытался заманить в общество «Грабителей». Только благодаря этому мы и отыскали злодея, иначе мы сто раз прошли бы мимо него и не заметили.

— Да, действительно, ты очень хорошо сделал, что предупредил меня, иначе могло бы выйти очень опасное недоразумение. Ну, я вас больше не задерживаю, потому что вам надо спешить и спешить.

Пять минут спустя Грундвиг и два его товарища исчезли вдали в лондонском тумане. Они спешили в Саутварк, а Фредерик Биорн подозвал кэб и поехал в Вестминстер, в палату лордов.

Заседание там все еще продолжалось. Вильям Питт говорил речь, возражая ораторам оппозиции. Вокруг здания парламента, несмотря на темную ночь, стояла громадная толпа, лихорадочно дожидавшаяся результата прений, которым не предвиделось конца.

Очевидно, адмирал Коллингвуд еще не скоро мог освободиться. Однако, в ответ на пересланную ему Фредериком Биорном записку Пеггама, он велел сказать, что вернется домой через четверть часа, так как, ввиду громадного числа записавшихся ораторов, окончательное голосование могло последовать не раньше как на следующий день.

Молодой человек вернулся домой, радуясь, что ему удалось устроить возвращение адмирала.

Описать все его волнение не было никакой возможности. Он чувствовал, что приближается развязка, что три бандита будут схвачены все вместе и одновременно понесут достойную кару за их злодейства. Совесть нисколько не упрекала его за то, что он обманом втерся в доверие адмирала Коллингвуда: бывают такие преступники, против которых позволительно действовать всякими способами.

Воротясь в дом, он сейчас же прошел в библиотеку, чтобы сменить там Мак-Грегора.

Не без крайнего отвращения ожидал он той минуты, когда снова увидит гнусного убийцу своего отца. Предупрежденный Грундвигом, он был уверен, что не выразит ничем своего удивления при виде преображенного Надода.

Когда он вошел в библиотеку, Надод встал и поклонился ему. Фредерик Биорн ответил на поклон с видом холодного равнодушия, с каким обыкновенно относятся к незнакомым людям, до которых нет дела. Однако, желая лучше рассмотреть перемену в наружности злодея, он пристально взглянул ему в лицо и сказал:

— Вы дожидаетесь адмирала Коллингвуда, и уже давно? Могу вас утешить, сударь, что он скоро вернется.

Услышав голос Фредерика, Надод невольно вздрогнул, но сейчас же овладел собою.

— Благодарю вас, сударь,— отвечал он с улыбкой, которую старался сделать как можно приветливее.— Я рассчитывал, что адмирал вернется гораздо раньше, и меня очень огорчает, что его до сих пор нет.

Как и все, знавшие Надода до его преображения, Фредерик был чрезвычайно удивлен происшедшей с ним переменой.

В свою очередь Надод тоже внимательно разглядывал Фредерика, думая при этом:

«Положительно, я где-то слышал этот голос и видел это лицо. Но где?..»

Мак-Грегор, стоя у стола, исподлобья поглядывал на обоих.

— Можешь идти,— сказал Фредерик, заметив его настороженность.

Шотландец удалился, не сказал ни слова, но при этом бросил на молодого человека взгляд, исполненный самой жгучей ненависти.

Этот взгляд не укрылся от Надода, который не преминул принять его к сведению.

VI

Мак-Грегор.— Внутреннее устройство Эксмут-Гауза.— Недоверие Мак-Грегора.— Адмирал и Надод.— Отказ Коллингвуда

Мак-Грегор питал к своему барину, адмиралу Коллингвуду, самую преданную любовь, доходившую до полного обожания. Когда ему было еще двадцать лет от роду, старый лорд Эксмут приставил его дядькой к своему восьмилетнему младшему сыну Чарльзу, которого Мак-Грегор и сопровождал во все школы, в которых учился маленький Коллингвуд. В разговоре старый слуга нередко выражался: «Когда мы были в Итопском коллегиуме» или «Мы кончили вторыми в морском училище». Со своей стороны, молодой лорд, как истый англичанин, хотя и любил своего дядьку, но все-таки смотрел на него как на существо низшее, в чем, впрочем, и сам Мак-Грегор был искренно убежден. Денежные затруднения своего барина старый дядька всегда принимал очень близко к сердцу и возненавидел старшего его брата всеми силами души за то, что к этому брату должны были со временем перейти титул и богатство герцогов Эксмутов, минуя Чарльза Коллингвуда...

Знал ли Мак-Грегор об убийстве герцога Эксмута?.. Никто не мог этого сказать утвердительно, тем более что старый слуга никогда не говорил о смерти старшего брата своего господина и даже избегал малейшего намека на это обстоятельство.

Но знал он об этом что-нибудь или нет, во всяком случае, он скорее дал бы себя растерзать на мелкие куски, чем сказал бы хотя одно слово во вред адмиралу.

Впрочем, один факт, случившийся вскоре после перехода Эксмут-Гауза в собственность адмирала, свидетельствует о том, что шотландец кое-что знал о таинственном деле.

Прежде чем решиться на переезд в дом, адмирал Коллингвуд, терзаемый угрызениями совести, пожелал радикально переделать там все внутри, чтобы ничто не напоминало ему о брате. За переделками наблюдать поручено было Мак-Грегору.

По окончании всех работ адмирал въехал в дом и изумился: там все было приспособлено точно для самого темного заговора. Снаружи ничто не бросалось в глаза, но стоило нажать рукой в любом месте на старинную дубовую резьбу — открывалась потайная дверь на ту или иную витую лестницу, которая вела сперва в верхний этаж, а оттуда в какое-нибудь подземелье. Каждая комната, каждый коридор, каждый закоулок были снаб-

жены секретной дверью и лестницей, через которые можно было скрыться в один миг.

Но это не все. В доме был, кроме того, устроен тайный механизм, посредством которого можно было в один миг запереть там все двери, окна и коридоры при помощи опускных железных заслонов. Этим способом все комнаты можно было разом изолировать одну от другой, и находившиеся в них люди попали бы в мышеловку. Вместе с тем дом был роскошно отделан и обставлен с самым обдуманным комфортом.

Осмотрев дом, Коллингвуд остался чрезвычайно доволен. Он понял, что верный слуга стремился всячески оградить его от покушений со стороны Биорнов, предполагая, что те не пожалеют никаких трудов и расходов для борьбы со своим врагом. Но в таком случае Мак-Грегору, стало быть, известна была трагедия на Лофотенских островах? Адмирал решил проверить это и спросил своего слугу поддельно-равнодушным тоном:

— К чему столько предосторожностей?

— Здешний квартал очень ненадежен, милорд,— ответил шотландец,— и еще недавно «Грабители», забравшись в дом лорда Лейчестера, выбрали из него все ценное до последней булавки, не говоря уже о том, что они захватили в плен молодого сына лорда и отпустили его лишь за выкуп в сорок тысяч фунтов стерлингов.

— А! Так ты выдумал все это против «Грабителей»?

— Против них и вообще против всех врагов вашей светлости.

— Какие же у меня еще враги? Разве ты еще кого-нибудь знаешь, Мак-Грегор?

— У человека в вашем положении, милорд, всегда много врагов,— отвечал он.— Но,— прибавил он с сумрачным видом,— горе тем, которые вздумают тронуть хоть один волос у вас на голове!

Таким образом шотландец уклонился от прямого ответа, но зато сам воспользовался случаем, чтобы обратиться к своему лорду с просьбой, которая чрезвычайно удивила Коллингвуда.

— Милорд,— сказал он,— по поводу всех этих переделок у меня к вам есть очень большая просьба.

— Заранее исполняю ее, если только могу. В чем дело?

— Позвольте вас просить, милорд, чтобы секрет всего этого устройства знали только вы да я.

— Вижу, вижу, куда ты клонишь. Ты терпеть не можешь моего секретаря.

— Я не его лично имел в виду, хоть действительно не люблю его. Я намекал на его должность.

— Объяснись. Я не понимаю.

— Видите ли, милорд, ваш секретарь у вас в доме не свой человек, не то, что я. Мак-Грегоры пятьсот лет служат герцогам Эксмутским, я смотрю на себя как на вашу собственность, на вашу вещь. Для меня нет ни короля, ни отечества; для меня существует только герцог Эксмут, как для собаки ее хозяин.

— Я это знаю, мой честный Мак-Грегор,— сказал герцог, против воли растроганный такой преданностью, несмотря на ее несколько дикий характер.

— Я не стану вам говорить, что ненавижу вашего секретаря за то, что он кажется мне подозрительным, что все в нем, на мой взгляд, фальшиво и неестественно. Я вам скажу только, что ведь он не более как наемный секретарь, и не вечно будет служить у вас. Сегодня он, завтра другой кто-нибудь. Что же будет, если каждому секретарю вы будете сообщать тайну дома? Тайна только тогда тайна, когда она известна одному человеку и уж самое большее двум; если же она известна троим или четверым, то перестает быть тайной.

— С этой точки зрения, я нахожу, что ты совершенно прав,— сказал лорд после минутного размышления.— Даю тебе слово, что маркиз де Тревьер не узнает ничего о тайных приспособлениях в доме.

Мак-Грегор возненавидел Тревьера с первого же дня его поступления к Коллингвуду. Причин для ненависти было много. Во-первых, Мак-Грегор ревновал адмирала к молодому секретарю, во-вторых, ему порою казалось, что Фредерик кидает на лорда взгляды, исполненные ненависти. Наконец, шотландцу удалось однажды ночью подсмотреть, как молодой человек, саркастически улыбаясь, упивался страданиями адмирала, когда тот метался по своей постели, преследуемый галлюцинациями. С этого дня Мак-Грегор окончательно убедился, что Фредерик де Тревьер поступил к Коллингвуду неспроста, что он шпион, действующий либо за собственный интерес, либо подосланный другими. Верный слуга понял, что во всяком случае его господину грозит опасность.

Сначала он хотел рассказать все герцогу, но потом раздумал, решив собрать побольше данных для изобличения коварного секретаря и для этой цели не спускать с него глаз ни на одну минуту.

С этого времени Мак-Грегор сделался, так сказать, тенью Фредерика де Тревьера, подстерегал малейший его взгляд, малейший жест, перетолковывая их по-своему. Частые отлучки секретаря, по приезде в Лондон, еще более заинтриговали Мак-Грегора. Шотландец заметил, что молодой человек знает столицу Англии как свои пять пальцев, хотя адмиралу говорил, будто ни разу в жизни там не был.

Однако, несмотря на всю бдительность, Мак-Грегор до сих пор еще не открыл ничего определенного.

Теперь понятно, почему шотландец взглянул с такой ненавистью на секретаря, когда тот велел ему уйти из библиотеки. Отношения между ними обоими были крайне натянуты, хотя Фредерик Биорн и не подозревал всего.

Молодой человек едва успел обменяться с Надодом несколькими банальными фразами, как вошел лорд Коллингвуд, к великому удовольствию обоих собеседников, не знавших, о чем им говорить и как себя держать друг с другом.

Фредерик де Тревьер сейчас же ушел из библиотеки, и адмирал остался с Надодом наедине.

— Извините, что я заставил вас ждать,— сказал Коллингвуд.— Заседание палаты было очень бурное и затянулось... Мой секретарь говорил вам, какой у нас вышел досадный случай?

— У вас нет наличных денег? — перебил со своей обычной живостью Надод, испугавшийся за свое место на корабле, удержанное им заранее.

В этом восклицании было столько тревоги!

— Извините, Надод,— возразил удивленный адмирал,— деньги здесь — вся сумма, какая нужна.

И он указал ему на небольшую шкатулку черного дерева с перламутровой инкрустацией.

Надод перевел дух.

— Так за чем же дело стало? — спросил он.

— Вот прочитайте,— ответил Коллингвуд, подавая ему письмо Пеггама.

Надод взял письмо и, начав читать, позеленел... На лбу у него выступил холодный пот. Итак, мечты его разлетелись прахом!..

Когда он поднял голову, то заметил, что Коллингвуд с любопытством глядит на него. Действительно, адмирал, не зная о намерении бандита прикарманить деньги, которые ему было поручено взять от Коллингвуда, был чрезвычайно удивлен его волнением.

Чтобы хоть немного оправдаться, Надод стал перечитывать письмо Пеггама и вдруг ударил себя по лбу.

— Это письмо подложное! — вскричал он с прежней самоуверенностью.— Почерк и подпись не похожи на то, как пишет глава общества «Грабителей».

— Вы вполне уверены в этом? — спросил лорд Коллингвуд.

— Совершенно уверен! Это подделка, и даже очень грубая.

— Боюсь, что вы ошибаетесь. Письмо, правда, написано на клочке, очевидно, наскоро, быть может, даже в темноте, но нет никаких данных для того, чтобы утверждать его подложность.

— Поверьте, это чей-нибудь фокус. Ну, посудите сами: какая опасность может грозить вам вследствие того, что вы передадите деньги мне? Не все ли равно, через чьи руки пройдут они в кассу общества — через мои или через руки самого Пеггама?

— Это верно, но вот именно потому, что тут есть какое-то сомнение, я и воздержусь до поры до времени.

— Стало быть, вы отказываетесь заплатить сто тысяч фунтов стерлингов? — спросил Надод, вставая и гневно выпрямляясь во весь рост.

— Не отказываюсь, а только откладываю уплату впредь до разъяснения дела. Впрочем, ждать придется недолго: Пеггам обещался явиться сюда сам через час после этого. Прошло уже больше часа и ему давно бы пора прийти.

— Вот вам и доказательство, что это все вздор и что Пеггам не придет. Выслушайте меня внимательно, Коллингвуд, и вы увидите, в какое положение вы себя поставите, если не заплатите мне денег. Я уверен, что вашей гибели желает какой-нибудь ваш тайный враг, который, конечно, и написал это письмо.

— Объяснитесь. Я буду очень рад, если это дело выяснится начистоту.

— Сумма, которую я уполномочен от вас получить, имеет очень важное значение для «Грабителей». Я непременно должен иметь ее в руках, прежде чем взойдет солнце. Если я ее не получу, то общество, конечно, обойдется и без нее, но вам оно за это страшно отомстит.

— Я вас не понимаю.

— Удивляюсь, как это вы не понимаете! Чтобы вас наказать, нам стоит только переслать атторней-генералу кое-какие бумаги, которые докажут, что «Грабители» действуют иногда по указаниям некоторых пэров Англии...

— Негодяй!.. Как ты смеешь!..

— Слушайте, Коллингвуд, давайте играть в открытую. Это будет выгодно и для вас, и для меня... Впрочем, для вас даже выгоднее, чем для меня.

— Говори.

— Во-первых, я бы вас попросил не говорить со мной на «ты». Такое обращение означает или короткость, или презрение. В коротких отношениях с лордом Эксмутом я не имею чести состоять, хотя мы и убивали вместе, а презрение переносить я тоже ни от кого не желаю. Поэтому, встречая от вас презрение, я буду платить вам тем же.

— О! Как тяжело быть в зависимости от подобного негодяя!

— Вот уже два раза, Коллингвуд, вы назвали меня негодяем, а между тем, кто из нас двоих больший негодяй — это еще вопрос. Правда, я убивал людей, но на моих руках нет крови брата, его жены и детей.

Надод стал рассказывать про свою молодость.

Коллингвуд внимательно слушал старого бандита, голос которого звучал взволнованно.

— Так ты был дядькой молодого Биорна? — спросил он Надода.

Это известие показалось адмиралу очень важным.

— Я был к нему приставлен для надзора, и ребенок очень меня любил. Это не помешало мне ненавидеть его, и я решил сыграть с ним злую шутку. Случай мне благоприятствовал...

Коллингвуд с любопытством смотрел на бандита и ничего не отвечал.

Надод продолжал:

— Мне страстно хотелось видеть этого мальчишку голодным, плохо одетым, подвергнутым дурному обращению. Однажды мы катались с ним в лодке по Розольфскому фиорду, и тут я увидел чью-то неизвестную яхту. Притворившись, что я сирота-рыбак, без всяких средств к жизни и что этот мальчик — мой братишка, я изобрел целую историю, растрогавшую незнакомцев, и согласился на их предложение — отдать им ребенка. Таким образом я похитил у герцога Норрландского его старшего сына и наследника.

Адмирал вздрогнул и пролепетал:

— Сына герцога Норрландского!

— Да, ваша светлость. Вы видите, между мной и Биорнами не было родства, тогда как вы утопили в море своего родного брата со всей семьей. Как бледно мое преступление в сравнении

с вашим!.. И за свое преступление я понес варварское наказание: меня избили, изуродовали, я сделался отверженцем общества, и немудрено, если объявил ему беспощадную войну. Врагам своим я жестоко мстил. Год тому назад я убил Черного герцога и одного из его сыновей, а сегодня ночью покончил, в таверне «Висельника», счеты с Гуттором.

— Розольфским богатырем?

— Да, с ним, а также и с Грундвигом, его товарищем... Так вот, ваша светлость, клятву свою я сдержал и врагам отомстил, наружность моя исправлена, благодаря искусству доктора Патерсона, следовательно, я могу теперь жить по-человечески. Двадцать с лишним лет я злодействовал, и не было дня, чтобы я не желал сделаться честным человеком. Не смейтесь надо мной, это я говорю совершенно серьезно. И вот, лорд Коллингвуд, для меня пробил, наконец, желанный час. Поэтому я говорю вам: давайте играть в открытую. Мое предложение такого рода...

— Постойте минутку, Надод,— перебил его адмирал.— Ваш рассказ меня заинтересовал, я с удовольствием готов вас слушать, но скажите мне сначала,— что сталось с молодым Биорном, которого вы уступили неизвестным людям?

— О, это такая романтическая история! Его взял к себе один богатый арматор, и он сделался знаменитым капитаном Ингольфом.

— Как! Тем самым, который отличился в шведско-русскую войну и которого я чуть было не повесил в Розольфсе?

— Вот именно. И в ту минуту, когда вы его арестовали, он сам собирался арестовать герцога Норрландского и его сыновей, обвинявшихся в заговоре против короля.

— Стало быть, человек, которого я хотел повесить как пирата, как капитана Вельзевула...

— Этот самый человек — в настоящее время герцог Норрландский, по праву первородства в фамилии Биорнов.

— Странная, странная история!.. Скажите, Надод, вы разве не боитесь, что он станет мстить вам за смерть отца и брата?

— Не думаю, милорд. Но посмотрите, какая прочная связь между моими и вашими преступлениями: разве вы, в свою очередь, не опасаетесь, что он станет вам мстить за сестру и племянников?

— Для этого нужно, чтобы он знал истинную подкладку трагической катастрофы, а между тем все Биорны поверили официальному сообщению о крушении корабля.

— А помните, в чем вас обвинил перебежчик Иоиль?

— Что значит слова одного человека, когда сто свидетелей подтвердили на следствии факт крушения судна? Нет, с этой стороны я ничего не боюсь и в случае надобности сумею защититься... Однако продолжайте, пожалуйста. В чем состоит предложение, которое вы собираетесь мне сделать?

VII

Откровенность Надода.— Приход Пеггама.— Ужасное положение.— Измена.— Возвращение компрометирующих писем

— Я вам сказал, что желаю играть с вами в открытую,— продолжал Надод,— выслушайте же меня хорошенько. Я решился начать новую жизнь, к которой постоянно стремился и теперь стремлюсь,— я хочу порвать с «Грабителями» и удалиться в Америку. Я уже взял билет на корабль, который отплывет завтра утром, но для этого вы должны отдать мне те сто тысяч фунтов стерлингов, которые с вас следует получить нашему товариществу. Я еду в Америку не для того, чтобы наживать себе состояние или работать в пользу «Грабителей»; там подобная деятельность опасна: старый судья Линч шутить не любит, и расправа у него всегда в этих случаях бывает короткая. Я хочу приехать в Америку уже богатым человеком и жить там в почете и уважении. Надеюсь, вы меня поняли, милорд? От вас одного зависит, чтобы бандит Надод перестал существовать и превратился бы в мистера Иогана Никольсена — моя мать была урожденная Никольсен,— богатого плантатора из Нового Орлеана. Под этим именем я записался на корабле «Васп», который через несколько часов должен поднять якорь. За сто тысяч фунтов стерлингов, которые вы мне отдадите, вам будут мною возвращены те два документа, которые вытребовал с вас Пеггам. Вы ведь сами знаете, милорд: любого из этих документов достаточно, чтобы отправить вас на виселицу.

— Разве они у вас? — спросил Коллингвуд, в глазах которого вспыхнул мрачный огонь.

— Да, у меня... Но только вы, Коллингвуд, не замышляйте никакого обмана: все равно ничего не выйдет. Я все предусмотрел: западню, измену, убийство. Документы сейчас не при мне, поэтому вы напрасно будете пытаться овладеть ими. Но вы их получите через две минуты после того, как отдадите деньги. Надеюсь, что теперь вы не будете делать никаких возражений.

Если я затянул беседу с вами, то лишь для того, чтобы показать вам, что вы — игрушка мистификации и что Пеггам не явится.

— А если я не соглашусь отдать деньги без новой записки от Пеггама?.. Что вы тогда сделаете?

— Так как благодаря этому произойдет вторичное крушение всей моей жизни, то клянусь вам памятью моей матери, что я вам жестоко отомщу! Если вы помешаете мне уехать из Англии, если через несколько часов бриг «Васп» уйдет без меня, унося мою последнюю надежду, то я в тот же день передам оба документа атторней-генералу, который, разумеется, не замедлит дать делу законный ход. Я все сказал и жду вашего решения.

На этот раз Коллингвуд не рассердился. Исповедь Красноглазого он выслушал с большим вниманием. Адмирал не сомневался, что бандит говорит искренно: правдой дышала вся его речь. И, наконец,— что же необыкновенного было в желании Надода оставить ремесло, которое неминуемо привело бы его в конце концов на виселицу? Что касается самого Коллингвуда, то он ничем не рисковал, расплачиваясь с «Грабителями» через Надода. Для него важно было получить обратно компрометирующие документы, а до того, что Пеггам будет недоволен, ему было и горя мало. Вождь «Грабителей» переставал быть для него опасным с того момента, когда выпускал из своих рук две бумаги с подписью адмирала.

Надод с тревогой ждал, чем кончатся размышления Коллингвуда.

Он ждал его решения так, как преступник ждет приговора суда. И бандиту показалось, что само небо разверзлось перед ним, когда адмирал сказал:

— Я согласен передать деньги вам в руки. Но знайте, Надод, что не ваши угрозы побуждают меня к этому. Я их не боюсь. Если бы вы донесли на меня в случае моего отказа, за меня заступились бы все «Грабители» с самим вашим Пеггамом во главе. Они помогли бы мне оправдаться. Мне бы стоило только сказать, что документы подделаны вами, и суд, не колеблясь, отдал бы предпочтение слову пэра Англии перед показанием подобного вам бандита... Но ваш рассказ меня тронул и возбудил во мне сожаление к вам. Так как мои личные интересы нисколько не идут вразрез с вашим желанием, то я вполне согласен его исполнить и дать вам средства для начала другой жизни. Я дал слово уплатить деньги в самый день моего вступления в палату лордов, ранее чем пробьет полночь. Так как для всякой перемены в условиях договора требуется согласие обеих

сторон, то я имею полное право оставить письмо Пеггама без внимания и вручить деньги тому лицу, которое передаст мне документы. Снисходя к желанию Пеггама, я согласился повременить с этим, но теперь уже два часа утра, и я не думаю, чтобы Пеггам дал мне такую большую отсрочку, если б явился за деньгами сам... Ступайте же за документами, несите их сюда. В обмен на них я выдам вам сто тысяч фунтов стерлингов двадцатью векселями Английского банка на предъявителя, по пяти тысяч фунтов стерлингов каждый.

Надод нерешительно встал.

— Вы сомневаетесь в моем слове? — спросил Колллингвуд, хмуря брови.

— Нет, милорд,— отвечал бандит,— но я боюсь, удастся ли мне разменять эти билеты в Америке.

— Плохой же вы финансист, бедный мой Надод! — с улыбкой возразил адмирал.— Билеты Королевского банка ходят в Америке с пятью процентами. Таким образом, вы при размене наживете целых пять тысяч фунтов стерлингов.

— Простите, милорд... я не знал... Через две минуты я возвращусь и буду к вашим услугам...

Надод пошел к дверям, но едва отворил их, как сейчас же вскрикнул и поспешно бросился назад к столу, у которого сидел адмирал.

— Что такое? — спросил тот, поспешно вставая.

Ответа не потребовалось.

В дверях стоял сухой тощий старикашка небольшого роста. Глаза его гневно сверкали. Это был Пеггам, сам грозный Пеггам. Он был похож скорее на призрак, чем на живого человека. Впрочем, на Коллингвуда появление старика не произвело такого действия, как на Надода.

— А! Это вы, Пеггам,— произнес адмирал с холодностью, которая составляла резкий контраст с волнением Надода.— Могу вас поздравить с тем, что вы сильно опоздали. Входите же. Мы только что сейчас о вас говорили.

— А! Вы говорили обо мне! — саркастически заметил старик.— Что же вы говорили о старике Пеггаме? Можно полюбопытствовать? Вот, вероятно, честили старую скотину!..

— Мы выражались о вас гораздо сдержаннее, чем вы теперь,— отвечал Коллингвуд, раздосадованный приходом Пеггама.— На следующий раз я бы попросил вас не забывать, господин нотариус, что у меня есть лакеи для того, чтобы докладывать о посетителях.

— Оставьте ваши упреки! — возразил зловещий старик.— Я узнал, что желал... Все средства хороши для изобличения предателей.

С этими словами он кинул на Надода один из тех грозных взглядов, перед которыми трепетали самые неукротимые из «Грабителей».

Красноглазый тем временем успел оправиться от испуга и смущения и ответил на этот взгляд вызывающим жестом, от которого раздражительный старик пришел в неописуемую ярость. Бледное пергаментное лицо его позеленело.

— Берегись! — сказал он Надоду.— Я ведь сумел укротить и не таких, как ты... Бывали и поопаснее тебя.

Надод нервно рассмеялся.

— Те, которых ты укрощал, были не моего закала,— отвечал он с вызывающим видом.

— Надеюсь, государи мои, что вы не намерены сводить свои личные счеты в моем присутствии,— высокомерно заметил Коллингвуд.— Если я вам поручил однажды исполнить одно из тех гнусных дел, которые составляют вашу специальность, то из этого еще не следует, что вы имеете право забываться в моем присутствии!.. Так как вы встретились здесь оба, то не угодно ли вам прийти друг с другом к какому-нибудь соглашению. Я приготовил сто тысяч фунтов стерлингов. Кому из вас прикажете их отдать?

— Душевно благодарен вашей светлости,— иронически произнес Пеггам,— за то, что вы напомнили мне разницу не между соучастниками Лофотенского дела: королевский палач никакой разницы между ними, вероятно, не признает,— но между пэром Англии и скромным нотариусом из Валлиса... Со своей стороны я тоже буду помнить, что имею честь находиться в доме его светлости милорда Коллингвуда, при помощи «Грабителей» — герцога Эксмутского.

Эту дерзкую фразу нотариус закончил сухим коротким смехом, но Коллингвуд не счел совместным со своим достоинством продолжать пикировку. Он понимал, что для него всего лучше отделаться от Пеггама как можно скорее. Поэтому он взял приготовленные банковые билеты, выложил их на стол и тоном, исполненным глубокой горечи, повторил:

— Кому прикажете заплатить цену крови?

На бледном лице Пеггама опять появилась улыбка. Он хотел ответить, но вдруг насторожился, услышав снаружи какой-то шум.

Подумав с минуту, он прошептал:

— Это не они. Они еще не успели вернуться.

— Что же вы не отвечаете? — настаивал адмирал.— Покончим скорее с этим делом.

— Вы уж очень торопитесь от нас отделаться,— каким-то странным тоном заметил Пеггам.— Через минуту вы будете совсем другого мнения... Заплатите деньги Надоду, как было условлено. Мы с ним сосчитаемся. А вот и документы, подписанные вами: я взял их у Дженкинса, которому Надод поручил их беречь.

Сказав эти слова, Пеггам, по-видимому, снова погрузился в свои собственные размышления, не имевшие ничего общего с тем, что происходило кругом...

Невозможно описать удивление Надода при такой неожиданной развязке. Он ровно ничего не мог понять. Адмирал пожал плечами, как человек, которому нет никакого дела до всех этих странностей, и взял документы, поданные Пеггамом. Тщательно рассмотрев их и убедившись, что они те самые, которые он подписывал, он поднес их к свечке и с удовольствием посмотрел, как они горели. Когда они обратились в легкий темно-серый пепел, адмирал вздохнул, словно избавившись от тяжкого гнета.

«Наконец-то! — подумал он.— Наконец-то я избавился от этих негодяев!»

До самого последнего дня, до самой последней минуты Коллингвуд был уверен, что «Грабители» не удовольствуются условленной суммой за возврат документов. Слишком уж было им легко вытянуть из него впятеро, вшестеро больше! От него могли даже потребовать все двадцать пять миллионов франков, лежавшие в Английском банке. Поэтому адмирал был очень благодарен «Грабителям» в душе за их относительную честность и, между тем как Надод тщательно укладывал в свой бумажник полученные банковые билеты, сказал Пеггаму уже значительно мягче, чем говорил до сих пор:

— Вот мы и поквитались, а так как теперь уже поздно, то не разойтись ли нам и не лечь ли спать?

— Сегодня ночью вам не спать на своей постели, милорд Коллингвуд,— мрачно отвечал Пеггам, понижая голос, как будто он боялся, что его слова услышит кто-нибудь посторонний.

— Что вы хотите сказать? — спросил адмирал, на которого торжественный тон бандита произвел сильное впечатление.

— Я хочу сказать,— продолжал невозмутимо старик,— что

если б вы в полночь уплатили Надоду условленную сумму, то погибли бы оба — и вы, и он. Я хочу сказать, что мое письмо, задержав уплату, спасло вас на некоторое время. Я хочу сказать, наконец, что пришел сюда охранить вас от самой страшной опасности, какой вы когда-либо подвергались.

— Объяснитесь, ради Бога.

— Вы, вероятно, подумали, что я пришел только для того, чтобы помешать Надоду убежать в Америку с деньгами, принадлежащими нашему товариществу?

— Как! Вы это знаете!..— пролепетал Надод.

— Я все знаю. От меня ничто не укроется,— продолжал ехидный старик, злобно хихикнув.— Да, милорд? Вы это самое подумали? Ну-с, так вы очень и очень ошиблись, позвольте вам доложить. Я бы не стал себя беспокоить только для того, чтобы удержать в Англии нашего милого Надода, как ни драгоценны для нас его услуги. «Васп» — наш корабль. Он идет в Америку как будто для закупки сахара, но на самом деле для того, чтобы составить там список кораблей с особенно богатым грузом. Эти корабли мы собираемся ограбить, не дав им дойти до Англии. Я тем легче допустил бы отъезд Надода, что у капитана «Васпа» не было денег для уплаты за сахар. Капитану я сказал вот что: «В самую последнюю минуту на корабль явится Надод, записавшийся пассажиром под вымышленным именем. С ним будут наши деньги, счетом два с половиной миллиона франков. Вот вам записка. Через два дня после отплытия отдайте ее Надоду». Записка была недлинная — всего две строчки такого рода: «Сим предписывается Надоду закупить четыре тысячи мест сахара и лично доставить груз в Англию». Подписана записка была «Пеггам». Я был уверен, что встречу беспрекословное повиновение. Не так ли, Надод? Ведь Пеггаму нельзя не повиноваться.

— Черт! Дьявол! — бормотал огорошенный Надод.

— Но все-таки я бодрствовал. Вы спали, проявляя самую непростительную беспечность, а я бодрствовал. Право, господа, вы преудивительные люди оба... Как! Вы убили отца, брата, утопили сестру с детьми — у кого? У железного человека, которого прежде звали Ингольфом Непобедимым, капитаном Вельзевулом, а теперь зовут Фредериком Биорном, герцогом Норрландским!.. Вы это сделали (не будем спорить о доле участия каждого из нас в этом деле) и могли думать хотя одну минуту, что этот человек не будет всюду следовать за вами, как мстительная тень, что не будет высматривать каждый ваш шаг, не окружит вас тучей шпионов! Вы могли думать, что он не составит како-

го-нибудь ловкого и смелого плана для того, чтобы жестоко вас покарать!.. Признаться, я никак не могу допустить подобной наивности. Нет, вы, вероятно, говорили себе: «Если этот человек на нас нападет, мы будем защищаться...» Ведь не далее как сегодня вечером три его лазутчика убили тридцать наших в трактире «Висельник»...

— Может ли это быть?! — вскричал Коллингвуд.

— Спросите у Надода, он сам только чудом избежал той же участи.

— Это правда,— сказал Надод.— Тут был богатырь Гуттор, с каждым ударом убивавший трех-четырех человек. Но его подвиги кончились навсегда. И он, и его товарищи не нанесут больше вреда никому.

Пеггам расхохотался.

— До чего ты наивен, бедный мой Надод! — сказал он.— Нет, ты положительно выдыхаешься. Я думаю, уж не заменить ли тебя кем-нибудь другим?.. Разочаруйся. Не успел ты выйти из таверны, как три норрландца, с гигантом Гуттором во главе, бросились вслед за тобою, кинув трактирщика Боба в ту яму, из которой сами убежали. Я достал оттуда Боба еле живого.

— Не может быть! Это совершенно невозможно! — вскричал Красноглазый.— Я сам видел, как они лежали один на другом, не подавая признаков жизни.

— Тебя провели.

— Невозможно! — твердил Надод, не зная, что и думать.— Я сам рассек пулей щеку богатыря, но он и не пошевелился.

— Это только доказывает, что они очень сильные люди — вот и все,— возразил Пеггам.— Час спустя после этой истории они уже стояли перед домом милорда, дожидаясь, когда выйдет оттуда Надод с деньгами, чтобы его схватить и утащить на один из своих кораблей. Затем настала бы очередь и милорда Коллингвуда...

— Ну, что касается меня, то это другое дело,— возразил адмирал.— Посмотрел бы я, как бы до меня дотронулись. Кто бы это забрался ко мне в дом?

— Днем, пожалуй, вас бы не тронули, но ночью, во время сна...

— Стало быть, вы полагаете...

— Я не полагаю, я утверждаю решительно, что, не будь меня, вас обоих похитили бы — и не далее как сегодня же ночью.

Услыхав такое категорическое утверждение, Коллингвуд почувствовал невольный трепет. Он был храбрый человек, но опасность таинственная, негаданная, способна устрашить всякого. Молча смотрел он на нотариуса, ожидая, что будет дальше.

VIII

Прозорливость Пеггама.— Опять снеговая сова.— Разоблаченный псевдоним.— Признание Пеггама

Нотариус бесстрастно продолжал:

— Как только я узнал, какой опасности вы оба подвергаетесь, то уже не мог допустить, чтобы вас похитили. Тогда-то я и написал наскоро записку, которую вы, милорд, получили с нарочным. Таким образом, я был почти уверен, что Надод не уедет, прежде чем я приду, и это дало мне возможность продолжать свои розыски.

— Неужели вы, только сегодня вечером приехав из Чичестера, успели открыть так много нового?

— Я уже около года живу в Лондоне переодетый и слежу за действиями наших врагов. Но это еще не все. Я сообщу вам новость еще интереснее. Результатом моего письма к вам явилась перемена в намерениях наших врагов. Они сказали себе: «Так как в Эксмут-Гауз должен прийти и Пеггам, то мы постараемся убить одним камнем даже не двух зайцев, как говорит пословица, а целых трех».

— Послушайте, Пеггам,— сказал Коллингвуд,— вы нам рассказываете какой-то роман. Откуда могли узнать наши враги о том письме, которое вы мне прислали?

— А между тем они узнали, и я вот именно вас самих хотел спросить, милорд, не знаете ли вы, как это могло случиться?

— Я этого положительно не допускаю.

— Пожалуй, не допускайте, но это факт. Сейчас я вам объясню все... Только вот что, милорд, постарайтесь не вскрикнуть от удивления, а то мне не хочется, чтобы из этой комнаты донеслось эхо нашего разговора.

— Вы, стало быть, подозреваете кого-нибудь из моей прислуги?

— Не совсем так, но все-таки вы близки к догадке... Не позовете ли вы сюда Мак-Грегора?

— Уж не на него ли вы думаете? Вот я буду удивлен, если вам удастся доказать его измену!

— Кажется, я вам ничего подобного не говорил. Я только просил вас позвать его сюда, потому что желаю справиться у него об одной вещи. Клянусь вам, что дело очень серьезно. Мы сидим на вулкане, и меня утешает только то, что до сих пор не идет гонец, которого я жду. Если б он пришел, то нам уж некогда было бы разговаривать, а нужно бы было действовать.

Адмирал позвонил в колокольчик, и в библиотеку вошел Мак-Грегор.

— Что делает в настоящее время секретарь его светлости герцога Эксмута?

— А черт его знает, что он делает! — ворчливым тоном отвечал Мак-Грегор.— Весь вечер он ходил взад и вперед по веранде, размахивая руками, бормоча на каком-то непонятном языке и все посматривая на улицу, как будто кого-то ждал... Уж сколько раз говорил я его светлости, что этот молодец мне не нравится и что ему не следует доверять.

— Мак-Грегор,— строго остановил его герцог,— я ведь уже тебе говорил, чтобы ты не смел так непочтительно выражаться о маркизе де Тревьере. Советую тебе этого не забывать... Вы только это желали узнать, Пеггам?

— Только это, милорд.

— Можешь идти, да смотри — хорошенько помни мои приказания.

— Ваша светлость, сердцу нельзя приказать.

— Я не сердцу и приказываю, я требую только, чтобы ты держал за зубами свой язык.

Горец вышел из библиотеки, не скрывая своего неудовольствия.

— Этот Мак-Грегор терпеть не может французов,— заметил Коллингвуд.

Пеггаму был известен весь заговор, составленный розольфцами, и потому он не мог удержаться от смеха, несмотря на серьезность момента.

— Ха-ха-ха!..— покатился он, откидываясь на спинку кресла.— Так он француз! Так он де Тревьер!.. Ха-ха-ха!.. Вот так история!

— Что вы тут нашли смешного? — холодно спросил адмирал.— Гораздо смешнее ваша неуместная веселость...

— Сейчас я вам объясню, милорд, и тогда вы сами согласи-

тесь, что я далеко не так смешон, как вам кажется,— саркастическим тоном возразил старик.— Скажите, пожалуйста, можно ли у вас с верхнего этажа видеть то, что делается на балконе, но так, чтобы самого наблюдателя при этом не было видно?

— Очень можно.

— Не будете ли вы так добры, ваша светлость, проводить нас туда?

Коллингвуд встал довольно неохотно. Он знал, что Пеггам никогда не шутит, а то принял бы все это за мистификацию. Обоих бандитов он провел в угловой кабинет, откуда отлично был виден весь балкон.

Там стоял, облокотясь на перила, секретарь герцога и задумчиво смотрел на Темзу.

Поглядев на него, адмирал вздохнул и сказал:

— Это верный друг, Пеггам, что бы там ни говорил про него Мак-Грегор. Я за него ручаюсь, как за самого себя.

«Неужели этот крокодил способен на искреннее умиление? — подумал Надод.— Нет, это одно притворство. Стоит только вспомнить утопленных им невинных малюток!.. Какие, однако, лицемеры эти англичане! Я, мол, уничтожаю тех, кто мне мешает, но все-таки могу быть чувствительным».

Старик Пеггам по-прежнему саркастически улыбался.

— Погодите умиляться, милорд,— сказал он,— сперва давайте сделаем опыт.

Он обратился к Надоду и спросил его:

— Ведь ты норрландец, следовательно, умеешь подражать крику снеговой совы — не так ли?

— О, еще бы! Сама сова попадется на обман.

— Ну, так вот и крикни, но только потише, чтобы казалось, будто крик донесся издали. Ты понял меня?

— Вполне понял.

Бандит приставил к губам два пальца и свистнул, подражая крику северной птицы.

— Ки-уи-вуи! — пронеслось по воздуху сдержанной нотой.

Едва раздался этот условный сигнал розольфцев, как адмирал и его собеседники увидали, что адмиральский секретарь принялся наклоняться с балкона во все стороны, вглядываясь в темноту, и затем ответил точно таким же криком.

Впечатление, произведенное этим на Коллингвуда, было так сильно, что он едва не упал на пол. Надод поддержал его, а Пеггам стал смачивать ему водой виски, лоб и затылок.

Понемногу кровь отлила от головы адмирала, и он пробор-

мотал несколько слов, доказавших, что он понял смысл опыта, хотя, впрочем, еще не угадал всей истины.

— О, небо! — вскричал он.— Это розольфский шпион!.. Но почему же он не зарезал меня во сне? Ведь ему для этого раз двадцать представлялся удобный случай.

— Эти люди, милорд, не убивают своими руками, как и вы. Да, наконец, я ведь уж вам говорил, что они желают взять нас живыми.

— Кто же этот человек, так ловко вкравшийся ко мне в доверие? Мне хочется знать. По всему видно, что он незаурядный авантюрист: его разговор, манеры, наконец обширные сведения обнаруживают в нем человека выдающегося.

— Мне, как только я его увидал, показалось, что я его знал когда-то прежде,— заметил Надод.

— Как вы оба недогадливы и как бы он обоих вас далеко завел, не случись тут старика Пеггама!.. Только, милорд, вы уж, пожалуйста, будьте тверды... Я знаю, вы человек впечатлительный.

— Не беспокойтесь, главный удар уже нанесен. Теперь меня ничто не удивит... Как прожить полгода под одной кровлей со шпионом!..

— Нет, он не шпион,— возразил Пеггам.— Он трудился для самого себя. Ведь он — вы знаете кто? Сам Фредерик Биорн, герцог Норрландский!

Коллингвуд и Надод разом вскрикнули.

Если бы весь дом обрушился на них, они были бы удивлены не так сильно.

— Не может быть! — сказал Надод, когда прошла первая, самая тяжелая минута.— Я жил с ним на «Ральфе», я бы непременно узнал его. Бывший капитан Вельзевул был блондин и не носил бороды.

— Как ты наивен, бедный мой Надод! Бывший капитан Вельзевул был блондин и не носил бороды, а новый герцог Норрландский выкрасился и отпустил бороду, вот и все. Неужели он, не переменив своей наружности, бросился бы в самую пасть льва? Нет, господа, он не настолько глуп...

— Теперь я понимаю, отчего он произвел на меня такое странное впечатление, когда я увидал его сегодня вечером.

— Я его прежде видел лишь мельком в Розольфсе,— сказал Коллингвуд.— Какой, однако, энергичный, решительный человек! И какой храбрец: нисколько не щадит своей жизни... Если б я узнал его на корабле, давно бы уже его съели акулы.

— Да, он человек необыкновенный, и служат ему люди тоже необыкновенные... При этом еще он и деньги огребает лопатой... Ну-с, господа, вы теперь сами видите: что бы вы без меня стали делать?

— Что же мы ждем? — спросил адмирал, заботившийся прежде всего о своей собственной безопасности.— Надо его поскорее схватить.

— Покуда опасности еще нет,— отвечал Пеггам.— Я вам уже сказал, что ничего не предпримем до прибытия ко мне гонца, которого я жду.

— А если он скорее даст себя убить? — заметил Надод.

— Ты — простой рубака, Надод,— презрительно оборвал его нотариус.— Ты годишься в атаманы вооруженной шайки, но я никогда не поручал тебе дел высшего порядка... Впрочем, господа, если у вас есть свой собственный план...

— Ах, нет, нет! — ужаснулся Коллингвуд.— Не слушайте его, Пеггам, пожалуйста, не слушайте!

Странное дело: этот человек был очень храбр на борту корабля, но на земле становился необыкновенно труслив. Оставшись с ним наедине, Фредерик Биорн мог бы заставить его на коленях просить прощения.

Происходило это оттого, что адмирал почти постоянно видел перед собою, в кровавом облаке, семь призраков с Лофотенских островов.

— Да, господа,— повторил нотариус,— что бы вы без меня стали делать?

— Как вам удалось все это открыть? — спросил Коллингвуд.

— Очень просто,— отвечал бандит, любивший поболтать, как все старики.— Я знал, что герцог Норрландский ни за что не оставит нас в покое, поэтому отправил дюжину лучших своих шпионов следить за ним, а потом и сам уехал в Лондон, поручив контору своему старшему клерку Ольдгаму...

— Он теперь в Лондоне,— перебил Надод.

— Знаю, что в Лондоне. Он заболел бы, если б я не дал ему отпуска и не позволил напечатать его «Путешествие в Океанию» с примечанием от мистера Фортескью, его тестя... Вот два дурака-то! Благодаря своей близорукости и тем фокусам, которые с ним сыграли в Норрланде, он воображает, что прожил три месяца в палатке у канаков. Лапландских собак он принял за туземных малорослых лошадей, оленей за быков, пастухов за каннибалов. Его заставляли, под угрозой смерти, есть жареного козленка, уверяя, что это мясо пленного американца, изжарен-

ного на вертеле, и многое другое в этом роде... Да, бишь, на чем я остановился?

— Вы рассказывали, как вы...

— Да, помню, помню... И зачем этот Надод все перебивает меня? Так вот, господа, я приехал в Лондон, где мог жить совершенно незаметно, так как никто из розольфцев меня не знал в лицо. О подробностях я распространяться не буду. Словом, я целый год следил за розольфцами, и ни одно из их действий от меня не укрылось, не исключая самой последней их махинации. Когда я выследил троих розольфцев, явившихся к дому милорда карауlить Надода при его выходе оттуда, я спрятался в боковой переулок и вдруг услыхал крик снеговой совы. Это был сигнал, на который розольфцы отвечали точно таким же криком. Дверь дома отворилась, и из нее вышел какой-то молодой человек, которого розольфцы сейчас же узнали. Я затаил дыхание и слушал. Молодой человек был ваш секретарь — иначе герцог Норрландский. Он сообщил своим слугам содержание письма, посланного мною лорду Эксмуту, и тут же было решено между ними одним ударом избавить мир от трех бандитов — то есть от вас, милорд Коллингвуд, от тебя, Надод, и от меня, недостойного. Герцог Норрландский послал за своими людьми, которые должны были внезапно войти в эту дверь, и Фредерик Биорн сказал бы нам: «Сдавайтесь или вы погибли!»

Коллингвуд невольно вздрогнул, но сейчас же улыбнулся.

— Вам это кажется забавным, милорд? — не мог удержать своего удивления Пеггам.

— Нисколько. Но у меня тоже есть кое-что сообщить вам, когда вы кончите свой рассказ,— отвечал адмирал.

— Мне осталось досказать немного. О прибытии розольфцев предполагалось известить Фредерика Биорна уже известным вам сигналом; тогда ваш секретарь сошел бы вниз, отпер бы дверь и впустил бы заговорщиков. Кончилось бы тем, что нас схватили бы. Для отклонения этой беды я принял вот какие меры. В Саутварк я отправил нарочного, лучшего скорохода во всей Англии, поручив ему подсмотреть, когда выступят розольфцы, и немедленно бежать ко мне с донесением. Он должен опередить их минут на двадцать. Со своей стороны, я собрал двадцать пять самых решительных молодцов и велел им стоять здесь поблизости, чтобы быть готовыми явиться по первому нашему требованию. Мак-Грегора нужно обо всем известить, чтобы он покрепче запер выходную дверь, как только герцог Норрландский введет в дом своих людей. Таким образом они

очутятся в мышеловке... Вот все, что я имел сообщить вам, милорд. Позвольте теперь узнать то, что вы, со своей стороны, хотели сказать мне. Тогда уж я вам сообщу и дальнейшие свои планы.

— Глядите на дверь, Пеггам,— сказал Коллингвуд.

С этими словами он нажал на какую-то кнопку.

Раздался металлический стук — и в один миг все окна и двери оказались загороженными металлическими заслонами.

— Чудесное изобретение! — вскричал Пеггам и встал посмотреть, насколько все это приспособление прочно.

Коллингвуд опять сделал движение рукой — и железные заслоны вернулись на свое место.

— Весь дом можно запереть таким образом,— пояснил Коллингвуд, отвечая на жест изумления, вырвавшийся у Пеггама.

— Герцогу Норрландскому вы не говорили об этом приспособлении?

— Нет, не говорил. Меня упросил Мак-Грегор не делать этого.

— Как он хорошо сделал, что внушил вам это! Теперь вы можете весь отряд норрландцев разрезать на несколько частей, если герцог введет его в дом в целом составе.

— Тем более что я могу открыть каждую комнату порознь, оставляя прочие запертыми.

— У нас теперь все козыри в руках. А, господин северный герцог! Вы задумали тягаться со стариком Пеггамом... Посмотрим, чья возьмет. Думаю, что моя... Думаю, что на этот раз мне удастся осуществить мечту всей моей жизни. С тех пор как я основал товарищество «Грабителей», обладающее в настоящее время шестнадцатью корсарскими кораблями...

— Не пиратскими ли, вернее сказать! — вставил Коллингвуд.

— Неужели вы не можете относиться вежливее к своим друзьям? — возразил циничный старик.— Нет-с, не пиратскими, а именно корсарскими. Мы имеем восемьсот прекрасных матросов и тысячу двести сухопутных джентльменов. Мы уничтожили и ограбили несколько сот купеческих кораблей, опустошили множество замков и навели ужас на весь Лондон. Богатые коммерсанты, банкиры и арматоры платят нам правильную дань, лишь бы избежать разорения. Милорду Коллингвуду мы помогли сделаться герцогом Эксмутом, взамен чего он подписал для нас две бумаги... Помните, милорд, как это было? Вы не хотели подписывать, вы церемонились, но старый Пеггам сумел настоять на

своем. Вы написали и расчеркнулись... Теперь мы с вами квиты. Бумаги вам возвращены... Гм! да... возвращены...

— Охота вам вспоминать о ваших злодействах! — с неудовольствием заметил Коллингвуд.

— Нет, отчего же?.. Они нам много пользы принесли. На острове, который служит нам убежищем, где живут жены и дети наших сочленов, где у нас лечат раненых и больных и пригревают слабых, где я полновластный господин, у меня собраны несметные богатства в золоте, серебре, в драгоценных каменьях и тканях, в произведениях всевозможных искусств. Я исполнил все, чего желал, одного только мне не удалось еще добиться...

— Чего именно? — спросил Коллингвуд.

— Три экспедиции предпринимал я с целью овладеть Розольфским замком,— и ни одна из них не удалась. Мечта овладеть старым поместьем Биорнов не дает мне спокойно спать, отравляет мне всякое удовольствие... Сорок поколений Биорнов, дружинников Роллона, скандинавских викингов, в течение десяти веков накопили в этом замке все, что только произвел человеческий гений чудесного и изящного за все то время, как мир существует. Не пренебрегая и современными произведениями, Биорны главным образом были антикварами; их корабли, ходившие по всем морям, привозили в Розольфсе китайские вазы и дорогие статуи времен династии Тзина, превосходные японские бронзовые вещи, сделанные три тысячи лет назад, многовековую слоновую кость, почерневшую от времени, как русская кожа, индийских идолов из чистого золота... Я там видел...

— Да разве вы там были?

— Был, к своему несчастию, и пришел в неистовый восторг. Я там видел огромный бриллиант, который вдвое больше всех известных бриллиантов мира и изображает, понимаете ли, Аврору под видом молодой и прекрасной девушки, лежащей на лотосовом листке. Индийское предание говорит, что эту фигурку гранили четыре поколения мастеров в течение двух веков. Это чудо искусства лежит на золотом блюде с изображением морских волн, из которых выходит Аврора. Такой шедевр дороже миллиардов... Да что! Разве можно описать словами всю эту роскошь? Представьте себе рубиновых погребальных жуков времен Сезостриса, скипетры и короны эфиопских царей, греческие статуи, серебряные амфоры, блюда, золотые кубки ассирийских царей равнины Халдейской... Нет, уж лучше не буду говорить, а то только себя раздражаешь понапрасну. Одним сло-

вом, в громадных залах Розольфского замка собраны все богатства древности, средних веков и новейшей эпохи до конца XVII века. Прежние Биорны хвастались всем этим; драгоценная коллекция показывалась князьям, магнатам и ученым. Мне удалось проникнуть туда в свите одного пэра, у которого я служил секретарем. Но с тех пор как из музея пропало несколько вещей, двери его закрылись. Нарочно распространен был слух, что все эти богатства распроданы и развезены по разным местам. Но это неправда: Гаральд с умыслом скрыл их от любопытных глаз. Теперь вы понимаете мою радость, милорд? Фредерик Биорн находится в моей власти, и я могу быть уверен в удачном исходе новой экспедиции против Розольфского замка, сокровища которого я все перевезу на свой остров.

— О каком же это острове вы все говорите? — спросил Коллингвуд, любопытство которого было задето.

— Это для вас все едино, потому что вы все равно никогда его не узнаете. Его не открыл еще ни один географ, ни один мореплаватель. Он лежит в стороне от известных дорог... Впрочем, если вам непременно хочется знать, как он называется, то извольте: «Безымянный остров». Это название я сам ему выдумал. Нужно три года беспорочно прослужить товариществу, чтобы быть допущенным туда, обзавестись там семьей и пользоваться всеми правами и преимуществами, какие только имеет гражданин острова. Получивший эти права работает год на суше и на море, а год отдыхает и наслаждается жизнью, потом опять год работает и год отдыхает — и так далее. Все, что только выдумано для счастья и наслаждения, собрано на острове в изобилии и дается всем, сколько кому угодно. Единственное условие ставится для принятого на остров — это обзавестись там семьей. Таким путем мы ограждаем себя от измены, так как за изменников отвечают их семьи. Надод, например, не может быть допущен на остров, потому что служит всего только два года, хотя и в важной должности начальника лондонского отдела. Впрочем, я могу положительно сказать, что он никогда и не будет допущен, потому что «Грабители» не прощают ни малейшей погрешности, а ведь он собирался от нас убежать с нашими же деньгами.

— О, я вовсе не добиваюсь чести прожить с вами всю жизнь, мистер Пеггам,— сказал бандит.

— Знаю,— возразил удивительный старик.— И ты бы гораздо лучше сделал, если бы сказал мне это прямо. Ту сумму, которую ты собирался похитить, я бы отдал тебе в награду за

твою службу добровольно. Я и теперь готов отдать тебе ее с условием, что ты уйдешь от нас не прежде окончания новой экспедиции против Розольфсе, каков бы ни был ее исход.

— От всего сердца принимаю это условие! — сказал удивленный такою непонятной щедростью Надод.

Старик нотариус в этот вечер то и дело ставил бандита в тупик.

IX

Приход гонца.— Грундвиг в Саутварке.— Эдмунд Биорн.— Нападение на Эксмут-Гауз

В последний час Пеггам, этот фантастический старик, чрезвычайно вырос в глазах Коллингвуда. Адмирал начал почти восторгаться этим необыкновенным человеком, который, подобно Магомету, привлекал к себе последователей через обещание им всяческих наслаждений, с той лишь разницей, что Пророк сулил наслаждения после смерти, а Пеггам устроил свой рай на земле.

Адмирал задумчиво молчал. Вождь «Грабителей» подождал немного, не скажет ли он чего-нибудь, и заговорил опять сам, улыбаясь не без лукавства.

— Ну, милорд, как же вы находите мои маленькие комбинации? Меня обыкновенно называют разбойником — и вы, милорд, в том числе. Это глубокая ошибка. Я не кто иной, как филантроп, только я благодействую не всему человечеству, а известной группе людей — само собою разумеется, за счет всех остальных. Я — как добрый король, пекущийся о своих подданных...

Странная идея промелькнула вдруг в голове Коллингвуда, не переставшего ни на одну минуту терзаться угрызениями совести, но он не успел сообщить ее Пеггаму. В комнату вошел Мак-Грегор и ввел гонца, которого ожидал вождь «Грабителей».

— Что нового? — торопливо спросил у него нотариус.

— Шестьдесят человек, взятых с трех кораблей, стоящих в Саутварке, беглым шагом идут сюда. Ходоки превосходные: я едва успел обогнать их на четверть часа,— ответил гонец.

— Кто ими командует?

— Эдмунд Биорн, которому хочется поскорее увидеться с братом.

— Не заметил ли ты чего-нибудь особенно интересного?

— Нет, господин мой, ничего не заметил. Как только розольфцы сошли с кораблей на землю, они разделились на два отряда и двинулись вдоль берега Темзы. Я побежал боковыми кварталами, там дорога прямее и потому короче минут на десять, да столько же или около того я выиграл быстрой ходьбой.

— Хорошо. Ты знаешь, что тебе следует делать дальше?

— Знаю, господин.

— Ступай же. Я тебя не задерживаю.

Гонец ушел.

— Господа, надо торопиться! — сказал Пеггам, обращаясь к Коллингвуду и Надоду.— Времени терять нельзя ни одной минуты. Иди за мной, Надод. Адмирал постарается покуда задержать здесь своего секретаря, а мы тем временем впустим в дом своих людей.

Десять минут спустя Фредерик Биорн был отпущен Коллингвудом, призывавшим его к себе будто бы для того, чтобы посоветоваться с ним об одном деле. Разумеется, в действительности дела никакого не было и ни в каком совете своего секретаря адмирал не нуждался. Коллингвуд сделал очень большую ошибку, выдумав такой неудачный предлог, но еще большую ошибку совершил Фредерик Биорн, не постаравшись хорошенько вдуматься в ложь адмирала. Фредерик Биорн знал, что посетители Коллингвуда были Надод и Пеггам, следовательно, он должен был понять, что у адмирала не могло быть тут никакого дела к своему секретарю.

Во время разговора с адмиралом Фредерик сидел, как на горячих угольях. Сначала он испугался, что посетители ушли, но потом адмирал сообщил ему, что они дожидаются в соседней комнате решительного ответа, которого он, адмирал, не пожелал им дать, не посоветовавшись сначала с секретарем. Фредерик видел, что адмирал что-то путает, но не задумывался над этим обстоятельством, помышляя лишь о том, как бы поскорее вернуться на балкон и посмотреть, не случилось ли чего-нибудь нового.

Нового ничего не случилось — кроме того, что в дом герцога Эксмута введен был отряд в двадцать пять вооруженных грабителей.

А Фредерик Биорн об этом и не догадывался, усыпленный болтовней адмирала, выдумки которого были так нелепы, что во всякое другое время навели бы Фредерика на подозрения. Но в этот день успех всех принятых им мер вскружил ему голову, и

молодой человек утратил свою обычную чуткость и прозорливость.

Впрочем, главной причиной, почему он до некоторой степени лишился присущего ему самообладания, был страх, что бандиты уйдут и что его друзья явятся, прежде чем адмирал его отпустит.

А между тем ему бы стоило только задать себе мысленно вопрос: ради чего адмирал спрятал Пеггама и Надода и пригласил к себе, под самым пустым предлогом, своего секретаря — и у него мелькнуло бы подозрение, и тогда, прежде чем действовать, он, разумеется, постарался бы хорошенько расследовать загадочное обстоятельство.

К несчастью, эта мысль не пришла в голову Фредерику, всецело поглощенному заботой о похищении трех злодеев...

Когда Грундвиг и два его товарища пришли в Саутварк, было уже около полуночи и на всех трех кораблях люди давно уже спали.

К счастью, в распоряжении капитана Билля, когда он съезжал на берег, оставалась лодка с «Олафа», дежурившая у пристани день и ночь, в противном случае им нелегко было бы добраться до Эдмунда Биорна, который тоже уже больше часа тому назад лег спать, не предполагая никакой тревоги...

Узнав о приезде брата и обо всем, происходившем в Лондоне, Эдмунд встревожился. У него явилось предчувствие чего-то дурного, хотя он сам не мог дать себе отчета — почему. Тем не менее он энергично принялся за формирование небольшого отряда, который должен был содействовать аресту бандитов. Мысль, что старший его брат находится в опасности, засела в голове Эдмунда, и он никак не мог от нее отвязаться. Но когда Гуттор и Билль сказали вслед за Грундвигом, что Фредерик Биорн находится в доме Коллингвуда в полной свободе, Эдмунд несколько успокоился и страх его до некоторой степени рассеялся. Когда же ему сообщили просьбу брата оставаться в Саутварке и командовать эскадрой, он не пожелал даже слушать это и объявил, что лично примет начальство над отрядом, которому поручено выполнить дело, задуманное старшим Биорном.

Фредерик требовал пятьдесят человек, а Эдмунд собрал шестьдесят и разделил их на два отряда: один под начальством его самого и капитана Билля, а другой под командой Грундвига и Гуттора. Это были самые сильные и храбрые из розольфцев, еще недавно имевшие случай доказать свои боевые качества.

Когда они шли на своем корабле в Англию, то подверглись нападению пиратов и после отчаянного абордажного боя истребили их всех, а корабль их пустили ко дну.

Был в исходе второй час ночи, когда отряд выступил из Саутварка по направлению к Эксмут-Гаузу.

Над огромным спящим городом царило глубокое молчание. Густой туман увеличивал ночную темноту, так что в двух шагах впереди не было ничего видно. На темном фоне домов выступала еще более темная полоса — Темзы, похожая на чернильную реку, по краям которой, там и сям, мелькали красные и зеленые фонари кораблей, зажженные на основании правил о морском и речном судоходстве.

Навстречу отряду попадались собаки, с ворчанием убегавшие прочь, изможденные голодом нищие, грязные бродяги и жулики, поспешно прятавшиеся где-нибудь в стороне, думая, что идет патруль. Погода была сырая, пасмурная. Идя рядом с Грундвигом и Гуттором, Эдмунд чувствовал, что в нем снова начинают возникать утихшие было опасения; однако он ничего не сказал своим спутникам, не желая ослаблять их энергию и уверенность. Тщетно старался он подавить в себе страх и ободриться; он никак не мог себе представить, чтобы можно было так легко захватить трех опасных злодеев, по всей вероятности, принявших надежные меры для своей безопасности. План старшего брата казался Эдмунду фантастичным, несбыточным; он боялся неудачи и даже почти предвидел ее.

Ему был известен смелый и предприимчивый характер Фредерика, редко задумывавшегося над опасностью. Эдмунду казалось просто невероятным это ночное шествие к дому герцога Эксмута.

Хотя Эдмунд Биорн с детства привык смотреть на себя как на главу своей фамилии, тем не менее в сердце его не было ни малейшей досады на Фредерика, отнявшего у него право старшинства. Благородный и великодушный, он искренно, всем сердцем полюбил старшего брата и готов был с радостью отдать за него свою жизнь. Пускаясь в это опасное предприятие, он прежде всего думал не о себе, а о Фредерике.

Однако не время было поддаваться слабости. Послышался голос Грундвига, указавшего на блестевший вдали фонарь Эксмут-Гауза. Это значило, что розольфцы уже приближались к цели. Сделав над собой усилие, Эдмунд отогнал от себя черные мысли и приготовился к самой упорной борьбе.

— Господин мой,— сказал Грундвиг,— я полагал, что нам

теперь следует идти с осторожностью. Ведь с освещенной стороны нам к дому подходить нельзя.

— Хорошо,— отвечал молодой человек.— Веди нас, как знаешь, добрый мой Грундвиг.

Верный слуга приказал повернуть налево, и вся колонна, стараясь ступать как можно тише, направилась в тот переулок, где у Грундвига и Гуттора было свидание с Фредериком Биорном. Дойдя до дома, розольфцы разместились вдоль стены, стараясь спрятаться как можно лучше, а Грундвиг подошел к тому углу, где был балкон, и подал условленный сигнал, на который сейчас же послышался ответ. Вслед за тем бесшумно отворилась дверь бокового подъезда, и на крыльце показался Фредерик Биорн.

Братья крепко обнялись, и Фредерик тихо сказал на ухо Эдмунду:

— Скорее, скорее... Мне нужно человек двенадцать. Злодеи ничего не подозревают. Через пять минут все дело будет сделано.

— Я иду с тобой.

— Нет, милый Эдмунд, не ходи,— возразил Фредерик.— Если, паче чаяния, они будут защищаться и главному отряду придется войти в дом, то я именно на тебя рассчитываю как на командира.

— Как хочешь, брат, но я пойду. Я желаю делить с тобою опасность. Гуттор и Грундвиг могут командовать не хуже меня.

— Пожалуй,— неохотно согласился Фредерик и вздохнул, видя, что Эдмунда ничем не убедишь.— Однако нам пора, пора... Дверь открыта, кто-нибудь может выйти и увидать.

Он торопливо выбрал десять человек из стоявших ближе, так как на всех розольфцев одинаково можно было положиться. Эдмунд и сам он были одиннадцатым и двенадцатым. Подозвав Гуттора и Грундвига, он сказал им вполголоса:

— Если мы благополучно доберемся до библиотеки, то дело будет сделано и вы нам не понадобитесь. Если же кто-нибудь из слуг поднимет тревогу и нам придется вступить в борьбу, то вы немедленно врывайтесь в дом, не опасаясь наделать шума. Главное — нужно действовать быстро и решительно и покончить все прежде, чем сюда прибегут солдаты с поста, находящегося отсюда на расстоянии ружейного выстрела. Вы поняли меня? При малейшем подозрительном шуме — вперед.

— Поняли, ваша светлость! — шепотом отвечали верные слуги.

— Ну, друзья,— сказал герцог Норрландский, обращаясь к выбранным людям,— с Богом, за мной!

Они скрылись в темной амбразуре подъезда. Гуттор и Грундвиг, стоя по обеим сторонам двери, вытянули шеи, настороженно прислушиваясь, но мягкие ковры, которыми были устланы все полы в доме, совершенно заглушали шаги нападающих.

X

Опять Мак-Грегор.— Измена! — Железные заслоны выломаны Гуттором.— Отчаяние.— Их нет!

Вдруг Гуттору показалось, что небольшая дверка, отворенная внутрь, слегка двигается, как будто кто-то тихо затворяет ее.

Богатырь быстро просунул руку в темное отверстие и нащупал чье-то тело. В одну минуту он схватил его своей сильной рукой и вытащил наружу, несмотря на сопротивление.

То был Мак-Грегор. Спрятавшись в коридоре, верный шотландец пытался запереть дверь, чтобы остальные розольфцы как можно дольше не знали ничего об участи тех, которые вошли в дом с братьями Биорнами. Если б ему это удалось, то розольфцы могли бы подумать, что дверь затворил сам Фредерик, чтобы не привлечь внимания прислуги. Даже и теперь они не придали этому факту большого значения, и никаких особенных подозрений у них не зародилось.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросил богатырь.

— А вам какое дело? — ворчливо отвечал Мак-Грегор.— Проходите своей дорогой и прекратите эти нелепые шутки. С которых это пор честному слуге запрещается запирать дверь дома своего господина, которую оставили открытой по недосмотру? Наверное, это сделал повар... Этакий пьяница! Вечно шатается в неуказанные часы.

— Ты мне кажешься, приятель, не столько честным слугой, сколько самым бессовестным нахалом,— сказал Гуттор, продолжая держать шотландца за шиворот.

— Берегись, ночной бродяга, как бы тебе не влетело за такие слова,— возразил Мак-Грегор.— Ведь я ты знаешь кто? Я доверенный слуга его светлости герцога Эксмута.

— Наплевать мне на всех герцогов Англии! — вскричал гигант, взбешенный тем, что его назвали бродягой.— Я сам служу герцогу Норрландскому, а он независимый владетель.

— Не волнуйся, Гуттор, сдерживай себя,— тихо сказал богатырю Грундвиг.— Ты разве забыл, что нам строго запрещено шуметь? Наконец, этот человек, быть может, и прав.

— А все-таки я его не выпущу, пусть герцог сам решает его участь. Великая штука — слуга злодея Коллингвуда! Эй, вы,— обратился он к двум матросам, стоявшим к нему ближе прочих,— возьмите этого негодяя и стерегите хорошенько, чтобы он не мог вырваться и убежать.

— Не извольте беспокоиться, капитан,— отвечал один из матросов.— Мы по первому требованию представим его вам в самом хорошем виде, если только он будет вести себя благопристойно.

Едва матрос договорил свой шутливый ответ, как раздался металлический лязг — и отверстие двери оказалось вдруг закрытым посредством широкого железного заслона, который едва не приплюснул Гуттора к стене. Богатырь избежал опасности только потому, что в это время несколько подался назад, передавая своего пленника матросам.

На этот раз уж нельзя было сомневаться в том, что дело не чисто.

— Измена! Измена! — закричал Грундвиг.— Бедные наши господа! Их убивают!

Он задохся и поперхнулся. Гуттор заревел, как бешеный зверь.

— Вы мне головой отвечаете за этого человека! — крикнул он матросам.— А вы, прочие, вперед! За мной!

Плечом вперед богатырь ринулся на металлический заслон. Возбуждение, охватившее его при мысли, что Фредерик и Эдмунд подвергаются страшной опасности, во сто крат увеличило его силу. Раздался ужасный треск, и заслон, выбитый из амбразуры, с громом и звоном обрушился внутрь, увлекая в своем падении и того, кто разбил его таким сверхъестественным усилием.

Впрочем, Гуттор сейчас же поднялся на ноги.

— Вперед! Вперед! — ревел он.— Горе тому, кто тронет хотя бы один волосок у них на голове!

Он бросился на лестницу, за ним все остальные розольфцы,

за исключением двух матросов, оставшихся стеречь Мак-Грегора.

На верху лестницы их ожидало новое разочарование: железным заслоном, подобным первому, был загражден коридор, по которому нужно было проходить во внутренние комнаты.

— Ура! Ура! Вперед! — ревел гигант, бешено бросаясь на препятствие.

На этот раз заслон был заключен в деревянных пазах и обрушился легче первого. Гуттор ворвался в коридор, а за ним бросились и его спутники.

Отыскивая дверь, он кричал:

— Огня! Ради Бога, огня!.. Скорее!..

— Да перестань же ты так волноваться! — сказал Грундвиг.— Сейчас дам огня, я захватил с «Олафа» фонарь.

Наступила томительная тишина. Слышно было только, как бьются сердца нескольких десятков человек. Грундвиг высекал трут... Вдруг среди этой тишины откуда-то издалека послышался странный крик:

— Грундвиг! Гуттор!.. Храбрецы мои!.. Помогите!..

Гуттор, с пеной у рта, кусал себе губы. Наконец фонарь зажгли. Богатырь, метавшийся все это время по узкому коридору, точно зверь по клетке, бросился на дубовую дверь, которую увидал в конце коридора. От богатырского напора дверь разом разлетелась вдребезги, и Гуттор очутился в квадратной комнате, имевшей три двери.

Но увы! Эти три двери были опять-таки заставлены железными заслонами.

Не тратя времени на размышление, Гуттор бросился на среднюю дверь, но на этот раз заслон устоял, и гигант тяжело упал на землю.

Его сила тоже имела свой предел, как и все на свете.

Богатырь горько заплакал над своим бессилием.

Итак, его остановило препятствие, которого он не в силах преодолеть, и его господа останутся во власти бандитов, устроивших эту западню!

Все розольфцы стояли в унынии. Они так твердо рассчитывали на Гуттора, что его неудача сразила их.

Нет, этому не бывать! Разве он всю свою силу истощил? Он просто рассчитал плохо — вот и все. Он попробует опять.

Богатырь вскочил на ноги, решившись или добиться цели, или разбиться самому. Заслон приходился между двумя камен-

ными косяками двери, покоившимися на гранитных подставках, выступы которых представляли очень удобную точку опоры. Гуттор уперся ногами в эти подставки, а спиной в железный заслон...

Вся кровь бросилась ему в лицо, и, казалось, вот-вот она хлынет у него из носа. Шея богатыря надулась так, что готова была лопнуть, все мускулы напряглись и как бы закаменели.

Легкие гиганта работали как кузнечные мехи.

Зрители этой потрясающей сцены затаили дыхание, с минуты на минуту ожидая, что гигант надорвется и грохнется об пол. Вдруг послышался легкий треск...

Гуттор собрал все свои силы и приналег еще крепче.

О чудо! Заслон упал, увлекая в своем падении часть стены, которая с грохотом обрушилась на пол.

Единодушное «ура» вырвалось у всех розольфцев. Стоявшие ближе бросились к богатырю и помогли ему подняться. Гуттор чувствовал головокружение, губы его были покрыты пеной с примесью крови.

— Ничего,— сказал он окружающим,— обо мне не заботьтесь... Вперед! Вперед!

Все, теснясь, вбежали в библиотеку и разом вскрикнули от отчаяния.

В глубине комнаты находилась единственная дверь, но и та была заставлена железным заслоном. Между тем Гуттор был совершенно изнурен и не способен на новое усилие.

Вдруг препятствие исчезло с быстротой молнии: заслон вдвинулся в стену.

Произошло это по очень простому случаю: один из матросов подошел к столу и прижал кнопку. Механизм пришел в действие и отодвинул заслон.

В одну минуту розольфцы наводнили все комнаты дома, вслед за тем отовсюду послышались возгласы удивления.

Ни в одной из комнат не было и следа ни герцога, ни его спутников, ни даже их врагов.

Раз двадцать обежали розольфцы все помещения, осматривали стены, исследовали паркет, но ничего не нашли. Заподозрить сообщение с соседним домом не было ни малейшего основания. Эксмут-Гаус выходил фасадом на набережную, а тремя другими сторонами на улицы и переулки.

Грундвиг решил, что под домом есть подземный ход, но отыскать его никто не мог, несмотря на все усилия. Стали спра-

шивать Мак-Грегора, но тот не мог или не пожелал дать никаких указаний.

— Я ничего не знаю,— сказал он.— Я бедный шотландец, нанятый лордом Эксмутом всего лишь два дня тому назад. Делайте со мной что хотите.

Гуттор собирался ни больше ни меньше, как разрушить весь дом до последнего камня, и его насилу убедили, что этого никак нельзя сделать.

Время шло, а между тем розольфцы не уходили. Они все надеялись найти какой-нибудь след, по которому можно будет узнать, куда увезли Фредерика и Эдмунда. Жаль было смотреть на этих храбрых, мужественных моряков, в отчаянии оплакивавших свое совершенное бессилие. Между ними не было ни одного наемника, все они были прирожденные розольфские вассалы, боготворившие семью своих герцогов.

Их ужасала мысль, что бандиты поторопятся убить своих пленников, чтобы навсегда оградить себя от их мести... Как же теперь известить юного Эрика, что у него больше нет братьев? Ведь он их же, то есть вассалов своих, станет упрекать за то, что они не сумели уберечь Фредерика и Эдмунда от гибели.

На Гуттора и Грундвига тяжело было смотреть: они плакали как дети. Возбуждение их прошло и сменилось полнейшим упадком духа.

Несчастный гигант бил себя в грудь, то укоряя себя, зачем послушался Эдмунда и не пошел с ним вместе защищать герцога, то ставя себе в вину медлительность, которую он будто бы проявил при сокрушении препятствий, и через это дал бандитам время сделать свое дело. Грундвиг, несмотря на собственное горе, старался утешить и ободрить друга.

— Нет,— говорил он,— тебе не за что себя упрекать. Ты сделал все, что только мог, для спасения своего господина. Ну же, Гуттор, ободрись. Нельзя так предаваться отчаянию. Ведь ты мужчина. Мы должны прежде всего думать о мести. Как только мы схватим злодеев...

— О! — вскричал Гуттор, глаза которого вспыхнули мрачным огнем.— Если когда-нибудь они попадутся ко мне в руки, то уж не уйдут от меня! Нет такой ужасной пытки, которой я не подвергну их, прежде чем они умрут.

XI

Клочок бумаги.— Мы их найдем! — «Смерть убийце!» — Его надо спасти

Между тем Билль не прекращал поисков, обшаривая все комнаты и в них все углы и закоулки. Вернувшись в библиотеку, он в сотый раз принялся шарить там и, оглядывая стол, покрытый длинной скатертью, концы которой почти лежали на полу, приподнял эту скатерть.

Под столом валялся клочок бумаги, по-видимому, вырванный из записной книжки.

Молодой человек поднял его и невольно вздрогнул: на бумажке было что-то написано. Видно было, что писали второпях: одни буквы были непомерно крупны, другие слишком мелки. Невозможно было разобрать, что такое тут написано. Билля окружили, старались ему помочь, но даже и совместные усилия не привели ни к чему.

Грундвиг, в первое время не обративший внимания на оживленный разговор, вдруг поднял голову и прислушался. Услыхав, в чем дело, он сказал юному капитану:

— Дайте мне сюда бумажку, Билль: я посмотрю.

Молодой человек исполнил желание норрландца.

Как только Грундвиг взглянул на таинственные каракули, им овладело такое волнение, что он не сразу мог заговорить.

— Что такое? Что такое? — спрашивали его со всех сторон.

— Слушайте! Слушайте! — сказал он дрожащим голосом.— Кто-то из наших извещает нас об ожидающей его участи... Записка написана по-норвежски. Писали ее украдкой, держа руку и бумагу в кармане или за пазухой...

— Да в чем дело? Читайте, читайте скорее! — послышались нетерпеливые голоса.

Грундвиг прочитал:

«Не убили, но перевезут на Безымянный остров — навсегда. Одна надежда на вас».

— В конце стоит одна буква,— прибавил Грундвиг,— которая не вяжется ни с одним из предыдущих слов. Должно быть, писавший начал какое-нибудь слово и не успел его дописать.

— Какая буква? — спросил Билль.

— Буква «Э».

— Так это Эдмунд, брат герцога! Это его подпись.

— Господи Боже мой! — вскричал Гуттор.— Если они живы, мы их спасем!

Но сейчас же у него явилось новое соображение, и он прибавил печально:

— Каким же образом, однако, мы найдем этот остров? Ведь он известен одним «Грабителям».

— Да! Да! Мы их спасем! — раздались голоса.

— Безымянный остров!..— бормотал про себя капитан Билль.— Черт возьми! Где я слышал это название? От кого?

Уверенность, что герцог и его брат живы, мало-помалу привела Грундвига и его друзей в более спокойное состояние духа.

Между тем забрезжило туманное, холодное лондонское утро. Норрландцы вынуждены были покинуть Эксмут-Гауз и, чтобы не привлечь к себе внимания, разбились на несколько групп.

Гуттор, Грундвиг и Билль шли втроем по берегам Темзы, углубившись в свои собственные думы. Вдруг они увидали отряд солдат, конвоировавших в Тауэр какого-то человека. За арестованным валила густая толпа народа и кричала:

— Смерть убийце! В воду его!

Солдаты с трудом сдерживали толпу, готовую броситься на несчастного.

— Что такое он сделал? — спросил Билль у одного прохожего.

— Как! Вы разве не знаете? — отвечал прохожий, оказавшийся степенным торговцем из Сити.— Сегодня ночью отряд солдат выдержал жаркую битву с сотней грабителей в трактире «Висельник». Победа осталась за храбрыми солдатами его величества — да сохранит его Господь! Они убили шестьдесят человек бандитов, потеряв тридцать своих. Теперь они ведут в Тауэр атамана «Грабителей», самого отчаянного бандита, известного под кличкой Красноглазый! Прежде чем сдаться в плен, он один убил двадцать солдат. Схватив огромную железную полосу, он крошил ею направо и налево... Дело его ясно.

Три друга пошли тише, желая посмотреть, кого это арестовали под видом Красноглазого, будучи, к сожалению, вполне уверены, что это, во всяком случае, не Надод.

Каково же было их изумление, когда в арестованном они узнали честного Ольдгама! Несчастный клерк шел в кандалах бледный, как мертвец; в одной руке он сжимал свою драгоценную рукопись об Океании, а другой сильно жестикулировал.

Злополучный чудак имел такой комический вид, что Билль

невольно улыбнулся, хотя ему и жаль было эту безобидную овцу, над которой он, бывало, потешался на «Ральфе».

— Когда его будут судить,— сказал молодой человек своим друзьям,— мы непременно должны выступить свидетелями в его пользу и доказать, что он никогда не принадлежал к шайке «Грабителей». Он не способен убить даже мухи, так как по своей близорукости не может разглядеть ее даже тогда, когда она сядет ему на нос.

При всем своем грустном настроении Гуттор и Грундвиг не могли удержаться от улыбки, выслушав это замечание юного капитана.

— Разумеется, Билль,— отвечал Грундвиг,— мы должны постараться спасти его от виселицы. Наша честь требует этого, тем более что без нас он даже защититься как следует не сумеет. Ведь английские присяжные ужасно глупы.

Вдруг Билль остановился и хлопнул себя по лбу, как человек, вдруг решивший задачу, которая долго ему не давалась.

— Что это с вами? — спросил Грундвиг, удивленный поступком юного командира брига «Олаф».

— Со мною то, что я целых два часа старался припомнить, где и от кого я слышал о Безымянном острове, и никак не мог.

— А теперь вдруг припомнили?

— Припомнил.

— Где же и от кого?

— На «Ральфе», от того самого Ольдгама, которого ведут в Тауэр в качестве убийцы и атамана «Грабителей морей».

— О!.. В таком случае, Билль, этого человека нужно спасти во что бы то ни стало.

XII

Донесение солдат.— Волнение лондонцев.— Тесть и зять.— Захария и Фортескью

Следствие, произведенное коронером, было доложено суду Королевской Скамьи и по рассмотрении утверждено надлежащим порядком. Мистер Ольдгам был предан уголовному суду лондонского Сити.

Население британской столицы было страшно раздражено против «злодея». За последнее время в городе особенно часто случались грабежи и убийства, справедливо приписываемые

«Грабителям», а между тем до сих пор еще не удалось поймать ни одного преступника. Немудрено поэтому, что все — и полиция, и публика — чрезвычайно обрадовались, когда один, наконец, попался. О, разумеется, к нему отнесутся без всякой пощады...

Когда Ольдгама арестовали в таверне, начальнику отряда пришла в голову блистательная мысль — объяснить кровавое происшествие в трактире битвой между солдатами и «Грабителями», причем солдаты будто бы остались победителями. В этом смысле был составлен пространный рапорт и подан куда следует. Англичане пришли в восторг. Всюду восхвалялось мужество солдат и офицера, который ими командовал. Составилась в их пользу подписка, доставившая очень солидную сумму, которая и была распределена между чинами действовавшего отряда. Виновность Ольдгама была заранее решена, и его не могло бы спасти даже красноречие самого Демосфена.

Двадцать четыре часа спустя после заключения несчастного клерка в тюрьму ему уже было объявлено, что на следующее утро он должен явиться в суд. Правительство хотело действовать быстро и решительно, чтобы показать «Грабителям» устрашающий пример.

— Ваше дело ясно,— сказал Ольдгаму в виде любезности чиновник, принесший ему повестку о вызове в суд.— Вы хорошо сделаете, если напишете своим родным, потому что послезавтра все уже будет кончено.

Мистер Ольдгам ничего не понимал, так как был убежден, что на суде будет блистательно доказана его невинность. Поэтому он очень высокомерно ответил чиновнику, что «он видал и не такие ужасы, так как прожил много времени у людоедов».

Чиновник был изумлен и побежал доложить начальству, что преступник сам сознается в том, что «пожирал свои жертвы». Если до этой минуты могли быть какие-нибудь сомнения насчет Ольдгама, то теперь они окончательно должны были рассеяться.

Вечером заключенного посетил его тесть, мистер Фортескью. Он вошел важно, скрестив на груди руки, и с самым торжественным видом продекламировал:

— Я тебе предсказывал, Захария, что ты опозоришь обе наши семьи! На твоем челе я всегда видел неизгладимую печать роковой судьбы.

— Клянусь вам, что я здесь просто жертва судебной ошибки,— возразил несчастный клерк.

— Не лги! — строго остановил его почтенный мистер Фортескью.— Я знаю все.

— Если вы знаете все...

— Я читал геройский рапорт храбрых солдат его величества, которые сражались против разбойников, во главе которых был ты. Я даже внес свою лепту при общей подписке в пользу храбрецов, потому что я прежде всего англичанин, а потом уже твой тесть. Ничто из славы отечества мне не может быть чуждо... Впрочем, ты сам, как оказывается, защищался как лев. Я тобой доволен. Это придает некоторое величие твоим преступлениям.

— Но это ужасно!.. Уверяю вас, что ничего подобного не было! Я все время сидел под столом, покуда происходила битва между «Грабителями» и какими-то неизвестными людьми, которых я не мог видеть, так как они находились в самой глубине залы. Что же касается королевских солдат, то они ни с кем не сражались и никого не убили, потому что пришли тогда, когда все уже было кончено.

— Довольно, Захария! Довольно! — перебил с негодованием мистер Фортескью.— Не старайся разрушить эту почтенную легенду, бросающую новый луч славы на наших храбрых солдат. Горе тем народам, которые не умеют хранить своих преданий!

— Но, дорогой мой тесть, вы глубоко ошибаетесь! — протестовал Ольдгам.— Вы ошибаетесь, я должен заметить вам это, несмотря на все свое уважение к вам. Тут нет никакой славы, никакой легенды, никакого предания, тут просто ошибка в личности и в имени, больше ничего.

— Захария, ты относишься ко мне непочтительно.

— Вам просто хочется проповедовать... Это у вас потребность... Вы так любите сами себя слушать...

— Захария!..

— Как! Вы решились заявить мне, что приняли участие в подписке в пользу тех людей, которые арестовали меня под столом... под столом, Фортескью, заметьте это... и которые хотят меня повесить, чтобы самим прослыть героями... Это возмутительно!

— Захария!.. Змея, отогретая мною на груди своей!..

— Убирайтесь вы с вашими змеями, легендами и преданиями, с вашими солдатами и подпиской. Я был глуп, потому что был слишком добр. Но мое терпение лопнуло наконец. Я не могу...

— Негодяй! Неужели ты осмелишься поднять руку на отца твоей жены?

— Нет, я не сделаю этого, но только вы уходите, пожалуйста. Это будет гораздо лучше. Вы сами знаете, что мы и дома-то не можем пробыть вместе двух минут, не вцепившись друг другу в волосы.

— Бедная Бетси!.. Несчастная Бетси!.. Какого отца я выбрал для твоих детей! — произнес Фортескью, трагически воздевая руки к небу. Потом прибавил плаксивым тоном: — Захария, мы не можем так расстаться!

— Ну, теперь за нежности... Сцена примирения... Знаю я все это, раз двадцать испытал... Впрочем, я на вас нисколько не сержусь.

— Захария!

— Фортескью!

— Обними меня, Захария!

— Обними меня, Фортескью!

Тесть и зять обнялись и прижали друг друга к сердцу.

— Завтра я опять приду к тебе утешать тебя и ободрять,— объявил на прощанье мистер Фортескью и величественно удалился из камеры.

XIII

Адвокат Джошуа.— Похищение.— Предупреждение.— Удостоверение личности.— Завязанные глаза

Как только ушел мистер Фортескью, в камеру вошел тюремщик Ольдгама и сообщил узнику, что его спрашивают десять солиситоров, предлагающих свои услуги для защиты его дела на суде.

— Я буду защищаться сам,— отвечал клерк Пеггама, знавший цену английским адвокатам.

— Это не в обычае,— возразил почтенный мистер Торнбулль, как звали тюремщика.— Не хотите ли вы поручить мне переговоры? Это не будет вам стоить ни одного пенса.

— Ну, если так, это другое дело. В таком случае действуйте как хотите.

Десять минут спустя тюремщик привел в камеру какого-то рыжего джентльмена на жердеобразных ногах и с головой, как у

хищной птицы, отрекомендовав его под именем мистера Джошуа Ватерпуффа.

Ольдгам и адвокат просидели вместе часа два. О чем они беседовали — осталось тайной, но после ухода адвоката Ольдгам долго сидел в задумчивости.

В этот день утром мистер Джошуа получил записку, написанную незнакомым ему почерком.

В записке значилось: «Достопочтенный мистер Джошуа Ватерпуфф получит пять тысяч фунтов стерлингов, если ему удастся оправдать тауэрского арестанта или устроить его побег. «Грабители морей».

Когда он выходил из тюрьмы, к нему подошел какой-то нищий и сделал ему знак. Место было людное, и адвокат прошел мимо, как будто ничего не заметил, но сейчас же повернул в глухой переулок, где некому было за ним наблюдать.

Мистер Джошуа был человек продувной. Неизвестные покровители Ольдгама не могли сделать лучшего выбора: это был постоянный адвокат всех столичных мошенников и злодеев, знавший отлично всех служащих в тюрьмах и имевший самые точные сведения о том, кого за сколько можно купить. Он больше чем кто-либо был способен удачно исполнить поручение.

Нищий не замедлил подойти и завязать разговор:

— Не правда ли, какая прекрасная погода, мистер Джошуа? Даже и не по сезону.

— Действительно,— отвечал адвокат.— В Лондоне очень редко выдаются такие чудные дни.

— Не внушает ли вам это некоторого желания прокатиться по Темзе, мистер Джошуа? У меня готова лодка с шестью гребцами... Превосходная лодка... Она может доставить вас, куда вам будет угодно. Например, в Саутварк...

— В Саутварк?.. Да, там очень хорошо... Что же, я готов, благо представляется случай.

— Попробуйте, мистер Джошуа: вы не раскаетесь. Лодка стоит вот здесь, налево около моста Сити.

Нищий пошел вперед, Джошуа Ватерпуфф за ним. Они скоро дошли до того места, где стояла изящная шлюпка, снабженная сзади небольшим тентом. Неизвестный пригласил адвоката войти в нее. Адвокат, усаживаясь, повернулся к нищему на несколько секунд спиной. Велико же было его удивление, когда, вместо нищего, он увидел перед собой молодого, элегантного флотского офицера с капитанскими нашивками. Грязная борода

и растрепанный парик были небрежно брошены на скамью лодки. Не оставалось никакого сомнения, что офицер и нищий были одно и то же лицо.

— Кажется, я имею честь говорить с адвокатом мистером Джошуа Ватерпуффом? — спросил офицер.

— Совершенно верно, сэр.

— Пожалуйста, извините меня за это переодевание и вообще за странный способ знакомиться, но я боялся не узнать вас и вместо вас обратиться к кому-нибудь из служащих при тюрьме. Подобная ошибка могла бы иметь для меня весьма прискорбные последствия.

— Я это понимаю. Одним неосторожным словом можно было все погубить, тогда как прогулка по Темзе...

— Осталась бы прогулкой по Темзе — и только, даже если бы вы оказались не мистером Джошуа Ватерпуффом,— с улыбкою договорил офицер.

— Предположим, что я не мистер Джошуа Ватерпуфф,— сказал, игриво улыбаясь, адвокат.— Что бы вы тогда сделали?

— Я бы выбросил вас в воду, проезжая под мостом,— ответил офицер, улыбаясь не менее игриво.

— Ах, черт возьми! — вскричал адвокат.— Только вы, пожалуйста, не думайте, что ошиблись в моей личности: ошибки никакой нет.

— Но ведь я еще не сообщил ничего такого, чем бы вы могли злоупотребить,— возразил офицер.— Следовательно, вы ничем не рискуете... За весла, ребята! — прибавил он, командуя гребцам.

«С этими людьми шутки плохи,— подумал Джошуа.— Вот никак не думал, что среди грабителей есть офицеры флота».

Погоняемая шестью парами весел, лодка быстро скользила по Темзе.

Офицер сел на скамейку рядом с адвокатом.

— Я вижу, мистер Джошуа, что вы человек не робкого десятка,— сказал он.— Запугать вас нелегко.

— Гм!.. Как вам сказать! В некоторых случаях, напротив, я бываю очень впечатлителен.

— В каких же это, например?

— Да вот, например, как теперь, когда я не знаю, куда меня везут.

— Понимаю, к чему вы клоните, мистер Джошуа, но при

всей своей готовности сделать вам приятное, совершенно не могу удовлетворить ваше желание.

— Ах, Бог мой, да я вовсе и не желаю ничего. Вы просили меня привести вам пример, я и привел его — вот и все. Я уж вовсе не такой нетерпеливый человек и умею ждать, когда нужно. Не все ли равно узнать то, что интересует — через полчаса или через час.

— И в этом вы опять-таки ошибаетесь, мистер Джошуа,— возразил офицер.— Вы ни через час, ни через полчаса не узнаете, куда вас везет эта лодка.

— Вот как! — произнес рыжий адвокат, начиная удивляться.— Стало быть, вы везете меня не в Саутварк?

— Извините, сэр, именно в Саутварк.

— В таком случае я уж ровно ничего не понимаю,— заявил Джошуа, тревожно взглядывая на собеседника.

— Очень мне жаль расстраивать ваши нервы, но все-таки я должен вас предупредить, что вы никогда не узнаете, куда я вас привезу.

Адвокат вскочил на ноги и, махая руками, вскричал:

— Но это низость!.. Это похищение!.. Это западня!.. Извольте меня сейчас же высадить на берег, иначе я начну против вас дело о незаконном лишении свободы.

— Помолчите, мистер Джошуа, если вы не желаете, чтобы я размозжил вам голову,— сказал молодой человек, грозя адвокату пистолетом.

Почтенный солиситор питал к огнестрельному оружию такой страх, что сейчас же успокоился и опять уселся на скамью.

— Так-то лучше, господин адвокат. Это называется быть благоразумным. Да, по правде сказать, вам и волноваться не из-за чего. Можно, кажется, потерпеть немножко ради пяти тысяч фунтов стерлингов. Теперь я вас могу предупредить, что вам придется подчиниться еще одной небольшой формальности: вам завяжут глаза, так как мы подъезжаем...

— Завязывайте, сэр,— отвечал несчастный адвокат, побледнев как мертвец.— Завязывайте, я всему покоряюсь.

— Подумайте, господин адвокат,— ласково сказал офицер,— ведь если мы намереваемся заплатить вам пять тысяч фунтов стерлингов, то, значит, мы нуждаемся в ваших услугах и не имеем никакой причины делать вам зло. Можете поэтому быть совершенно спокойны.

С этими словами офицер достал из кармана фуляровый платок и завязал им глаза адвокату, не оказавшему ни малейшего сопротивления.

Лодка по-прежнему быстро плыла, держась середины реки, чтобы не наткнуться на корабли, стоявшие близ берегов.

— Ну, мы скоро приедем,— продолжал офицер.— Я не злоупотреблю вашим терпением, господин адвокат: через пять минут повязка будет с вас снята.

Приподняв немного занавеску тента, офицер скомандовал гребцам:

— Легче! Легче! Не ударьтесь о борт!

Адвокат был сильно заинтересован, но уже не боялся. Он чувствовал, что лодка плывет уже не на веслах, а по инерции и что, следовательно, она близка от цели.

— Тише, тише! — говорил молодой человек.— Причаливай!..

Почувствовался легкий толчок. Лодка остановилась.

Куда это она приехала?

Джошуа был уверен, что она дальше Саутварка не проехала, но где именно она остановилась?

Новый приказ, отданный капитаном, ясно показал адвокату, что она причалила не к берегу, а к какому-то кораблю.

— Эриксон,— сказал капитан,— бросьте нам веревку.

— Есть, капитан!

— Привяжите покрепче это кресло.

— Есть, капитан!

«Очевидно, они не хотят, чтобы я видел их корабль,— подумал Джошуа,— и поднимают меня на борт со всеми почестями, на которые имеет право слепой».

Догадка его оправдалась. Молодой человек сказал ему:

— Не угодно ли вам, сэр, взять меня под руку?

— С удовольствием,— отвечал солиситор, окончательно успокоившись.

Его посадили на приготовленное кресло и подняли на палубу, куда уже успел вбежать по трапу капитан. Молодой человек снова взял адвоката под руку и повел его куда-то. Через несколько минут мистер Джошуа почувствовал у себя под ногами мягкий ковер. Дверь за ним затворилась, и повязка слетела с его глаз как бы по волшебству.

XIV

Пять миллионов за труды.— Снисходительный тюремщик.— Размышления Билля.— Сколько за секрет? — Письмо «Грабителей»

Джошуа оглянулся кругом и был положительно ослеплен необычайной роскошью обстановки, в которой он находился.

Он увидел себя в большом салоне, в котором, казалось, собраны были богатства всех пяти частей света: кашемирские ковры, китайские и японские вазы, саксонский и севрский фарфор, венецианские зеркала в рамах превосходнейшей слоновой кости, разноцветный богемский хрусталь, гобелены, лионский бархат, русская кожа, живопись лучших мастеров,— все это придавало комнате сказочную роскошь.

В салоне, кроме адвоката и молодого человека, который его привез, сидели за большим, заваленным книгами и картами столом два наших старых знакомца — Грундвиг и Гуттор. Молодой человек стоял перед адвокатом. Это был тоже наш старинный приятель — Билль, капитан «Олафа».

— Джентльмены,— сказал этот последний,— имею честь представить вам достопочтенного Джошуа Ватерпуффа, одного из знаменитейших лондонских адвокатов, с которым вы желали познакомиться.

Гуттор и Грундвиг молча поклонились.

— Мистер Джошуа,— продолжал Билль,— позвольте представить вам двух моих лучших друзей, имена же их разрешите оставить пока в тайне.

Адвокат кивнул головой в знак согласия и церемонно поклонился.

— Теперь мы вам сообщим цель визита, который мы вас, так сказать, принудили сделать к нам,— продолжал Билль, предлагая адвокату стул.

— Совсем лишнее было принуждать меня,— с улыбкой возразил адвокат,— потому что, получив сегодня утром ваше письмо, я с удовольствием готов был следовать за вами всюду и подчиниться всевозможным предосторожностям, которые вам угодно было бы принять для своей безопасности.

При этом упоминании о письме, полученном поутру, три розольфца переглянулись с нескрываемым удивлением. К счастью, внимание Джошуа было отвлечено созерцанием чудес, наполнявших комнату, так что он не заметил этого взгляда.

Этим воспользовался Билль, чтобы знаком напомнить своим друзьям об осторожности.

О каком же это письме говорил адвокат? Не зная содержания письма, невозможно было продолжать разговора, иначе легко было попасть впросак. Что письмо было важное, это бросалось в глаза уже по одному тому, какое значение придавал ему сам Джошуа.

Все эти мысли разом пришли в голову троим розольфцам.

Гуттор и Грундвиг со времени пропажи герцога Норрландского и его брата уступили первое место капитану Биллю и признали его начальником экспедиции, несмотря на его крайнюю молодость. Они понимали, что молодость — это такой недостаток, от которого люди исправляются с каждым днем, а в данном случае вдобавок он уравновешивался умственным превосходством молодого офицера. Впрочем, и Билль, с своей стороны, дал слово ничего важного не предпринимать без согласия своих старших друзей, у которых было преимущество опыта.

— Ваши связи с Норрландской фамилией,— сказал он им,— вменяют мне в обязанность смотреть на вас, как на представителей герцога и его брата. Поэтому, принимая от вас звание начальника, я буду в своих действиях руководиться общими указаниями, которые мы вместе будем вырабатывать.

Таким образом, в том затруднительном положении, в которое их поставило сообщение Джошуа о полученном письме, Гуттор и Грундвиг предоставили действовать Биллю. Им не пришлось в этом раскаяться: молодой человек вывернулся замечательно ловко.

— Это верно,— ответил он адвокату,— но я должен вам напомнить, что я знал вас только понаслышке и потому, прежде чем вступить с вами в откровенный разговор, естественно желал удостовериться в вашей личности. Ведь я мог вместо вас наткнуться на кого-нибудь из служащих при тюрьме!.. Ах, да так ведь оно и есть! — вдруг вскрикнул он, ударив себя по лбу.— Послушайте, сэр, ведь, в сущности, вы ничем не доказали, что вы то самое лицо, которое нам нужно?

— За этим остановки не будет,— отвечал адвокат.— Вот вам письмо, полученное мною.

Он вынул письмо и бросил его на стол.

Подавляя внутреннее волнение, Билль взял записку, быстро прочитал ее и подал товарищам, сказав при этом, чтобы отвлечь всякое подозрение:

— Прочитайте, пожалуйста. Я и забыл сообщить вам в подробности содержание письма, которое посылал господину адвокату.

— Очень хорошо,— сказали Гуттор и Грундвиг, подражая невозмутимому хладнокровию своего младшего товарища.

— В таком случае приступим к делу,— продолжал Билль.— Мы теперь можем быть уверены, что перед нами действительно адвокат Джошуа Ватерпуфф, поэтому незачем терять время на лишние разговоры... Можете ли вы завтра на суде оправдать несчастного Ольдгама? Доклад патруля — чистейшая выдумка от первого до последнего слова. Мы сами были в трактире «Висельник» и можем засвидетельствовать, что во время боя он сидел под столом ни жив ни мертв.

— Я это знаю,— отвечал солиситор,— я с ним беседовал сегодня целых два часа и вынес убеждение, что он человек совершенно безобидный, хотя в высшей степени смешной. Во всякое другое время его процесс окончился бы взрывом всеобщего смеха, но теперь все у нас крайне возбуждены; выдумке патруля верят безусловно; наконец, если дело кончится ничем, то уж слишком много лиц очутятся в комическом положении. Поэтому на оправдание нет ни малейшей надежды. Ольдгам осужден заранее и бесповоротно. Из суда он выйдет прямо на эшафот.

Три друга вздрогнули.

— Понимает ли он свое положение?

— До сегодняшнего утра он ничего не сознавал, но я ему разъяснил, и он стал плакать, как ребенок. Впрочем, мне удалось его успокоить, убедив его, что за него заступятся могущественные друзья.

— Теперь, господин адвокат, я вам предложу второй вопрос. Можете ли вы устроить его побег и передать его с рук на руки одному из наших людей, который будет ждать его в лодке там, где вы прикажете?

— И да, и нет. Я уж буду говорить откровенно... С самого утра я не переставал обдумывать способ, как спасти вашего товарища, и пришел к выводу, что спасти его можно, если в мое распоряжение будет предоставлена достаточная сумма денег. В противном случае ничего нельзя сделать.

— Мы вам предложили пять тысяч фунтов стерлингов, считая эту цифру вполне приличным гонораром за защиту на суде, но денежный вопрос затруднить нас не может. Мы хотим во что бы то ни стало спасти Ольдгама и за деньгами не постоим.

— В таком случае его побег почти обеспечен,— отвечал Джошуа.

— Какую же сумму вы считаете необходимой для этой цели?

— Позвольте вам заметить, что это дело произведет громадный шум на всю Англию. Полиция перевернет небо и землю, чтобы открыть виновников побега, да открыть их будет и не трудно: первым делом схватятся за смотрителя мистера Торнбулля, который отопрет для узника дверь тюрьмы, и за адвоката Джошуа, который подкупит смотрителя. Оба они могут быть уверены, что их по головке не погладят, потому что состоялось специальное распоряжение — если кто-нибудь из «Грабителей» убежит из тюрьмы, повесить вместо него тех, кто устроит его побег. После этого вы, конечно, поймете, что мне и Торнбуллю придется бежать за границу, а для того, чтобы жить там прилично, нужны деньги.

— Потрудитесь же назначить, сколько именно.

— Для смотрителя, я полагаю, понадобится не менее ста тысяч франков, потому что, согласитесь, ведь он рискует и местом, и жизнью.

— Хорошо, мы согласны. А вам сколько потребуется?

— Я один из самых известных лондонских адвокатов. Определите сами, сколько я могу стоить.

— Нет уж, определяйте, пожалуйста, вы сами. У нас для этого нет никаких данных.

— Я зарабатываю около полутораста тысяч франков в год. Кроме того, в этом деле я тоже рискую жизнью. Следовательно, миллион франков не будет слишком дорогой ценой...

— Мы согласны,— сказал опять Билль, переглянувшись с товарищами.

Могли ли они скупиться, когда от спасения Ольдгама зависела судьба их господ? Если бы Джошуа запросил не один миллион, а два, то они все равно согласились бы. Но он не знал, какая причина побуждает их быть щедрыми, и крайне удивился той легкости, с какой они сорили деньгами.

— Это еще не все,— продолжал, подумав с минуту, солиситор.— Вы должны будете дать нам убежище на своем корабле и перевезти нас во Францию.

— С удовольствием исполним ваше желание.

— Прежде чем уйти отсюда и приступить к делу, позвольте мне спросить вас еще об одной вещи.

— Сколько угодно.

— Не можете ли вы дать мне в помощники самого сильного

матроса с вашего корабля? Он будет очень полезен для исполнения того плана, который я составил.

— Извольте, с удовольствием,— отвечал Гуттор и кинул товарищам взгляд, означавший: «Матросом буду я».

С минуту Билль сидел молча. Он обдумывал какой-то смелый план, насчет которого ему очень хотелось посоветоваться с друзьями, но так как это было теперь невозможно, то молодому человеку оставалось или отказаться от своей мысли, или действовать одному на свой страх. В конце концов, он избрал последнее, тем более что Гуттору и Грундвигу представлялась возможность высказать свое мнение во время разговора, который должен был затем последовать.

— Мистер Джошуа,— сказал он адвокату,— если бы вам представился случай честно заработать еще четыре или пять миллионов и прибавить их к тому, который мы уже обязались вам выплатить, согласились бы вы воспользоваться этим случаем?

— Я был бы безумцем, если бы поступил иначе. Уж, разумеется, представься мне подобный случай, я бы сейчас же схватил его за волосы.

Гуттор и Грундвиг поглядели на капитана с таким выражением, как будто испугались, уж не сошел ли он с ума.

— Прекрасно, мистер Джошуа. Я хочу вам предложить дело, которое может принести вам именно такую сумму, но прежде чем сообщить вам все подробности, я должен задать вам несколько вопросов, на которые попрошу вас отвечать с полной откровенностью.

— Даю вам слово быть откровенным.

— Примите во внимание, что самая суть дела зависит от ваших ответов. Скажите пожалуйста — ведь вы, если не ошибаюсь, специалист по части судебной защиты лиц, по разным неблагоприятным обстоятельствам попадающих на скамью подсудимых?

— Зачем такие околичности? Скажем попросту: я присяжный адвокат всех воров, мошенников, разбойников и убийц, обреченных на виселицу... Видите, я нисколько не стесняюсь!

— Очень вам благодарен. Итак, я продолжаю. Случалось ли вам защищать кого-нибудь из членов общества «Грабителей»?

— Никогда никого!.. Ведь вы действуете... то есть эти джентльмены действуют такой дружной силой, что правосудие никак не может с ними справиться. Если и случалось властям иной раз поймать кого-нибудь из «Грабителей», то из этого все

равно ничего не выходило, и суд постоянно оправдывал подсудимых за недостатком улик... Несколько мелких дел, впрочем, было, и вел их почти всегда я.

— Но откуда же вы знаете, что вашими клиентами были члены преступного товарищества?

— Потому что гонорар за ведение этих дел был мне выплачен разом через одного человека, которого я имею основание считать за одного из главарей товарищества.

— Как этого человека зовут?

— Не могу вам сказать.

— Отчего?

— Это моя адвокатская тайна.

— Сколько вы за нее желаете?

— Я ее ни в коем случае не продам, а вам в особенности, потому что вы сами принадлежите к товариществу. Вдруг вы действуете из мести — что тогда? Быть может, вам поручено произвести дознание о действиях этого человека.

— Вы ошибаетесь,— возразил Билль, делая решительный ход.— Пеггам ничего во вред товариществу не делал, и советы, которые вы ему давали, приносили нам только пользу.

— Ну, вот видите!.. Я знал, что вам все известно. Вы хотели меня просто испытать, не способен ли я, выйдя от вас, донести обо всем атторней-генералу.

Билль несколько минут молчал.

Он узнал, что ему хотелось.

Джошуа был знаком с Пеггамом, который, конечно, не замедлит к нему прийти, чтобы посоветоваться насчет Ольдгама. Это вносило страшную путаницу во все дела. Как теперь быть?.. Молодой человек положительно не знал, на что ему решиться.

Как найти выход из подобного затруднения?

XV

Ловко придуманная засада.— Отношение Джошуа к руководителю «Грабителей».— Чек на миллион франков с лишком.— Выдумка Билля.— Адвокат воров.— Печальные предчувствия Грундвига

И вдруг в уме Билля составился необыкновенно коварный план.

Молодой офицер задумал — ни много ни мало — похитить

Пеггама из квартиры солиситора, употребив для этой цели Гуттора. Бандит, разумеется, отправится к адвокату один, потому что он вообще не любит действовать при свидетелях. Наверное, он пойдет к нему в сумерки, чтобы не попасться на глаза розольфским лазутчикам... Богатырь Гуттор именно такой человек, какой нужен для подобного дела...

Все это очень быстро промелькнуло в голове Билля, но все-таки, покуда он размышлял, разговор на время прекратился. Адвокат не почувствовал никаких подозрений, но тем не менее нашел, что пауза длится слишком долго, и сказал с улыбкой:

— Вы мне не отвечаете... Сознайтесь, что вам хотелось испытать меня, потому что, если б я передал вам то, что мне говорил Пеггам, полагаясь на мою адвокатскую честность, вы вправе были бы заключить, что и относительно вас могу поступить точно так же. Вы можете сознаться в этом, не опасаясь оскорбить меня: адвокат обязан все выслушивать, не обижаясь. Да, наконец, у вас есть то оправдание, что вы меня не знали. Теперь же вы можете быть уверены, что солиситор Джошуа Ватерпуфф считает священной всякую доверенную ему тайну и что ни малейшей из них он никому не выдаст ни за какие миллионы. В этом честь нашей профессии, которая в противном случае не приносила бы никакой пользы, так как наши клиенты нередко вверяют нам не только все свое состояние, но и свое доброе имя.

Эти слова принесли Биллю двоякую пользу: во-первых, помогли ему выбраться из затруднения после того, как он предложил адвокату миллионы, а во-вторых, показали ему, что он едва не сделал огромной ошибки, так как Джошуа, очевидно, не согласился бы изменить основному принципу адвокатуры даже для спасения Норрландской фамилии.

Это был очень странный принцип, но все-таки принцип. С другой стороны, Биллю нечего было сожалеть о том, что попытка сделана, так как в противном случае у солиситора не явилось бы повода признаться в знакомстве с Пеггамом. Неловкость, сделанная Биллем, ему же самому помогла придумать очень искусный и легко исполнимый план.

— Да,— продолжал солиситор, сам себя подогревая громкими фразами о своей профессии,— секреты злодеев мы обязаны хранить так же свято, как и тайны честных людей. В противном случае мы, вместо того чтобы защищать своих клиентов, только губили бы их.

Билль не замедлил воспользоваться лазейкой, которую ему указал сам Джошуа.

— Ну, да,— сказал он не без некоторого колебания, так как ему было противно лгать,— я действительно хотел вас немного испытать, потому что вы для нас были... Впрочем, не будем об этом говорить. Я вижу, что вы человек безусловно честный, и в доказательство своего доверия к вам мы сейчас дадим вам чек на миллион сто тысяч франков, которые вам немедленно выплатит банкирская контора братьев Беринг. Это, как вам, конечно, известно, лучший банкирский дом в Сити.

Адвокат наклонил голову и улыбнулся, давая этим знать, что ему очень приятно получить гонорар вперед, после чего заботливо спрятал в бумажник драгоценный чек, подписанный и поданный ему молодым офицером.

— Если нам будет удача,— продолжал Билль, думая о втором своем плане,— то сумма эта будет удвоена, мистер Джошуа.

Грундвиг и Гуттор совершенно не понимали, что значит такая неуместная щедрость. Вообще, слова и поступки их молодого друга удивляли их до бесконечности, и обоим розольфцам хотелось поскорее остаться с ним наедине, чтобы поговорить основательно.

Им не пришлось долго ждать. Капитан «Олафа» встал и знаком пригласил их следовать за собою.

— Извините, мистер Джошуа, если мы оставим вас одного минут на пять,— сказал он адвокату.— Мы пойдем и выберем матроса в помощь к вам, как вы просили. Обещайте нам, что вы не будете открывать окон в каюте, желая узнать, где вы находитесь.

— Даю вам слово.

Три друга вышли из каюты и стали шепотом совещаться.

В нескольких словах молодой человек сообщил розольфцам свой смелый план, исполнение которого намеревался поручить Гуттору. Два человека, говорил он, могут навести адвоката на подозрение, и, кроме того, они будут друг друга стеснять. Тут нужен был человек сильный и ловкий. Весь план основывался на предполагаемом посещении адвоката Пеггамом. Гуттор должен был похитить нотариуса и доставить его на борт «Олафа». Как это сделать — невозможно было сказать заранее; оставалось довериться опытности и благоразумию розольфского богатыря.

— Вот почему я и пообещал Джошуа удвоить его гонорар,— сказал в заключение Билль.— Плен Пеггама для нас просто не-

оценим, а если это нам удастся, то адвокат, хотя и бессознательно, будет причиной нашего успеха.

Два друга в восторге пожали руку молодому офицеру, отдавая полную справедливость его сообразительности и ясности ума.

— Пусть только Пеггам явится к адвокату,— сказал Гуттор,— уж ему от меня не уйти.

Исполнение плана отдавалось в хорошие руки. Гуттор был не только силен, но и сообразителен.

Пять минут не успело пройти, как три друга уже вернулись в салон.

— Любезный мистер Джошуа,— сказал Билль адвокату,— мы долго искали вам подходящего матроса, но не нашли. Ведь вам нужен человек не только сильный, но и толковый, а наши матросы хороши на море, на суше же неповоротливы и робки, если не выпьют водки; выпив же водки, они начинают бить стекла, что, конечно, для вас нисколько не подходит. Поэтому наш друг Гуттор решился оказать нам услугу и идти с вами.

— Как вы это хорошо придумали! — вскричал адвокат.— Я только не решался высказать свою мысль, но уже давно, как только увидал богатырский рост вашего товарища, сидел и думал: «Вот бы кому следовало поручить похищение Ольдгама из тюрьмы».

— Стало быть, вы довольны?

— Вполне доволен.

— Когда же вы думаете отправиться?

— Хоть сейчас, если вы ничего не имеете против. Лодка, которая нас отвезет, должна остаться около моста Сити и ждать там нашего возвращения. Может быть, мы вернемся поздно ночью...

— Это ничего не значит. Распоряжение уже сделано. Наконец, с вами будет Гуттор, следовательно, со стороны матросов нечего опасаться какого-либо недосмотра... Кстати, вот что еще: быть может, к вам придет Пеггам поговорить об Ольдгаме. Пожалуйста, не говорите ему ничего о нас; пусть он думает, что вы спасаете пленника исключительно по его просьбе. Если он пожелает еще прибавить вам сотенку тысяч — принимайте, не возражая... Наше общество разделено на две группы: на сухопутную, где руководителем Пеггам, и на морскую; между обеими группами существует некоторое соперничество, а нам не хочется раздражать Пеггама. Мы им очень дорожим и не желаем, чтобы он знал о нашем вмешательстве.

— Понимаю,— сказал адвокат,— и сделаю, как вы желаете.

Со стороны Билля это был очень ловкий прием. Теперь можно было рассчитывать, что Пеггам ничего не узнает, какой бы оборот ни приняло дело.

До сих пор обстоятельства складывались для трех друзей чрезвычайно благоприятно.

Действительно, как только явилась надобность спасти Ольдгама, Билль вспомнил о Джошуа Ватерпуффе, который пользовался большой известностью как самый лучший адвокат лондонских темных дельцов. Молодой человек отправился к нему на квартиру, но там ему сказали, что адвокат пошел в тюрьму. Тогда Билль переоделся нищим и отправился к Тауэру. Близ этой тюрьмы он встретил одного из тех оборванцев, которыми кишат лондонские площади, и вступил с ним в разговоры. Оборванец принял Билля за своего собрата и сообщил ему много интересных подробностей о Джошуа Ватерпуффе. Читателю уже известно, как молодой человек заговорил с адвокатом и как увез его к себе на корабль.

До сих пор все шло как по маслу. Три друга были почти уверены в успехе и без страха дожидались событий. Наконец-то для них мелькнул луч радости после многих тяжких дней глубокой скорби, пережитых ими за последнее время.

Тень смерти уже несколько лет носилась над старинным родом Норрландских герцогов, отрывая ветку за веткой с могучего дерева... Оставшись один в каюте, бедный Грундвиг опустил голову на руки и задумался о неисповедимости судеб Божьих. Он помнил тысячелетний дуб Биорнов во всей его силе и красе, а теперь... Где ты, неустрашимый Сигурд, видевший конец одного века, весь другой век и начало третьего? Всю жизнь ты прожил как Биорн и умер как Биорн же — верхом на коне, с оружием в руках... Где ты, Олаф, кулаком убивавший медведя и во время пиров хохотавший так, что дрожали своды громадной залы старинного феодального замка? Где вы — Брюс, Хаккин, Роланд и Оттон, четыре сына Олафа, которых называли рыцарями Севера?.. Все, все они умерли во цвете лет... И где теперь сыновья Оттона, Гаральд и Магнус, где прелестная герцогиня, супруга Гаральда, которая промелькнула как небесное видение, украшенное всеми добродетелями? Где ее дочь Леонора, которую называли Снежной девой?.. Она погибла в волнах; она лежит на дне моря... Где юный красавец Олаф, бесстрашный моряк? Он убит вместе с отцом в Сигурдовой башне... Да, все это знал старый верный Грундвиг, и все это он помнит...

Возвратятся ли когда-нибудь счастливые дни? Как знать! Фредерик и Эдмунд — в руках своих злейших врагов. Юный Эрик одиноко бродит по пустынным залам прадедовского замка. Муж Елены Биорн изгнан из отечества, и она блуждает с ним вместе, не зная, куда приклонить голову... Через кого же расцветет вновь старое дерево?

Мало было надежды в сердце старого розольфца. Он горько плакал, понимая, что даже если теперь все окончится благополучно, то Эдмунд и Фредерик все-таки не успокоятся... Они дали клятву отыскать Магнуса Биорна и непременно погонятся за безумной мечтой.

— Горе, горе нам! — шептал старик.— Все они погибнут, все до единого! Старый дуб не зазеленеет вновь!..

XVI

Приготовления к похищению Ольдгама.— Кабинет адвоката Джошуа Ватерпуффа.— Ожидание.— Смелый поступок

Между тем лодка, увозившая Гуттора и адвоката, благополучно доехала до Лондонского моста. Приказав старшему матросу стоять тут и дожидаться их, Гуттор и его товарищ торопливо направились в Сити.

Все прохожие оглядывались на богатырский рост норрландца. Случайно он встретился с проезжавшим мимо верхом на лошади конногвардейцем и оказался выше того на целую голову. Собралась толпа и начала хлопать в ладоши. Адвокату это не понравилось.

— Идите скорее,— сказал он своему спутнику.— Нам не следует обращать на себя так много внимания.

К счастью, адвокат жил очень недалеко от Тауэра, где ему приходилось бывать по делам почти каждый день, поэтому он и Грундвиг скоро избавились от назойливого любопытства публики.

Джошуа провел Гуттора в небольшую комнату рядом с кабинетом, в которую посторонняя публика не допускалась.

— Вот где вы будете сидеть,— сказал адвокат,— покуда я буду подготовлять побег вашего протеже. Вооружитесь терпением, потому что раньше ночи нам ничего нельзя будет предпринять: ваш рост слишком уж бросается в глаза. Если вы услышите звонок — не тревожьтесь. Посетителей впускает мой

секретарь, он уж знает, куда их провести. До встречи,— попрощался Джошуа, выходя из комнаты.

Гуттор остался один.

— Скажите всем, кто будет меня спрашивать, что я сегодня очень занят и никого не принимаю,— донесся до него из кабинета голос Джошуа, в котором слышался оттенок нетерпения.

— Как? Даже Пеггама? — переспросил секретарь.— Но ведь он сегодня должен зайти по известному вам делу.

— Пеггама можете пригласить в кабинет и посидеть с ним,— отвечал Джошуа, смягчая голос.— Попросите его подождать... Кстати, любезный Перси, на нынешний день я уж вас попрошу обуздать свое обычное любопытство и не заглядывать в соседнюю комнату: там у меня гость, он очень устал с дороги и отдыхает. Не беспокойте его ни под каким предлогом.

— Слушаю, сэр,— отвечал клерк.— Ваше желание будет исполнено.

Затем Гуттор услыхал шум удаляющихся шагов.

Радость богатыря, когда он узнал, что к адвокату придет Пеггам, была неописуемая. Он был уверен, что овладеет бандитом. Правда, в квартире оставался клерк, но что значит один человек для Гуттора? Как только появится Пеггам, силач сейчас свяжет его, заткнет ему рот, завернет в ковер и отнесет в лодку, где спрячет под двойной палубой... Если же адвокат вернется раньше, чем его ожидают, и вместе с клерком попытается воспрепятствовать Гуттору, то богатырь сумеет справиться с ними обоими. Вообще Гуттор не признавал никаких препятствий.

Похищение Пеггама было спасением Фредерика Биорна и его брата. Горе тем, кто осмелится мешать в этом Гуттору! Спасение Ольдгама являлось теперь делом второстепенным. Узнать, где находится Безымянный остров, было далеко не так важно, как овладеть атаманом всего товарищества «Грабителей»...

Но когда прошел первый момент возбуждения, Гуттор взглянул на все это дело гораздо трезвее. Он сам понял, что столь спешно выработанный им план в сущности никуда не годится и что богатыря ожидает самая плачевная неудача.

Улица Оксфорд-стрит, где находилась квартира Джошуа, была очень людным местом, одним из самых людных во всем Сити. Достаточно было адвокату или его клерку крикнуть из окна, чтобы сейчас же к ним на помощь сбежалась толпа, которая во всяком случае оказалась бы сильнее Гуттора, несмотря на всю его богатырскую силу. Таким образом, норрландцу

приходилось отказаться от своего смелого замысла. Поручение товарищей оказывалось неисполнимым: похищение Пеггама не могло состояться в присутствии Джошуа и его секретаря.

Что же теперь делать?

Не попробовать ли подкупить адвоката?

Об этом нечего было думать после откровенного разговора давеча утром, когда Джошуа так обстоятельно изложил свой взгляд на сущность адвокатской практики.

С другой стороны — может быть, это была одна рисовка с целью увеличить себе цену? Может быть, адвокат не устоит, если ему набавить еще один миллион? Да, но если вдруг устоит? Ведь все дело будет испорчено, когда Гуттор выскажется перед ним откровенно, а в ответ получит решительный отказ...

Несчастный Гуттор испытывал настоящее мучение. Он уже рассчитывал, что вот-вот сейчас освободит обоих Биорнов — и вдруг все его надежды разлетелись прахом. На беду, ему и посоветоваться было не с кем.

Неужели ему придется слушать голос Пеггама, знать, что бандит тут, за стенкой,— и ничего, решительно ничего не предпринять? Нет, это немыслимо, это свыше его сил. Он не вытерпит, он сделает что-нибудь.

Время шло быстро, а несчастный Гуттор все еще ничего не мог придумать.

Машинально встал он со стула, на котором сидел, и подошел к дверям кабинета. Ему безотчетно хотелось взглянуть, что за человек секретарь мистера Ватерпуффа, чтобы потом решить, стоит ли вступать с ним в разговор. После минутного колебания он отворил дверь, за которой оказалась опущенная толстая портьера; обе половины портьеры соединялись неплотно, так что между ними была щель. Сквозь эту щель Гуттор увидал, что клерк поспешно прячет какой-то лист бумаги, на котором он что-то писал. Услыхав шум, произведенный Гуттором, клерк подумал, что вернулся его патрон, но потом, не слыша больше ничего, так как богатырь остановился и притих, он снова принялся за свою работу. Это был мужчина лет сорока, с первого взгляда — тип канцелярского чиновника, вроде Ольдгама, только одною ступенью повыше, что и немудрено, так как Ольдгам был клерком провинциальным, а этот столичным. Что-то холодно-хищное и злобное светилось в его кошачьих глазах с зеленым отливом, а рот с огромными выдающимися челюстями

кривился в отвратительную улыбку... Но странно: в спокойном состоянии лицо клерка ничего не выражало, кроме беспечности и простоты, так что Джошуа, знавший мистера Перси только под этою маской, часто говаривал про него:

— О, что касается Перси, то ему, бедненькому, пороха не выдумать.

XVII

Жизнеописание Перси.— Предложение Пеггама.— Важное разоблачение.— Способы, на которые рассчитывал Перси.— Похищение Пеггама

Но в этом почтенный солиситор глубоко заблуждался.

Перси был вовсе не такой простак, каким он его считал. Джошуа даже и не догадывался, что его клерк был правой рукой Пеггама, который и нашел ему это место, желая иметь своего человека при адвокате, которому поручались все служебные дела «Грабителей». Пеггам очень любил Перси и не имел от него никаких тайн. Вообще замечено, что самые закоренелые злодеи не могут обходиться без того, чтобы не иметь хоть кого-нибудь своим поверенным. Они чувствуют настоятельную потребность делиться с кем-нибудь своими злодеяниями, быть может, для того, чтобы хотя некоторую долю нравственной ответственности сложить на другого. Перси исполнял в Лондоне должность начальника тайной полиции «Грабителей». Его обязанностью было следить за действиями полиции законной и немедленно доносить Пеггаму обо всех мерах, какие принимались против преступного товарищества. После всякого нового преступления высшая администрация рассылала строгие циркуляры; начинались обыски и выслеживания, и в конце концов кто-нибудь из «Грабителей» непременно бы попадался, если бы Перси, в качестве клерка Джошуа, имевший доступ во все канцелярии, вовремя не узнавал обо всех секретных распоряжениях и не давал о них знать кому следует. Таким образом, Перси оказывался главной причиной той безнаказанности, которою пользовалась злодейская шайка.

Равным образом, когда кто-нибудь из «Грабителей» попадался в незначительном проступке, как, например, в буйстве, драке или пьянстве, и его сажали в тюрьму, то тот же самый Перси хлопотал об его скорейшем освобождении, боясь, чтобы от слишком продолжительного пребывания в тюрьме узник не

почувствовал прилива откровенности и не проболтался как-нибудь товарищам по заключению.

Отношения между Пеггамом и Перси были какие-то странные. Пеггам любил Перси настолько, насколько был способен кого-нибудь любить, и смотрел на него как на сына. Перси, наоборот, не питал к нотариусу ни малейшей привязанности и смотрел на него исключительно как на человека, через которого он получает свою выгоду. Правда, Перси десять лет служил товариществу верой и правдой, не жалея ни времени, ни сил, но в то же время он постоянно думал о той минуте, когда ему выплатят хороший куш и когда он распростится со всей шайкой. Пеггам обещал заплатить клерку по истечении десяти лет сто тысяч фунтов стерлингов за труды. Эти десять лет прошли, и Перси потребовал от Пеггама условленную сумму. Но старый хитрец понимал, что, как только эта сумма будет выплачена, Перси сейчас же бросит службу, между тем чичестерскому нотариусу не хотелось лишиться друга и сотрудника, которого никем уже нельзя было заменить. Поэтому руководитель «Грабителей» на все просьбы клерка отмалчивался или увиливал, рассчитывая протянуть время и заключить с Перси новый контракт по крайней мере еще лет на пять.

Но Перси стоял на своем и не шел ни на какие сделки.

— Вы сами эту сумму мне обещали,— говорил он,— и не можете утверждать, что она слишком велика. За десять лет своей службы я провернул более пятидесяти дел, которые принесли вам неисчислимые выгоды. Уже одно последнее дело, именно операция с адмиралом Коллингвудом, доставило вам половину того, что я с вас требую. Можно даже сказать, что за последнее дело вы два раза получили гонорар, так как я же опять-таки вас предупредил о том, что Надод собирается бежать с вашими деньгами в Америку.

— Я не о цифре говорю,— сказал Пеггам,— мне только жаль с тобою расстаться. Ты мне раздираешь сердце, Перси... Ведь я всегда любил тебя как сына...

— Уговор дороже денег,— холодно возразил клерк.— Вы дали обязательство и должны его исполнить... Что же касается до того, что я будто бы раздираю вам сердце, то это, позвольте вам сказать, одни глупости. Как я могу раздирать то, чего у вас нет? Когда вас после смерти выпотрошат, то в груди у вас, вместо сердца, окажется мешок с деньгами... Но довольно об этих пустяках. Десять лет прошло. Я свою обязанность исполнил, исполняй же и ты свое, старик. Выкладывай деньги.

Грубый тон Перси нисколько не оскорбил Пеггама, который взглянул на это, как на детский каприз. Клерк, очевидно, вымещал на нотариусе свое подчиненное положение у Джошуа и частые выговоры, которые не скупился ему делать почтенный солиситор. Перси ни за что не стал бы служить у Джошуа, если бы не та громадная выгода, которую извлекали из этой службы «Грабители».

— Ну, послушай, мой милый,— отвечал Пеггам,— подожди еще пять лет. Это уж будет последний срок, и тогда я выплачу тебе двойную сумму.

— Нет, нет, старик, нельзя!.. Уж ты и не проси лучше. Мне хочется, наконец, пожить как следует, попользоваться жизнью. Года мои уходят, я не могу дольше ждать. Все, что я могу для тебя сделать...

— А именно? — спросил старик, глаза которого блеснули радостью и лицо озарилось довольной улыбкой.

— Это — подождать двадцать четыре часа.

Улыбка негодяя заменилась выражением глубокой печали. Перси был единственным человеком, которого Пеггам любил, думая, что и тот ему платит взаимностью. Каково же было ему теперь убедиться, что этой взаимности нет и никогда не было.

— Ты все шутишь,— сказал он.

— Нисколько не шучу. Я уже веду переговоры о покупке одного большого барского имения в графстве Варвик. Предварительное условие уже подписано, и не позднее четырех часов завтрашнего дня я должен иметь в своих руках сто тысяч фунтов стерлингов, в противном случае...

Клерк не договорил, но сделал угрожающий жест.

— Договаривай,— сказал нотариус.— Ты решился меня убить, не так ли?

— Нет, я до тебя пальцем не дотронусь, потому что вовсе не желаю за это попасть в руки палача. Но знай, что если завтра я не получу от тебя денег, то вынужден буду прибегнуть к различным способам для того, чтобы добыть их в другом месте.

— Могу узнать, какой это способ?

— Не способ, а способы. Их целых два. Какие они — я тебе не скажу. Это не твое дело.

С этими словами Перси и Пеггам расстались.

Разговор происходил накануне того дня, когда Гуттор отправился к адвокату на квартиру. Пеггам должен был прийти опять

для решительного свидания с Перси. До его прихода оставалось полчаса.

Внимательно рассмотрев клерка через щелку портьеры, Гуттор пришел к заключению, что этого человека легко будет купить деньгами, и машинально поднес руку к боковому карману, где у него лежала книжка чеков. Собственно говоря, это не были чеки в том смысле, как мы их теперь понимаем. До теперешних чеков, подписываемых обладателем чековой книжки, тогда еще не додумались. Старинные чеки были просто векселя или квитанции на предъявителя, каждый стоимостью в известную, заранее обозначенную в нем сумму.

Гуттор решился войти в кабинет и заговорить с клерком, но вдруг по всему дому прозвучал громкий и резкий звонок.

«Вдруг это Пеггам!» — подумал с ужасом богатырь.

— Здравствуй, Перси,— сказал вошедший голосом, дребезжащим, как надтреснутый звонок.

— Здравствуй, Пеггам,— отозвался клерк.— Ты пришел раньше, чем обещал.

Гуттор почувствовал дрожь... Увы! Это действительно был Пеггам.

— Боже, просвети меня! Боже, наставь меня, укажи, что мне делать! — прошептал богатырь, сердце которого так и колотилось в груди.— Имею ли право убивать человека, неповинного в злодействах, совершенных Пеггамом? Имею ли я право сделать это, чтобы овладеть злодеем?

Войти в комнату, схватить Пеггама и ударом кулака уложить клерка было бы для Гуттора самым легким делом. В эту решительную минуту он ясно представил себе Фредерика и Эдмунда Биорнов закованными в цепи — и рванулся было в кабинет.

Но вдруг богатырь услыхал странные слова, поразившие его слух и взволновавшие душу. Он остановился и прислушался.

Пеггам нетерпеливым тоном возражал клерку на какие-то сказанные тем слова:

— Ах, ты все о своем!.. Мне, право, некогда сегодня толковать об этом... И что ты беспокоишься? В конце концов мы всегда с тобой сговоримся...

Участь клерка была решена: Гуттор убедился, что он сообщник Пеггама, и уже хотел окончательно войти в кабинет, как вдруг до ушей его долетел ответ Перси.

— Напрасно ты, Пеггам, издеваешься надо мной,— говорил

клерк.— Смотри, не пришлось бы тебе раскаяться. Взгляни на эти часы. В четыре часа пять минут, если ты не заплатишь мне ста тысяч фунтов, будет уже поздно.

— Есть мне когда заниматься этим, как же! Как будто у меня только и дела, что ты да счеты с тобой!.. Ты, стало быть, не знаешь, что полиция арестовала моего клерка Ольдгама, без которого я совершенно не могу обойтись в Чичестере?

— Ну что ж такое? Джошуа устроит его побег. Не ты ли сам писал сегодня об этом солиситору? Но это меня нисколько не касается. Я хочу покончить с тобой, а чтобы ты не говорил, что я поступаю предательски, потрудись узнать, какими способами я надеюсь добыть нужную мне сумму. Первый способ состоит в следующем: совет ольдерменов и лордмер обещали пятьдесят тысяч фунтов тому, кто выдаст властям руководителя «Грабителей», хотя бы доносчик и сам был соучастником преступного товарищества. Суперинтендант полиции обещал двадцать пять тысяч, а разные лондонские корпорации еще тридцать тысяч в общей сложности. Таким образом я могу получить даже больше того, что мне нужно, на целых пять тысяч.

Пеггам бросился в кресло, откинулся на спинку его и громко захохотал:

— Ох, уморил!.. Так ты собрался на меня доносить?.. Нет, я в жизни своей не слыхал ничего смешнее... Ох, батюшки!..

Он разом прекратил хохот, сухо и нервно встал, нахмурил брови и взглянул на Перси тем грозным взглядом, который так властно действовал на всех «Грабителей».

— Дурак! Жалкий дурак! — произнес он голосом, дрожавшим от гнева.— Ты забываешь, что я держу в своих руках честь нескольких десятков знатных фамилий Англии и что, как только ты рот раскроешь, на тебя наденут смирительную рубашку и посадят в Бедлам, где ты сгниешь. Ну, мой милый, какой же твой второй способ? — продолжал Пеггам, меняя грозный тон на иронический.— Интересно узнать. Если он так же остроумен, как и первый, то это делает честь твоему уму, твоей изобретательности.

Легко себе представить, с каким жгучим интересом слушал Гуттор беседу двух негодяев.

Перси позеленел. Лицо его приняло такое свирепое выражение, что всякий, кроме Пеггама, мог бы прийти в ужас...

— Ты молчишь, дружочек? — продолжал иронизировать чичестерский нотариус.— Ну, так, стало быть, я и разговор

закончу. Вот мое последнее слово: ты будешь служить нам еще пять лет и получишь обещанную тебе плату, после чего можешь уходить на все четыре стороны. И знай, что ничто в мире не заставит меня переменить это решение.

— Берегись, Пеггам! — вскричал шипящим голосом Перси.— Берегись, не доводи меня до крайности! Выслушай меня в свою очередь: между твоими врагами есть такие, которым стоит только шепнуть словечко... Например, я могу сказать лорду Винчестеру: «Хотите отомстить убийцам вашего отца, зарезанного в постели?..» Или леди Лонгсдэль: «Хотите отомстить за смерть вашего мужа, отца ваших детей, погибшего в ужасных муках?.. Дайте мне сто тысяч фунтов — и я вам выдам убийцу».

— Это все? — спросил Пеггам, иронически посмеиваясь.

— Нет, негодяй, не все, потому что есть люди, которые с удовольствием заплатят и еще дороже!

Перси, сильно жестикулируя, встал между дверью и своим собеседником.

— Что же это? Ты где встал? — спросил Пеггам.— Уж не собираешься ли ты загородить мне выход?

— Неужели ты думаешь, старый злодей,— продолжал, не слушая, Перси,— неужели ты думаешь, что если я явлюсь к Эрику Биорну и скажу ему: «Хотите отомстить за смерть вашей сестры Леоноры и ее детей, утопленных в море? Хотите освободить своих братьев из плена? Дайте мне двести тысяч соверенов, и я выдам вам виновника этих злодейств...»

Перси не договорил.

— Принимаю! — раздался вдруг за портьерой громкий зычный голос.

Портьера раздвинулась, и в дверях появился Гуттор, сверкая взглядом и внушая невольный трепет своей могучей фигурой.

Из груди Пеггама вырвался хриплый крик ярости. Негодяй хотел бежать, но богатырь схватил его за горло и, обращаясь к Перси, который сам стоял ни жив ни мертв, сказал ему:

— Я вам даю двести тысяч фунтов стерлингов, сколько вы просили... Этот человек мой?

— Ваш,— пролепетал почти бессознательно Перси.

— Негодяй! — взревел Пеггам.— Ты мне дорого за это заплатишь!

Больше ему не дали произнести ни слова. Гуттор заткнул ему рот, завернул его в ковер и побежал вон из комнаты.

В дверях он обернулся и торопливо сказал клерку, растерянно стоявшему посреди кабинета:

— Нужно торопиться... Через полчаса я вернусь и заплачу вам условленную сумму.

Смеркалось. Время дня было самое благоприятное для похищения. Гуттор в несколько прыжков добежал до лодки, открыл люк, снял с пленника ковер и сунул Пеггама под палубу. Заперев затем люк на ключ, богатырь спокойно вернулся в квартиру Джошуа, который еще не возвращался.

XVIII

Освобождение Ольдгама.— Размен пленных.— Ну, смотри же, Фредерик Биорн! — Блэкфрайярское подземелье.— Казнь предателя.— Чудесное избавление.— Карта острова

Богатырь застал Перси погруженным в задумчивость. Несчастный клерк, получив плату за свою измену, не обнаружил ни малейшего восторга. Страх заглушал в нем ту радость, которую он почувствовал бы при других условиях.

Во время кратковременной отлучки Гуттора он успел сообразить, что Пеггам в тот же вечер освободит своих пленников в обмен на собственную свою свободу и вместе с тем жестоко отомстит своему предателю. Он не был даже уверен в том, что ему придется провести ночь у себя в постели. Пеггам, конечно, знает, что контора братьев Бер[illegible]инг уже заперта, и, разумеется, примет меры, чтобы Перси не получил на другой день оттуда двести тысяч соверенов по чеку, выданному Гуттором, и не уехал из Англии.

— За себя вы отомстили,— сказал он богатырю,— но меня погубили.

— Это как? — удивился Гуттор.

— Ведь вы, разумеется, хлопотали ради того, чтоб освободить герцога Норрландского и его брата?

— Ну, конечно.

— Разве вы не знаете, что вам удастся достигнуть своей цели лишь ценою освобождения Пеггама?

— Отлично знаю.

— Стало быть, я прав, называя себя погибшим человеком. Как только злодей будет освобожден, он первым делом примется за меня, и уже, конечно, мне от него не спрятаться.

— В таком случае бегите... Уезжайте сейчас же из Лондона, только не во Францию через Дувр, а в Голландию через Шотландию. В Нидерландах любой банкир разменяет вам наш чек.

— Благодарю вас, вы подали мне отличную мысль. У меня просто голова закружилась... Если мне удастся спастись, то этим я вам буду обязан... Хорошо. Я уеду сейчас же, как только вернется мой патрон.

Между тем ночь стемнела, и Джошуа не заставил себя ждать.

Адвокату не стоило ни малейшего труда подкупить тюремщика. Пять тысяч фунтов стерлингов сделали свое дело. Мистер Торнбулль объявил, что он закроет глаза и ни во что не будет вмешиваться. Друзьям Ольдгама оставалось только придумать средство вызволить его из тюрьмы.

Джошуа был необыкновенно изобретателен. Он сейчас же купил большую плетеную корзину, в которую наложил всевозможных съестных припасов и лакомств. Гуттор должен был с этой корзиной отправиться в Тауэр и сказать, что он принес узнику обед. Тюремщик впустит его, а на обратном пути богатырь унесет в этой же корзине похищенного Ольдгама.

Все так и устроилось. Гуттор, явившись в камеру Ольдгама, вынул из корзины принесенные яства. Только что узник собрался было их отведать, богатырь деликатно обхватил его поперек талии, сунул в корзину и пошел с нею вон из тюрьмы. Благополучно пройдя в воротах мимо самого смотрителя, разговаривавшего там с несколькими чиновниками, он быстрыми шагами направился к своей лодке, которая затем быстро доплыла до брига «Олаф».

Нечего и говорить о том, с каким восторгом встретили своего друга Грундвиг и Билль.

На исходе одиннадцати часов ночи через Саутварк, вдоль набережной Темзы, двигался отряд в полсотни человек. Дойдя до сходни № 38б он остановился, и в темноте прозвучал громкий голос, гулко прокатившийся над водой:

— Эй!.. Бриг «Олаф»!.. Эй!..

— Кто идет? — отозвались с корабля.

— Биорн и Норрланд! — отвечал прежний голос тем самым тоном, каким, бывало, сподвижники Роллона и Сигурда, в пылу сражения, бросали на воздух этот военный клич.

От брига отделилась лодка. В темноте послышался равномерный плеск весел.

— Причаливай! — раздался несколько дрогнувший голос Билля.

Спустя несколько секунд Грундвиг, Гуттор и молодой капитан покрывали поцелуями и слезами руки Фредерика и Эдмунда.

— Обнимите нас, верные, храбрые друзья! — вскричали братья Биорны. И в течение нескольких долгих минут пятеро мужчин нежно обнимались и целовались.

В нескольких шагах, на берегу, стоял человек и, скрестив на груди руки, молча наблюдал эту трогательную сцену.

Это был Пеггам, получивший свободу одновременно с Биорнами и их сподвижниками.

Когда лодка снова отъехала от берега, возвращаясь к кораблю, с берега вслед ей раздался голос:

— Ну, смотри же, Фредерик Биорн!.. Теперь между нами война не на живот, а на смерть!

Герцог презрительно промолчал, но Гуттор вспыхнул, вскочил на ноги и крикнул с лодки своим могучим голосом:

— Принимаем твой вызов, Пеггам! Да, это верно, между нами война не на живот, а на смерть! Мы до тех пор не успокоимся, покуда не разрушим до основания твой притон, а тебя самого не отдадим на съедение хищным птицам!..

Два дня спустя после этих событий, в подземелье одного дома в Блэкфрайярсе, происходила ужасная сцена.

В этом доме останавливался Пеггам, когда приезжал в Лондон.

В этот день бандит пригласил к себе четыреста или пятьсот человек «Грабителей» для суда и казни над изменником.

Перед тем во все концы Англии были разосланы шпионы для поимки Перси. Несчастного клерка отыскали в Глазго в одной гостинице ночью, во время сна, схватили его и привезли в Лондон.

Тщетно он пытался спасти свою жизнь, унижаясь перед своим бывшим другом: нотариуса не могли смягчить никакие мольбы. Прежняя любовь Пеггама к Перси превратилась в неумолимую ненависть. Над изменником был произнесен грозный приговор и тут же исполнен. Несчастному вырвали язык посредством раскаленных добела щипцов, потом зарыли его живого в землю по самые плечи и оставили в таком виде в вонючем сыром подземелье, имевшем сообщение с клоаками Сити.

Несмотря на полученное жестокое увечье, несчастный с упорством цеплялся за свою жалкую жизнь.

Он думал о тех миллионах, которых добивался всю жизнь и которые он перед отъездом спрятал в безопасное место у одного лондонского банкира. Он получил много золота, получил возможность роскошно пожить — и вдруг в эту самую минуту ему грозит смерть!.. Нет, он не хочет умирать и не умрет. Для чего же и воля дана человеку, как не на то, чтобы преодолевать все препятствия? Разве сама судьба не на стороне Перси? Ведь тот разбойник, которому было поручено вырвать у него язык, ограничился лишь тем, что оторвал щипцами один кончик, так что кровотечение было не слишком сильно и рана уже успела засохнуть и затянуться... Нет, он не умрет! Разве можно умереть, имея в кармане пять миллионов франков? Он не только не умрет, он даже отомстит... О, как сладко будет для него мщение, когда он выберется из этого подвала!

Несчастный Перси пришел в такое возбуждение, что даже перестал чувствовать боль.

Падая в яму, в которую его бросили, он инстинктивно прижал руки к груди и только теперь понял, какую услугу оказал ему инстинкт. Если б он держал руки вдоль тела, они были бы у него не свободны после того, как разбойники яму засыпали землей и утрамбовали,— следовательно, в этом случае он не смог бы выбраться. Действуя руками, он (хотя движения его были крайне стеснены) все-таки понемногу разрыхлял землю около себя... О, если ему удастся высвободить руки, он будет спасен! Только бы ему это удалось!

Поддерживаемый такой надеждой, он, насколько мог, продолжал шевелить локтями, чувствуя при этом, что земля вокруг него несколько подается... Так прошло около часа, может быть, и больше.

Вдруг Перси услыхал вдали смутный негромкий гул, словно где-то что-то катилось. Это его обеспокоило. Гул приближался и становился слышнее... Несчастный прислушался и догадался, в чем дело. От страха у него волосы стали дыбом, на лбу выступил холодный пот...

Близко-близко послышались тонкий писк и топот маленьких ног, как будто мчался отряд лилипутской кавалерии.

То были крысы подземных клоак Сити, наводнявшие подземелье, в котором находился Перси.

Они собрались и начали бегать вокруг головы несчастного, не смея подойти близко к такому необыкновенному, странному для них предмету. Но мало-помалу крысы подбегали все ближе и ближе; те, что посмелее, даже стали обнюхивать голову

Перси; несчастный временами чувствовал, как к его щекам прикасается их мягкая шкурка. Вместе с тем от стаи грызунов распространялся отвратительный специфический запах.

Ужас, отвращение, страх быть съеденным заживо удесятерили силы несчастного. Он сделал плечами и руками отчаянное нечеловеческое усилие... В темноте сверкали тысячи маленьких точек — крысиных глаз, слышалось щелканье острых зубов... Перси еще больше напряг свои силы. Глаза его вышли из орбит, виски стучали от страшного прилива крови... О, ужас! Одна из крыс схватила его зубами за ухо...

Но в это самое время насыпанная земля подалась и с шумом посыпалась, освободив грудь и руки несчастного Перси. Испуганные крысы разбежались...

Перси вытянул вперед руки, стараясь нащупать какой-нибудь камень, при помощи которого можно бы было скорее докончить начатую работу. О, радость! Под руку ему попалась небольшая лопата; брошенная одним из тех, которые наполняли яму землей. Дело пошло тогда быстро. Вскоре он был уже на ногах и, вооружившись лопатой, медленно всходил по каменной лестнице, которая вела из подземелья на нижний этаж.

Лицо Перси было искажено злобой и ненавистью. Если бы бандит ночевал дома, месть клерка настигла бы его тут же немедленно. Однако Пеггама не было не только в доме, но даже и в Лондоне: он отлучился куда-то по важному делу.

Обежав босиком весь дом, Перси убедился, что там нет ни души. Тогда он рискнул зажечь лампу и, несмотря на страшную боль в ране, принялся подробно осматривать обстановку дома.

Во всех комнатах заметен был страшнейший беспорядок. Видно было, что обитатели поспешно собрали и уложили все вещи и куда-то исчезли. В доме оставалась только мебель.

«Он уехал куда-то, и, должно быть, надолго,— решил Перси.— Как знать, вернется ли он сюда?»

Он направился к стене гостиной, где однажды, в отсутствие Пеггама, сам устроил потайную нишу. Открыв эту нишу, он достал оттуда сверток пергамента, на котором была сделана надпись: «Морская карта Безымянного острова».

— Вот орудие моей мести,— сказал он с кровожадной улыбкой.

Ни разу, даже в пору самой тесной дружбы между ними, Пеггам не согласился показать своему помощнику этот важный документ, без которого нельзя было отыскать в тумане Ледови-

того океана таинственное убежище, основанное чичестерским нотариусом для «Грабителей». Однажды Перси, приехав к Пеггаму по делам в Чичестер, сидел с ним в его кабинете и беседовал. Вдруг нотариус вышел на несколько минут в соседнюю комнату, оставив клерка одного. Перси воспользовался этим и похитил портфель, в котором находилась одна из карт, начерченных для руководства капитанам, принадлежащим товариществу кораблей. Пеггам, если б узнал, ни за что бы не простил ему этого воровства, поэтому Перси спрятал карту в такое место, где ее никто не мог найти.

Для чего Перси сделал это? Неужели у него тогда явилось предчувствие, что карта Безымянного острова впоследствии пригодится ему?

Пеггам дорожил тайной своего острова даже более, чем своими миллионами. Безымянный остров представлял одно из удивительнейших чудес мира. Ни один мореплаватель ни разу еще не подходил к нему и не мог подойти: сама природа, путем удивительного феномена, позаботилась скрыть остров от нескромных глаз. Пеггам говаривал в минуты откровенности:

— Мне бы следовало назвать этот остров не Безымянным, а Невидимым.

Однажды Перси выразил удивление, каким это образом может существовать невидимый остров среди открытого моря. Старик отвечал ему:

— А разве звезды не бывают невидимы днем? Я знаю, что ты мне скажешь: звезд днем не видно потому, что их свет тонет в более ярком и сильном свете солнца, но ничего подобного не может случиться с частицей земли среди океана. Но ведь я и не говорю, что это именно так; я делаю только сравнение, я указываю на то, что в природе некоторые тела могут быть невидимы по причине того или другого феномена.

Перси возразил:

— Все это прекрасно, но ваше сравнение не выдерживает критики: то — небо и звезды, а то — море и остров... Это вещи разные.

Старик разгорячился:

— Глупый ты юноша, больше ничего. Я вовсе не сравниваю свой остров со звездою, небо с морем и отнюдь не утверждаю, что остров невидим по тем же причинам, по каким бывают невидимы звезды. Нет, разумеется, тут причины другие, но результат одинаковый. Тысячи кораблей проходят мимо моего остро-

ва, и ни один еще не заметил его. Все, напротив, с ужасом бегут подальше от тех вод, и только разве безумец или самоубийца, идущий на добровольную смерть, рискнет пуститься в опасные водовороты, которые там клокочут...

В этот день Перси искренно подумал, что старик выживает из ума. Но впоследствии, поговорив с капитанами, которые давали ему таинственно уклончивые ответы, он убедился, что невидимый остров действительно существует и представляет среди туманов Севера какое-то волшебное убежище, охраняемое гениями бурь, описанными в сочинениях поэтов, воспевших эдд и валькирий.

Тогда-то Перси и похитил у Пеггама карту острова, замыслив воспользоваться ею при первом удобном случае. До сих пор это смутное намерение оставалось одним намерением и дальше не шло, но теперь у клерка явилась жажда мести, и эта карта могла оказать ему содействие.

Он задумал, во-первых, разрушить невидимый притон бандитов, а во-вторых, отомстить Пеггаму за свое увечье таким же точно истязанием и точно так же бросить его в Блэкфрайярское подземелье на съедение крысам. Но для успеха задуманного предприятия нужно было заручиться содействием кого-нибудь из тех, кто уже бывал на Безымянном острове хотя бы один только раз. Тогда можно было явиться к герцогу Норрландскому и сказать ему:

— Соединим наши силы и нашу ненависть для мести общему врагу. Я доставлю вам возможность проникнуть в убежище подлеца Пеггама, чего бы вы никогда не достигли без моей помощи...

Нужный человек имелся у Перси под рукою, в лице мистера Боба, который служил прежде в товариществе «Грабителей» капитаном корабля, но был лишен этого звания за беспросыпное пьянство, получив в вознаграждение трактир «Висельник»... Только вот вопрос — согласится ли он?

Это было сомнительно, но не безнадежно.

Перси стоял на первом этаже дома и обдумывал все эти вопросы.

Вдруг стукнула входная дверь, выходившая на улицу.

То возвращался Пеггам. Осторожный старик, собиравшийся уехать из Англии на шести кораблях с шестьюстами бандитами, вдруг почувствовал какую-то странную тревогу и поспешно вернулся домой узнать, умер ли Перси.

Узнав походку нотариуса, Перси дико засмеялся, он находился в состоянии бешеного лихорадочного бреда.

«Ад или небо посылает его сюда? — подумал он.— Во всяком случае это очень кстати».

Он с удовольствием посмотрел на свои огромные мускулистые руки с костлявыми пальцами, похожими на крючья...

Затем, не погасив даже лампы, стоявшей на камине, бывший клерк адвоката Джошуа спрятался в маленькой уборной, оставив дверь туда отворенной настежь.

XIX

Удивление Пеггама.— Кто тут? Выходи! — Ужас нотариуса.— Появление Перси.— Борьба не на жизнь, а на смерть

Пеггам, еще входя по лестнице, увидал в доме свет и чрезвычайно удивился.

«Неужели я забыл погасить лампу? — подумал он. — Нет, я помню, что погасил ее перед тем, как уйти... Впрочем, я, быть может, и ошибаюсь, потому что дверь заперта на ключ. Я сам ее запер, и, очевидно, ее никто после меня не отпирал. Наконец, в доме все тихо, ни малейшего шороха не слыхать... Как странно на меня действует эта тишина, а между тем что же в ней удивительного, если в доме никого нет и быть не может? Неужели я начинаю бояться? Но чего же?.. Ах, какое ребячество!»

Он стоял на лестнице и не входил.

Что побудило его сойти с корабля и вернуться в свой уединенный дом?

Быть может, этому жестокому человеку хотелось полюбоваться на череп своего врага, обглоданный крысами?

Быть может, ему хотелось послушать его предсмертные стоны?

В таком случае для чего же он в нерешимости остановился и не поднимается по лестнице? Неужели у него явилось предчувствие чего-нибудь дурного?

Он все стоял и, не двигаясь, прислушивался к тишине, которая казалась ему томительною.

Однако нельзя же было так оставаться. Нужно было идти или туда или сюда. Самому Пеггаму показался, наконец, смешным этот беспричинный страх, и он крикнул громким, но слегка дрогнувшим голосом:

— Эй!.. Кто тут? Выходи!

Ответа, разумеется, не было.

Нотариус решительными шагами взошел по лестнице. Войдя в гостиную, он в изумлении остановился, увидав открытую нишу, которую Перси позабыл закрыть.

«Кто-то здесь был! — подумал он.— Об этой нише я до сих пор и понятия не имел. Очевидно, сюда приходил кто-нибудь из моих домашних, потому что посторонний человек не стал бы тут прятать ничего».

Он возвысил голос, стараясь сделать его твердым, несмотря на свое внутреннее волнение, и сказал:

— Пусть тот, кто спрятался здесь в доме, немедленно покажется мне на глаза. Только с этим условием я прощу ему его дерзкую выходку. Прятаться от меня все равно бесполезно. Я обыщу весь дом, и тогда спрятавшийся пусть уж пеняет на себя самого: я поступлю с ним как с вором, забравшимся ночью в чужое жилище.

Несмотря на эту угрозу, в доме по-прежнему все было тихо.

Пеггам почувствовал настоящий ужас, тем более что и сам не мог объяснить себе его причину.

Его нервы, обыкновенно такие крепкие, совершенно отказались теперь повиноваться его воле. Он тщетно боролся с охватившим его страхом и не мог его побороть. Обыкновенно он был так бесстрашен, а теперь боялся... Чего же? Зажженной лампы?

В другое время он даже внимания не обратил бы на такие пустяки. Уже один тот факт, что дверь осталась запертой, успокоил бы его на этот счет совершенно. Он преспокойно решил бы, что сам забыл погасить лампу, и не стал бы терять времени на бесполезные рассуждения с самим собою и с голыми стенами.

Но у бандита было чутье. Он инстинктивно чуял беду, хотя разум отказывался объяснить, в чем она заключается. Ему чудилось что-то особенное в этой глубокой тишине; ему казалось, что она как бы предостерегает его: «Берегись! Он близко».

Кто же этот он? Он — это олицетворение всевозможных опасностей... Однако не мог же Пеггам целый век стоять перед открытой нишей, ничего не предпринимая. Если в доме кто-нибудь есть, надобно отыскать его и узнать, что он там делает.

Пеггам направился к уборной. Эта комната была так мала, что обыскать ее было всего легче.

Если бы кто-нибудь видел, какими робкими шагами крался нотариус Пеггам, тот ни за что не поверил бы, что этот человек наводит трепет на Англию и на всю приморскую Европу.

Он просунул голову в дверь и, не входя, заглянул в комнату.

Но этого было достаточно.

Волосы у него на голове встали дыбом, глаза остановились... Страшный крик вырвался из его груди.

Перед ним стоял Перси, с искривленным ртом, с растрепанными волосами, с горящими глазами. Перед ним стоял так жестоко изувеченный им человек...

Пеггам инстинктивно попятился. Перси пошел на него, вытянув вперед свои сильные костлявые руки.

Каждый раз, как нотариус делал шаг назад, Перси делал шаг вперед, не торопясь и будучи уверен в своем мщении.

Таким образом они дошли до дверей. Атаман «Грабителей» рассчитывал убежать, но для этого ему пришлось бы повернуться спиной к своему врагу. Перси, разумеется, этим воспользуется... Поэтому Пеггам миновал дверь, по-прежнему пятясь задом. Перси следовал за ним, временами открывая рот, чем как бы приглашал нотариуса полюбоваться на дело рук своих. При этом он щелкал зубами, как голодный зверь, увидавший добычу.

На этот раз Пеггам имел полное основание бояться: перед ним был не человек, а какое-то существо, позабывшее обо всем, кроме своей ненависти и жажды мести.

Если бы атаман «Грабителей» совершенно поддался чувству страха и пустился бежать, он непременно бы погиб. Но он сообразил, что его противник ослабел от потери крови и что он, Пеггам, наверное, с ним сладит.

В этом он, впрочем, ошибался, не зная, что кровотечение у Перси было не так сильно и что лихорадочное возбуждение придавало клерку еще больше физической силы.

Пеггам остановился. Он прислонился к стене, решившись принять борьбу.

Дорого дал бы он в эту минуту за то, чтоб иметь хоть какое-нибудь оружие... Но, к сожалению, он никогда не носил с собой даже ножа, так как привык руководить другими и не действовать сам.

Видя, что его противник принимает бой, Перси радостно сверкнул глазами и с хриплым криком бросился на Пеггама, чтобы схватить его, но тот ловко увернулся, и Перси едва не упал, потеряв равновесие. С ловкостью и проворством, которых

трудно было ожидать в его возрасте, Пеггам схватил своего противника за волосы и повалил его на землю. В один миг бросился он на сраженного клерка, наступив ему коленом на грудь, и вскричал:

— Что, приятель? Видишь ты теперь, что Пеггам еще достаточно силен, чтобы постоять за себя?

Странное дело: лицо Перси не выражало ни малейшего испуга. Глаза его по-прежнему сверкали ненавистью. Он лежал спокойно и нисколько не сопротивлялся Пеггаму.

Нотариус ошибочно понял эту неподвижность врага и самоуверенно продолжал:

— Ну, я вижу теперь, что ты человек рассудительный и понимаешь бесполезность дальнейшей борьбы. Хорошо. Со своей стороны я тоже докажу тебе, что я вовсе не так зол, как ты, вероятно, думаешь.

Старый бандит был так напуган, что у него явилась не свойственная ему склонность к милосердию. Кроме того, у него мелькнула в голове одна новая мысль, побуждавшая его идти с Перси на мировую.

— Ты видишь,— продолжал он,— что мне ничего не стоит тебя задушить, как собаку...

До этого времени Пеггам держал Перси за обе руки. Теперь он выпустил его руки, чтобы схватить противника за горло...

Сейчас же ему пришлось раскаяться в этом, но уже поздно.

Длинные цепкие руки Перси быстро схватили нотариуса за волосы... Пеггам только и успел сделать то же самое со своим противником.

Держа друг друга за волосы, сражающиеся перевели дух. Впрочем, можно было с уверенностью сказать, что победа достанется сильнейшему — то есть Перси.

Пеггам это понял и затрепетал. Он даже не мог надеяться на чью-нибудь помощь. На корабле не знали, куда он ушел, и, кроме того, он сам же строго запретил своим подчиненным отлучаться.

— А! — сказал он своему противнику.— Ты со мной поступил предательски. Ты воспользовался моим великодушием. Мне бы следовало остерегаться тебя... Ну, хорошо. Допустим, что ты пока сравнял наши шансы, но знай, что через десять минут сюда явятся мои люди (в этом хитрый старик безбожно лгал), и тогда тебе будет плохо. Выслушай же меня. Я сознаю свою вину перед тобой: я слишком погорячился, но ведь и ты поступил со мной

гнусно, выдав меня норрландцам. Однако я согласен забыть прошедшее с условием, что и ты оставишь меня в покое и удалишься куда-нибудь жить на полученный тобою капитал. Сделай мне знак головой, что ты согласен, и я сейчас же выпущу тебя, даю тебе в этом слово, и позволю тебе уйти отсюда на все четыре стороны.

Речь старика не произвела желаемого действия. Перси не шевельнулся, продолжая держать врага под своим злобно горящим взглядом.

— Ты не отвечаешь? — продолжал нотариус, которым все сильнее и сильнее овладевал ужас.— Что же тебе еще надобно? Мы взаимно виноваты друг перед другом. Я предлагаю примирение на самом справедливом основании... А, понимаю, чего ты еще требуешь! Ты хочешь, чтобы я выплатил тебе обещанные сто тысяч... Но ведь я никогда и не отказывался платить, я только желал удержать тебя на службе еще пять лет... Ах, Перси, если б ты знал, как я любил тебя!

Тон старого крокодила был плаксивый... Перси по-прежнему не шевелился. Тогда Пеггам окончательно растерялся. В глазах у него помутилось, он почувствовал, что погибает.

Холодная неумолимая решимость, которую он читал в глазах своего врага, наполняла его сердце ужасом. Пеггам замолчал, не находя больше слов.

Тогда он почувствовал, что Перси, крепко державший его за волосы, начинает мало-помалу притягивать к себе его голову. Чтобы упереться в землю, Пеггам должен был выпустить волосы Перси. Но даже и новая точка опоры не дала нотариусу никакого преимущества. Перси медленно, но неуклонно тащил его голову к своему лицу.

Вид клерка был ужасен, отвратителен. Его искаженное обезображенное лицо беззвучно смеялось кровожадным, диким смехом, кривившим его распухший окровавленный рот без языка. Зубы, острые и крепкие, как у волка, сверкали белизной и казались Пеггаму зубами акулы или тигра. Из груди Перси вырывались какие-то шипящие звуки, похожие на змеиный свист. Все это отнимало у Пеггама последние силы...

Негодяй погибал. Еще несколько минут — и он получит жестокое возмездие за все совершенные им бесчисленные злодейства...

Его руки беспомощно опустились. Он отчаянно вскрикнул в смертельной тоске.

Зубы Перси с неистовой жадностью вонзились в трепещущее тело врага.

А вдали, на берегу Темзы, какой-то запоздавший прохожий пел веселую балладу Вайнленда. Это составляло невообразимо резкий контраст с тем, что происходило в доме чичестерского нотариуса.

XX

План атамана «Грабителей».— Разрушение Розольфского замка.— Исчезновение Пеггама.— Кровь в таинственном доме.— Два цыгана.— Танец друга Фрица

Всю ночь адмирал Коллингвуд, сгораемый нетерпением, ходил по палубе готового к отплытию корабля. С ним был Красноглазый, который тоже никак не мог понять, отчего это Пеггам так долго не приходит.

Когда адмирал узнал, что его едва не похитили, он понял, что герцогу Норрландскому известно его преступление и что герцог никогда его не простит. Вследствие этого он охотно согласился помочь «Грабителям», чтоб раз и навсегда отделаться от опасного врага.

На лучших кораблях, принадлежавших преступному товариществу, собрали самых смелых и надежных бандитов и решили плыть как можно скорее в Розольфсе, чтобы прибыть туда раньше герцога Норрландского. Замок охраняла тогда лишь ничтожная горсть воинов с молодым Эриком во главе. Взяв замок, бандиты рассчитывали устроить засаду и таким образом поймать герцога и его брата Эдмунда.

Имея в виду покончить со своими вечными опасениями, адмирал-преступник отбросил всякую щепетильность и окончательно вступил в товарищество «Грабителей», приняв непосредственное участие в пиратской экспедиции. С этой целью он выхлопотал себе продолжительный отпуск, сказав, будто едет путешествовать.

Взошло солнце, настало утро, а между тем о Пеггаме не было ни слуху ни духу.

Надод и адмирал начали серьезно беспокоиться.

— Должно быть, старая лисица попалась в капкан,— сказал Красноглазый.— По крайней мере, я только этим и могу объяснить его отсутствие: ведь он же знает, что нужно спешить.

— Надобно пойти искать его,— отвечал Коллингвуд.— Я не могу долее оставаться в томительной неизвестности. У норрландцев слуги превосходные; чего доброго, они узнают о нашем намерении и выйдут в море, чтобы поспеть в Розольфсе раньше нас.

Надод отправил отряд в двадцать человек на поиски Пеггама, а потом сам с Коллингвудом пошел в Блэкфрайярс.

Сойдя с корабля, который назывался «Север», они вышли на берег пониже Ламбета и, будучи слишком озабочены, даже и не заметили толпы матросов и праздношатающихся, собравшейся около двух человек, заставлявших танцевать огромного белого медведя. Не заметили они и того, как один из вожаков медведя отделился от своего товарища и пустился за ними по следам, сделав товарищу знак.

Дойдя до дома Пеггама, они с удивлением увидали, что дверь отперта.

— По-моему, это нехороший признак,— сказал Надод.

— Войдем сперва и посмотрим,— отвечал Коллингвуд, входя в дом.

В доме была полнейшая тишина.

Надод и Коллингвуд окликнули раз, окликнули другой. Ответа не получили. В нижнем этаже не заметно было никаких особенных признаков, за исключением следов поспешного отъезда.

— Посмотрим наверху,— сказал адмирал.

Войдя в первую комнату, они невольно вскрикнули: на камине стояла лампа, горевшая среди белого дня.

— Это серьезный признак,— заметил Надод.— Должно быть, Пеггам после вчерашней казни опомнился и вернулся сюда.

— Вообще он очень не осторожен, ваш Пеггам,— сказал Коллингвуд.— Ну, разве можно оставлять врага, не удостоверившись в его смерти?

— Вот поэтому-то он, вероятно, и возвратился сюда,— продолжал Надод.— Разумеется, это он зажег лампу и потом позабыл ее погасить.

— Но этим все-таки не объясняется его отсутствие в данную минуту.

— Это верно, и я даже...

Он вздрогнул и не договорил.

— Посмотрите! — вскричал он.— Посмотрите вот сюда... около окна...

В указанном направлении виднелось на паркете кровавое пятно.

— Кровь! — вскричал адмирал, не в силах будучи подавить свое волнение.— Кровь! Она еще свежая!.. Не прошло и двух часов, как она пролита!..

— Что такое здесь произошло? — задумчиво произнес Надод и тревожно оглянулся кругом.

Наклонившись, он поднял с полу пук рыжеватых, с сильной проседью, волос.

— Ведь это волосы Пеггама,— сказал он, показывая пучок Коллингвуду.

— Тут была какая-то борьба,— заметил адмирал,— быть может, борьба на смерть.

— Сойдемте в подвал,— предложил Надод, у которого вдруг мелькнула догадка.— Быть может, там мы найдем объяснение.

Сердца обоих злодеев сильно бились, когда они спускались по узкой каменной лестнице в подземелье, где совершена была лютая казнь над несчастным Перси.

Войдя в подвал, Надод пошатнулся и едва не выронил из рук лампу.

Засыпанная накануне яма была разрыта и пуста. Клерк Джошуа куда-то исчез.

— Не может быть, чтобы он выбрался отсюда сам, своими собственными усилиями! — вскричал Надод.— Но кто же это мог оказать ему поддержку?

— Слишком уж много было здесь народа давеча,— сентенциозно заметил адмирал.— Разве не могло найтись изменника в такой толпе?

— Я ручаюсь за всех, бывших здесь вчера с нами,— возразил Красноглазый.

— А между тем факт свидетельствует красноречиво. Если, как вы говорите, негодяй не мог убежать сам, то, стало быть, кто-нибудь из присутствовавших здесь ему помог.

— Вы рассуждаете вполне логично, но все-таки я не допускаю измены со стороны наших. Тут были исключительно такие лица, семьи которых живут на Безымянном острове, следовательно, их преданность товариществу гарантирована вполне.

— Во всяком случае, часть тайны для нас объясняется: возвратясь сюда ночью, Пеггам зажег лампу, но только что успел это сделать, как на него напали те, которые помогли Перси убежать. Пеггам сопротивлялся, получил рану — вот объяснение

пятна на полу. Судя по количеству крови, рана была незначительна, так что Пеггам не умер, а унесен отсюда живым. Я положительно уверен, что он в настоящую минуту находится на одном из норрландских кораблей...

Это рассуждение адмирал закончил многозначительной фразой:

— Скоро ли наша очередь придет?

— Я нахожу, что вы правы,— задумчиво произнес Надод.— По всей вероятности, все произошло так, как вы говорите. Меня удивляет одно: почему Пеггам не убит в битве? Ведь он же знает, что его ждет... Как мог он отдаться в руки врагов живым?

— Но что он жив — это несомненно, иначе убийцы оставили бы его тут. Зачем бы им уносить его труп?

— Гипотеза вполне правдоподобная,— согласился Красноглазый.— Теперь нам остается только позаботиться о собственной нашей безопасности, а для этого самое лучшее — уехать немедленно из Лондона, да, пожалуй, и из Англии...

Этот разговор происходил в верхнем этаже, куда оба злодея поспешили вернуться, удостоверившись в побеге Перси.

— Я не разделяю вашего мнения,— сказал задумчиво адмирал.— Вы ведь знаете Фредерика Биорна: от него нам нечего ждать пощады. Зачем нам отказываться от нападения на Розольфсе? Это можно сделать и без Пеггама. Если вы уверены, что собранный вами отряд не откажется вам повиноваться.

— В повиновении-то я уверен, но все-таки об этом надо подумать... Я, право, не знаю еще, на что решиться...

В эту минуту на нижнем этаже дома раздался легкий стук, как будто хлопнула дверь, но ни Надод, ни Коллингвуд не слыхали этого, поглощенные своим разговором.

— Как! Вы колеблетесь? — вскричал Коллингвуд.— Неужели вы не чувствуете, до какой степени тяжело и невыносимо наше положение? Неужели вам не случалось ни разу задаться вопросом: «А что со мною будет?» Ложиться вечером спать, не зная, придется ли утром проснуться в собственной постели, не пить и не есть без того, чтобы не подумать: «А вдруг мне подсыпали чего-нибудь наркотического?» Согласитесь, что ведь это ужасно... Не знаю, как вы на это смотрите, но мне надоело жить такой жизнью. Я не могу... Уж лучше смерть... едемте же немедленно, потому что я нигде не чувствую себя в безопасности...

— Хорошо. Будь по-вашему. Мы отправимся в Розольфсе, и

так как кровь требует крови, то мы пойдем до конца. До тех пор, пока норрландцы не будут истреблены до последнего человека, мы не положим оружия...

— В добрый час! — вскричал адмирал.— Вот это называется быть мужчиной.

С этими словами он пошел было к дверям, но Надод остановил его жестом.

— Пожалуйста, повремените еще одну минуту. Я велел своим сыщикам прийти сюда и сообщить мне о результате их поисков. Они скоро придут, я уверен в их аккуратности... Слышите? По лестнице кто-то поднимается... Наверное, это они.

В дверях показались два человека, смуглые и черноволосые как цыгане; они остановились с заискивающим выражением лица и низко, почтительно поклонились.

Надод смертельно побледнел. Вообще, нервы злодеев были до такой степени натянуты, что самое незначительное происшествие принимало в их глазах необычайные размеры.

— Что вам нужно? Как вы смели войти сюда без позволения? — спросил Коллингвуд.

— Ваше сиятельство,— отвечал один из цыган, с самым ужасным акцентом, так что адмирал насилу мог понять слова.— Не извольте гневаться. Мы пришли сюда показать, как работает друг Фриц. Старый джентльмен хотел купить Фрица, чтобы забавлять экипаж.

— Чего от нас нужно этому дикарю? Какой такой друг Фриц, которого он предлагает нам купить? В Англии людей не покупают... Вот тебе полкроны, приятель, и уходи отсюда, не мешай нам.

— Друг Фриц, ваше сиятельство, не человек. Мы сейчас покажем вашему сиятельству, что такое друг Фриц.

Цыган потянул веревку, обмотанную у него вокруг пояса, и подтащил к порогу двери огромного белого медведя, который зарычал довольно грозно, хотя и был в наморднике.

— Ну, друг Фриц, поклонись джентльмену! — сказал цыган.

Медведь начал кивать своей огромной головой направо и налево, но продолжал при этом громко рычать.

— Друг Фриц, поклонись теперь другому джентльмену,— продолжал вожак.

Медведь опять покивал головой.

— Друг Фриц у нас очень вежлив, ваше сиятельство,— заметил цыган.

Надод и Коллингвуд рассмеялись. Страх их успел совершенно рассеяться.

— Неужели, Надод, наш Пеггам не шутя хотел купить этого ужасного зверя? — спросил Коллингвуд.— Скажите, вы этому верите?

— Я бы нисколько не удивился,— отвечал Красноглазый.— Старику приходили иногда в голову самые нелепые фантазии; я помню, он говорил мне, что собрал на своем острове коллекцию всевозможных животных со всех концов мира. Очень возможно, что он встретил этих цыган, и медведь ему понравился, так как зверь действительно замечательный...

— Именно так, ваше сиятельство,— подтвердил цыган, вслушавшись в разговор.— Старый джентльмен видел работу друга Фрица, остался очень доволен и пожелал его купить... Ну, друг Фриц, потанцуй для джентльмена, покажи, какой ты мастер.

Медведь принялся танцевать на одном месте, оставаясь в амбразуре дверей.

— Теперь, друг Фриц, потанцуй для другого джентльмена.

Медведь повторил представление.

Другой цыган стоял сзади на лестнице в задумчиво-ленивой позе, свойственной этому беспечному и мечтательному племени.

— Теперь друг Фриц проглотит голову своего хозяина,— продолжал цыган,— а потом выпустит ее, как только хозяин ему прикажет. Это будет очень забавно.

Цыган стал снимать с медведя намордник.

— Не смей снимать! — вскричал Коллингвуд.

Но уже было поздно: в один миг с медведя был снят не только намордник, но и ошейник. Почувствовав себя на свободе, гражданин полярных стран громко зарычал от радости и несколько раз раскрыл свою огромную пасть, как бы вознаграждая себя за долгое пребывание с запечатанной мордой.

— Ну, друг Фриц, позабавь джентльмена, проглоти голову своего хозяина.

Цыган заставил медведя встать на колени и сунул свою голову ему в пасть.

Голова поместилась там целиком.

Затем послышался глухой голос цыгана, говоривший из пасти медведя:

— Ну, друг Фриц, возврати голову твоего хозяина.

Когда голова цыгана появилась на свет Божий, медведь занял прежнее свое место в дверях, как будто нарочно заграждая вход и выход, и начал тихонько приплясывать, топчась на одном месте и поматывая своей чудовищной головой.

— Ну, однако, довольно,— сказал Коллингвуд.— Надевайте на медведя намордник и ошейник и уходите отсюда.

Произнеся эти слова нервно и раздражительно, адмирал бросил цыганам соверен в вознаграждение за их труд.

XXI

Надод смутно припоминает.— Странное поведение цыгана.— Герцог Норрландский

Надод стоял в задумчивости. Слыша, как около него то и дело произносили: «Друг Фриц, друг Фриц», он старался припомнить, где он раньше слышал эту странную кличку. Она напоминала ему что-то знакомое, что-то виденное и пережитое, но что именно — он совершенно позабыл.

Время от времени он недоверчиво взглядывал на лицо цыгану, но ничего не мог прочесть в его бронзовых непроницаемых чертах.

Адмирал, теряя терпение, повторил свой приказ, и цыган, по-видимому, уже хотел покориться. По крайней мере, он взял намордник и стал надевать его на друга Фрица, но вкусивший свободы медведь оказал сопротивление и глухо зарычал.

— Что это значит? — спросил адмирал, видя, что цыган собирается оставить медведя в покое.

— Друг Фриц не хочет намордника, а когда друг Фриц чего-нибудь не захочет, его трудно принудить.

— Так убирайтесь вы отсюда с вашим медведем! — вскричал Коллингвуд.— Скорей!.. Живо!..

— Пойдем, друг Фриц, а то барин гневается,— сказал цыган, стараясь говорить самым нежным голосом.

Но друг Фриц даже ухом не повел. Ему, по-видимому, было хорошо и тут.

— Друг Фриц не хочет уходить,— плачевным тоном произнес цыган,— а когда друг Фриц чего-нибудь не хочет, его ничем не заставишь.

— Убирайся к черту со своим зверем, а не то я приму свои меры...

— О, друг Фриц не боится никаких мер. Когда он заупрямится, то уж никого не послушает.

— Да ты что же? Смеешься, что ли, надо мной?

— Я спрашивал друга Фрица, почему он не хочет уходить, и он ответил, что желает дождаться старого джентльмена.

— Нет, уж это слишком!.. Уберетесь вы отсюда или нет? — вскричал адмирал, подняв трость и подходя к цыгану.

— Если вы меня тронете, друг Фриц растерзает вас,— сказал цыган.

Решительный тон его подействовал на адмирала; Коллингвуд остановился.

— Прекрасно! — вскричал он вне себя от ярости.— Оставайся тут со своим медведем хоть до скончания века, а мы уйдем. Пустите нас!

Адмирал направился к двери. Надод за ним.

Но и тут вышла неудача. Медведь, сидя в дверях на задних лапах, злобно зарычал и щелкнул зубами.

— Уйми его и вели посторониться! — приказал Коллингвуд.

Цыган дал такой ответ, от которого сцена превратилась в настоящую комедию.

— Друг Фриц очень вас любит,— сказал он,— а кого друг Фриц любит, того желает видеть постоянно при себе.

— Стало быть, мы под арестом? — вскричал Коллингвуд, рассердясь до пены у рта.

— Нет, вы не под арестом, но другу Фрицу хочется посидеть с вами подольше.

— Наконец, всему же есть граница!.. Пропустишь ты нас или нет?

— Вы не пройдете,— решительным тоном произнес цыган, но в тоне его прозвучала легкая нотка раздражения, которой адмирал в своем гневе не расслышал, но которая поразила Надода.

— Не пройдем?.. Это почему?..— спросил адмирал, стараясь по возможности сдерживаться.

— Потому что друг Фриц не хочет,— по-прежнему твердым тоном отвечал цыган.

— Постой же, негодяй! Я тебе покажу, как смеяться над нами!..

И прежде чем Надод успел его остановить, адмирал поднял трость и ударил цыгана по плечу.

Вся кровь бросилась в голову бродяге. Он хрипло вскрикнул

и схватился за кинжал, торчавший за поясом. Лезвие сверкнуло,— и Надод так и ждал, что оно вот-вот вонзится в грудь адмирала... Но нет, цыган сдержался, кинул на адмирала презрительный взгляд и спрятал кинжал в ножны.

Второй цыган во все продолжение этой сцены не сделал ни малейшего движения, но когда его товарищ убрал кинжал, он сказал ему по-норвежски:

— Отлично сделали, ваша светлость, что не убили этого негодяя своей рукой: слишком уж велика была бы для него честь.

Надод побледнел, пошатнулся и упал на пол.

Он понял все. Норвежский язык был его родной. Все для него объяснилось; он вспомнил, где видел друга Фрица; видел его на маленькой розольфской шхуне, которая спасла бриг «Ральф» от гибели в мальстреме. Он понял все — и грозящая гибель предстала перед ним воочию.

Удар был так силен, что Красноглазый не выдержал его и свалился как подкошенный.

Несмотря на собственное взволнованное состояние, Коллингвуд не потерялся и брызнул Надоду в лицо воды, полагая, что с ним просто обморок. Когда затем адмирал приподнял товарища, тот оперся на его плечо и сказал шепотом:

— Соберитесь с духом. Будьте мужчиной. Не показывайте вида... Поищем способ защититься или убежать... Это Биорны!..

Несмотря на подготовление, заключавшееся в начале фразы, адмирал был так поражен, что с ним едва не сделался удар. Его спасла только новая мысль, молнией промелькнувшая в его голове: «Уж не бредит ли Надод?»

— Пойдемте,— сказал он Красноглазому.— На воздухе вы освежитесь и вам будет легче...

Он не успел договорить.

Надод с силой оттолкнул его и сказал:

— Взгляните!

Коллингвуд обернулся — и застыл от ужаса.

В трех шагах от него стоял человек, глядевший на него и на Надода с уничтожающим презрением.

Это был герцог Норрландский!

XXII

Отплытие в Розольфский фиорд.— Суд Божий.— Древний обычай.— Открытие Безымянного острова.— Устройство товарищества «Грабители».— Пеггам! Помогите!

Розольфские корабли «Олаф», «Гаральд» и «Магнус» уже три недели как вышли из устья Темзы и на всех парусах шли в Розольфский фиорд, которого не видали более года. Радость матросов была безмерна. Они горели нетерпением поскорее увидать родину, которую любили всем сердцем, несмотря на ее суровую внешность и суровый климат. Вообще давно замечено, что особенной любовью к родине отличаются жители именно суровых стран, как будто борьба с природой усиливает патриотическое чувство. Норрландские моряки и сам герцог с удовольствием покидали лондонскую роскошь, готовясь променять ее на бури севера, на раздолье скога, покрытого следами белых медведей и оленьих стад.

Корабли шли уже вдоль северных берегов Норвегии, и при виде ее угрюмых скал и фиордов сердца матросов забились от радости, а лица просияли. Еще три дня — и корабль «Олаф» во главе всей эскадры первым вступит в Розольфский фиорд, и в тот же вечер все три корабля бросят якорь в воду древней феодальной твердыни, в продолжение десяти веков укрывающей Биорнов и их несметное богатство.

Герцог и его брат разделяли общее веселье, потому что им удалось сдержать клятву. Убийцы Леоноры и ее семьи, убийцы Гаральда и Олафа взяты в плен и находятся на розольфской эскадре, а так как Норрландское герцогство независимо и пользуется правом самостоятельного суда, то Коллингвуда и Надода будут судить там, где они совершали свои злодейства. Рука Биорна не обагрится их нечистой кровью: их осудит и накажет закон. В герцогстве еще действует старинный обычай, подтвержденный Хаккином III Кривым. Этот обычай гласит: «Двадцать четыре обывателя, из самых пожилых отцов семейств, под председательством герцога, произносят приговоры по всем уголовным делам. Исполнение приговора поручается по жребию, одному из двадцати четырех самых младших обывателей, начиная с двадцатилетнего возраста, если кто-нибудь не вызовется сделать это добровольно».

В данном случае предполагалось созвать совет старейшин с особенной пышностью, так как он не собирался уже более двух

веков. Честные храбрые норрландские моряки пользовались у себя дома полным гражданским миром, и в их среде не случалось не только уголовных преступлений, но даже и тяжб. Все земли обрабатывались сообща, и урожай, приплод скота, а равно и прочие хозяйственные доходы делились между всеми членами общины поголовно. Остаток от деления обыкновенно вносился в казну герцога, который никогда не пользовался им для себя, а употреблял его на нужды своих подданных. В случае какого-нибудь бедствия, например пожара, наводнения, пострадавшие получали пособие от казны; казна же выдавала молодым новобрачным деньги на первоначальное обзаведение и принимала на себя расходы по устройству свадеб. Преступления были настолько редки, что, как мы уже говорили, верховный совет не собирался уже двести лет.

Фредерик Биорн предполагал воспользоваться этим старинным учреждением для того, чтобы образовать из него род административного совета, который помогал бы молодому Эрику управлять герцогством во время отсутствия Фредерика и Эдмунда, собиравшихся, как известно, предпринять экспедицию для поисков Магнуса Биорна. Они не надеялись найти его живым, но хотели отыскать его следы в Северном море.

Прежде чем предпринять эту экспедицию, они, однако, должны были совершенно обезопасить себя со стороны «Грабителей морей». Коллингвуд и Надод были в их руках, но по совершении над ними казни нужно было отделаться и от Пеггама. Фредерик и Эдмунд знали об его твердом намерении разрушить Розольфский замок и овладеть хранящимися там сокровищами. Покуда Пеггам жив, нечего было и думать об отдаленной экспедиции, в противном случае, по возвращении домой, братья Биорны рисковали найти замок разрушенным, а Эрика убитым. Правда, Пеггам исчез, но нужно было удостовериться в его смерти, потому что исчезновение могло быть с его стороны лишь новой хитростью.

С самой той ночи, когда нотариус попался в руки клерку мистера Джошуа, ни о нем, ни о клерке не было ни слуху ни духу. Оба точно в воду канули.

В самый разгар ожесточенной борьбы между Пеггамом и Перси выследивший их розольфский лазутчик поспешно вернулся к своим и донес, что грозный атаман бандитов находится в Блэкфрайярсе. Туда сейчас же бросился герцог Фредерик с своими верными слугами, Гуттором и Грундвигом, но опоздал: в доме уже не было никого. Только кровавое пятно, замеченное

впоследствии Надодом и Коллингвудом, свидетельствовало о какой-то борьбе, происшедшей в жилище Пеггама.

Герцог Норрландский приказал своим лазутчикам осмотреть все больницы и частные лечебницы: ни Перси, ни Пеггама нигде не оказалось. И не было никаких данных, чтобы осветить эту тайну. Неужели Перси убил Пеггама? Этот вопрос невольно являлся каждому, но как-то не верилось, чтобы это была правда. От ответа на этот вопрос зависел дальнейший образ действий Фредерика Биорна. Если Пеггам убит, то, следовательно, у герцога Норрландского развязаны руки и он может спокойно предпринять экспедицию к Северному полюсу. Общество «Грабителей», лишенное главы, становилось не опасно для Розольфского поместья, потому что заменить чичестерского нотариуса не мог решительно никто: он не имел помощников, не желая ни с кем делиться властью. После него оставались только руководители отделов, вроде Надода, даже не знавшие друг друга в лицо и не принятые на Безымянный остров. Дорогу туда знали только Пеггам да два капитана, которых он туда не пускал без себя.

Кажется, во всем мире ни разу еще не было такой идеальной организации, как товарищество «Грабителей морей».

Мы должны, кроме того, прибавить, что, по причине своеобразного расположения острова, ни один из этих двух капитанов не мог попасть туда без помощи и руководства Пеггама, иначе их корабли погибли бы в волнах.

Это обстоятельство требует пояснения, которое мы и дадим, пользуясь временем, покуда герцог Норрландский находится со своей эскадрой на пути в Розольфсе. Пора нашим читателям подробно познакомиться с таинственным островом, где должен разыграться последний акт мрачной драмы, нами изображаемой.

Лет за тридцать пять перед тем, когда Пеггам только что получил от своего отца в наследство нотариальную контору в Чичестере, у берегов Англии в одну темную ночь разразилась страшнейшая буря. На берег близ Чичестера была выброшена небольшая шхуна, из семи человек экипажа которой был спасен только один капитан. Он оказался по жене сродни Пеггаму, который и приютил его у себя в доме. Тогда капитан сообщил нотариусу, что он сделал одно совершенно невероятное открытие. Пеггам сначала не поверил, подумав, что капитан, простонапросто сошел с ума, тем более что он и прежде пользовался репутацией совершеннейшего чудака. Речь шла о каком-то

острове, который, по странной игре природы, со всех сторон закрыт, так что его ниоткуда не видно.

Описание острова было тоже совершенно неправдоподобно. По словам капитана, этот остров, находившийся среди Ледовитого океана, имел чудный теплый климат и роскошную тропическую растительность; дичи и плодов было там так много, что капитан будто бы прожил там два года со всем своим экипажем, катаясь как сыр в масле.

Первое время нотариус только смеялся над рассказами капитана, но потом, слушая, как тот изо дня в день твердит одно и то же, начал склоняться к мысли, что рассказы эти не мешало бы проверить. В конце концов родственники условились отправиться к таинственному острову в небольшой лоцманской лодке, для управления которой достаточно одного матроса и юнги. Пеггам не хотел брать с собой никого по двум причинам: во-первых, чтобы не показаться смешным в случае неудачи, а во-вторых, чтобы в случае успеха сохранить тайну, так как он уже заранее решил, на что ее можно употребить.

Взяв с собой на полгода провизии, нотариус и капитан отплыли из Лондона и через две недели прибыли в те воды, где, по словам капитана, лежала таинственная земля.

— Кажется, мы приближаемся,— сказал однажды вечером капитан, поглядев на морскую карту, где у него было отмечено положение острова.

— Может быть, но только я ничего не вижу,— отвечал недоверчиво нотариус.

— Да разве я вам не говорил, что остров невидим?.. Впрочем, наступает ночь, и я боюсь подъезжать ближе, а то, пожалуй, попадешь в водоворот... Завтра, когда взойдет солнце, можно будет попробовать.

— Только попробовать? — не без иронии заметил нотариус.

— Я ведь вам говорил, что приблизиться к острову можно лишь с опасностью для жизни. Я и рисковал жизнью, когда приближался в первый раз, но теперь мне кажется, что я знаю, как нужно подойти к нему, и потому надеюсь, что все обойдется благополучно.

Ночь наступила темная, безлунная. Пеггам всю ее провел на палубе и, нужно сказать правду, чувствовал себя довольно жутко. Море было какое-то зловещее; вдали слышался странный гул, похожий на грохот отдаленных вулканов. По временам темные глубины освещались полосами фосфорического света,

потом этот свет снова терялся во мгле, и опять наступала непроглядная тьма. Лишь под утро нотариус слегка вздремнул, но вскоре же был разбужен своим товарищем.

— Помогите мне повернуть лодку,— кричал капитан,— иначе мы потонем!

Пеггам бросился к рулю. Лодка прыгала среди бушующих волн, как пробка; море сердито ревело, а между тем ветер был настолько слаб, что едва надувал паруса. Гул вдали не умолкал, и с той стороны, откуда он слышался, поднимался и танцевал красноватый туман, похожий на огромный огонь святого Эльма. Но это явление продолжалось недолго. Свет скоро потух, и лодка поспешила покинуть это опасное место.

Когда Пеггам попросил капитана объяснить, почему он так отчаянно вопил о помощи, тот ответил:

— Я дал себя захватить врасплох. Мы неслись прямо на остров и едва не попали в водоворот... Но теперь опасность прошла... Можете спать спокойно, я уж больше не поддамся бесовскому искушению.

Эта ночь тянулась нескончаемо долго. Бедному нотариусу порою мерещились разные ужасы. Ему казалось, что лодка вот-вот будет проглочена сердитой пучиной...

Наконец стало светать.

— Ну, теперь мы поплывем к острову, стараясь попасть в течение,— сказал капитан.— Главное — не надобно терять мужества.

Нотариус сидел смирно и внимательно следил за действиями своего товарища.

Через полчаса он закричал не своим голосом:

— Посмотрите! Посмотрите! Прямо на нас идет смерч! Поверните лодку, иначе он ее потопит!

Капитан улыбнулся:

— Успокойтесь. Этот смерч на нас не пойдет. Мы сами нарочно плывем ему навстречу.

— Но ведь это безумие!

— Это дорога к острову.

— Стало быть, ваш остров находится за этим колоссальным столбом воды?

— Нет, не за ним, а в самой середине его. Этот столб имеет около тридцати миль в окружности. Теперь вы понимаете, почему мой остров невидим?

Пеггам просто ушам не верил. Он стоял в лодке и таращил глаза на гигантский смерч.

— А как велика толщина этого водяного столба? — спросил он.

— Около ста метров. Я понимаю, для чего вы об этом спрашиваете: вам хочется знать, может ли лодка пробиться через такую массу воды.

— Вот именно.

— Я могу вам объяснить этот феномен, так как вполне изучил его во время своего пребывания на острове. До смерча еще далеко — мили три, следовательно, я еще успею рассеять ваши опасения.

— Как вы назвали свой остров?

— Никак. Для меня это все равно.

— В таком случае назовем его Безымянным.

— Прекрасно... Слушайте же, в чем тут суть. Близ самого острова существует подводный вулкан, находящийся в постоянном действии. Извержения его расходятся под водою в виде короны и кипятят окружающую воду. Образующийся пар сдавливается верхним слоем воды, а вам, конечно, известна сила пара, находящегося под давлением. Чтобы выбиться из-под пресса, он подбрасывает водяной столб вверх, а вода падает обратно вниз, рассыпаясь мелкими брызгами. Вы это сейчас увидите. Испарившаяся часть воды окружает остров, находящийся в центре короны, искусственно нагретой атмосферой, вследствие чего климат там вполне тропический — влажный и теплый.

— Удивительно! — пролепетал нотариус.— Непостижимо!

— Вовсе уж не так непостижимо, как это кажется сначала. Я думаю, что большинство островов вулканического происхождения были прежде точно такими же... по крайней мере в тех случаях, когда извержение происходило в виде короны. В старину, когда подводные вулканы встречались чаще, это явление, по всей вероятности, встречалось в океане на каждом шагу. У древних греческих авторов есть даже на это намек: они описывают, как древние мореплаватели боялись вулканических извержений среди моря, считая эти подводные вулканы отдушинами ада.

— Я и не подозревал, что вы обладаете такими научными и литературными познаниями.

— О! Я ведь учился в Кэмбридже, собираясь сделаться пастором, но потом нашел, что это скучно, и сделался моряком... Теперь мне осталось только объяснить вам способ причаливания к острову. Если бы уровень воды вокруг острова был везде оди-

наков, то к нему нельзя было бы ни подъехать, ни уехать от него, но этого нет и не может быть, по причине вулканического происхождения острова. Вследствие неодинаковости уровня, около острова существует необычайно сильное течение, пробивающее в одном месте столб воды и пара. Отдавшись этому течению, можно и подойти к Безымянному острову, и уйти с него.

— Теперь для меня все ясно. Остается только приложить вашу прекрасную теорию к практике.

— Это не трудно, но только вы должны мне помогать.

— С удовольствием. Говорите же, что нужно делать.

— Во-первых, возьмите веревку и привяжите себя к мачте, чтобы не упасть от сильного толчка, который должна получить лодка. Затем, как только я скомандую, сверните последний парус... Смотрите, как я действую рулем: нужно помешать лодке перекувырнуться, так как течение давит на нее справа... Ну, вот. Через пять минут мы переедем через водяную стену с быстротой стрелы.

Пеггам молчал, устремив глаза на величественную колонну, к которой быстро подвигалась лодка.

Вдруг капитан вскричал громовым голосом:

— Парус долой!

Пеггам поспешил исполнить приказание. Последний парус был свернут. Лодка пошла вперед, отдавшись силе течения.

Больше Пеггам ничего не видел. Он только почувствовал, что его как бы погрузили в теплую купальню.

Водяную стену миновали.

Нотариус невольно вскрикнул: лодка вошла в небольшой канал, нарочно прорытый капитаном и его товарищами в первый их приезд к острову. Пеггам увидал землю, покрытую густой растительностью. Было много цветов, и все необыкновенно крупные, но без запаха. На самом берегу росла кокосовая пальма, вероятно выросшая из семени, занесенного сюда бурей откуда-нибудь с юга.

— Да здесь настоящий рай! — вскричал чичестерский нотариус.— Здесь можно развести растения и деревья всех сортов, какие только есть в мире!

Надо сказать, Пеггам не был доволен своим скромным общественным положением. Его давно грызло честолюбие, грызло желание быть богатым и властвовать. По своему характеру он был настоящий тиран, и окружающим приходилось от него порядком терпеть.

Несколько лет назад у него зародилась мысль воспользоваться глухой враждой, раздиравшей все государства Европы и омрачившей конец XVIII века почти беспрерывными войнами.

На Безымянном острове эта мысль облеклась для Пеггама в плоть и кровь, и здесь же, на этой девственной почве, он положил начало товариществу «Грабителей», которое в течение многих лет наводило своими злодействами ужас на всю приморскую Европу. Пеггам был единственным главой этого общества, но делал вид, будто властвует не он, а какой-то тайный совет, которому даже он, Пеггам, беспрекословно повинуется. Свою хитрость он простирал до того, что сам иногда критиковал распоряжения этого мифического совета и грозил «подать в отставку», но «Грабители» обыкновенно упрашивали его остаться. И никто, даже сам Надод, не подозревал, что хитрый нотариус просто играет роль, что никакого совета не существует, что командует «Грабителями» один Пеггам.

Таков был способ, при помощи которого чичестерский нотариус поддерживал свою власть. Другой его способ заключался в том, чтобы доставлять «Грабителям» всякие наслаждения и наполнять их карманы золотом. Мы уже знаем из собственных его слов, что самые надежные из бандитов были поселены на острове с тем, чтобы один год отдыхать, а другой работать — поочередно.

В несколько лет ему удалось превратить свой остров в волшебную страну, кипящую медом и млеком. Вследствие этого бандиты всячески старались отличиться, чтобы только попасть на сказочный остров, и лезли из кожи, угождая Пеггаму.

Как подойти к острову, знал только один. Лишь только какой-нибудь корабль приближался к водяной стене, Пеггам сейчас же запирал капитана в каюту и сам брался за руль. Так же поступал он и при отъезде с острова.

Такая организация сообщала преступному товариществу огромную силу, но, с другой стороны, в случае исчезновения или смерти Пеггама, оно совершенно распалось бы и уничтожилось. Кроме того, поселенная на острове колония не могла бы оттуда выйти, и ей пришлось бы удовольствоваться местными ресурсами, которые хотя и значительно увеличились за тридцать пять лет, но все же, при увеличении населения, оказались бы в конце концов недостаточными.

Об этом неудобстве Пеггам размышлял не однажды, но принятие соответствующих мер постоянно откладывал. Прежде он

рассчитывал непременно принять эти меры, когда сам состарится, но по мере приближения старости властолюбивый нотариус все крепче и крепче держался за власть. Своему любимцу Перси он многое доверял, но ни об острове, ни о таинственном правлении товарищества «Грабителей» не сообщал ему никаких подробностей. Быть может, Пеггам в конце концов решился бы сделать Перси своим помощником и назначить его своим преемником на случай смерти, но клерк мистера Джошуа желал поскорее насладиться жизнью и, кроме того, сам никого не любя, не верил и в любовь к нему Пеггама. Таким образом, Перси обманул все расчеты старика, и мы уже видели, чем закончились их отношения.

Ежегодно нотариус проводил на острове от восьми до десяти месяцев, наслаждаясь жизнью, как восточный деспот, и в то же время подготовляя будущие экспедиции. Приезжая в Лондон, он принимал от своих шпионов доклады о выслеженных больших богатствах, о положении богатых замков, об отходящих и возвращающихся кораблях и раздавал свои приказания капитанам и руководителям отделов, предоставляя им действовать на полную их ответственность.

В Чичестере он ежегодно появлялся тоже не более чем на один месяц. Конторой управлял его родной брат вместе с почтенным Ольдгамом. В первое время такое отношение к своему прямому делу казалось публике крайне странным, но когда клиенты убедились, что Пеггам необыкновенно выгодно помещает их деньги и платит огромные проценты, то все примирились с частым отсутствием нотариуса, и в его конторе сосредоточились чуть ли не все капиталы графства Валлийского. Бедные и богатые одинаково верили ему и стали находить вполне естественным, что он живет в Лондоне: очевидно, он там выискивал наиболее выгодное помещение для вверяемых ему капиталов.

Таково было происхождение и устройство удивительного товарищества «Грабителей», которое родилось с Пеггамом и с ним же уничтожилось в силу обстоятельств. Вообще он был человек необыкновенно даровитый и создал бы немало чудес, если б деятельность его была направлена не на зло, а на благо.

По отъезде с острова первым его делом было обеспечить за собою исключительное им обладание. Накануне прибытия в Лондон он хладнокровно, без малейшего колебания, подошел к задремавшему у руля капитану и, быстро приподняв его за ноги, сбросил в воду.

Сделано это было так ловко и быстро, что несчастный, на первых порах приписал свое падение несчастному случаю.

— Пеггам! — крикнул он, плывя по воде.— Пеггам!.. Помогите!.. Бросьте мне веревку!..

Но Пеггам сейчас же после совершения своего злодейства лег на дно лодки и притворился спящим. Бедный капитан поверил этому в простоте души. Лодка двигалась медленно, паруса ее были убраны. Утопающий пустился ее догонять вплавь и наверное догнал бы, но Пеггам, вдруг вскочив на ноги, поставил все паруса. Лодка помчалась быстрее. Только тут понял бедный капитан, в чем дело.

— Подлец! Подлец! — крикнул он.

От страха и волнения с ним сделались судороги, и он пошел ко дну, в последний раз прокричав проклятие своему убийце.

Злодей Пеггам остался единственным обладателем тайны Безымянного острова.

XXIII

Исчезновение Пеггама.— Сомнения герцога Норрландского.— Предложение Перси.— Месть Пеггама.— Ускоренный отъезд.— Эй, лодка! — Освобождение Надода и Коллингвуда.— Тройной взрыв.— Да здравствует капитан Вельзевул! — Пощады никому!

Герцогу Норрландскому не хотелось уезжать из Лондона, не получив достоверных сведений об участи Пеггама, так как задуманная экспедиция не могла состояться, покуда был жив этот старик. Грундвиг, обуреваемый дурными предчувствиями, не одобрял медлительности герцога и настаивал на скорейшем отъезде домой.

— Подожди еще сутки,— возражал ему герцог.— Ведь нам же нужно собрать справки о Пеггаме, а в Розольфсе мы не можем этого сделать.

— Как знать! — сквозь зубы бормотал верный слуга.— Там-то мы, быть может, и узнаем о нем скорее всего.

Вслух он не решался высказать своих соображений, чувствуя их неосновательность, но тем не менее его словно какая-то сила влекла поскорее домой.

— Знаешь, Грундвиг, это у тебя какая-то мания,— говорил герцог.— Ну для чего мы вернемся в Розольфсе, не узнав достоверно, куда девался Пеггам? Ведь нам опять придется ехать в

Лондон, потому что эти справки для нас необходимы. Мне самому хочется поскорее казнить злодеев, но если мы не оградим себя со стороны Пеггама, то навлечем на себя погибель. Впрочем, я, так и быть, даю тебе слово, что если и завтра мои розыски не приведут ни к чему, то мы уедем.

Настойчивость Грундвига принесла свои плоды. На следующий день розольфская эскадра вышла из Лондона, а через две недели уже вступала в норрландские воды.

Вечером того дня, когда вдали показался Розольфский мыс, Грундвиг стоял, опираясь о борт «Олафа», и с глубоким умилением глядел на родные берега. Вместе с тем его сердце попрежнему сжималось от дурного предчувствия, и он шептал про себя:

— Нет, право, какая-то беда носится в воздухе. Да сохранит Бог герцога и его семью! Да отвратит он от них погибель!

Уезжая из Лондона, герцог Норрландский оставил там своего доверенного человека в лице капитана Билля, выказавшего во время последних событий необычайную находчивость и редкую сообразительность. У братьев Беринг ему был открыт неограниченный кредит, и вообще он получил от герцога самые широкие полномочия относительно розысков Пеггама и Перси.

Разумеется, от него никто не ждал, что он захватит в свои руки руководителя «Грабителей» — это было не по силам одному человеку, но ему было поручено, если он отыщет бывшего клерка мистера Джошуа, вступить с ним в переговоры и привлечь его к союзу с норрландцами. Надо заметить, что лазутчики герцога выследили Пеггама, когда он входил в свой дом в Блэкфрайярсе, и поспешили об этом донести. Когда герцог с Грундвигом и Гуттором явились в этот дом, там уже никого не было, но оставшиеся следы ясно свидетельствовали о борьбе, происшедшей между Перси и Пеггамом. Каков был результат этой борьбы — оставалось загадкой.

Герцог мог дать Биллю лишь самые неясные указания, но тем не менее молодой человек с радостью принял возложенное на него поручение. Он успел войти во вкус той тревожной жизни, которую он вел в Лондоне, недосыпая и недоедая, вечно пребывая настороже. Это он, между прочим, отыскал жилище Пеггама, хотя и поздно, так что открытие не принесло существенной пользы.

Из всех розольфцев Пеггам меньше всех знал именно Билля, и это обстоятельство, по мнению молодого человека, позволяло ему действовать смелее всякого другого. Он решил прежде всего

приняться за розыски Перси, который был необходим для разъяснения того, где лежит Безымянный остров. Спасенный Ольдгам, как оказалось, не мог дать никаких географических указаний, зная об острове лишь потому, что видел однажды мельком его карту в письменном столе своего патрона.

На другой же день после отплытия эскадры Билль принялся за дело.

Начал он с того, что тщательно осмотрел все ночлежные дома, больницы и лечебницы. Не отыскав там ничего, он отправился в Скотланд-Ярд и попросил позволения просмотреть список жертв разных несчастных случаев и убийств, происшедших за последнее время. Тут он увидал отметку: «Эдуард Перси, клерк мистера Джошуа Ватерпуффа, солиситора, взят бригадиром Шау на улице, в припадке сумасшествия, и отведен в Бедлам».

Первым чувством Билля была радость, но она омрачилась, когда он вспомнил, что Перси назван в отметке сумасшедшим.

«Неужели он вправду сошел с ума?..— подумал молодой человек.— Я от него тогда ничего не добьюсь!..»

Он отправился к бригадиру Шау, но ничего существенного от него не узнал. Полицейский надзиратель показал, что встретил несчастного Перси на улице в состоянии безумия, в растерзанной одежде, что Перси кричал что-то дикое и бессвязное и махал руками. Тогда Билль сейчас же отправился в Бедлам и спросил, не может ли он видеть Эдуарда Перси.

— Вы очень кстати явились,— сказал ему чиновник, к которому Билль обратился.— Этот человек совсем не сумасшедший, он был тогда просто в горячке вследствие страшного увечья, нанесенного ему разбойниками: они отрезали у него язык. Теперь рана зажила, и он уже выписывается из больницы... Не угодно ли вам подождать в приемной, мы сейчас пришлем его к вам.

— Ах, я буду вам очень благодарен,— отвечал обрадованный Билль.

Он не успел присесть, как уже чиновник вернулся и объявил:

— Вот ваш Перси!

Билль встал навстречу клерку и увидал человека весьма представительной наружности и прекрасно одетого. Действительно, наружность Перси изменилась к лучшему. Лучший парикмахер остриг ему бороду и волосы, а лучший портной

изящно одел его. В руке бывший клерк держал дощечку слоновой кости и карандаш, которым писал свои вопросы и ответы.

Билль и Перси поклонились друг другу.

— Сэр,— сказал Билль,— меня послал к вам герцог Норрландский, только что уехавший из Лондона. Он поручил мне сделать вам одно предложение, для вас небезынтересное...

При этих словах лицо немого покрылось багровым румянцем, а в чертах обнаружилась сильная тревога.

Билль был изумлен.

Не отвечая письменно, Перси указал своему собеседнику на дверь, объясняя жестами, что вне дома говорить будет гораздо удобнее.

Они вышли оба.

У подъезда стоял великолепный экипаж. Немой пригласил Билля садиться и сел сам. За время пребывания в больнице Перси через доверенного слугу завел себе роскошную обстановку.

Кровные рысаки помчали карету, и дорогой Перси подал Биллю свою дощечку, на которой написал:

«Говорите скорее, без лишних фраз. Передайте мне все, что вы знаете, потому что герцогу Норрландскому грозит страшная опасность. Отвечу я вам по приезде домой».

Разумеется, эти строки встревожили Билля. Он исполнил желание Перси и вкратце рассказал ему историю борьбы герцога Норрландского с «Грабителями». Немой слушал внимательно и размышлял. Когда карета остановилась у подъезда его дома на Лейчестер-сквере, он ввел Билля в роскошный салон и написал на дощечке несколько строк своему доверенному слуге, жившему у него уже пять лет и исполнявшему теперь обязанности дворецкого, а потом сел рядом с Биллем и написал ему: «Я весь к вашим услугам».

Чтобы избежать ненужных длиннот и повторений, мы передадим разговор Билля и Перси так, как если бы последний не нуждался в дощечке и карандаше.

— Вам больше нечего прибавить к своему рассказу? — спросил Перси.

— Нечего. Я только повторю, что герцог чрезвычайно дорожит союзом с вами.

— Я ваш союзник. Я вступаю с вами в союз тем охотнее, что своим увечьем я обязан все тому же Пеггаму.

— Не может быть!

— Он, кроме того, зарыл меня живого в землю, но я освободился и желаю ему отомстить.

— Стало быть, Пеггам жив?

— Жив. Он был в моей власти, но я его не убил. Я находился в каком-то бреду и лишь смутно помню, как было дело. Помню, что я укусил ему зубами щеку или шею, а потом убежал в припадке безумия. На другой день я очнулся в Бедламе. Вызвав к себе своего слугу, который считал меня погибшим, так как был свидетелем моего похищения «Грабителями» в Глазго, я послал его в Блэкфрайярс узнать, что стало с Пеггамом. Он принес мне известие, что в доме не было найдено никакого трупа и что корабль «Север» вышел накануне вечером в море. Из этого я заключил, что наш с вами враг жив, так как на этом корабле находилось шестьсот «Грабителей» из самых отчаянных, а самый корабль предназначался для решительной экспедиции против Розольфского замка.

— Боже мой! Что вы такое говорите?

— Сущую правду. Пеггам хотел воспользоваться отсутствием герцога Норрландского и нанести решительный удар. Это ему, наверное, удалось, потому что если розольфская эскадра, как вы говорите, вышла только вчера, то Пеггам, стало быть, опередил ее на целую неделю. Надо вам при этом заметить, что главная цель Пеггама — овладеть драгоценными коллекциями, хранившимися в замке. Поэтому вы можете быть уверены, что он ничего истреблять не будет, но заберет решительно все.

— Боже мой! Как бы этому помешать?.. Но нет, это невозможно. Шутка ли: на целую неделю!.. А что будет с Эриком, младшим братом герцога?

— Пеггам никогда никого не щадит. Это не человек, а зверь. Правда, мне он говорил, бывало, нежные слова, но и то с целью не платить мне денег за десятилетнюю службу.

— Как ужаснется герцог, когда вернется домой!

— Его можно предупредить и тем смягчить удар. Вдобавок его может утешить надежда на скорую месть, так как у меня есть карта Безымянного острова, которую я вам сообщу. Дворецкого своего я послал за одним пропоицей, бывшим капитаном, ездившим на остров не один раз. Этот человек соглашается нам помочь, причем ставит два условия: во-первых, чтобы ему было уплачено за труд двадцать пять тысяч фунтов стерлингов, а во-вторых, чтобы Пеггаму не давали пощады ни в каком случае.

— Можете смело соглашаться на эти условия от нашего имени.

— Я и согласился, зная заранее, что вы не отвергнете их. Что же касается способа предупредить герцога, то я уже придумал вполне подходящий. Стоит только нанять быстроходный корабль — их много в Лондоне — и пуститься в погоню за розольфской эскадрой, которая, разумеется, будет идти тише одного судна, так как три корабля ее должны сообразовываться друг с другом, а это всегда замедляет ход.

В эту минуту вошел дворецкий Эдуарда Перси и доложил, что человек, за которым его посылали, пришел и дожидается.

Этого человека пригласили в салон. Он оказался не кем иным, как достопочтенным Бобом Тернепсом, которого читатели, без сомнения, помнят еще по таверне «Висельник».

— Нам нужно будет выехать сегодня же вечером,— начал писать на дощечке Перси.

— Я совершенно готов,— ответил Боб.

— Подыскать корабль мы поручаем тебе и вполне на тебя полагаемся. Помни, что нам нужно судно самое быстроходное, потому что герцог Норрландский выехал вчера, а мы должны его непременно догнать.

Солнце закатилось, когда эскадра герцога бросила якорь у входа в фиорд. Ветер совершенно упал, и розольфцы, при всем своем нетерпении поскорее достигнуть Розольфсе, должны были остановиться и ждать, когда снова поднимется хотя бы самый маленький ветерок.

Коллингвуд и Надод были заперты на корабле «Олаф» в просторной каюте, откуда не было ни малейшей возможности убежать. Стерегли их зорко. Раза два они через Грундвига заявляли герцогу, что желали бы с ним поговорить, но тот всякий раз упорно отказывался. Вечером в день прибытия эскадры в фиорд они возобновили попытку, но опять безуспешно. Впрочем, Фредерик Биорн послал к ним Грундвига спросить, что им нужно. На это они ответили, что согласны говорить только с самим герцогом.

— Я пришел,— сказал он сухо,— но если вы рассчитывали обратиться к моему милосердию, то вы ошиблись, предупреждаю вас.

— У нас этого и в мыслях не было, господин герцог,— отвечал Коллингвуд.— Со своей стороны, я бы счел унижением обращаться к милосердию пирата, которого я едва не вздернул на виселицу.

— Стало быть, вы желали меня видеть для того, чтобы оскорбить?

— Нет, не для этого, а для того, чтобы предупредить вас. Прошу припомнить, что мы хотели сделать это еще в первый день нашего плена, но вы сами отказались, тогда как в то время было еще не поздно. А предупредить вас мы хотели вот о чем: по возвращении домой вы, по всей вероятности, найдете ваш замок разграбленным дотла, а всех защитников перебитыми, не исключая и вашего брата Эрика.

— Это еще что за шутки? — спросил герцог, еще не догадываясь, в чем дело.

— Мы нисколько не шутим. В самый день нашего отъезда мы видели из окна каюты принадлежащий «Грабителям морей» корабль «Север», как он выходил на всех парусах из устья Темзы. Мы знали раньше о приготовлениях Пеггама к походу против Розольфсе и потому сейчас же догадались, куда идет корабль. Мы вызывали вас, чтобы сказать вам об этом, находя, что уже довольно пролито крови, но вы не соблаговолили дать нам аудиенцию... Пусть же эта новая кровь падет на вашу голову!

Все это было сказано рассудительным, хладнокровным тоном. Фредерик Биорн был поражен до такой степени, что первое время не мог выговорить ни слова. На его мужественном лице отразилось такое глубокое горе, что Коллингвуд и Надод порадовались от всей души. Вдруг он сорвался с места и с диким криком бросился на палубу.

— Грундвиг! Грундвиг! — закричал он.— Позови моего брата, окликни его!.. Он находится на «Гаральде»... Гуттор, прикажи спустить все лодки в море... Пусть на каждом корабле останется только по пяти человек, для охраны их... Сегодня же вечером мы должны быть в Розольфсе... Поплывем туда на веслах.

— Ради Бога, ваша светлость, скажите мне, что такое случилось? — воскликнул встревоженный Грундвиг.

— Подлец Пеггам отплыл из Лондона во главе шестисот бандитов, чтобы разрушить наш древний замок и истребить его защитников... О, Эрик!.. О, милый мой брат!.. Господи, Господи, сохрани его, спаси!..

Гуттор и Грундвиг были потрясены, но призвали на помощь все свое мужество и не растерялись, а сейчас же принялись за дело.

Лодки были немедленно спущены на воду, матросы, за исключением оставленных для охраны кораблей, сели в них, и в ночной тишине раздался мирный плеск весел.

На каждом корабле было оставлено только по пяти человек под командой Гаттора, бывшего начальника стражи при герцоге Гаральде. Старый воин расхаживал по палубе, сожалея, что ему не придется участвовать в битве, а что битва будет — он это понял из слов герцога, хотя и не знал, в чем дело. Он понял только, что триста норрландцев сразятся с шестью сотнями бандитов, но этого было для него довольно, чтобы позавидовать товарищам.

Храбрый Гаттор не знал, что бандиты опередили норрландцев на неделю и что от замка, по всей вероятности, остались одни развалины.

Ночь была очень темная, как все безлунные ночи в Северном море. Тишину ее нарушал только отдаленный плеск волн да перекличка вахтенных. С берега, хотя он был недалеко, не доносилось ни малейшего звука.

Гаттору надоело ходить взад и вперед; он облокотился о борт и стал глядеть на темное море.

Вдруг ему показалось, что у входа в фиорд движутся какие-то точки, числом пять или шесть. Тогда он подозвал к себе остальных четырех матросов, оставшихся на корабле, и спросил их, что они думают об этих точках.

— Не может быть, чтоб это были наши лодки,— сказал он.— Они не могли так рано вернуться.

— Разумеется, не могли,— согласился один из матросов,— потому что они едва успели туда доплыть.

Точки между тем продолжали двигаться, бесшумно приближаясь к кораблям.

Матросы прислушивались, но море было угрюмо и безмолвно. Тогда розольфцами овладела паника. Они были суеверны и верили в то, что души моряков, погибших в море, блуждают по морям и топят корабли.

Розольфский мыс считался местом, где эти души особенно часто собираются и шалят.

Покуда испуганные матросы в страхе жались около Гаттора, шайка бандитов наводнила «Олаф», и четыре матроса разом пали под ударами злодеев. За ними и Гаттор, заколотый кинжалом, упал на трупы своих товарищей.

— К нам! К нам! Помогите! — закричали тогда из своей каюты Коллингвуд и Надод, догадавшись, что их выручают...

Дверь каюты была выломана в один миг, и узники получили свободу.

— Кого мы должны благодарить? — спросил Коллингвуд.

— Пеггам никогда не покидает своих друзей,— отозвался голос человека, командовавшего всеми.— А теперь, друзья, подложите огня в крюйт-камеру.

Часть бандитов сейчас же спустилась в трюм, куда был пропущен зажженный фитиль.

— Эй, вы! — крикнул главарь шайки, обращаясь к товарищам, хлопотавшим на остальных кораблях.— Кончили ли вы?

— Кончили! — отозвались те.

— Так садитесь по лодкам и отчаливайте, если не хотите взлететь на воздух... Как жаль, что нет ветра, а то мы могли бы взять эти корабли с собою, вместо того чтоб их взрывать.

«Грабители» расселись по лодкам и поспешили отплыть.

Взрыв не заставил себя ждать: розольфские корабли, один за другим, взлетели на воздух с громовым треском. Темнота озарилась вспыхнувшим пламенем, которое вскоре погасло опять.

В тот момент, когда три корабля взлетели на воздух, лодки герцога Норрландского подходили к Розольфсе.

— Они взорвали наши корабли! — вскричал герцог, не помня себя от горя.— О, негодяи, негодяи!..

И он в отчаянии упал на дно лодки.

Итак, герцогство лишилось своего флота! В каком же положении находится замок! Наверное, Пеггам не пощадил и его. Удалось ли ему найти золото, хранящееся в подвалах замка? Гуттор и Грундвиг страшились даже подумать об этом. Если это случилось, то Биорнов постигло постыдное разорение: от всего богатства, накопленного веками, у них оставалось лишь несколько миллионов, положенных у братьев Беринг. Для Биорнов это равняется нищете... А что сталось с Эриком? Он, наверное, зарезан бандитами...

Сделав над собой усилие, Фредерик Биорн поднялся на ноги и оглянулся кругом.

В глазах его засверкали молнии. Его подданные никогда не видали его таким страшным, но бывшие матросы «Ральфа» узнали в нем своего бывшего капитана.

— Да здравствует капитан Вельзевул! — невольно вскричали они, как один человек.

Действительно, капитан Вельзевул опять появился на свет.

— В замок! — крикнул он суровым гневным голосом.— Клянусь, что ни один из бандитов не уйдет от моего мщения!

В замке разорение было велико, но не до такой степени, как этого боялся Грундвиг. Подвалы оказались нетронутыми, и пятьсот миллионов биорнского капитала уцелели. Пеггам потратил слишком много времени на расхищение коллекций, а тем временем подоспели розольфцы, и бандиты вынуждены были покинуть замок.

На замок они напали ночью, Эрик в это время был на охоте в скоге. Привратник впустил бандитов, думая, что это вернулись охотники, а когда заметил ошибку, сейчас же поднял тревогу и дал знать в степь... Бандиты тем временем рассыпались по замку и принялись за грабеж. Эрик, получив страшное известие, поспешно созвал вассалов и во главе ста пятидесяти всадников помчался в замок. За седлом у каждого всадника было посажено по одному пастуху. Таким образом, бандитам предстояло сразиться с тремястами человек. Боясь быть осажденными в замке, они поспешно бросились на свой корабль и ушли прочь. Остальное читателям уже известно.

Радость Фредерика Биорна, узнавшего, что его брат жив, равнялась тому горю, которое он испытал, когда думал, что Эрик убит.

— А теперь — за мщение! — вскричал он.

Тон его был такой уверенный, что все ободрились. Герцог решил ехать немедленно в Христианию, а оттуда в Лондон на наемном корабле. В Лондоне он намеревался сейчас же составить себе новый флот и с ним преследовать бандитов.

Вдруг воин, взошедший на башню, радостно вскрикнул:

— Корабль в фиорде! Судно под норрландским флагом!

То был капитан Билль с Перси и Бобом Тернепсом... Их задержал в дороге сначала ветер, а потом штиль.

Их приняли как триумфаторов, а когда Билль разложил на столе карту Безымянного острова, полученную от Перси, то восторгу розольфцев не было границ.

В тот же вечер шхуна вышла в Лондон, увозя сто двадцать человек норрландцев и пятьдесят миллионов денег. Герцог Фредерик задумал серьезную экспедицию против бандитов. На это время он вновь превратился в капитана Вельзевула.

Самый большой из новых кораблей, снаряженных Фредериком в Лондоне, был назван «Ральфом». Это имя было начертано золотыми буквами на черной доске. Капитан Вельзевул хотел напомнить всем своим матросам то время, когда они жили среди беспрестанных битв.

Через две недели после отплытия из Лондона новый

«Ральф», в сопровождении одиннадцати других кораблей, приблизился к Безымянному острову. Боба Тернепса заранее протрезвили и вверили ему команду. Он выказал себя искусным моряком и блистательно подвел эскадру к берегам острова.

Тогда капитан Ингольф обнажил шпагу.

— Вперед, ребята! — вскричал он.— И помните — пощады никому!

Началось ужасное кровопролитие, которого не может описать никакое перо. Но пусть читатель припомнит, что «Грабители» злодействовали много лет, всюду разнося смерть и разорение...

Когда взошло солнце, небольшой ручеек, протекавший посреди острова, по обыкновению ласково журчал меж цветущих берегов, но его вода была красная от крови!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
СВОБОДНОЕ МОРЕ

I

«Дядя Магнус».— Странные перипетии.— «Самуил Бартон и К⁰»

Стояло прелестное июньское утро, озаренное ласковым ярким солнцем.

На чистой синеве неба не виднелось ни единого пятнышка, на зеленой равнине — ни одной бесплодной полоски. По обширным сочным лугам Шотландии река Клайд извилисто катила свои прозрачные воды, в которых солнечные лучи отражались миллионами рубинов. Миновав город Глазго, исстари соперничающий с Эдинбургом, она величественно впадала в Атлантический океан, неся на волнах своих многочисленные корабли, нагруженные предметами человеческого труда, рассылаемыми во все концы мира.

Чрезвычайно резкий контраст представляет эта река в верхнем и в нижнем своем течении. Выше Глазго она спокойна и тиха, а ниже этого торгового центра Шотландии она оживлена и кишит промышленным людом, как улей трудолюбивыми пчелами.

День был воскресный. Жители Глазго находились в сильном волнении. Их любопытство было крайне возбуждено. Местная кораблестроительная фирма «Самуил Бартон и К⁰» собиралась приступить к спуску корабля «Дядя Магнус», огромного трехмачтового брига в две тысячи пятьсот тонн. Со всех улиц города валила толпа, направляясь к той верфи, где предполагался спуск.

В прошлом веке, когда механика еще не сделала тех чудесных успехов, которые мы видим ныне, когда морские инженеры не владели еще ни силой пара, ни силой гидравлической, спуск большого корабля представлял дело в высшей степени трудное и являлся настоящим событием.

Весьма часто случалось, что спускаемый корабль или сворачивал с назначенной ему дороги, или совсем останавливался, и тогда уже никакой силой нельзя было сдвинуть его с места. В таких случаях приходилось корабль разбирать по частям и потом опять заново перестраивать.

Теперь понятно, почему жители Глазго едва ли не все поголовно собрались на площади перед верфью.

Странное дело: «Дядя Магнус» уже два раза был спускаем на воду и всякий раз срывался, так что его приходилось разбирать и опять собирать. Первый раз его строила и спускала фирма «Прескот», второй раз собирала и тоже спускала фирма «Братья Бернс», считавшаяся одной из лучших в Глазго, и, наконец, это дело поручено было фирме «Самуил Бартон и К⁰».

Когда корабль застрял на верфи в первый раз, Прескот страшно рассердился на инженеров, заведовавших спуском.

— Вы мою фирму позорите! — кричал он.

— Подождите, сэр, произносить решительный приговор,— возразили инженеры,— дайте нам сначала исследовать причину несчастного случая.

Когда стали осматривать приспособления для спуска, то причина катастрофы сейчас же объяснилась: чья-то преступная рука, по всей вероятности ночью, накануне спуска, подпилила подпорки мостика. Таким образом, инженеры оказались невиновными в несчастии, причинившем Прескоту миллионный убыток.

Если чья-нибудь и была тут вина, то только тех лиц, которым поручалась ночная охрана верфи, но и эта вина значительно смягчалась невозможностью надзирать ночью за всей верфью, открытой всем ветрам и отовсюду доступной.

Успокоившись, что честь его фирмы не пострадала, Прескот

списал убыток со своих счетов, но, не желая подвергаться новому риску, решительно отказался перестраивать корабль.

Тщетно уговаривал его уполномоченный заказчика по имени Грундвиг: Прескот был непоколебим в своем решении.

— Нет, нет, мистер Грундвиг,— говорил он,— это совершенно немыслимо. Предложите мне хоть золотые горы, я все равно не соглашусь. Это ничего не значит, что мы не виноваты в несчастии. Публика ведь вдаваться не станет в разбор причин. Если такое же несчастие случится еще раз, то нашу фирму постигнет совершенное разорение. Нельзя ручаться, что преступник не повторит своего покушения и в другой раз.

— Послушайте, любезный сэр,— настаивал Грундвиг, верный слуга Фредерика Биорна,— герцог уполномочил меня не только заплатить полтора миллиона франков за убыток, причиненный вам катастрофой, но и выдать вам вперед три миллиона франков за перестройку «Дяди Магнуса».

— Очень заманчивое предложение, мистер Грундвиг,— отвечал Прескот,— очень заманчивое, но я все-таки не могу его принять. Наша фирма имеет в настоящее время заказов на сто миллионов франков. Мы не можем ими рисковать, как вам угодно.

На этом разговор и был закончен.

Полгода спустя «Дядю Магнуса» перестроила фирма «Братья Бернс», и уже все было готово к спуску. Верфь была окружена усиленной охраной, как вдруг в ночь накануне спуска раздался крик: «Пожар! Пожар!» Построенный корабль был охвачен пламенем; сухой лес, из которого он был построен, вспыхнул, как костер, прежде чем на верфи успели принять меры для тушения огня. «Дядя Магнус» сгорел до основания.

На этот раз фирма «Бернс» в контракте оговорила, чтобы в случае какого-нибудь несчастья с кораблем, если окажется, что фирма в нем не виновата, ей была выплачена сполна вся сумма. Таким образом, «Братья Бернс» не пострадали от катастрофы и весь убыток пришелся на долю заказчика.

Тогда Грундвиг стал советовать герцогу, чтобы он удовольствовался одним из обыкновенных кораблей розольфского флота, но герцог не хотел отказываться от своего первоначального намерения — отправиться к Северному полюсу, экспедиция же эта, по его мнению, могла быть успешною лишь в том случае,

если она будет предпринята на специально для того приспособленном корабле.

Все враги герцога Норрландского — так по крайней мере он думал — были уничтожены одним ударом на таинственном острове «Грабителей морей». Он вернулся в свой древний замок с твердым намерением сдержать клятву, данную им спутнику дяди Магнуса в ту страшную ночь, когда старый Розевель спас Фредерика от смерти и когда Фредерик сделался главой рода Биорнов.

Грундвиг и Гуттор всячески пытались отговорить Фредерика, чтобы он не ездил к Северному полюсу, но молодой герцог не хотел слушать никаких доводов. Эдмунд и Эрик тоже отговаривали его, но Фредерик стоял на своем.

— Я дал клятву,— твердил он,— и скорее умру, чем сделаюсь первым герцогом Норрландским, нарушившим обещание.

— Клятва, данная сумасшедшему и по поводу совершенно безумного дела, не может, не должна иметь силы. Старик из башни давным-давно впал в детство,— возразил Эдмунд.

— Какое мне дело до того, в здравом или не в здравом уме был человек, которому я дал клятву? Ведь я-то сам был в здравом уме, надеюсь, а это только и важно. Если бы задуманное предприятие было еще в двадцать раз труднее, чем оно есть, я и тогда бы не отрекся от данного слова... Наконец, неужели и наш дядя Магнус был не в своем уме, когда говорил своему верному спутнику: «Поезжай, отправляйся за помощью, у меня вся надежда на тебя!» Пускай с тех пор прошло восемь лет, но разве это причина, чтобы оставлять дядю без помощи и на девятый год, а в старости мучиться потом угрызениями совести?.. Вы говорите, что мы рискуем жизнью ради мертвеца, что же из этого? Мы, во всяком случае, привезем на родину его останки и похороним их в семейном склепе. Разве это не цель? У меня даже есть предчувствие, что мы за свое доброе дело получим такую награду, какой и не ожидаем... Одним словом, это решено: я пойду до конца, и если мне суждено погибнуть в снегах вместе с дядей,— то, во всяком случае, я умру с сознанием, что моя смерть достойна истинного Биорна и что ею я искуплю ошибки моей молодости.

Так говорил Фредерик Биорн, и кончилось тем, что братья его смирились.

— Ну хорошо, брат,— сказал Эдмунд с благородной простотой.— В таком случае мое место рядом с тобой. Я хочу разделить твои труды и опасности.

После этого разговора Грундвиг и был отправлен в Глазго, важнейший в те времена английский порт, с поручением выстроить там и снарядить корабль по плану, указанному Фредериком. Размеры и прочность корабля выбраны были такие, чтобы он мог сопротивляться не только плавучим льдинам, но и страшному давлению Ледовитого океана, волны которого, замерзая, разбивают самые крепкие китобойные корабли, застигнутые зимою около полюса.

Исполнить такое дело Грундвиг был способнее, чем кто-либо, потому что при покойном герцоге Гаральде он всегда руководил ремонтом кораблей розольфского флота.

Покуда он жил в Шотландии, занимаясь этим делом, Фредерик Биорн, с помощью своих братьев и эскимосов, делал приготовления к экспедиции. Каждому нашлось дело, соответствующее его способностям. Кто дрессировал оленей и собак, кто делал сани из оленьих шкур, вымоченных в течение нескольких месяцев в различных жидких жирах, кто заготовлял провизию, которую Фредерик Биорн хотел взять с собою лет на пять.

Впоследствии мы увидим, до какой степени разумны и полезны были все распоряжения молодого герцога Норрландского.

Все уже было готово, как вдруг пришло известие о вторичной катастрофе с только что отстроенным кораблем. Розольфцы были неприятно изумлены. После первой катастрофы герцог и его братья думали, что неизвестный злоумышленник мстил Прескоту, и не принимали этой мести на свой счет, но пожар, уничтоживший «Дядю Магнуса» на верфи «Братьев Бернс», не оставлял больше сомнений в том, что месть неизвестного злодея была направлена именно против Биорнов.

Очевидно, кто-то из врагов уцелел после поголовного истребления пиратов на таинственном острове. Но кто же он был? Это не могли быть ни Пеггам, ни Коллингвуд, ни Красноглазый: их трупы были узнаны и погребены особо. Быть может, это был кто-нибудь из рядовых членов товарищества, решившийся своими силами отомстить за уничтожение «Грабителей»? В ожидании, когда это обстоятельство разъяснится, герцог Норрландский послал Грундвигу приказ заключить условие с третьим арматором и затем известить герцога заблаговременно о дне, назначенном для спуска. Фредерик Биорн рассчитывал, если обстоятельства позволят, сам отправиться в Шотландию и лично присутствовать при этой церемонии.

Исполняя приказ своего господина, Грундвиг наткнулся на всеобщее предубеждение.

Никто не хотел принимать заказ, опасаясь той же участи, какая постигла фирмы «Прескот» и «Братья Бернс». Грундвиг предлагал двойную, наконец, тройную сумму, но везде получал самый упорный отказ. Утомившись бесплодными переговорами, он уже хотел обратиться к менее значительным, а следовательно, и менее надежным фирмам, как вдруг глава фирмы «Самуил Бартон и К^0», по некоторым причинам, которые мы раскроем впоследствии, передумал и известил Грундвига, что его фирма согласна взяться за постройку «Дяди Магнуса» по цене три тысячи франков за каждую тонну, вследствие чего общая стоимость корабля доходила до непомерной цифры — в три с половиной миллиона франков.

Грундвиг поспешил согласиться, опасаясь, чтобы мистер Самуил — так звали старшего Бартона в отличие от десятка других членов фирмы и фамилии — не передумал опять и не взял своего слова назад. Этого не случилось, но зато от норрландского уполномоченного потребовались ангельское терпение и неземная кротость при переговорах с главой фирмы.

Прежде всего мистер Самуил пожелал пригласить к себе на помощь солиситора, чтобы оформить контракт согласно всем требованиям закона и не упустить ни одной выгодной мелочи. Господа Бартоны были евреи и солиситора пригласили тоже из евреев. Нечего и говорить, что мистер Самуил и солиситор мистер Эзекииль выжали из Грундвига все, что только было можно. Он защищался на каждом шагу, но оба хищника, понимая, что Грундвиг нуждается в них до крайности, вытягивали из него все, что им было нужно.

Во-первых, условились о цене корабля. Она определена была в три с половиной миллиона франков с уплатой вперед. Далее в контракте следовала глава «о разных подробностях», причем мистер Самуил насчитал еще миллион четыреста тысяч франков разных добавочных доплат. При их подсчете оказался излишек в 25 сантимов, который мистер Самуил великодушно отбросил, а мистер Эзекииль не преминул подчеркнуть такой великодушный поступок. Наконец, оговорены были разные «непредвиденные расходы», сумма которых начислена была в шесть тысяч двести франков, но мистер Самуил, для круглого счета, опять откинул двести франков, так что мистер Эзекииль чуть не разорвал на себе одежды, находя, что так далеко заходить в своих уступках совершенно немыслимо.

На лбу Грундвига выступили крупные капли пота, но он вынужден был согласиться на все условия и заплатить за постройку корабля пять с половиной миллионов франков, тогда как он бы должен стоить лишь от полутора миллионов до двух.

Герцог Норрландский не только одобрил этот контракт, но даже обещал на словах выплатить фирме миллион франков премии, если спуск «Дяди Магнуса» совершится благополучно.

«Мне нужен корабль во что бы то ни стало,— писал он Грундвигу,— достань мне его хотя бы за десять миллионов».

II

Смелость фирмы «Бартон и К⁰».— Благополучный спуск «Дяди Магнуса».— Таинственный голос

Великий день наконец настал. Взошло солнце и осветило «Дядю Магнуса», третий корабль этого имени, гордо стоявший на своем киле.

Из бахвальства, а может быть, и из желания показать неведомому врагу, что его не боятся, Бартоны решились спустить корабль на воду совершенно готовым, так чтобы после спуска к его оснастке не пришлось прибавлять ни одной веревочки. Вся оснастка окончена была еще в верфи. К чести фирмы «Бартон и К⁰» можно сказать, что хотя она и взяла за постройку тройную цену, зато корабль получился такой, что уже ничего не оставалось желать ни относительно его прочности, ни относительно изящества, ни даже относительно комфортабельности внутренней обстановки. «Дядя Магнус» представлял последнее слово тогдашнего кораблестроительного искусства.

Но что было всего удивительнее, так это то, что фирма, несмотря на несчастный пример Прескота и Бернсов, не приняла никаких исключительных мер для охраны верфи — ни во время постройки корабля, ни после ее окончания. Впрочем, перед спуском принята была одна специальная предосторожность, значительно облегчившая его. Главный инженер, заведовавший работами, незадолго перед тем придумал некоторое приспособление для спуска на воду больших кораблей. Это приспособление впервые должно было примениться к «Дяде Магнусу» в Глазго, и опыту суждена была удача свыше всякого ожидания.

Бартоны захотели устроить по поводу спуска блестящее празднество.

Лорду-мэру, всем альдерманам, всем начальствующим

лицам и именитым обывателям разосланы были приглашения присутствовать при спуске и затем пожаловать на парадный банкет. В благополучном исходе операции Бартоны, очевидно, не сомневались, но их уверенности не разделял в Глазго решительно никто.

Две последовательные неудачи, постигшие две самые лучшие фирмы в Глазго, после тщательного исследования их причин объяснялись преступным умыслом. Это произвело в обществе огромную сенсацию. А так как виновные не были найдены, то по всему городу носилась масса разнообразных слухов. Известно было, что Прескот и Бернсы отклонили от себя вторичный заказ и что сами Бартоны, сначала отказавшись тоже, согласились, наконец, лишь при условии тройной цены за корабль, с уплатой вперед. Об истинных причинах, заставивших Самуила Бартона переменить свое решение, не догадывался никто.

Все были в полном убеждении, что таинственная дуэль между заказчиками и их невидимыми врагами еще не кончилась и что, наверное, последует еще и третья катастрофа.

Берега Клайда на необозримое пространство покрылись громадной толпой, среди которой происходил оживленный обмен мнений. Составлялись пари за и против успеха. Откуда-то даже появились случайные букмекеры, записывавшие ставки, как на скачках. Большинство ставок оказывалось против.

Особенно азартные пари заключались около самой верфи, где неподвижно стоял «Дядя Магнус», готовый к спуску.

Неподалеку стояло ландо, а в ландо сидел мулат, лицо которого, с грубыми, неприятными чертами, было почти сплошь закрыто густой черной бородой. Благодаря своему высокому росту и тому, что он сидел в высоком экипаже, мулат значительно возвышался над толпою.

Вдруг он закричал:

— Сто соверенов за успех!

Эти слова заставили всех обернуться на него. Грундвиг, прохаживавшийся неподалеку в оживленной беседе с главным инженером, невольно вздрогнул и обернулся. Внимательно поглядев на мулата, он как бы успокоился и прошептал:

— Слава Богу! Это не он.

— Что с вами? — спросил Грундвига собеседник.— Как вы побледнели!

— Нет, ничего, это я так,— отвечал Грундвиг. И он прибавил про себя: «Мне послышалось, что говорит умерший».

Пробило одиннадцать часов.

Минута наступила.

В толпе поднялось чрезвычайное волнение. Отдельные разговоры прекратились, пари закончились. Каждый желал не пропустить ни одной подробности грядущего события.

Почтенного вида человек отдавал последние распоряжения. Он следил за постройкой корабля от киля до верхушки мачт и, вручив его заказчику, должен был покинуть его последним.

В парадном костюме, то есть в треуголке, вышитом золотом кафтане и ботфортах, этот человек волновался не меньше других и постоянно подбегал с вопросами к главному инженеру, который, улыбаясь, советовал ему успокоиться.

Но вот инженер сделал ему знак, означавший: «Последние подпорки сняты. Можете двигаться».

Толпа замолкла, как бы замерла. Сто тысяч сердец тревожно забилось...

Затем раздался звучный голос:

— Смирно!.. Готовься!..

Двадцать четыре топора поднялись как один. Головы обнажились. Затаив дыхание, толпа не сводила глаз с колоссального корабля.

Что-то будет?

Неужели таинственные враги, два раза уже помешавшие спуску, испортят все дело и в третий раз?

Большинство думало, что испортят. Многие опасались взрыва и отодвинулись от корабля подальше. Только мулат, голос которого так напугал Грундвига, спокойно остался в своем ландо. Он безмятежно стоял, скрестив руки.

Громко, отчетливо раздавались команды:

— Канаты прочь!

Толпа вздрогнула и сдержанно охнула.

Сквозь толпу протеснились шестьдесят матросов с офицерами и молча встали полукругом около корабля.

Двадцать четыре топора опустились, как один, с удивительной точностью.

Канаты порвались...

«Дядя Магнус», словно по волшебству, без шума, без толчка опустился на воду. Вода под его давлением всколыхнулась и вскинулась вверх высокими волнами.

Успех был несомненный. Матросы гаркнули восторженно «ура!». Крик подхватила стотысячная толпа, приветствуя

самый громадный корабль, когда-либо построенный в Глазго.

Бартонов приветствовали и поздравляли все, даже их конкуренты. Тут уже не было места зависти. Каждый житель Глазго считал, что успех местной фирмы делает честь всему городу.

В эту минуту Грундвиг, стоявший на носу корабля, увидал отряд матросов, приближавшийся под командой герцога Норрландского и его брата Эдмунда, чтобы вступить во владение «Дядей Магнусом». В один скачок верный слуга подбежал к своему господину и, целуя руку, протянутую ему герцогом, радостно вскричал:

— Я вас ждал, ваша светлость, но, не видя вас все утро, уже начинал думать, что вы не прибудете.

— Ну что, милый мой Грундвиг? Достигли ли мы наконец цели?.. То-то вот и есть. Золото все двери отворяет. Я в этом был так твердо убежден, что привез с собой не только матросов для «Дяди Магнуса», но всю провизию, всех своих эскимосов, оленей и собак, чтобы уж больше не возвращаться в Розольфсе. Мы прибыли сюда на «Леоноре», лучшем корабле нашего флота. Стоит только сделать перегрузку, и мы поплывем к Северному полюсу.

— Откуда ни один из вас не вернется,— произнес вдруг чей-то голос, тихий, как дуновение ветерка.

Оба собеседника вздрогнули и быстро обернулись, желая узнать, кто это говорит. Но их окружала такая густая толпа, что можно было лишь подозревать всех вообще и никого в частности.

Грундвиг обратил внимание, что мулат, державший пари за успех спуска, в настоящее время занят был расчетом с теми, кто принял предложенное им пари.

Думать, что таинственные слова произнес он, не было ни малейшего основания.

— Это мне не нравится,— задумчиво произнес старый слуга.

— Опять предчувствия, добрый Грундвиг? — возразил герцог.— Что же тут удивительного, если какому-нибудь шутнику, подслушавшему наш разговор, захотелось нас поинтриговать немножко, попугать зловещим предсказанием?

— Хорошо, если за этим больше ничего не кроется, ваша светлость.

— Что ты хочешь сказать?

— Неужели, ваша светлость, вы ни во что не ставите двукратную неудачу, постигшую первые две фирмы?

— Нет, не ни во что, но я убежден, что месть неизвестных

злоумышленников была направлена не против нас, а именно против той и другой фирмы. Лучшее тому доказательство, что «Дядя Магнус» в конце концов спущен на воду, тогда как его легко было уничтожить и в третий раз: ведь Бартоны не принимали никаких особых предосторожностей.

— Это верно, ваша светлость.

— Откуда у нас взяться новым врагам?.. Знаешь, Грундвиг, на твои нервы подействовало продолжительное пребывание в тревоге. Вот вся причина твоих дурных предчувствий. Ну, скажи, пожалуйста, разве ты не видел собственными глазами бездыханные тела Пеггама, Коллингвуда и Надода?

— Видел, ваша светлость, и очень надеюсь, что все трое отправились прямо в ад.

— Так из-за чего же ты боишься? Ведь у них не могло остаться наследников!

— Мщение мертвых бывает часто ужаснее, чем месть живых,— прошептал глухой тихий голос, донесшийся словно из-под земли.

Герцог и Грундвиг слегка побледнели и опять оглянулись, но не заметили и в этот раз ничего особенного.

— Пускай себе! — сказал герцог с легким раздражением и нарочно громко, чтобы неизвестный шутник слышал его слова.— Нам не страшны ни мертвые, ни живые.

— Сознайтесь, однако, ваша светлость,— тихо сказал Грундвиг,— что все это по меньшей мере странно.

— Ну, вот еще! — возразил герцог.— Ничего нет странного. Кто-нибудь из прежних членов товарищества «Грабителей» спрятался в толпе и злобствует на нас, но отсюда еще очень далеко до действительной борьбы с нами.

Впрочем, герцог произнес эти слова без особенной уверенности. Он нахмурился, сознавая, что во всяком случае тут кроется не одна только шутка.

Грундвиг молчал. Верному слуге вспомнился сон, виденный им двадцать лет назад. В этом сне ему привиделось, что последний из Биорнов погибает насильственной смертью на развалинах своего древнего замка... Подавив слезу, Грундвиг вздохнул и прошептал:

— Увы! Страшный рок весит над Биорнами... Но еще не сказал своего последнего слова.

В это время к норрландцам подошел Самуил Бартон, не помнивший себя от радости, что спуск окончился благополучно и что фирма получит миллион премии. Представленный герцогу,

он тут же передал ему корабль из рук в руки, спеша поскорее сложить с себя бремя ответственности.

Молодой капитан Билль, которому предстояло быть помощником герцога по командованию «Дядей Магнусом», оставался на «Леоноре», с Гуттором.

Грундвиг дал себе слово поделиться с товарищем своими опасениями, в надежде, что им вдвоем удастся отвести от герцога и его брата опасность, угрожавшую им во время их новой экспедиции.

III

Пир у Бартонов.— Отплытие.— Таинственная записка.— Среди нас изменник! — Выстрел ночью.— Перекличка

Грундвигу невольно мерещилась связь между странным мулатом и таинственными предостережениями, возвещавшими какую-то новую опасность.

— Во что бы то ни стало я узнаю, кто этот человек и отчего он был так уверен в успешном спуске корабля,— говорил он сам себе.— Сегодня же вечером мы с Гуттором переоденемся и обойдем все таверны, посещаемые иностранцами. Где-нибудь уж мы наверное его встретим и сумеем выспросить.

Час спустя «Дядя Магнус» величественно поплыл по Клайду в глазговскую гавань, где его дожидалась «Леонора».

Вечером Бартоны устроили роскошный банкет, и — странное дело! — таинственный мулат сидел за столом рядом с герцогом Норрландским, сидевшим на почетном месте.

А Гуттор и Грундвиг тем временем безуспешно ходили по мостовым города, отыскивая мулата...

На следующий день «Дядя Магнус» вышел из Глазго, взяв курс на Шпицберген. С ним шла «Леонора», которой герцог приказал стоять в Исландии и четыре раза в год возобновлять припасы для «Дяди Магнуса» в течение всего времени, покуда будет продолжаться экспедиция.

Вскоре мы увидим, как удачно была задумана и как превосходно была обставлена эта экспедиция.

Смотреть на отплытие кораблей собралась на пристани густая толпа народа, восторженно кричавшая «ура!» и махавшая шляпами. Все от души желали счастливого успеха смелым пионерам, шедшим открывать шестую часть света.

Погода была чудная. Свежий юго-западный ветер надувал паруса обоих кораблей; океан отливал золотом и пурпуром под лучами заходящего солнца.

Стоя у борта, Фредерик и Эдмунд делились друг с другом впечатлениями, поглядывая иногда на шотландский берег, постепенно исчезавший в тумане.

— Доволен ли ты, брат? — спросил вдруг Эдмунд, беря Фредерика за обе руки.

— Очень доволен, Эдмунд,— отвечал молодой человек с улыбкой, от которой все лицо его озарилось самой безмятежной радостью.— Знаешь, эта клятва камнем лежала у меня на сердце, и не было ни одной ночи, чтобы мне не представлялся мой дядя — больной, голодный, истощенный, среди льдов, тщетно ожидающий помощи, которая все не приходит... Уверяю тебя, я с радостью жертвую своей жизнью, и меня смущает лишь одно: имею ли я право подвергать опасности твою жизнь и жизнь наших товарищей.

— Довольно, брат! Я не хочу больше слышать ничего подобного! — возразил Эдмунд.— Все мы идем с тобой совершенно добровольно. У наших товарищей нет ни жен, ни детей, которые бы стали о них плакать, а что касается до нашей жизни, то кто же из нас не готов с радостью пожертвовать ею для благородного дела? Быть может, тебе суждено сделаться Колумбом полярного материка, тогда и на нас отразится частичка твоей славы...

Рассеянно глядя в пространство, Фредерик Биорн судорожно сжал руку брата, и оба простояли так несколько часов, думая о будущем, о тех странах, которые им предстояло посетить.

Ночь давно наступила, когда зазвонил колокол к ужину. Братья уселись в кают-компании за стол вместе с теми из товарищей, которые допускались обедать с герцогом и его братом, как вдруг Фредерик вскрикнул от удивления: беря салфетку, он стряхнул с нее к себе на тарелку записочку, сложенную вчетверо. Быстро развернув, он прочитал ее и страшно побледнел. Присутствующие с удивлением уставились на него, не зная, что и думать. Эдмунд уже хотел обратиться к нему с вопросом, но герцог заговорил сам, бросив записку на стол.

— Господа,— сказал он,— между нами есть изменник. Надо будет его открыть и примерно наказать... Прочтите, господа!

Эдмунд взял таинственную записку и прочел вслух:

— «Кровь требует крови, Фредерик Биорн! Когда я был ребенком, меня за тебя били и наказывали. Взрослым я постоянно

встречал тебя на своей дороге, и постоянно ты мне мешал. Наконец, ты окрасил свои руки моей кровью... Но час возмездия скоро пробьет! Призрак Красноглазого».

Эдмунд кончил читать среди всеобщего смущения. Из всего экипажа только он и его брат не способны были верить в то, что эта записка написана покойником.

— Наша экспедиция проклята Богом, Гуттор,— прошептал Грундвиг своему товарищу.— С мертвыми бороться нельзя... Меня предчувствие ни разу еще не обманывало.

— Да,— повторил Фредерик Биорн с мрачной энергией,— надо наказать негодяя, который осмеливается становиться между нами и тем благородным делом, за которое мы взялись. Я буду к нему беспощаден...

Вдруг дверь с силою отворилась, и ворвавшийся ветер заколебал пламя ламп, висевших над столом. Гуттор и Грундвиг вскочили, ожидая, что вот-вот в комнате появится кто-нибудь из духов, в которых так крепко веровали все норрландцы.

— Кто это смел? — заговорил было Фредерик грозным тоном, но в это время в кают-компанию, подпрыгивая, вбежал друг Фриц, качая направо и налево своей огромной головою и как бы напоминая, что без него не принято садиться за стол.

Герцог невольно улыбнулся испугу верных слуг, обыкновенно не бледневших ни перед какой опасностью, но ко всему сверхъестественному питавших ребяческий страх.

Друг Фриц тихо положил свою добродушную голову Эдмунду, своему любимцу, на колени, напрашиваясь на ласку, и ужин пошел своим чередом, хотя на этот раз монотонно, мрачно. Все молчали, и каждый думал свою невеселую думу.

Когда все, кроме Эдмунда, жившего с братом, собрались уходить, Фредерик Биорн поднял голову, которую некоторое время держал склонив на руки, и сказал повелительным тоном:

— Господа, прошу вас зорко наблюдать за всеми матросами на борту. Очевидность измены исключает в данном случае всякую щепетильность с нашей стороны. В особенности же не извольте говорить матросам ни слова о том, что случилось.

Офицеры и боцманы поклонились и вышли.

— Уверен ли ты в том единственном иностранце, который находится на борту у нас? — спросил своего брата Фредерик, как только дверь залы затворилась.

— В нашем марсовом, в бретонце Ле-Галле? — переспросил молодой человек.— Ты на него, что ли, намекаешь?

— Да, на него.

— Я в нем уверен, как в себе самом. Он поехал за мной и за покойным братом, когда мы оставили французскую службу. Ты еще не успел хорошенько оценить его, потому что не видал его в деле, но ты скоро увидишь, какой это превосходный человек и моряк во всех отношениях. Он честен и неподкупен, храбр, как лев, самоотвержен и нисколько не заражен суеверием, которое так портит наших норрландских матросов.

— Хорошо. Пришли его ко мне завтра после утреннего рапорта. Мне стоит десять минут поговорить с человеком, чтобы узнать, каков он.

Становилось поздно. Братья разошлись, так как Эдмунду предстояла вахта и он нуждался в отдыхе.

Фредерик Биорн остался один.

Он взошел на мостик, чтобы подышать чистым воздухом, напоенным ароматом океана. «Дядя Магнус» быстро шел, направив компас на Полярную звезду. На борту не было слышно ничего, кроме переклички вахтенных. Луна не успела взойти, и потому было очень темно, так что в пяти шагах ничего нельзя было рассмотреть. С четверть часа Фредерик ходил по мосту, думая свои думы, потом нагнулся через корму и стал смотреть на борозду, бежавшую за кораблем. Звезды отражались в волнах, как золотая пыль; порою с резким криком пролетали стаи морских птиц или на вершине волны показывались резвые стада морских коров. Как истый моряк, Фредерик Биорн всем существом своим наслаждался поэзией ночи на море.

Вдруг ему показалось, что вдоль наружного борта скользнула какая-то тень и скрылась где-то сзади под кормою.

Фредерик знаком подозвал к себе вестового, состоявшего при нем всегда, когда он выходил на палубу, и приказал ему:

— Поди разбуди моего брата. Скажи, что мне нужно с ним поговорить.

Матрос побежал исполнять приказание, а герцог достал из-за пояса пистолет, взвел курок и стал ждать, не спуская глаз с того места, где ему привиделась тень.

Узнав от брата о случившемся, Эдмунд побежал в матросскую спальню и убедился, что все недежурившие спали на своих местах. Затем молодой человек вернулся на палубу, заперев за собою дверь вниз, чтобы никто не мог оттуда выйти. Сделав перекличку вахтенным, он убедился, что и они все налицо.

Все это Эдмунд сделал чрезвычайно проворно.

— Хорошо,— сказал Фредерик Биорн.— Мне, должно быть, только показалось... А между тем я так отчетливо видел!..

Он не успел договорить. Тень снова появилась, но не с той стороны, где ее видел герцог в последний раз, а с противоположной. Фредерик схватил брата за руку, и оба стали следить за тенью, которая беззвучно двигалась по карнизу, шедшему вдоль наружной обшивки корабля.

Два раза Фредерик хватался за пистолет, порываясь выстрелить, но Эдмунд удерживал его.

— Подождем,— шептал младший Биорн,— ведь он все равно не уйдет скоро.

Странная фигура прошла почти вдоль всего борта и достигла уже основания бушприта, когда герцог, не в силах будучи далее сдерживаться, быстро прицелился и выстрелил.

Сливаясь с треском выстрела, раздался пронзительный крик, затем послышался глухой звук падения тела в воду и чей-то голос, от которого оба молодые человека вздрогнули, прокричал:

— Будь ты проклят, капитан Вельзевул!

Затем снова настала глубокая тишина.

— Что ты сделал? — сказал Эдмунд, весь дрожа от волнения.

— Что следовало! — отвечал герцог.— Теперь мы узнаем, кто нам изменял.

— Навряд ли! — возразил молодой человек, с детства знавший всех матросов, которые были прирожденными розольфскими вассалами, и не допускавший измены с их стороны. Что же касается до бретонца Ле-Галля, то за него он ручался, как за самого себя.

— Все наверх! — приказал Фредерик Биорн.

Приказ был немедленно исполнен, потому что пистолетный выстрел всех перебудил и встревожил.

Гуттор и Грундвиг прибежали первые, и Эдмунд в нескольких словах сообщил им, в чем дело.

— Мы ничего не найдем,— сказал Грундвиг.— Герцог выстрелил в привидение.

— Свистите сбор! — лаконично приказал Фредерик Биорн.

Резко засвистал свисток старшего боцмана, и, как только матросы собрались, Гуттор приступил к перекличке.

— Здесь!.. Здесь!..— звучал ответ всякий раз, когда произносилось чье-нибудь имя.

Все матросы оказались налицо.

— Сделаем теперь по-другому,— сказал герцог, желая удостовериться, не было ли тут какой-нибудь фальши и не ответил

ли кто-нибудь за отсутствующего.— Пусть каждый вызванный, откликнувшись, перейдет со штирборта на бакборт.

Произведенный при таких условиях опыт дал те же самые результаты.

Матросы совершенно не понимали этой сцены, последовавшей за ночным выстрелом, потому что о тени, виденной герцогом, никто не знал. Это было кстати, потому что иначе бравые моряки глубоко оскорбились бы незаслуженным подозрением. Распространился слух, что герцогу показалось, будто в море упал с корабля человек и что герцог выстрелил для того, чтобы сигналом приказать «Леоноре» подобрать утопающего.

IV

Скрытое могущество.— Отчего Самуил Бартон переменил свое намерение.— Живой покойник

Возвращаясь в гостиную с братом, а также с Гуттором и Грундвигом, Фредерик Биорн был бледен и взволнован.

— Я очень рад, что между нашими людьми не оказалось изменника,— сказал он,— но зато я, к огорчению своему, убедился, что на моем корабле относятся с полнейшей халатностью к надзору за его безопасностью. Это меня тем более возмущает, что я привык командовать военным судном, где все делалось с особой аккуратностью. Надеюсь, что мне пришлось сделать это замечание в первый и в последний раз.

Эти слова, произнесенные резким отрывистым голосом, относились непосредственно к Гуттору и Грундвигу, которым специально вверена была охрана корабля. Верные вассалы были обижены до слез этим незаслуженным упреком.

Эдмунд не побоялся открыто за них вступиться.

— Послушай, брат, ты несправедлив,— сказал он.— Во-первых, этот корабль нельзя сравнивать с военным, потому что на нем речь может быть не о дисциплине, а лишь о безусловной преданности тебе. В этом отношении, ты и сам должен это знать, на Гуттора и Грундвига можно положиться... Во-вторых, сам могу засвидетельствовать, что охрана корабля производится самым тщательным образом...

— Прости меня, брат, я не хотел обидеть ни тебя, ни Гуттора с Грундвигом, но меня уж очень рассердило, что мы никак не можем найти объяснений всей этой чертовщине.

— Объяснение это очень просто, брат. Кто-нибудь из уце-

левших «Грабителей», вероятно с какой-нибудь враждебной целью, пробрался на корабль, спрятался там и устроил с нами мистификацию. Но теперь он уже понес заслуженное наказание: труп его сделался добычей хищных рыб.

— Ты совершенно прав, и не стоит об этом больше разговаривать,— сказал герцог.— Главное же — не нужно ничего говорить матросам, чтобы не растревожить их суеверия.

Собеседники разошлись.

Грундвиг вышел вместе с Гуттором и дорогой сказал ему тихо:

— Послушай, Гуттор, ты тоже допускаешь, что кто-нибудь спрятался на корабле?

— Нет, не допускаю... Ведь мы все уголки обшарили... Я уверен, что на корабле завелся призрак.

— Вот что, Гуттор, я тебе доверю тайну, которой до сих пор не сообщал ни одному человеку. Биорны давным-давно верят в существование на севере моря, свободного ото льда. Многие из членов этой фамилии корпели над старинными учеными книгами и занимались тайными науками. В семье существует предание, что один из Биорнов непременно откроет такое море, но вместе с тем он будет последним из Биорнов и умрет, не успев поведать свету о своем открытии.

— Бедный герцог! — вздохнул Гуттор.— Его увлекает судьба!..

— Мне рассказывал еще мой дед,— продолжал Грундвиг,— что в той стране, окруженной недоступными ледниками, живут души преступников, осужденных на вечное блуждание по земле под видом оборотней, вампиров и прочей нечисти. Они носятся вместе с метелями и воют вместе с бурями. Кто осмеливается проникнуть в их страну, того они убивают. Четверо или пятеро Биорнов погибли там еще до Магнуса...

— Неужели?

— То-то вот и есть... Поэтому покойный герцог Гаральд строго запретил говорить обо всем этом его сыновьям, опасаясь, как бы они не увлеклись примером...

Ночь прошла благополучно, но утром, просыпаясь, Фредерик Биорн нашел у себя на одеяле записку в траурном конверте. Распечатав, он прочитал:

«Проклятый Ингольф! Капитан Вельзевул! В эту ночь ты налил в сосуд последнюю каплю, которая его переполнила. Безумец! Ты выстрелил в призрак, забыв, что призрак неуязвим!

Даю тебе неделю срока приготовиться в дальний путь, из которого никто не возвращается. По истечении этого срока я подожгу порох на твоем корабле и потоплю вас всех в пучине океана.

Ничего не прощающий и ничего не забывающий Призрак Надода».

Теперь уже нечего было и сомневаться, что на корабле совершается что-то непонятное. Наскоро одевшись, Фредерик Биорн позвал брата, и на общем совете они решили немедленно произвести повальный обыск всего корабля сверху донизу.

Когда они собирались идти для этого наверх, в каюту герцога постучался лейтенант Лютвиг, говоря, что желает видеть его по важному делу.

Офицер вошел не один, а в сопровождении марсового Иоганна.

— Что скажете, Лютвиг? — спросил герцог.

— Скажу не я, ваша светлость, а сам Иоганн. Он сейчас сделал мне доклад, который пусть повторит при вас. Это будет лучше всего.

— Ну, Иоганн, говори. Мы тебя слушаем.

— Извольте видеть, ваша светлость,— начал матрос, конфузливо вертя в руках шапку,— будучи не на вахте, проходил я за своим делом по палубе... Наклонясь через борт — так, из любопытства,— вижу я вдруг, что какой-то человек висит под бушпритом, словно гимнастику делает. Думая, что это бретонец Ле-Галль — он очень любит этим заниматься — я крикнул ему: «Эй, товарищ», но неизвестный ударил меня снизу чем-то по голове так сильно, что у меня в глазах помутилось... Когда я пришел в себя и взглянул опять вниз, там никого не было. Я побежал в сборную поглядеть, где Ле-Галль; оказалось, что он спит крепким сном на своей койке.

— Кто же это, по-твоему, был, если не Ле-Галль? — спросил герцог.

— Думаю, ваша светлость, что это был кто-нибудь из духов... Они ведь часто шалят на кораблях,— отвечал матрос.

Герцог и его брат улыбнулись и отпустили матроса, который ушел чрезвычайно довольный собою.

Дело, таким образом, усложнялось.

Очевидно, на корабле кто-то скрывается, но где и каким образом?

Это надо было разузнать во что бы то ни стало, а до тех пор надзор на корабле усилили до высшей степени. Перед пороховой

камерой день и ночь стояли трое часовых, менявшихся каждый час.

Вечером состоялось совещание между герцогом, его братом, Гуттором, Грундвигом и еще некоторыми офицерами, но о принятом решении никто ничего не узнал: оно сохранялось в строгой тайне.

Самуил Бартон и его сородичи, владевшие одним из главнейших торговых домов в Глазго, были происхождением немецкие евреи, поселившиеся в Шотландии еще в третьем поколении. Их дед Захария Бениаминсон родился во Франкфурте, этой родине всех странствующих евреев, и прибыл в Глазго в качестве помощника местного раввина. Но служба в синагоге и толкование Талмуда не принадлежат к особенно выгодным занятиям, поэтому Захария скоро вышел в отставку и открыл комиссионерскую контору. Многие евреи с этого начинают: никогда еврей не бывает производителем, а всегда лишь посредником между производителями и потребителями, эксплуатируя обе стороны.

Захария Бениаминсон стал быстро богатеть. Через очень короткое время он был уже в состоянии посылать в море собственные корабли, которых у него завелось более полусотни. Понимая, что фирма «Бениаминсон» никогда не сделается популярной благодаря еврейскому имени, он принял фамилию Бартон и передал ее своим потомкам вместе с капиталом в миллион фунтов стерлингов, причем поставил условием, чтобы его наследники держали фирму вместе и ни в каком случае не делились. Сыновья его завели кораблестроительную фирму, а внуки, с Самуилом Бартоном во главе, присоединили к ней еще и банк.

Когда, после катастрофы у Прескота и братьев Бернс, Грундвиг обратился к Бартону с предложением принять на себя постройку корабля для герцога Норрландского, глава фирмы сначала отказался наотрез.

Но вот через несколько дней мистеру Бартону доложили, что его спрашивает какой-то иностранец. Самуил Бартон велел просить его в кабинет.

Вошел высокий представительный мулат с густой черной бородой и, поклонившись, произнес обычную в таких случаях фразу:

— Имею честь говорить с мистером Самуилом Бартоном?

— Совершенно верно, сэр. Чем могу служить?

— Меня зовут дон Рамон Маркез из Валомбреза. Я родился

в Гаване от отца испанца и матери туземки. Сейчас буду иметь честь изложить вам причины своего посещения.

Покуда он говорил, мистер Самуил внимательно разглядывал его.

Это был мужчина лет сорока пяти, рослый и широкоплечий. Лицо его было смугло, а волосы и борода черны, как смоль. Во всей его наружности было что-то хищное и свирепое.

Дон Рамон рассказывал:

— Однажды вечером, возвращаясь из клуба, мой отец подвергся нападению убийц и был смертельно ранен. Он умер, завещав мне отомстить своим убийцам... Но вы, вероятно, удивляетесь, какую может это иметь связь с моим приходом к вам. Поэтому прежде всего позвольте показать вам эту бумагу. Она — неограниченный кредит, выданный мне на вашу фирму торговым домом Мартинец и Перейра.

— Бумага в порядке, и мы можем кредитовать вас на двадцать пять миллионов франков,— отвечал мистер Самуил, взглянув на документ.

— О, мне так много не понадобится... Теперь позвольте перейти к делу. Я слышал, что вы решительно отказались взять на себя постройку корабля «Дядя Магнус», два раза подвергшегося катастрофе.

— Совершенно верно, сэр.

— Могу я узнать причины?

— Они очень просты: мы не желаем подрывать репутацию нашей фирмы, так как ничем не гарантированы, что покушение не повторится.

— А если вам дадут гарантии, что покушений больше не будет?

— Кто же мне эти гарантии даст?

— Да хоть бы я.

— Вы?.. И это не шутка?

— Нисколько. Это я уничтожил оба раза корабль. В третий раз я дам ему достроиться, если будут соблюдены известные условия, которые я поставлю.

— Какие же эти условия?

— Я желаю, чтобы в носовой части корабля была устроена двойная стена и в ней потайная комната, но при этом чтобы при постукивании казалось, будто стена глухая. Вход в нишу должен быть устроен снаружи под бушпритом через люк, открывающийся посредством потайной пружины. От ниши до порохового погреба должен быть протянут фитиль, на-

тертый серой и просмоленный для предохранения от сырости.

— Понимаю. Вы все-таки хотите уничтожить корабль, но только посредством взрыва и тогда, когда вам это покажется удобным.

— Да, вы угадали. Я хочу уничтожить его в открытом море. Никто из тех, кто поплывет на нем, не спасется.

— Не исключая и вас, так как вы тоже будете на нем. О, какое самопожертвование, и ради чего? Ради мести убийцам вашего отца!

— Кто вам сказал, что я не рассчитываю спастись? Напротив, я имею в виду броситься в море и доплыть до моей шхуны, которая будет следовать за «Дядей Магнусом» на недалеком расстоянии.

— Ваша шхуна называется «Красный глаз»?

— Откуда вы знаете?

— О, ведь мы получаем сведения о каждом приходящем корабле. Того требуют дела фирмы... Итак, сэр, вы рассчитывали на наше содействие?

— Вполне, мистер Бартон. Вас мне специально рекомендовали мои друзья Мартинец и Перейра, которым вы строите превосходные корабли... Эти корабли отличаются замечательною способностью — благополучно выходить из гавани, но затем дальше морского дна никуда не приходить...

— Дон Алонцо Мартинец умный человек.

— Очень умный, действительно.

— В таком случае,— сказал мистер Бартон, кусая себе губы,— мы с вами без труда сговоримся, если вы одной школы с ним.

— То есть как?

— Алонцо Мартинец никогда с нами не спорит о цене.

— Я готов следовать его примеру.

— Очень хорошо. Я вижу, что он сказал о вас правду.

— Кто? О ком вы говорите?

— Да все о нем же, об Алонцо Мартинец... Неужели вы думаете, дон Рамон, что, открывая такой широкий кредит, люди не сообщают в то же время самых подробных справок о том лице, которому этот кредит открывается?

— Стало быть, вы уже знали...

— Знал не только о том, что ваш отец, убитый врагами, никогда не существовал, но и о том, что вы отлично умеете гримироваться мулатом... Впрочем, мне нет никакого дела до того, где вы родились: в Гаване или в Японии... Перейдем к сути дела.

Моя цена, дон Рамон, такая: миллион за потайную нишу и миллион за пороховой фитиль.

— Два миллиона — это, я нахожу, недорого.

— К этим двум вам придется прибавить еще миллиончик.

— Помилуйте! Это за что же?

— А за совесть, дон Рамон, за нашу совесть! — пискнул еврей.— Разве вы нашу совесть не цените ни во что?

Надод — это был он — не стал спорить и тут же написал расписку о предоставлении трех миллионов по кредиту, а полгода спустя «Дядя Магнус» вышел в море, увозя в потайной нише злейшего врага Биорнов, решившего их погубить...

Красноглазый спасся лишь чудом от всеобщего истребления «Грабителей» на Безымянном острове. Он лежал рядом с Пеггамом и Коллингвудом, и его сочли мертвым; весь покрытый ранами, он выздоровел только благодаря удивительной крепости организма. Вернувшись в Лондон, он собрал немногих уцелевших членов товарищества и поделил с ними все оставшееся имущество «Грабителей», взяв, конечно, себе львиную долю. В доме Пеггама на острове он нашел двадцать пять миллионов банковыми билетами и присвоил их себе. С таким огромным состоянием он, разумеется, становился человеком очень заметным. Понимая, что рано или поздно герцог Норрландский узнает о его существовании и ни в каком случае не даст ему спокойно наслаждаться жизнью, Надод решил сам идти навстречу врагу. Для этого он удалился в Гавану, превратил себя в мулата и начал устраивать разные козни...

Мы уже видели, в чем они заключались и как в результате их Красноглазый очутился на борту «Дяди Магнуса». Тут он принялся дразнить герцога, подбрасывая ему угрожающие записки. Когда герцог выстрелил в него ночью, он не был ранен, но от испуга упал в воду и лишь с большим трудом поднялся на борт. После этого случая злодей стал осторожнее, и норрландцы, несмотря на всю свою бдительность, не могли его подстеречь.

Угрозу свою — сжечь корабль через неделю — Надод решил не приводить пока в исполнение. Зная, что после того, как предсказание окажется неисполненным, норрландцы перестанут остерегаться, он решил исполнить свой гнусный замысел лишь тогда, когда «Дядя Магнус» расстанется с «Леонорой».

Ночь накануне того дня, когда должен был последовать взрыв, миновала благополучно. Для Надода наступал период бездействия, зато герцог Фредерик и его брат решились действовать...

V

Размышления Эдмунда.— Зловещее открытие.— Человек за бортом.— Облава

На совете, состоявшемся накануне, было решено всем перебраться на «Леонору» и дать пройти роковому дню. Все паруса убрали, кроме легкого фока, и оба корабля легли в дрейф.

Но за ночь у Эдмунда явилась новая мысль, по поводу которой он удивился, что она не пришла ему в голову раньше. Всегда уж так бывает с самыми простыми и дельными мыслями.

Рано утром Эдмунд отправился к брату и поделился с ним своими соображениями.

— Послушай, Фредерик,— сказал он,— я много думал этой ночью и пришел к некоторым логическим заключениям. Так как подозревать кого-либо из наших матросов нет ни малейшей причины, то все эти проделки следует, по-моему, приписать «Грабителям». Ведь это товарищество имело многочисленные разветвления. Что же удивительного, если кому-нибудь из второстепенных руководителей пришло в голову отомстить нам за истребление бандитов?

— Допустим, что так,— сказал герцог.— Что же дальше?

— Разве мы можем ручаться, что Самуил Бартон не принадлежал никогда к этому обществу? Ему было выгодно принадлежать к нему уже по одному тому, что через это его корабли застраховывались от разграбления, да, наконец, «Грабители» могли доставлять ему и прямые выгоды. Почему не допустить, что Бартоны устроили на нашем корабле какой-нибудь тайник, в котором поместился их уполномоченный?

— Ты сочинил превосходный роман.

— Подожди, слушай дальше. Для меня ясно, что таинственный незнакомец, спрятанный на нашем корабле, не стал бы нам грозить взрывом пороховой камеры, если бы действительно собирался это сделать. Ведь нам бы стоило только убрать весь порох — и дело с концом. Из этого я прямо вывожу, что на корабле заложена где-нибудь другая мина, о которой мы не знаем, а из этого, в свою очередь, следует, что мы должны искать и во что бы то ни стало найти эту мину.

— Все это очень логично, но объясни мне, пожалуйста, кто же это мог взять на себя такое поручение? Кто тот смельчак, идущий на верную смерть?

— Совершенно справедливо, что спрятавшийся здесь бандит

идет на верную смерть и знает это; вот почему он и медлит приводить в исполнение свою угрозу, откладывая ее со дня на день.

Фредерик с удивлением поглядел на брата.

— Можно подумать, что ты не предположения строишь, а сообщаешь достоверные факты,— заметил он.

Прежде чем Эдмунд успел что-нибудь ответить, раздался громкий голос с вахты:

— Слева корабль!

— Вот тебе и ответ,— сказал Эдмунд брату.

— Ты шутишь?

— Нисколько... Эй, рулевой! Подай сюда журнал.

Матрос немедленно исполнил приказание и удалился.

— Смотри сюда,— продолжал Эдмунд, перелистывая книгу.— С самого нашего отплытия, ежедневно утром и вечером, в одни и те же часы, записывается та же самая отметка... 12 мая в шесть часов три четверти вечера шхуна приближается к «Дяде Магнусу», затем поворачивается и исчезает; 13 мая в шесть часов утра шхуна приближается и прочее... То же самое записано 14, 15, 16 числа — вплоть до нынешнего утра... На, смотри: рулевой, когда я его позвал, уже начал записывать: 20 мая, в шесть часов пятнадцать минут утра, небольшая шхуна... Теперь возьми подзорную трубу и пойдем на мостик.

Фредерик Биорн пошел следом за братом. Взойдя на мостик, он навел на горизонт трубу и увидал небольшую шхуну, которая в это время поворачивала от корабля назад.

— Что это значит? — спросил Фредерик.

— Это значит, что шхуна подходит к нашему кораблю аккуратно два раза в день и все время идет за ним, так как ей, очевидно, предписано находиться недалеко от таинственного незнакомца, спрятавшегося у нас на борту. Она, очевидно, ждет сигнала, чтобы подойти ближе. Этот сигнал будет ей дан тогда, когда спрятавшийся соберется, наконец, с духом взорвать «Дядю Магнуса». Сделав взрыв, он бросится в воду, а шхуна подберет его и уйдет прочь... Таковы, брат мой, выводы, к которым я пришел. Руководствуясь ими, я, если б только это от меня зависело, немедленно принял бы соответственные меры.

— Извини меня, брат мой, что я не сразу признал справедливость твоих рассуждений,— сказал герцог.— Но теперь ты вполне меня убедил и я немедленно велю приступить к исследованию крюйт-камеры.

Порох из камеры был весь вынесен еще после первой угро-

жающей записки, поэтому теперь оставалось только хорошенько ее осмотреть, не заложено ли там секретной мины. По приказанию герцога в камеру спустились главный плотник, или так называемый корабельный мастер, и заведующий арсеналом с их помощниками и немедленно приступили к отдиранию железной обшивки стены. Работа была долгая и трудная; топоры стучали часа четыре. Герцог и Эдмунд присутствовали тут же, и оба разом громко вскрикнули, когда железная доска, наконец, отделилась. Под ней оказалось углубление, а в углублении спрятан был цинковый ящик, из которого выходила просмоленная веревка.

Эдмунд бросил на брата торжествующий взгляд. Не помня себя от радости, что его догадка оказалась справедливой, он выхватил из груды инструментов, принесенных оружейным мастером, первые попавшиеся ножницы и уже хотел разрезать ими просмоленную веревку, но оружейник быстро схватил его за руку.

— Господин капитан, простите мою смелость,— вскричал оружейник,— но вы нас этак взорвете! Я знаком с подобными машинами и знаю, что от малейшего сотрясения может сделаться взрыв.

— Спасибо, мой добрый Георген,— отвечал, вздрогнув, Эдмунд.— Ты всех нас спас... Моя необдуманность едва не наделала беды. Но как же нам сделать этот страшный аппарат безвредным?

— Если его светлость уполномочит меня...— проговорил Георген, вопросительно взглядывая на герцога.

— Делай как знаешь,— отвечал герцог.— Я тебе верю и надеюсь, что ты не отправишь нас к облакам.

— Не извольте беспокоиться, ваша светлость, я с этими вещами умею обращаться.

Оружейный мастер взял широкое сверло для металла и осторожно просверлил в стене цинкового ящика отверстие величиной с соверен, затем приладил к отверстию рукав пожарной трубы и, приказав своим помощникам качать, залил водой порох в ящике. В несколько минут опасный прибор стал совершенно безвредным.

Теперь оставалось только проследить фитиль, выходивший из коробки. Очевидно, конец его был спрятан в самом тайнике, где сидел неизвестный злоумышленник.

Корабельному мастеру не пришлось долго объяснять, что от него требуется. Он сам догадался, в чем дело, и, руководствуясь

опытностью в постройке кораблей, подсказал герцогу очень дельную мысль.

— Ваша светлость,— сказал он,— «Дядя Магнус» не представляет никакой особенности в изгибе своих стен, следовательно, тайник должен находиться или близ кормы или в носовой части. Направление фитиля несомненно указывает, что тайник устроен в носовой части, поэтому нет надобности отдирать обшивку по всему борту, а лишь около бушприта. На это потребуется времени самое большее два часа. Вам остается только поставить караульных, чтобы птица не упорхнула.

Проект получил полное одобрение, и мастер со своими помощниками принялись за работу.

На «Дяде Магнусе» были убраны все паруса. На море стояла тишь, погода была вполне благоприятна для работы.

«Леонора», получив сигнал, сделала то же самое, что и «Дядя Магнус», и кокетливо закачалась на тихих волнах в пяти кабельтовых от клипера.

Как только стали отдирать обшивку, сейчас же обнаружился просмоленный фитиль. Среди матросов немедленно распространился слух, что, по приказанию герцога, плотники ищут одного из «Грабителей», спрятавшегося между обшивками борта в день отъезда. Весь экипаж с тревогой следил за ходом дела.

Гуттор и Грундвиг, а равно и прочие матросы уже не верили в проказы духов. Они с ужасом глядели на остатки адской машины, едва не отправившей их всех к праотцам.

Между тем ложный мулат, сидя в своем тайнике, скоро догадался, что значит этот частый стук в стену корабля. Сначала он думал, что то производится простое исследование прочности двойной стены, и потому совершенно успокоился, зная, что под дерево обшивки подложен свинец, вследствие чего пустота совершенно не слышна. Но вот он услышал, что стук постепенно приближался к нему... Негодяй приложился ухом к стене и задрожал всем телом: он отчетливо услыхал голоса работающих и понял, что тут не исследование стенок производится, а прямая облава на него.

Он ясно расслышал громкие слова одного из рабочих:

— Скажите пожалуйста, господин мастер, что сделают с тем негодяем, которого найдут в тайнике?

Корабельный мастер на это ответил:

— Про то старшие знают, а если б меня спросили, то я бы велел его повесить на рее.

Теперь уж нечего было и сомневаться, что козни Надода открыты. Мысль, что он живым достанется в руки Биорнов, привела его в ужас. Он боялся, что его сейчас же узнают, несмотря на переодевание. Этот бесстрашный человек, столько раз бестрепетно глядевший в глаза смерти, дрожал, как ребенок, чувствуя, что час возмездия, наконец, приблизился... Ах, если б он не обагрил своих рук кровью Гаральда и Олафа, он бы еще мог надеяться на пощаду. Он знал, как великодушны оба брата Биорны, как легко доступны для жалости их сердца; он мог бы разжалобить их своей несчастной судьбой, своим положением отверженца с детских лет... Но убийцу своего отца и брата они даже и слушать не станут. Приговор над ним произнесен заранее.

Что делать? Как ему быть?

Негодяй, в отчаянии ломая руки, метался в своем тайнике, как зверь в клетке.

Не отворить ли люк и не броситься ли в море?.. Нет, это бесполезно: его выловят из воды при громком хохоте матросов, а Фредерик Биорн скажет своим ироническим голосом:

— Вздернуть этого молодца на рее!..

Вся кровь бросилась в голову Надоду, и он зарыдал от бессильного бешенства.

Может быть, работа протянется до заката солнца? Тогда успеет подойти шхуна и Надод даст ей сигнал приблизиться, а сам бросится в воду и поплывет... Но нет, работа продвигается быстро, и через полчаса его отыщут и поймают, как зверя в норе.

А он так гордился своей выдумкой, благодаря которой рассчитывал блистательно отомстить Биорнам за «Грабителей»! Когда на собрании уцелевших членов товарищества кто-то возбудил вопрос о том, что товарищество, прежде чем окончательно распасться, должно отомстить, он гордо сказал: «Оставьте! Это мое дело. За него я берусь сам...» Он был так уверен в своем мщении — и вдруг!..

Так сидел он и предавался отчаянию. Но вот он почувствовал, что работа прекратилась и что корабль терпит качку... Налетел шквал и отдалил час возмездия. Сама судьба становилась на сторону Надода. Теперь четыре часа. Если буря продлится до шести часов, то он может еще спастись: в шесть часов должна подойти его шхуна.

На палубе раздалась команда вахтенного офицера:

— Все наверх!

Ввиду начавшейся качки требовалась усиленная работа матросов около снастей.

— Руль к ветру!.. Весь!..— командовал офицер.

Корабль грациозно повернулся и встал к ветру.

Офицер распоряжался замечательно искусно, и Фредерик Биорн, стоявший на мостике, сделал ему рукою знак одобрения.

Ураган свирепел. Вздымались громадные волны и яростно ударялись о «Дядю Магнуса», который встречал их с величавым спокойствием силы.

Вдруг на корабль налетела громадная волна и прокатилась через всю палубу, от носа до кормы.

Почти сейчас же вслед за тем раздался крик:

— Человек за бортом!

Упал бретонец Ле-Галль.

Волна подхватила его и понесла в море.

Всякая попытка спасти его неминуемо кончилась бы гибелью тех, которые стали бы его спасать. Видно было, как он несколько минут барахтался, борясь с волнами, затем исчез в клокочущей пучине.

Потеря этого преданного и храброго человека, напоминавшего Эдмунду о его службе во французском флоте, была для молодого человека тяжелым ударом. Прочие моряки, не успев схватиться за поручни, бросились ничком на пол и благополучно уцелели.

Минут с двадцать клипер должен был бороться с ветром и волнами, причем его крепкий кузов трещал и вздрагивал. Ветер ревел в снастях, заглушая командные слова офицеров и свистки боцманов.

Затем вдруг, без всякой подготовки, хлынул проливной дождь, продолжавшийся с четверть часа. Потом все разом стихло — и дождь, и ветер. Показалось солнце. Бури как не бывало. Успокоенное море тихо плескалось...

Такие шквалы очень опасны, потому что они налетают почти всегда врасплох и застигают корабли не приготовленными к обороне.

Фредерик Биорн стал беспокоиться о «Леоноре». Тщетно наводил он на море трубу во все стороны: шхуны не было видно. Должно быть, буря отнесла легкий кораблик куда-нибудь далеко, но, разумеется, он еще вернется...

С прекращением бури возобновилась работа. Еще немного — и цель будет достигнута.

Надод, во время бури почувствовавший некоторую надежду, понял на этот раз, что он погиб. Не желая попасть в руки своих злейших врагов, он решился найти себе смерть и избавление на дне моря.

Но ему опять улыбнулось счастье.

Когда корабельный мастер отдирал уже последнюю доску обшивки, на горизонте вдали показался парус. Все думали сначала, что это «Леонора», и не обратили на парус большого внимания, следя с нетерпением за работой плотников.

В надлежащую минуту корабельный мастер сказал герцогу шепотом:

— Сейчас откроем тайник. Так как злоумышленника часто видали под бушпритом, то не прикажете ли вы, ваша светлость, спустить лодку и понаблюдать за этим местом?

— Это зачем? — так же тихо спросил Фредерик.

— Наверное, из тайника есть люк наружу...

— Что же из этого?

— Ваша светлость, я сужу по себе. Попадись я сам в такое положение, я бы очертя голову кинулся в воду.

— Ты прав, мой друг,— сказал Фредерик.

По его приказанию была немедленно спущена лодка, которая и поместилась под бушпритом. Спокойное состояние моря позволяло ей без больших усилий держаться на одном месте.

Развязка приближалась.

VI

Уловка мулата.— Слева парус! — Бретонец Ле-Галль.— Интересная шхуна.— Двойная мина.— «Мщение!.. Мщение!..»

Надод принял бесповоротное решение. Твердо и бесстрашно дожидался он последней минуты, чтобы исполнить задуманное.

Вдруг он почувствовал, что последняя доска обшивки, ограждавшая его от врагов, начинает тихо отделяться. Тогда без малейшего колебания он открыл люк своего тайника и головой вниз бросился в море.

Упал он прямо в лодку, наполненную подстерегавшими его матросами, и невольно вскрикнул от удивления и испуга.

Он сделал попытку встать и выпрыгнуть из лодки, но шесть сильных рук сейчас же обхватили его и удержали на месте.

— Попался, голубчик! — сказал старший матрос лодки.— Уж сиди лучше смирно, а то, пожалуй, тебе здорово влетит.

Боцманский свисток известил корабль о поимке злоумышленника.

Надод быстро сообразил, что у него, быть может, еще есть возможность спастись. Он был загримирован превосходно и до такой степени походил на мулата, что не было ни малейшего повода заподозрить тут обман. Он успел в этом убедиться во время спуска «Дяди Магнуса». Хотя он прошел тогда раз двадцать мимо Грундвига, старый слуга Биорнов не обратил на него ни малейшего внимания, покуда мулат не заговорил. Только звуки его голоса напомнили Грундвигу что-то знакомое, но и то смутно.

Он решил ни в каком случае не обнаруживать своей настоящей личности. Он скажет, что никогда не знал никакого Надода и лишь раз как-то слышал от Бартонов рассказ об этом легендарном человеке. На этой уловке Красноглазый основывал свое спасение и решил не выдавать тайны, хотя бы его подвергли жесточайшим пыткам.

На палубу прибежал Фредерик, Эдмунд и все матросы с офицерами. Грундвиг даже вскрикнул от удивления, увидав того самого мулата, который так заинтриговал его в день спуска «Дяди Магнуса».

— Мулат!.. Это мулат! — вскричал он несколько раз.

— Ты разве знаешь этого человека, Грундвиг? — спросил герцог.

— Нет, ваша светлость, но я его не в первый раз вижу. Во время спуска корабля он теснился в самой густой толпе и азартно ставил заклады...

— Против «Дяди Магнуса»?

— Нет, ваша светлость: за него. Он выражал уверенность в успехе дела.

— Это странно,— задумчиво произнес герцог.

Затем, обращаясь к матросам в лодке, Фредерик Биорн приказал:

— Поднимите этого человека на борт!

Лодка подошла к бакборту. Пленника на веревках втащили на палубу и поставили под грот-мачтой.

Сгорбившись и съежившись, чтобы скрыть свой высокий рост, мулат стоял смиренно и покорно, ожидая допроса.

Появление пленника произвело очень странный эффект на

всех присутствующих. Они ожидали увидеть бравого, энергичного молодца, а перед ними стоял какой-то съежившийся, жалкий, запуганный человечишка с довольно глупым видом. Надод, с ловкостью опытного актера, сумел в одну минуту переменить свой наружный вид. Ничто не напоминало в нем теперь смелого и кровожадного бандита.

Фредерик и Эдмунд разделяли общее чувство. Неужели этот самый человек держал их в страхе целую неделю? Фредерик Биорн с трудом этому верил, и через несколько минут ему пришла в голову мысль, что эта ничтожная личность ни в каком случае не могла быть главой заговора, а разве только орудием в чужих руках.

Грундвигу казалось, что мулат держался прежде как будто совершенно иначе, но он не решался это утверждать, не надеясь на свою память, так как видел мулата в тот раз лишь только мельком.

Герцог приступил к делу и, чтобы подействовать устрашающим образом на мулата, велел боцману приготовить солидный пеньковый галстук.

— Приготовить все для виселицы,— приказал герцог,— чтобы через десять минут повесить этого негодяя.

— Слушаюсь, ваша светлость,— отвечал боцман.

— Ты слышал? — спросил Биорн, обращаясь к пленнику.

Тот сделал жест, означавший превосходно разыгранное равнодушие, и ничего не ответил.

— Стало быть, ты не боишься быть повешенным? — продолжал Фредерик.— Ты к этому равнодушен?

— Да,— коротко отвечал пленник.

— Почему так?

— Я на это шел. Меня предупреждали.

— Кто предупреждал?

— Старый Сам.

— Кого это ты так называешь?

— Главу фирмы «Самуил Бартон и К°».

— Послушай,— сказал герцог, чрезвычайно заинтересованный,— вместо того чтобы отвечать на мои вопросы, не расскажешь ли ты нам сам, при чем ты был во всей этой истории?

— Зачем я буду рассказывать? Ведь вы все равно решили меня повесить... Мне нет никакой выгоды изменять тем, которые меня послали,— отвечал ложный мулат.

— Но ведь помимо казни бывает еще и пытка. Мы можем вздернуть тебя на дыбу...

— Попробуйте. Это ваше право,— равнодушно отозвался пленник.

Он знал благородство Биорнов и прямо бил на то, что они никогда не прибегнут к подобным мерам.

— Ты напрасно бравируешь.

— Я не бравирую. Вы говорите, что собираетесь меня повесить, а я отвечаю: вешайте. Вы собираетесь меня пытать, а я говорю: ну что ж, пытайте. Что же я могу еще сказать? Ведь я в вашей власти.

— Для тебя самого будет лучше, если ты откровенно расскажешь все. Быть может, мы не найдем возможным казнить человека, бывшего лишь орудием в чужих руках, а заменим это наказание другим.

— В сущности, я не питаю к вам никакой ненависти. Я вас даже и не знаю. Тем хуже для тех, кто поставил меня в такое положение... Извольте, я вам все расскажу. Я служил у Бартонов, заведуя их конторой в Гаване, как вдруг они меня вызывают в Глазго по важному делу. Как только я приехал, Самуил Бартон, ничего мне не объясняя, показал мне тайник, устроенный на вашем корабле, и сказал, что поручает мне взорвать корабль, лишь только он выйдет в море. Кроме того, мне было передано несколько угрожающих записок, которые я должен был подбрасывать вам, чтобы держать вас в постоянном страхе.

— Это гнусно! Это уж какая-то утонченная жестокость!

— Правда, это было ужасно... Я сначала отказался. Тогда Самуил сказал мне с ужасной улыбкой: «Ты подписал смертный приговор своей жене и детям. Следующий же наш корабль возьмет на борт твое семейство, под предлогом, что ты вызываешь его в Европу, и утопит его в море. А чтобы ты не вздумал болтать, мы сумеем устранить и тебя с нашей дороги». Что мне было делать? Долго я боролся, наконец, уступил и, чтобы спасти жену и детей, согласился принять это гнусное поручение. Но так как мне страшно не хотелось убивать людей, которые мне ровно ничего дурного не сделали, то я и откладывал взрыв со дня на день. Вот и все. Больше я ничего не могу вам сообщить.

— Хотя мы не имеем возможности проверить первую часть твоего показания, но допускаем, что она правдоподобна. Что же касается второй части, то нам кажется, что ты сказал нам не всю истину. Ты откладывал взрыв вовсе не из великодушия, а просто потому, что сам шел на верную смерть. Ведь ты погиб бы вместе с нами.

— Вы ошибаетесь, господин командир,— отвечал ловкий негодяй.— Если я медлил, то единственно из боязни греха.

— Жаль, что ты не можешь этого доказать.

— Напротив, очень легко могу.

— Интересно знать, как бы ты это сделал? Честным людям верят в подобных случаях на слово, но тебе...

— Я не прошу, чтобы мне верили на слово, но я могу показать, как бы я поступил для того, чтобы спастись после взрыва.

— Говори. Мы слушаем.

Надод увидал вдали свою шхуну, которая лавировала, но не подходила. Он ее узнал, несмотря на расстояние, но на клипере ее продолжали принимать за «Леонору». У бандита зародилась в голове адская мысль...

— Объяснись же, мы тебя не понимаем,— повторил Фредерик Биорн.

— Это очень просто,— сказал ложный мулат, пуская в ход последний козырь. Видите вы этот корабль, лавирующий вдали?

— Видим. Это наш вспомогательный корабль «Леонора».

— Ошибаетесь, господин командир,— смело возразил бандит,— это шхуна, предоставленная в мое распоряжение старым Самом. Она все время шла сзади вашего корабля, и я постоянно переговаривался с ней сигналами... Хотите, я вам покажу, как это было?

Эдмунд сиял восторгом, что его догадки и предположения оправдывались во всех мелочах.

При последних словах мулата Фредерик наклонился к брату и тихо сказал ему:

— Знаешь, мне не хочется вешать этого бедняка, хотя он и вступил со старым Бартоном в самую гнусную сделку, какая только может быть. Отчего не дать ему возможность привести в свою пользу смягчающие обстоятельства. Ведь это для нас нисколько не опасно.

— Я разделяю твое мнение и вообще стою за милосердие и пощаду,— отозвался Эдмунд.

Тогда, обратясь к мулату, Фредерик Биорн сказал:

— Позволяем тебе сделать опыт.

— Благодарю вас, господин командир,— отвечал бандит, не помня себя от радости, что его хитрость удалась.— Только нужно, чтобы на борту было все как обыкновенно, а то на шхуне, пожалуй, догадаются... Вы видите, я вполне откровенен.

— Хорошо. Я сделаю нужные распоряжения.

— Благодарю вас. Через полчаса вы увидите, что я сказал вам правду.

С этими словами Надод на глазах у всех отправился в свой тайник и, выставив руку из люка, принялся махать белым платком.

Сердце у него билось. Заметит ли шхуна сигнал?.. Что, если не заметит и уйдет? Что, если на клипере кто-нибудь догадается о его хитрости?.. От этих тревожных дум на лбу Надода выступил холодный пот.

Вдруг он вскрикнул от радости: шхуна шла прямо на «Дядю Магнуса». Очевидно, она заметила сигнал.

Фредерик и Эдмунд тоже с интересом следили за маневрами шхуны.

Еще пять минут — и она столкнется с клипером; но нет, на ней матросы опытные, они этого не допустят.

— Она идет к нам очень решительно,— заметил Фредерик брату.— Должно быть, мулат сигналом показал ей, что можно приблизиться без всякой опасности.

— Вероятно, так,— согласился Эдмунд.

Оба брата пришли к носу клипера. Шхуна подходила к бригу вплотную. На палубе ее в эту минуту было только четыре матроса с капитаном, стоявшим на мостике.

С обоих кораблей можно было теперь без труда переговариваться.

— Good morning, gentlemen! — Добрый день, джентльмены! — крикнул капитан шхуны, притрагиваясь к фуражке.

— Good morning, captain! — отвечали братья.

— Very splendid weather and very good wind! — Прекрасная погода и ветер отличный! — продолжал капитан, ловко стараясь отвлечь на несколько минут внимание собеседников.

— Very good wind indeed! — Действительно, отличный ветер! — отвечал Фредерик и прибавил: — Are you going around the ship? — Вы собираетесь обойти вокруг корабля?

Вместо ответа капитан шхуны звучно скомандовал:

— Ставь паруса!..

Шхуна в один момент покрылась парусами и, ускорив ход, прошла мимо самого клипера, почти касаясь его борта. В ту же минуту люк тайника открылся и ложный мулат как бомба вылетел на палубу шхуны при громких рукоплесканиях ее матросов.

Капитан шхуны, махая фуражкой, насмешливо прокричал:

— Farewell, commodore, farewell! Splendid weather good wind! — Прощайте, капитан, прощайте! Погода прекрасная, ветер отличный!

Покуда он кричал эти слова, с кормы шхуны вдруг спрыгнул какой-то человек и, схватившись за бушприт «Дяди Магнуса», перебросился на его палубу.

Норландцы разом вскрикнули:

— Ле-Галль!..

— Это Ле-Галль!

Это был действительно храбрый бретонец, унесенный волной и подобранный шхуной.

Все это совершилось в мгновение ока, прежде чем Фредерик Биорн успел что-либо сказать или сделать.

Вскочив на палубу «Дяди Магнуса», Ле-Галль закричал как сумасшедший:

— Скорее! Скорее!.. Корабль взлетит на воздух через пять минут! Вы уничтожили мину, заложенную с левого борта, но осталась еще другая, на правом... Негодяй, наверное, поджег ее фитиль.

Эти слова были произнесены необыкновенно быстро. Ле-Галль бросился по лестнице вниз, за ним сейчас же все остальные. Но Фредерик Биорн не растерялся и сообразил, что лишний народ, столпившись внизу, будет только мешать полезным работникам.

— Стой! — крикнул он.— Никто ни с места!

Его сейчас же послушались.

— Пусть сойдут вниз только корабельный и оружейный мастера и их помощники,— прибавил он.

В сопровождении упомянутых лиц он быстро сбежал в межпалубное пространство, где Ле-Галль уже отдирал топором обшивку в каюте лейтенанта.

Эдмунд остался на палубе поддерживать дисциплину, что в подобную минуту было особенно необходимо.

— Скорее, господин мастер! Скорее! — кричал Ле-Галль.— Если через три минуты вы не достанете фитиля, мы взлетим!..

Корабельный мастер изо всех сил рубил топором, отдирая обшивку. Она была сделана из крепкого норвежского дуба и почти не поддавалась.

Вдруг мастер с такой силой погрузил топор в крепкое дерево, что он застрял и никак нельзя было его вытащить.

— Мы погибли! — вскричал Ле-Галль.

— Гуттор! Гуттор! — не своим голосом завопил корабельный мастер, с лица которого в три ручья лился пот.

К счастью, богатырь находился тут же. Он понял, чего ждут, подскочил к стене, ухватился за топор и дернул его.

Топор отделился от стены вместе с доской обшивки ярда на три в длину.

Радостный крик вырвался из груди всех присутствующих... За обшивкой они увидали цинковый ящик, подобный найденному прежде и с таким же точно просмоленным фитилем, который был зажжен.

Оружейный мастер немедленно залил его водой.

Минута продления — и корабль был бы взорван.

Фредерик Биорн только теперь понял, какой опасности избежал он со своими товарищами, и побледнел. Чтобы не упасть, он вынужден был прислониться к стене, но минутная слабость скоро прошла, и он почувствовал такой прилив гнева, что, не посоветовавшись даже с братом, бросился, как безумный, на палубу, чтобы двинуть корабль в погоню за бандитами и должным образом их наказать.

Негодяям предстояло, неведомо для них самих, очутиться меж двух огней: вдали появилась «Леонора», шедшая к «Дяде Магнусу».

Волны во время шквала далеко отнесли ее от клипера. Когда бретонца Ле-Галля смыло с палубы, море принесло его не к этой шхуне, а к бандитскому кораблику. Его подняли на палубу чуть живого и привели в чувство. Он, однако, притворился очень слабым, чтобы избежать расспросов, прежде чем он сам узнает, в чьи руки он попал.

Когда наступило затишье, он притворился, будто заснул глубоким сном. Вокруг него разговаривали, не стесняясь. Из этих разговоров он узнал, что шхуна идет к «Дяде Магнусу», чтобы принять оттуда человека, которому поручено взорвать корабль. Поиски на клипере начались еще при Ле-Галле, следовательно, то, что он услышал, не должно было его удивлять.

Один из матросов шхуны в разговоре выразил опасение, что фитиль может потухнуть на половине, не дойдя до мины.

— Этого нет основания опасаться, любезный,— возразил капитан.— Мины заложены с двух сторон, так что если одна не взорвется на правом борту, то взорвется другая на левом.

Ле-Галль задрожал всем телом.

Он знал, что на «Дяде Магнусе» ищут мину только с одной стороны.

Бравый матрос решился выжидать событий и, при первом удобном случае, предупредить клипер о грозящей ему опасности.

Мы уже видели, что это ему удалось.

Герцог горячо поблагодарил бретонца и пообещал ему хорошую награду, после чего Ле-Галль встал на свой пост.

Погоня началась. Предупрежденная посредством сигнала «Леонора» начала маневрировать так, чтобы перерезать дорогу бригантине, которая, по-видимому, относилась к ее маневрам совершенно равнодушно, как бы ожидая, что клипер сейчас взлетит на воздух.

Однако через некоторое время бандиты догадались, что на клипере своевременно обнаружили и вторую мину. Шхуна быстро покрылась парусами и понеслась прямо на оба корабля, намереваясь проскочить между ними. На маленькой шхуне все было устроено так, чтобы сообщить ей наибольшую быстроту. Она делала семнадцать узлов в час, а «Дядя Магнус» только десять или двенадцать; «Леонора» была быстрее клипера лишь на два узла.

При таких обстоятельствах нечего было и думать об успехе погони.

Посоветовавшись с братом, Фредерик Биорн велел кораблям продолжать путь к северу.

Выказав свою быстроту, бригантина ловко повернулась и, не уменьшая скорости своего хода, стала снова приближаться к клиперу.

Какое было у нее намерение?

Уж не собиралась ли она последовать примеру Горациев и разделить врагов, чтобы сразиться с каждым порознь?

Нет, эта мысль была только смешна. Бригантина не могла меряться силами ни с клипером, ни с «Леонорой».

Гораздо вероятнее, что она намеревалась посмеяться над «Дядей Магнусом», пользуясь своим превосходством относительно быстроты.

Действительно, она задумала что-нибудь в этом роде, потому что шла прямо на клипер. Это она могла сделать тем смелее, что пушки «Дяди Магнуса» были приспособлены только для разбивания льда, подобное обстоятельство не могло оставаться неизвестным для бандитов. По мере приближения шхуны матросами клипера все сильнее овладевало раздражение, но Фредерик и Эдмунд только улыбались с полным презрением к бессильному врагу.

Вероятно, читатель помнит, как герцог Норрландский шутя спросил капитана шхуны, уж не собирается ли тот обойти вокруг клипера.

Обойти таким образом корабль, идущий полным ходом, считается, по морским понятиям, оскорблением, которое не прощается никогда.

Не один раз бывало, что корабли обменивались пушечными выстрелами из-за этой, с виду такой невинной, шутки.

Матросы глухо роптали. Фредерик Биорн вынужден был на них прикрикнуть.

— Ребята, стоит ли волноваться? — сказал он.— Неужели слону прилично обращать внимание на моську? Будь этот корабль одного размера с нашим, я бы принял бой, но при данных обстоятельствах гораздо лучше не обращать внимания на ничтожного противника.

Голос любимого командира сразу успокоил матросов. Бандитская шхуна совершила свое круговое движение при общем равнодушии.

Но сцена этим не закончилась. Ободренная успехом своего ловкого маневра, шхуна, выходя в море, рассчитала свой ход так, чтобы пройти под ветром у клипера в каких-нибудь двух кабельтовых и тем довершить свое торжество. Она знала, что пушки для пробивания льда могут стрелять лишь на пятнадцать локтей вокруг корабля, и смело прошла под самым его носом. Три матроса на палубе махали шапками, а двое остальных, стоя на реях, кричали:

— Ура «Дяде Магнусу»!

Все это было бы, пожалуй, очень смешно, если бы этой комедии не предшествовала трагедия. Фредерик и Эдмунд готовы были отдать несколько лет жизни за то, чтобы иметь под руками готовую батарею для наказания негодяев.

Но комедии скоро пришел конец.

На корме бандитской шхуны, когда она проходила мимо клипера, показался человек с черным знаменем в руках и, потрясая этим знаменем, прокричал:

— Мщение! Мщение!..

Норрландские матросы испустили дружный крик удивления:

— Надод!.. Красноглазый!

Поравнявшись с Фредериком и Эдмундом, изумленными до последней степени, тот вдруг протянул руку с пистолетом.

Раздался выстрел.

Эдмунд упал на руки брата.

— Ах! — вскричал герцог.— Над нами проклятие!..

— Ура! Ура! — вопил Красноглазый.— Месть! Месть!..— Он с торжеством потрясал своим черным пиратским знаменем.

VII

На стоянке.— Бухта Надежды.— Отплытие «Леоноры».— Планы Фредерика Биорна

Эдмунд почти сию же минуту вскочил на ноги.

— Ничего, брат, все слава Богу,— сказал он.— Я даже не ранен, кажется.

Эдмунда осмотрели. Оказалось, что пуля, ударив ему в грудь, встретила алмазный знак ордена Св. Людовика, пожалованный ему на прощанье французским королем в награду за его службу во французском флоте. Этот орден выхлопотал для него и для Олафа министр Шуазель, когда герцог Гаральд отозвал обоих своих сыновей на родину.

К великой радости молодого человека, орденская звезда оказалась неповрежденной: ее охранили крупные алмазы, которыми она была осыпана.

Падение Эдмунда произошло единственно от страха, овладевшего им при неожиданном выстреле: он думал, что пуля попадет в его брата и убьет его наповал.

Радость обоих братьев, что они оба живы и невредимы, была омрачена лишь неприятным открытием, что их смертельный враг существует на свете, а вовсе не погиб, как они думали.

Однако это открытие не заставило их отказаться от предпринятой экспедиции.

— Когда мы узнаем доподлинно, что сталось с дядей Магнусом,— сказал Фредерик,— тогда мы вернемся и примемся за Надода, чтобы на этот раз уничтожить его окончательно. Но до тех пор пусть он поживет на свете, делать нечего.

Братья полагали, что им нечего бояться Надода, что он не станет преследовать их среди льдов.

Простояв несколько дней в Исландии и присоединив к экспедиции одного врача-француза по имени Леблон, жившего на этом острове, оба корабля пошли в Гренландию. Герцог Фредерик нарочно взял себе в корабельные медики такого человека, который был привычен к холодному климату и, следовательно, мог перенести труды и тяготы полярной экспедиции.

«Леонора» должна была провожать «Дядю Магнуса» до тех пор, покуда не будет для него выбрана зимняя стоянка. Шхуне нужно было познакомиться с ней до того, чтобы успешно выполнить впоследствии порученное ей дело. Она должна была служить звеном, связывающим экспедицию с остальным миром.

План герцога задуман был превосходно и резко отличался от всех прежних неудачных попыток проникнуть к Северному полюсу.

Фредерику Биорну были неизвестны средства, использованные его дядей Магнусом, но он был уверен, что они были вполне достаточны, потому то Магнус Биорн почти достиг успеха и отправил Розевеля за помощью в Розольфсе. Герцог Гаральд отказал в просимой помощи по причинам, которые были неизвестны его сыновьям, вследствие чего Фредерик Биорн считал своим долгом загладить то, что он считал виной покойного герцога.

Молодой герцог понял, что для успеха предприятия необходимо, подвигаясь вперед, оставлять позади себя пункты, снабженные всевозможными запасами: одеждой, топливом, пищей для людей и животных.

С этой целью, покуда «Дядя Магнус» только еще строился, шхуну «Леонору» посылали в Гренландию уговориться с одним эскимосским племенем относительно содействия экспедиции на неопределенный срок. На этих людей, на их выносливость и знание местных условий можно было положиться вполне.

Герцог Фредерик, зная из отчетов розольфских моряков за несколько столетий о переселении морских птиц на зиму к Северному полюсу, намеревался подробно расспросить эскимосов об этом загадочном факте.

Начальниками эскимосов, согласившихся помогать экспедиции, были два молодых человека — Готшальк и Рескиавик. Весь отряд эскимосов должен был состоять из пятидесяти человек.

Готшальк и Рескиавик с частью своих товарищей были заранее привезены в Глазго и посажены на «Дядю Магнуса». Об этом мы, впрочем, уже упоминали вскользь.

По прибытии в Гренландию оба корабля были радостно встречены нанявшимися эскимосами. Так как розольфцы долго не приходили, то эскимосы начали уже терять надежду на заработок. Восторгу их не было пределов, когда они увидали, в каких шубах щеголяют их товарищи, приехавшие на «Дяде Магнусе». Они стали рассчитывать, что и им дадут такие же прекрасные подарки.

Простояв несколько дней и приняв на борт эскимосов, которых разделили на два отряда, «Дядя Магнус», провожаемый «Леонорой», вышел в море при громких приветствиях собравшейся толпы.

Корабли направились к северу. Они последовательно прошли мимо Шпицбергена, Мелвилла и так называемых Ледяных берегов, потому что они освобождаются ото льда и снега всего на каких-нибудь пять или шесть недель в году.

Герцог Норрландский велел держать курс по прямой линии на север, предполагая, что лишь в этом направлении он может отыскать дядю Магнуса, по всей вероятности умершего на границе обетованной земли, которую он отыскивал и нашел.

Исследовав до реки Макензи все верхние берега, омываемые Ледовитым океаном, Фредерик Биорн вернулся назад, обогнул мыс Ледяной, Шпицберген и снова проехал мимо северного берега Гренландии, отыскивая там для себя зимнюю стоянку. С этим нужно было торопиться, так как был уже сентябрь.

Наконец Фредерик отыскал небольшую бухту, которую назвал бухтой Надежды. Она находилась под 82°70′ северной широты и 6°22′ восточной долготы.

Бухта была окружена высочайшими утесами, которые защищали ее от всех ветров. Более удобную стоянку трудно было и найти.

Простояв сутки с «Леонорой», Фредерик Биорн на следующий день отослал ее обратно, приказав командиру ее, нашему старому знакомому Биллю, явиться в бухту следующей весной и привезти надлежащее количество всяких припасов.

Матросы шхуны и клипера были связаны между собою узами дружбы и родства. Немудрено поэтому, что и те, и другие с тоскою готовились к предстоящей разлуке — быть может, навсегда.

Прощание вышло трогательное. Матросы «Леоноры» плакали, не скрывая своей жалости к товарищам, идущим навстречу опасности, но матросы «Дяди Магнуса» крепились, не желая показаться слабыми.

— До свиданья! До свиданья! — долго кричали друг другу остающиеся и уходящие.

«Леонора» ушла.

VIII

Друг Фриц и моржи.— Воспоминание.— Перелет птиц.— Море льдин.— Начало зимовки.— Эдуард Пакингтон.— Наем эскимосов.— Белые медведи

Только что успел Фредерик Биорн приготовить все для зимней стоянки, как на море показались первые льдины. Экипаж клипера радовался, потому что они означали для него средство продолжать предприятие. По другую сторону равнины, ограничивавшей бухту, снова начинался Ледовитый океан, по которому можно было на санях проехать пространство в два градуса длиной.

В момент прибытия наших путешественников вся местность была оживлена. В воздухе носились морские птицы с такой беззаботностью, которая прямо указывала, что они никогда не видали людей. Моржи и тюлени подплывали к самой корме корабля, как бы желая ознакомиться поближе с невиданной громадой.

Однажды друг Фриц позабавил моряков внезапным пробуждением в нем рыболовного инстинкта. Это было тем оригинальнее, что он был взят от матери еще совсем маленьким медвежонком и после того ему не приходилось самому добывать себе пищу.

Друг Фриц вместе с прочими любовался на птиц, которым матросы бросали куски вяленой рыбы. Вдруг в бухте появилось стадо моржей с длинными изогнутыми клыками. При виде их медведь вытаращил глаза и тихонько завизжал от радости, как щенок, увидавший из окна, что на дворе играют другие щенята. Моржи действительно резвились, ныряя и кувыркаясь в воде.

Через несколько минут друг Фриц начал вздрагивать и трясти своей огромной головой. Он лишь недавно достиг зрелого возраста и, как все молодые животные, очень любил игру. Желал ли он присоединиться к моржам и порезвиться вместе с ними или в нем проснулся инстинкт? Быть может, и то, и другое... Как бы то ни было, но через несколько минут он не выдержал и, прыгнув с корабля, свалился среди играющих. Сначала он погрузился в воду, но сейчас же выплыл, глухо поваркивая. Он был сыт и, по-видимому, не имел никаких свирепых намерений. Эдмунд, зная его отлично, утверждал, что медведь просто желал поиграть с моржами.

Но моржи понимали это иначе. Они не видели разницы

между медведем диким и цивилизованным. Вследствие этого друг Фриц, как только вынырнул, сейчас же получил ужасный удар клыком.

Моржи окружили его, сердито надвигаясь. Бедный медведь совершенно растерялся от такого приема и даже не пробовал защищаться.

Пора было матросам вмешаться, иначе разъяренные моржи растерзали бы его в клочки. По приказанию Эдмунда человек двадцать матросов, столпившись у кормы, подняли громкий крик. Испуганное стадо сейчас же рассеялось.

Избавленный от опасности медведь вернулся на палубу при громком хохоте матросов. Он был очень сконфужен своим приключением и низко опускал голову.

Однако другу Фрицу предстояла впереди суровая жизнь, от которой суждено было проснуться его природным инстинктам, до этого времени спокойно дремавшим в нем.

Между тем Фредерик Биорн торопил приготовления к отъезду. Шел густой снег, предвестник больших холодов, хотя на дворе стоял только конец сентября. Появились первые перелетные птицы отдельными небольшими стаями, направляясь на север к свободному ото льда морю, в существовании которого нет ни малейшей возможности сомневаться.

Стаи птиц все увеличивались и, наконец, стали заслонять небо, как тучи. Куда же именно они летели? К какому-то месту, нам до сих пор неизвестному, но, несомненно, лежащему между магнитным полюсом, который совершенно произвольно предполагается на 70°, но в действительности находится гораздо выше, и между полюсом холода. Птицы тянутся туда двумя дорогами: одна проходит между Гренландией и Шпицбергеном, другая между Алеутскими островами и Беринговым проливом. Невозможно же допустить, чтобы птицы нарочно летели для того, чтобы погибнуть от холода в ледовитом краю; очевидно, там есть страна с умеренным климатом, в котором можно жить. Наконец, с наступлением лета они все возвращаются — это тоже всеми подмеченный факт.

Все это исстари наводило многих и многих на мысль о существовании на Крайнем Севере свободного моря, для открытия которого еще с прошлого века предпринимались полярные экспедиции.

Направление, которого держались птицы, означало для Фредерика и его брата то, что они выбрали кратчайший путь к

полюсу. Когда пролетели последние стаи, начались холода. Термометр быстро падал и скоро дошел до 18° ниже нуля. Появились крупные льдины, начался ледоход. Со дня на день ожидалось, что лед окончательно станет и «Дядя Магнус» будет изолирован от остального мира.

Однажды вечером, перед закатом, вахтенный матрос, меланхолически прохаживавшийся вдоль борта, вдруг встрепенулся и вскрикнул:

— Парус слева!

Все выбежали на палубу, и впереди всех Фредерик и Эдмунд, подумавшие, что вахтенный сошел с ума.

Но нет, к удивлению, в бухту действительно входила хорошенькая небольшая яхта, салютуя клиперу. На мостике яхты стоял человек высокого роста, махавший шляпой и кричавший «ура!», которое дружно подхватывали матросы. Фредерик Биорн ответил тем же, а за ним и восемьдесят норрландских матросов гаркнули «ура!».

Яхта грациозно поравнялась с клипером и бросила якорь рядом с ним.

Фредерик сейчас же пригласил капитана яхты к себе на борт. Капитан не заставил себя просить два раза и ловко перебрался на клипер.

— Здравствуйте, джентльмены,— сказал он Фредерику и Эдмунду, шедшим к нему навстречу.— Эдуард Пакингтон,— прибавил он, кланяясь.— Чистокровный янки, родом из Нью-Йорка.

— А я — Фредерик Биорн,— отвечал герцог Норрландский, пожимая руку американцу,— а это мой брат Эдмунд.

Североамериканский гражданин был рослый мужчина средних лет, с открытым и приятным лицом, которое сразу располагало в его пользу, хотя черты далеко не отличались правильностью: англосаксонский рот до ушей, круглые навыкате глаза и огромный, мясистый, красный, угреватый нос, обличавший не совсем умеренную склонность к спиртным напиткам. Волосы на голове и бороде были красно-рыжие.

В нравственном отношении Эдуард Пакингтон был человек смелый и решительный, не останавливающийся ни перед чем. Он был старший сын бедного методистского пастора, обремененного, как почти все пасторы, многочисленным семейством. Начав буквально ни с чего, он к тридцати пяти годам сделался одним из богатейших арматоров Нью-Йорка, обеспечил престарелых родителей, принял к себе в компанию двух своих братьев

и, предоставив им заведование делами фирмы, решил посвятить часть своего времени на исполнение одного плана, задуманного им давно.

В войне за независимость штатов Эдуард Пакингтон принимал деятельное участие и пожертвовал на борьбу не один миллион. По признании независимости колонии он был выбран одним из первых сенаторов. Вообще, он был человек добрый; отзывчивый на все хорошее и всегда готовый оказать помощь ближнему. Сограждане любили его и уважали.

По окончании срока службы по первым выборам Пакингтон отказался от вторичного избрания, так как решил приняться за осуществление своего плана.

Таков был человек, с которым судьба свела братьев Биорнов.

Обменявшись первыми приветствиями, словоохотливый янки заговорил:

— Джентльмены, если знакомиться, так уж знакомиться как следует. Одних имен мало. Позвольте вам рассказать, что я за человек.

И Эдуард Пакингтон скромно, но правдиво изложил свою биографию.

— И вот, господа,— заключил он,— во время одного из своих плаваний по северным морям на китобойном судне я заметил, что птицы, при наступлении зимы, перелетают с юга на север. Это навело меня на мысль, что на севере существует земля с умеренным климатом и свободное море.

Фредерик и Эдмунд переглянулись, но янки в пылу рассказа не заметил этого.

— Я решил снарядить экспедицию, запасся всем необходимым и, как только личные дела позволили мне это, отправился, как видите, к Северному полюсу. В Исландии я нанял двух эскимосов, которые, как я узнал, уже служили проводниками какимто европейцам, тоже предпринимавшим полярную экспедицию, но погибшим от голода и холода. Каково же было мое удивление, когда, по приходе в эту бухту, я увидал ваш корабль... Джентльмены, вы, вероятно, тоже отправляетесь к Северному полюсу?

Благородная, добродушная откровенность янки побудила Фредерика Биорна отплатить ему тем же. Почтенный мистер Пакингтон чрезвычайно удивился, когда узнал, что видит перед собою наследственного владетеля независимого герцогства. В те времена звания и титулы производили на американцев такое же

магическое действие, как и в наши дни. Но еще больше удивился янки, когда Фредерик Биорн так закончил свою речь:

— Конечно, мы не можем быть равнодушными к тому, что вы оспариваете у нас славу открытия свободного моря, но мы охотно уступим вам всю честь открытия, потому что вы имеете в виду исключительно научную цель, а мы не можем сказать того же о себе. Нами руководит, главным образом, один личный мотив, без которого мы, по всей вероятности, не двинулись бы с места.

— О, я так не желаю! — протестовал честный янки.— Это будет несправедливо. Честь открытия мы разделим пополам.

Упрямый янки стоял на своем, и пришлось с ним согласиться.

Когда Фредерик Биорн сообщил Пакингтону свой план, американец пришел в восторг.

— Нет, вы только представьте себе,— сказал он,— ведь мне и в голову не пришло устанавливать эти вспомогательные пункты, до которых додумались вы. Ведь это прекрасно!.. Это великолепно!.. Теперь, соединившись вместе, мы наделаем с вами чудес!.. Ура!.. Ура!..

Молодые люди невольно улыбнулись восторгу почтенного янки, в котором они обрели нового друга.

Когда первый восторг американца поостыл, он осведомился, каким образом Фредерик Биорн рассчитывает устраивать эти пункты.

— Очень просто,— отвечал Фредерик,— мы не будем ставить никаких палаток, а просто, на манер эскимосов, будем вырубать топором пещеры в ледяных глыбах. На каждом пункте мы будем оставлять гарнизон из нескольких человек эскимосов и европейцев.

— Браво, господин герцог! — вскричал американец.— Да ведь этак у нас с вами будет не экспедиция, а увеселительная прогулка.

В эту минуту на палубе яхты показались два эскимоса, нанятые американцем. Они с любопытством глядели на огромный клипер. По всей вероятности, им еще ни разу не случалось видеть такой огромный корабль.

Эскимосы были одеты в толстую зимнюю одежду, которая закутывала их с головы до ног, оставляя отверстие лишь для глаз и рта. Лиц их не было никакой возможности разглядеть; издали эти неуклюжие фигуры ничем не отличались от друга Фрица.

Один из эскимосов был высок ростом и отличался широкой костью, другой был коренаст и приземист.

Фредерик и Эдмунд удивились, что эти эскимосы уже одеты по-зимнему, но не придали этому обстоятельству никакого значения.

Что бы сказали они, если бы знали, что эскимосы закутались так лишь после того, как с яхты заметили «Дядю Магнуса»? Быть может, это навело бы обоих братьев на некоторые размышления.

Однако на борту клипера находился человек, которого тоже поразило обстоятельство, лишь вскользь замеченное герцогом и его братом. Этот человек был Грундвиг, питавший недоверие решительно ко всему и ко всем на свете.

По обыкновению, он поделился своими тайными думами с Гуттором, а затем, в один прекрасный день, изъявил Пакингтону желание осмотреть яхту.

Пакингтон с удовольствием согласился показать им свой хорошенький кораблик. Грундвиг и Гуттор отправились. Главной их целью было посмотреть поближе на эскимосов, и потому они очень обрадовались, когда увидали, что последние помещаются на яхте совершенно отдельно от американских матросов.

Этот визит не привел ни к чему. Грундвиг не открыл ничего такого, что подтвердило бы его подозрения, но тем не менее он сказал Гуттору:

— Хотя я не нашел доказательств, что эти эскимосы мошенники, но, с другой стороны, ничто не говорит мне о том, что они люди честные. Поэтому я буду следить за ними.

Это было не совсем логично, но Грундвигу казалось вполне убедительным.

Посетители удалились на свой корабль. А между тем в помещении эскимосов происходил следующий разговор:

— Иорник, видел ли ты двух посетителей, приходивших сюда?

— Видел, господин.

— На этой неделе ты должен избавить меня от них. Способ выбирай сам.

— Слушаю, господин.

— Ты знаешь, что за смерть каждого из них будет заплачено по пяти тысяч пиастров?

— Знаю, господин. Через несколько дней Иорник будет очень богат.

— То-то же!

— Могу я сказать еще одно слово, господин мой?

— Говори.

— Я убью не только этих двух, но всех, кого ты велишь. Только я не желаю, чтобы меня повесили на рее.

— Само собой разумеется.

— Поэтому я убью их тогда, когда мы уже двинемся в экспедицию. На суше я приму меры, чтобы даже трупы их не были найдены.

— Хорошо, но помни: если ты попадешься, я тут ни при чем. Действуй на собственный свой страх. Я не желаю поплатиться за твою неловкость. Уговор дороже денег.

— Иорник знает. Иорник принял этот уговор...

IX

Полярная буря.— Иорник и Густапс.— Часы бесед.— Почему?

В эту самую ночь разразилась страшная буря, свирепствовавшая подряд трое суток.

Пакингтон, явившись на клипер с двумя своими эскимосами, Густапсом и Иорником, которых пожелал видеть и расспросить Фредерик Биорн, не мог все три дня возвратиться на свою яхту. Несмотря на то что ртуть упала до 36° ниже нуля, океан не замерзал: ему мешала буря.

Почтенный янки по-своему боролся с ветром и холодом: он постоянно тянул стаканами то виски, то джин, то бренди, то херес. Этот прилежный труженик, как и большинство американцев того времени, не умел ни на что больше употреблять свой досуг, как на то, чтобы пить и пить.

В течение трех суток, покуда продолжалась полярная буря, он только этим и занимался.

На вопросы, обращенные к эскимосам, Густапс и Иорник отвечали, что лет девять или восемь тому назад они провожали одного европейца со свитой до ледяной стены, через которую еще не переступил ни один человек. Эскимосов послали обратно за помощью, которую европейцы просили у их племен, но, когда они возвратились, европейцев уже не было в живых никого: все они погибли от голода и холода. Впоследствии, правда, Густапс и Иорник слышали от других эскимосов, что двое или трое из членов экспедиции перебрались все-таки через ледяную стену,

за которой действительно лежит земля, свободная ото льда, куда улетают птицы; но эта земля так же холодна, как и соседние страны, и потому те два или три европейца тоже, по всей вероятности, погибли, как и их товарищи.

Ответы эскимосов не только не разъяснили, но скорее даже запутали вопрос.

Живя на клипере, эскимосы ничем не возбудили против себя подозрений. Иорник выказывал себя очень услужливым и распорядительным; мысль Фредерика учреждать по дороге промежуточные пункты он одобрил вполне. Скоро даже Готшальк и Рейкиавик прониклись уважением к его опытности, и без его совета на клипере не делалось уже ничего.

Таким образом негодяй создал себе прочное и почетное положение среди членов экспедиции.

Иорник говорил обыкновенно за себя и за Густапса, своего родственника. Последний играл роль немого, и так удачно, что никто ничего не мог заподозрить. Со своей стороны, Густапс начал ухаживать за старым Грундвигом и всячески подлаживаться к нему. Заметив слабость старика к табаку, он подарил ему несколько пачек самых разнообразных сортов. Старик умилился и сказал однажды своему другу Гуттору:

— Знаешь, этот эскимос, по-видимому, вовсе не дурной человек. Очень часто нам с первого взгляда кажутся несимпатичными люди, в сущности, честные и... и...

— И имеющие очень хороший табак,— договорил не без иронии Гуттор, насмешливо поглядывая на друга.

На этот раз враги Биорнов выбрали для исполнения своих целей чрезвычайно ловких людей.

Эти люди умели ждать, а это всегда имеет очень большое значение для успеха задуманных дел.

Грундвиг дряхлел. Это был уже не прежний Грундвиг, угадывавший все с первого взгляда. Конечно, он не утратил еще своей обычной проницательности, но зато действовал с меньшим тактом и, вечно твердя и повторяя одно и то же, начинал надоедать своим господам. Почти все на корабле, за исключением одного Гуттора, говорили про старика:

— Он завирается!

Таким образом, Густапс и Иорник — читатели уже догадались, конечно, что это были переодетые члены «Грабителей» — почти не имели на клипере серьезных противников.

При таких условиях опасность, грозившая норрландцам, была чрезмерна и едва ли отвратима.

Буря утихла. Льдины образовали сплошное ледяное поле. Солнце появлялось на горизонте лишь на самое короткое время. Наступила пора покинуть корабли и двинуться в путь.

Оставалось докончить последние приготовления, удостовериться, не позабыто ли что-нибудь, и окончательно установить маршрут.

Однажды после обеда, когда все прочие ушли, за столом остались братья Биорны, Пакингтон и Гуттор с Грундвигом.

Разумеется, беседа шла о предстоящей экспедиции.

— Итак,— сказал Пакингтон,— солнце скроется здесь на целые полгода?

— Любезный Пакингтон, вы ошибаетесь,— возразил герцог Норрландский.— В этой части Гренландии полярная ночь продолжается только три месяца, да и то она озаряется северным сиянием.

— Господа,— сказал янки,— у меня есть идея... Не позволите ли вы мне сообщить ее вам?

— Говорите, пожалуйста. Мы вас слушаем.

— Что касается до меня,— так начал янки,— то я очутился здесь в такую пору совершенно случайно, потому, главным образом, что мне подсказали эту мысль нанятые мною в Исландии проводники. Но вы — другое дело. Вы готовились к экспедиции заранее, вы заранее выработали план. Скажите, пожалуйста, почему вы выбрали именно это время года?

— Очень просто, любезный Пакингтон: мы хотели вступить в борьбу с суровым климатом в то время, пока мы еще полны сил и не истомлены путешествием. Мы имели в виду встретить все трудности в самом начале и победить их. Затем, когда мы уже порядком утомимся и измучаемся, солнце вернется, а с ним возвратятся к нам и утраченные силы.

— Боже мой, какое простое и в то же время глубоко верное рассуждение! — вскричал Пакингтон, искренно пораженный ответом норрландца.

— Все прежние путешественники,— продолжал герцог Норрландский,— поступали как раз наоборот, и в конце концов что же выходило? Истратив все свои силы, они натыкались на препятствия и погибали, не будучи в состоянии ни превозмочь их, ни вернуться назад. Мы же обеспечили себе и возможность борьбы, и свободное отступление на случай неудачи.

— Если после этого мы не достигнем цели,— вскричал в

восторге Пакингтон,— то я уж и не знаю, кому удастся ее достигнуть когда-нибудь.

Несколько минут еще продолжалась беседа на ту же тему, наконец, собеседники разошлись по своим каютам и легли спать.

X

Густапс и Иорник.— Два злодея.— Придворный куроед великого курфюрста.— Ночное покушение.— Северное сияние.— На оленях

Одновременно с этой беседой, происходившей в кают-компании клипера, на американской яхте велся разговор между двумя эскимосами Пакингтона.

Густапс и Иорник обсуждали вместе свои злодейские планы.

— Вполне ли надежно устройство твоей машины? — говорил Густапс.— Ты ведь знаешь, что клипер не должен взорваться ранее, как через десять дней, потому что именно такой срок нужен тебе на уничтожение четырех человек, которых я тебе указал: Грундвига, его товарища и обоих Биорнов.

— Это правда, что вы дадите мне двадцать тысяч пиастров за обоих братьев?

— Я дал тебе слово, Иорник.

— Ладно. Я их скоро заработаю.

— Затем ты должен сделать так, чтобы остальные норрландцы лишились всяких средств для возвращения на родину. Ни один из них не должен вернуться и рассказать о том, что случилось здесь.

— Не беспокойтесь, господин мой. Я устрою все как следует и в самую надлежащую пору.

— Вот я и спрашиваю тебя, уверен ли ты в успехе?

— Уверен, как в том, что я существую в данную минуту. Видите ли, я устроил фитиль, время горения которого рассчитано в точности. Конец его проведен в крюйт-камеру яхты. Через две недели яхта взлетит на воздух, а с нею и клипер, который стоит бок о бок.

— А разве не может случиться, что яхта взлетит, а клипер уцелеет?

— Разве вы не помните, что мы уговорили этого дурака Пакингтона взять с собой десять тысяч килограммов пороха? Тут есть чем взорвать даже целых пять кораблей!

— Твоя правда, Иорник. Взрыв будет ужасный. Можно вполне надеяться, что наши враги погибнут до единого, после чего мы уедем в санях на южный берег, где и будем ждать корабля, который должен за нами прийти.

— И тогда Иорник будет богат и не вернется в землю своих предков, а станет жить с белыми людьми, есть ростбиф, пить водку, курить глиняную трубку.

Читатель, вероятно, уже понял, что из двух злодеев только Иорник был настоящим эскимосом. Он действительно служил однажды проводником для одной экспедиции, предпринятой компанией молодых англичан с целью поохотиться на белых медведей. Компания осталась очень довольна его услугами и привезла его с собой в Лондон, где он имел большой успех в качестве первого эскимоса, показанного в Европе. С ним одно время много носились, заставляли его есть сырых, неощипанных кур и тому подобное. Но все на свете надоедает, надоел публике и эскимос. Между тем он успел привыкнуть к европейскому комфорту и полюбил денежки. Тщетно показывался он на подмостках цирков и балаганов в качестве «куроеда великого курфюрста Прусского» — на него перестали смотреть. Бедному эскимосу грозила в Европе голодная смерть. Наконец, над ним сжалился капитан одного корабля и отвез его в Исландию. Там его отыскал таинственный незнакомец, которого мы покуда знаем лишь под именем Густапса, и нанял его для своих целей. Дикарь, почувствовавший жажду к деньгам, ради них всегда бывает готов на все...

В эту ночь Иорник, докончив устройство своего фитиля, вернулся в каюту, где он помещался с своим товарищем. Густапс крепко спал. Тогда у эскимоса явилась мысль: а что, если враги Густапса богаче его и заплатят Иорнику за смерть Густапса гораздо дороже, чем тот обещал заплатить за убиение их?

Эта мысль быстрее молнии промелькнула в голове дикаря, но он успел ей поддаться. Взяв пистолет, он подкрался к спящему товарищу и прицелился ему в затылок.

Но Густапс никогда спокойно не спал; он постоянно бредил разными ужасами. Так и в этот раз его посетили тревожные сны; он стал метаться и кричать:

— Измена!.. Не смейте!.. Горе тому, кто меня тронет!

Иорник подумал, что это дух-покровитель предупреждает Густапса о грозящей ему опасности. Дикарь испугался, бросил в сторону пистолет и встал на колени, громко крича:

— Простите!.. Простите!.. Это злой дух меня смутил!.. Никогда больше не буду!.. С этой минуты я буду вам верен, как собака!..

При первых же словах эскимоса Густапс проснулся и понял все.

— А, господин Иорник,— сказал он,— вы хотели продаться тому, кто дороже заплатит? Подойди ближе,— прибавил он повелительно.

Эскимос подошел.

Густапс прицелился в него из своего пистолета.

— Стрелять или нет? — спросил он.

— Как угодно,— смиренно отвечал Иорник, весь трепеща.— Злой дух ввел было меня в искушение, но я удержался.

— Ну, на первый раз я тебе прощаю,— сказал Густапс,— но помни, что, если что-нибудь подобное повторится — пощады тебе не будет... Запомни это!

Эскимос отошел прочь, как побитая собака, и лег спать в углу.

Эта ночь была последнею перед выступлением в поход. Наутро все норрландцы должны были уехать на санях по льду, за исключением Лютвига и десяти матросов, оставленных для охраны клипера.

В эту ночь горизонт осветился великолепным северным сиянием, на которое норрландцы так залюбовались, что долго не ложились спать. Особенно восторгался Пакингтон, никогда не видавший ничего подобного.

Утром, в назначенный час, состоялось выступление.

Весь караван разделился на три части: норрландцы шли под начальством Эдмунда, американцы — Пакингтона, а эскимосы — под начальством Готшалька и Рескиавика..

Экспедицию сопровождали пятеро саней, нагруженные вещами и припасами.

Предполагалось, что один день сани будут везти олени, а другой день собаки — по очереди, во избежание утомления тех и других.

Собаки были эскимосской породы, с превосходным чутьем и замечательно дрессированные.

Иорника и Густапса возвели в сан главных проводников. Фредерик Биорн взял на себя основное командование экспедицией.

В первое время после выступления норрландцы пели веселые песни, но потом унялись. Экспедиция двигалась среди глубокой тишины, которую нарушал только скрип полозьев по мерзлому снегу да по временам лай собак.

XI

Первая станция.— Мамонт.— Тревога.— Белый медведь.— Ложный эскимос.— Злые умыслы.— На санях.— Говорящий немой

Путешественники употребили ровно неделю на переезд через мыс Парри, имеющий около сорока миль ширины. По ту сторону мыса снова тянется Ледовитый океан вплоть до земли, покрытой вечным снегом и известной под названием Ледяные берега.

Фредерик Биорн решил устроить в этом месте первую станцию. Хотя от бухты Надежды тут было еще недалеко, но герцог считал целесообразным, чтобы расстояние между станционными пунктами было как можно меньше.

По приказанию герцога матросы отыскали удобное место и немедленно принялись вырубать топорами пещеру в ледяной глыбе.

Работа подвигалась быстро. Сильные, могучие норрландцы делали просто чудеса. В несколько часов готово было значительное углубление, так что снаружи уже не было видно работавших в нем.

Вдруг один из них выбежал оттуда и крикнул герцогу:

— Ваша светлость, пожалуйте взглянуть... Во льду нашелся какой-то огромный зверь...

Оба брата и Пакингтон побежали к выдолбленной пещере и остолбенели от изумления.

Во льду они увидали огромную черноватую массу, величиной на целую треть больше индийского слона. Это было целое животное — с мясом и с кожей.

— Может быть, он тут пробыл более ста тысяч лет,— заметил Фредерик Биорн.— Эти животные давно исчезли с лица земли и превратились в ископаемых.

— Это как будто слон,— заметил американец.

— Действительно, это слон, но только допотопный, или так называемый мамонт.

— Но как же он мог так хорошо сохраниться, если он допотопный?

— Лед сохранил его в целости. Вообще, мамонтов находят почти всегда в нетронутом виде.

— Я в первый раз слышу об этом.

— О нет, дорогой Пакингтон, это уже много раз бывало и прежде. Мы в этом случае ничего не открыли нового.

Фредерик Биорн велел вытащить мамонта изо льда. Когда тушу разрубили, мясо оказалось розовым и свежим. Его отдали собакам, которые с жадностью на него набросились.

На устройство станции понадобилось два дня. Внутренние стены ледяной пещеры были обиты звериными шкурами, пол устлали рогожами, скамейки обтянули мягкой кожей, под которую подложили водорослей. Снабдив это жилье всем необходимым, устроили в честь открытия станции торжество. Затем оставалось только выбрать несколько человек для того, чтобы вверить им охрану станции.

Фредерик сказал своим людям, чтобы они посоветовались между собою и выбрали сами кого хотят, а на следующее утро доложили ему имена.

Вскоре все легли спать. Часа через два сон путешественников был вдруг потревожен глухим рычанием где-то недалеко от лагеря.

— Это какой-нибудь белый медведь напал на наш след,— сказал Фредерик.— Пусть никто не выходит на разведку. Это опасно, а мне не хочется, чтобы день открытия первой станции ознаменовался какой-нибудь бедой.

Ночевали путешественники эту ночь в новой своей пещере. Среди сна им казалось иной раз, что какой-то зверь, рыча, царапается в массивную дверь пещеры, сработанную из толстых бревен.

Утром первый из норрландцев, отворивший дверь, сейчас же захлопнул ее в простительном испуге: у порога ее лежал огромный медведь.

Эдмунд тут же подбежал к двери, отворил ее и воскликнул радостно:

— Друг Фриц!.. Друг Фриц!..

Медведь сейчас же начал ласкаться к своему господину. Дело в том, что по совету эскимосов, опасавшихся, что друг Фриц будет привлекать диких медведей, его оставили было на «Дяде Магнусе», к великому огорчению Эдмунда. Офицеру, который назначен был начальником охраны клипера, поручено было следить, чтобы Фриц как-нибудь не вырвался и не убежал. Шесть дней медведя держали на привязи, на седьмой день, видя,

что он тих и смирен, спустили с цепи. Тогда Фриц сейчас же пустился наутек и догнал своего господина.

Не отводить же его было теперь назад! Пришлось примириться с его присутствием и принять в состав полярной экспедиции нового члена.

Друг Фриц словно почувствовал, что его оставляют, и весело запрыгал около Эдмунда.

Вообще медведи всех пород очень умны и привязчивы к людям. Это единственные из диких зверей, способные сделаться вполне ручными и не представлять ни малейшей опасности для своего хозяина,— разумеется, в том лишь случае, если они взяты маленькими.

До сих пор Эдмунд ни разу не имел случая пожаловаться на своего медведя, хотя тот и обнаруживал иногда ничем не мотивированную антипатию к некоторым людям. Так, например, еще на «Дяде Магнусе» был однажды такого рода случай. Грундвиг подозвал друга Фрица и велел ему потанцевать перед эскимосом Иорником. Но медведь, всегда послушный, на этот раз лишь сердито заворчал.

— Что это тебе не нравится бедный Иорник? — засмеялся Грундвиг.— Ну, уж так и быть. Если ты не хочешь показать свое искусство перед ним, то попляши хоть перед господином Густапсом.

Медведь подошел к немому эскимосу, обнюхал его и заворчал еще сердитее.

— Ах, какой ты странный зверь! — сказал Грундвиг.— Ну, чем тебе не нравятся господа эскимосы? Что они тебе сделали? Правда, они неказисты с виду, но ведь и ты не лучше. Они похожи на тебя, как две капли воды.

Эскимосы чувствовали себя очень неловко во время этой сцены и поспешили удалиться с клипера на яхту.

Грундвиг не оставил без внимания антипатию медведя к эскимосам и окончательно утвердился в своем предубеждении против них. Он решил следить за ними в оба глаза, не говоря, однако, об этом никому: он знал, что на его слова все равно не обратят внимания.

И как основательны были его подозрения! Густапс и Иорник уже назначили и ночь для убийства братьев Биорнов и Грундвига с Гуттором. Их решено было заколоть ножом в первую же ночь после отъезда с новой станции.

Исполнению этого намерения помешало только случайное обстоятельство...

Норрландские матросы, собравшись на совет для избрания лиц, которых предполагалось оставить для охраны станции, остановили свой выбор на Гутторе и Грундвиге и объявили об этом герцогу.

Грундвиг горячо запротестовал.

— Мы с Гуттором офицеры,— говорил он,— нами не могут распоряжаться простые матросы. Нашего согласия нужно было спросить...

— Не упорствуй, Грундвиг,— возразил ему Эдмунд.— Поверь, что ты будешь нам тут полезнее. Ведь ты уже стар, ты можешь не вынести путешествия к Северному полюсу. Подумай, как мне будет горько, если с тобой что-нибудь случится... Ведь я теперь смотрю на тебя, как на своего второго отца, после того как умер мой батюшка.

— О, Эдмунд! — вскричал, рыдая, старик.— Зачем вы мне это говорите? Вы довели меня до слез, как малого ребенка... Делайте со мной что хотите!.. Если вы приказываете — я остаюсь!..

Эдмунд бросился в его объятия.

— Спасибо, спасибо, старый и верный друг! — вскричал он.— Ну, а ты, Гуттор, согласен остаться? — прибавил он, обращаясь с вопросом к богатырю.

— Как скажет Грундвиг, так я и сделаю,— отвечал тот.— Дайте нам с ним посоветоваться.

Покуда происходили эти разговоры, поднялась ужасная северная буря. Ехать было опасно, и потому Фредерик Биорн отложил отъезд до следующего дня.

Когда об этом узнали эскимосы Пакингтона, Иорник явился к герцогу и сказал:

— Господин мой, так как вы отложили отъезд, то у нас впереди свободный день. Мне пришла по этому поводу одна мысль, которую я и прошу у вас позволения осуществить.

— Говори.

— Вы видите эти ледники в двух милях отсюда? Они представляют высокую стену, через которую трудно перебраться. Вот я и придумал съездить со своим товарищем и посмотреть, нельзя ли будет эту стену объехать.

— Очень хорошо, мой милый... Вообще, я чрезвычайно доволен и тобой, и твоим товарищем. Можешь быть уверен, что я вас обоих щедро награжу за службу.

— Спасибо, господин мой. Вы очень добры.

— Поезжай, куда ты говорил, и осмотри. Возьми мои легкие сани и собак... Ты, разумеется, возьмешь с собой и своего товарища?

— Да, господин мой.

— Прекрасно. Когда вернешься, расскажи мне обо всем подробно.

Несколько минут спустя легкие санки герцога Норрландского, запряженные шестью лапландскими собаками, стояли совсем готовые у дверей палатки, в которой жили Густапс и Иорник.

Там их можно было хорошо разглядеть обоих. Иорник был обыкновенный эскимос — с темно-бурой кожей, низким лбом, приплюснутым носом и узкими глазами, но его товарищ... Его товарищ натирал себе в это время лицо медвежьим салом для предохранения от мороза и снял с рук перчатки. Руки у него были белые, той белизны, которою отличается кожа рыжих людей. Лица его разглядеть было нельзя, так как он натирал себе щеки, не снимая с головы капюшона.

— Ну, теперь можно ехать,— сказал Густапс, окончив свой туалет.

— Тише, тише! — предостерег его Иорник.— Разве можно так рисковать.

— Кто же нас может услышать? — возразил с усмешкой «немой» Густапс.— Какой ты, однако, трус!

— Вы вот все не верите мне! — продолжал Иорник.— А между тем за нами постоянно следит тот человек, которого вы называете Гуттором... ну, одним словом, этот богатырь. Я и сейчас не уверен в том, что он не прокрался сюда в палатку и не подслушивает нас...

Густапс сделал жест нетерпения: палатка была так тесна, что в ней не мог спрятаться такой великан, как Гуттор.

— Твои глупые опасения просто смешны,— сказал «немой».— Замолчи, пожалуйста, и пойдем.

Иорник не стал больше разговаривать. Оба эскимоса вышли из палатки, сели в сани и с быстротой стрелы понеслись по снежной степи.

Едва успели сани отъехать, как из-за палатки поднялась какая-то огромная фигура, лежавшая до того времени на голой мерзлой земле.

То был Гуттор. Он прокрался к палатке бандитов, лег на снег и пролежал там все время, покуда злодеи разговаривали. Он слышал весь их разговор. Мало того: большой парусной

иглой он проколол в палатке отверстие и, приложившись глазом, имел возможность внимательно разглядеть их.

Подняться ему удалось после долгих усилий, но он не мог ступить ни шагу: от холода ноги богатыря парализовало. Он начал кричать, звать на помощь, но страшная буря заглушала его голос.

Палатка бандитов стояла всего шагах в пятнадцати от общего лагеря, но в такую бурю, какая свирепствовала теперь, даже и это расстояние было слишком велико для человеческого голоса.

— О, Боже мой! — стонал несчастный.— Неужели я умру, не дав никому знать об опасности?.. Это ужасно!.. Я этого не хочу, не хочу, не хочу!..

Он напрягал всю силу своих легких, кричал, звал... Нет, никто его не слышал.

Ветер ревел так, что Гуттор даже сам почти не слышал собственного своего крика.

Несчастный присел на снег, не будучи в состоянии стоять. Метель заносила его. Не имея надежды, что его услышат, он даже перестал кричать. Две слезы выкатились из его глаз и замерзли... Он лег на землю, чувствуя, что засыпает, и бессознательно хватаясь за что-то рукой.

В это время раздался чей-то встревоженный голос:

— Гуттор!.. Гуттор!..

Но Гуттор не откликнулся.

XII

Воскресший мертвец.— Отъезд.— Зловещие предчувствия

— Доктор, он умер? — спросили в один голос Фредерик и Эдмунд у доктора Леблона, который наклонился над бесчувственным телом богатыря и внимательно его выслушивал.

Старый Грундвиг рыдал, стоя на коленях у постели.

Доктор не ответил, продолжая слушать.

Фредерик Биорн повторил вопрос.

— Боюсь, что да,— отвечал, наконец, доктор.— Пульс не бьется, сердце неподвижно; приставленное к губам зеркало не запотело. Впрочем...

— Что впрочем?.. О, ради Бога, не томите нас...

— Еще не вся надежда потеряна. Состояние его очень

похоже на смерть, но органы могут функционировать иногда так слабо, что их деятельность остается незаметной. Во всяком случае, времени терять нельзя.

— Говорите скорее, что нужно делать?

— Покуда нужно тереть тело снегом как можно сильнее, а после мы увидим.

Грундвиг быстро вскочил на ноги и выбежал вон. За ним бросились еще человек десять норрландцев. Притащив снегу, они начали растирать им богатыря так усердно, что через несколько минут от его тела пошел густой пар.

— Хороший признак!.. Очень хороший!..— проговорил доктор, потирая руки, и приготовил укрепляющее лекарство для приема внутрь.

— Растирайте, растирайте хорошенько! — говорил он матросам.

Сняв верхнее платье и засучив рукава, доктор и сам стал растирать Гуттора.

Через несколько минут он достал серебряную трубочку и попробовал вставить ее в рот богатырю, но челюсти были сжаты так крепко, что не было никакой возможности их разжать.

Тогда доктор взял ножичек и, просунув его лезвие между зубами Гуттора, раздвинул их и вставил трубочку, через которую и начал вдувать в грудь гиганта воздух, сперва понемногу, потом все больше и больше.

Зрители стояли неподвижно, затаив дыхание. На бесстрастном лице доктора ничего нельзя было прочесть.

Прошло с четверть часа; за этот короткий промежуток времени бедный Грундвиг успел постареть на десять лет. Доктор передал трубку Фредерику Биорну, прося его делать то же, что перед тем делал он, а сам снова принялся выслушивать Гуттора. Первое время на лице Леблона отражалась надежда, но потом он вдруг сильно побледнел.

— Почти нет никакой надежды,— объявил он, поднимая голову.— Я испробую решительное средство.

Он взял стакан, положил в него кусок ваты, пропитанной спиртом, и приставил эту банку к левой стороне груди богатыря. Банка подействовала, на груди вздулся огромный желвак. Три раза повторил доктор эту операцию на левой стороне груди, потом над правой, после чего влил больному в рот ложку приготовленного питья и сказал:

— Если через несколько минут не обнаружится признаков жизни, это будет значить, что смерть сделала свое дело.

Только что он это сказал, как на щеках Гуттора показался слабый румянец.

— Слава Богу! — вскричал доктор.— Он приходит в себя.

Все присутствующие вскрикнули от радости, как один человек. Доброго богатыря одинаково любили и белые, и эскимосы.

Доктор надрезал ланцетом все шесть опухолей. Из них полилась кровь, несомненно доказывая, что больной жив. Затем молодой человек сделал кровопускание из руки и, выпустив полстакана крови, остановил ее. На руку наложили повязку. Гуттор слабо вздохнул и открыл глаза, но сейчас же закрыл их опять. Доктор велел завернуть богатыря в одеяла и дал ему ложку горячего вина. Гуттор выпил его сам и знаком попросил еще. Доктор исполнил его желание.

С этой минуты выздоровление пошло быстро. Через десять минут Гуттор открыл глаза уже совсем и узнал присутствующих. Чтобы рассмотреть их лучше, он даже хотел привстать, но доктор запретил ему это. Богатырь послушался и, взяв руку Грундвига в свою, стал нежно пожимать ее.

С возвращением сознания к больному вернулась и память.

— Спасибо, доктор! — говорил он.— Вы меня спасли от смерти. Теперь я должен исполнить великую обязанность и сделать важное разоблачение. Я никогда не забуду, что вам я обязан возможностью сделать это, и если вам когда-нибудь понадобится моя жизнь, берите ее.

— Ладно, ладно! Не говорите слишком много, это вам вредно.

— Мне лучше, когда я говорю. Я задохнусь, если не выскажу всего, что знаю.

— Ну, как хотите, только, пожалуйста, не утомляйте себя слишком много.

— Добрый мой Грундвиг,— сказал тогда богатырь, обращаясь к своему другу,— как мне тебя благодарить? Я уверен, что это ты меня спас, отыскав умирающего на снегу. Смерти я не боюсь — я видал ее близко, но умереть теперь, когда... Скажи, ведь это, конечно, ты первый вспомнил обо мне?..

— А как же иначе? Разве мы можем жить друг без друга?

— Правда, Грундвиг. Мы друг друга дополняем: ты голова, а я руки.

— Милый Гуттор!..

Прочие норрландцы скромно отошли в сторону, чтобы не мешать друзьям беседовать по душам.

— Кстати, Грундвиг: что же ты не спрашиваешь меня, как со мной случилась эта история? — сказал богатырь.

— Я боюсь, что тебе повредит разговор.

— Не бойся, я крепок, а есть вещи, которые следует сообщать как можно скорее.

— Ты меня пугаешь!

— То, что я собираюсь тебе сказать, Грундвиг,— дело очень серьезное.

— Я слушаю.

В нескольких словах Гуттор рассказал товарищу о том, что услыхал близ палатки эскимосов.

Грундвиг, выслушав этот рассказ, почувствовал у себя на лбу холодный пот. Кто такие эти новые враги? Какая у них цель?

— Послушай, Гуттор,— сказал старик,— не задавался ли ты вопросом: почему этот мнимый эскимос прячет от нас свое лицо? А главное, почему он притворяется немым?

— Не задавался, но думаю, что немым он прикинулся для того, чтобы мы не узнали по голосу,— отвечал богатырь.

— А кого бы могли узнать по голосу, как ты думаешь?

— Я знаю только одного такого человека,— задумчиво произнес Гуттор.

— Как его зовут?

— Красноглазый,— нерешительно выговорил богатырь, как бы сам не веря своей догадке.

— В добрый час! Ты становишься очень проницателен, как я замечаю. Действительно, только Красноглазый и способен подвести такую дьявольскую махинацию.

— Но почему же он кажется меньше ростом?

— Очень просто: от меховой одежды. Это всегда так бывает. Это обман зрения.

— Какая же у него цель?

— Цель самая понятная: убить, при первом удобном случае, герцога и его брата, а потом обратиться в бегство, взяв для этого легкие сани. Теперь нам остается только следить за ним в оба глаза.

— Как же ты это сделаешь, если мы дали господину Эдмунду слово остаться на станции?

— Не лучше ли рассказать все герцогу?

— Боже тебя сохрани!

— Отчего?

— Если ты можешь доказать, что Густапс и Надод одно и то

же лицо, то говори; но если не докажешь, то выйдет только одна неприятность. Нас с тобой объявят сумасшедшими и не будут верить ни одному нашему слову.

— А ты, пожалуй, прав,— сказал Гуттор, всегда в конце концов соглашавшийся с доводами товарища.

Действительно, в словах Грундвига было много справедливого, но не это главным образом побуждало его к молчанию. Грундвиг вообще любил действовать тайно и уж потом, когда задуманное дело удалось, объявлять о нем. Так и теперь он решился не говорить ничего, а только следить за Надодом, рассчитывая, что в конце концов бандит сделает какой-нибудь ложный шаг, по которому его можно будет вывести на чистую воду.

Крепкое телосложение Гуттора, который был лет на пятнадцать моложе Грундвига, помогло ему поправиться так быстро, что через несколько часов он уже был почти совсем здоров и только чувствовал небольшую боль в тех местах груди, где ему ставили банки. Он рассчитывал, что на следующий день ему можно будет выехать вместе с остальным караваном.

Иорник и Густапс вернулись из своей экскурсии очень поздно и не спешили с отчетом к герцогу, хотя сани, в которых они ездили, давным-давно уже были распряжены и убраны.

Фредерику Биорну хотелось узнать поскорее, чем закончилась поездка эскимосов, и потому он сам послал за ними, желая их расспросить.

Эскимосы отвечали посланному от герцога, что они только приведут в порядок свои костюмы и сейчас же явятся.

Читатель увидит ниже, что Густапс и Иорник не без причины прошли сначала к себе в палатку, а не явились прямо к герцогу.

Войдя в помещение станции, они искусно разыграли сцену изумления при виде лежащего Гуттора. Они держали себя так, как будто сейчас только узнали о приключении с богатырем.

Когда Иорник начал излагать Фредерику Биорну результаты поездки, Густапс вдруг перебил его, жестом показывая, что он желает что-то объяснить.

— Что он говорит? — спросил герцог у Иорника.

— Он находит, что здесь очень жарко, и просит позволения снять на минуту капюшон.

— Сколько угодно! Есть о чем спрашивать! — отвечал герцог.

Эскимос, не торопясь, развязал ремни капюшона и откинул его.

Показалось черное скуластое лицо, настоящее лицо эскимоса.

Грундвиг и Гуттор были изумлены.

Не такого человека ожидали они увидать. Тут даже Грундвиг нашел, что Гуттор слишком уж увлекся своим воображением, когда ему показалось, что он видел белые руки и белую шею Густапса.

«Но ведь не во сне же я это видел!» — думал бедный богатырь.

Когда он, после ухода эскимосов, поделился своим раздумьем с Грундвигом, тот отвечал:

— В темноте тебе могло показаться... глаза твои были воспалены от холода... немудрено было ошибиться...

Старику хотелось прибавить:

«Что же касается до слышанных тобою слов, будто бы сказанных немым, то это, по всей вероятности, был не более чем шум ветра».

Однако он промолчал, не желая огорчать друга.

Что бы он сказал, если б знал, что в пещеру приходил настоящий эскимос, не имеющий ничего общего с Густапсом, который все время спокойно сидел у себя в палатке?

Эскимос был тот самый, который принял сани от Густапса и Иорника по их приезде и который рассказал им о приключении с Гуттором. Узнав, что богатыря подняли около палатки, Густапс понял, что Гуттор подглядывал за ее обитателями. Осмотрев ее материю, Густапс нашел даже дырку, проколотую богатырем. Тогда-то он и задумал подставить вместо себя другое лицо, чтобы обмануть обоих норрландцев.

Простоватого эскимоса ему без труда удалось уговорить, чтобы он вместо него пошел к герцогу.

— Тебе даже говорить ничего не придется,— говорил Иорник,— потому что Густапс немой. Тебе только придется, из учтивости, сослаться на жару и попросить у герцога позволения снять капюшон, который перед уходом ты наденешь опять.

Эскимосу подарили за будущую услугу пачку табаку. Он согласился, и все произошло как по писаному.

Фредерик Биорн, для поддержания связи со всем персоналом своей экспедиции, каждый раз приглашал к ужину двух моряков и двух эскимосов. Из последних в этот раз оказалась очередь за Густапсом и Иорником. За столом их места пришлись между Гуттором и Грундвигом. Ужин шел весело. Пили за здоровье воскресшего богатыря, пили за успех экспедиции. Все заметили,

что Грундвиг в этот вечер был какой-то сонный и едва ворочал языком.

— Слабеет ваш старик! — заметил Пакингтон на ухо герцогу Норрландскому.

— Ведь уж и лет ему много,— так же тихо ответил Фредерик Биорн.— А если б вы знали, как много он потрудился в свою жизнь! Другой бы не вынес и десятой доли того, что вынес он.

Друзья разошлись спать довольно поздно.

На другой день Грундвиг проснулся с головной болью, как от угара, и пошатнулся, когда встал на ноги.

— Господи! Что же это такое со мной! — пробормотал он.

Кругом было все тихо. Гуттор крепко спал, ослабев от вчерашней потери крови.

Старик крикнул, но никто не отозвался.

— Непонятно! — сказал он и направился к двери, но на пороге столкнулся с молодым моряком Эриксоном, за которым шел эскимосский вождь Рескиавик.

— Ух, как здесь жарко после холода на улице! — вскричал молодой моряк.— Здравствуйте, Грундвиг, как ваше здоровье? Как поживает наш друг Гуттор?.. Надеюсь, что он теперь долго будет помнить...

Эриксон говорил как-то особенно бойко и развязно.

— Где герцог? — круто перебил его Грундвиг.— Где все остальные? Отвечайте, Эриксон!

— Они, вероятно, еще недалеко отъехали, мой добрый Грундвиг,— пролепетал юноша.— Впрочем, это зависит от езды... Могут встретиться препятствия...

Как будто свод пещеры обрушился на старика.

— Они уехали! — вскричал он.— Они нас бросили — и меня и Гуттора!

Опустившись на рогожу, которою был покрыт пол, старик горько заплакал.

Эриксону сделалось жаль его до глубины души.

— Полноте, что вы! — возразил он.— Где же они вас бросили? Они оставили при вас меня и Рескиавика и еще одного из наших, но он теперь привязывает собак...

— Собак?.. Что ты путаешь? — спросил Грундвиг.

— Ну да, собак. Нам оставили сани и лучших собак господина Эдмунда. Он непременно желал этого. Он сказал: «Если уж старику окончательно невтерпеж оставаться здесь, то пусть он нас догоняет».

— О, дитя, дитя!.. Милое, дорогое дитя!..

Гуттор тем временем успел проснуться.

— Грундвиг! Грундвиг! — позвал он слабым голосом.— Я не знаю, что такое со мной... Точно меня дурманом опоили.

— Да ведь и со мной то же самое! — отвечал старик, вдруг озаренный внезапной мыслью.— Я был вчера так слаб, да и сегодня утром опять... Кто же бы это мог сделать?

— Грундвиг! Грундвиг! — вскричал Гуттор, привставая на постели.— Помоги мне подняться, надо ехать... Наши господа погибли!..

— Что ты говоришь? — сказал потрясенный старик.

— О, припомни все хорошенько!.. Это они, негодяи, подсыпали нам чего-нибудь... Да опомнись же, сообрази!.. Ах, Боже мой, ты все перезабыл!.. Вспомни говорящего немого!

При этих словах Грундвиг вспомнил всю вчерашнюю сцену, ударил себя по лбу и с ужасным криком повалился без чувств на пол.

Гуттор сделал над собой усилие, чтобы подняться, но почувствовал невыносимую боль и опрокинулся опять навзничь.

Эриксон и Рескиавик бросились к ним обоим.

XIII

Драма в полярных ледниках.— Ледяная стена.— Чудный вид.— Восхождение

Прошло пять месяцев с тех пор, как экспедиция под начальством Фредерика Биорна покинула первую устроенную им станцию на противоположной стороне Гудзонова мыса, и в течение всего этого времени не было ни слуху ни духу о Грундвиге и Гутторе, оставленных на этом посту с Эриксоном и двумя эскимосами.

После неслыханных трудов и целого ряда благополучно одоленных препятствий, наши исследователи достигли, наконец, знаменитой ледяной стены, почти отвесно поднимающейся на тысячу двести ярдов в вышину и преграждающей, как говорили, всякий доступ к свободной от льда земле, где на зиму укрываются птицы почти всех северных морей.

Вычисления показывали $89^{0}33'$ северной широты, следовательно, до пункта географического полюса было уже не более двенадцати миль. Этот полюс не вполне совпадает с полюсом холода. Путешественники шли вперед, руководясь компасом,

прямо к северному центру, ежедневно отмечая на карте пройденный путь.

Наши исследователи прибыли почти к самой цели своей экспедиции; они находились накануне своего полного торжества, но встречавшиеся им до сих пор препятствия были ничто в сравнении с тем, которое возникло перед ними в виде ледяного барьера. Вообразите себе, читатель, ледяную кристаллизованную гору без малейших неровностей, почти отвесную, вершина которой как бы подпирает небесный свод. Прозрачность ее так велика, что звезды отражаются в ней, как в самой чистой воде... Путешественники смотрели и дивились, никогда еще перед глазами человека не являлось такого величественного зрелища. Оно превосходило всякое воображение. Звездное синее небо отражалось в кристально прозрачном неподвижном льде; земля отражала величие Божьего мира...

Фредерик опомнился первый.

— О чем ты задумался, Эдмунд? — спросил он брата.

— Сам не знаю,— отвечал тот, возвращаясь к действительности.— Не находишь ли ты, брат, что перед лицом такого величия человек невольно чувствует все свое ничтожество и проникается не только презрением к смерти, но даже жаждет ее, желает растворить свою ничтожную душу в этой неизмеримости?

— А, и ты тоже замечтался, как я! — сказал Фредерик Биорн.— Действительно, зрелище бесподобное; но вот вопрос: каким образом перешагнем мы через это препятствие?

— Придется вырубать ступени во льду и лезть при помощи наших лестниц.

— Я то же думаю, но мне кажется, что прежде чем окончательно решиться на что-нибудь, мы должны посоветоваться с нашими проводниками. Их мнением нельзя пренебрегать: они полгода служили нам так преданно и успешно.

В нескольких шагах поодаль стоял Густапс и, скрестив на груди руки, тоже смотрел на прозрачную ледяную гору. Чудное зрелище подействовало и на него. Под влиянием нахлынувших чувств этот старый бандит, вся жизнь которого была одно сплошное злодейство, на один миг почти готов был подбежать к братьям Биорнам и сказать им:

— Двадцать уже лет я веду беспощадную борьбу с вашей семьей. Во время этого путешествия я сто раз имел возможность зарезать вас и убежать, но я этого не сделал... Перед лицом этой величественной природы забудьте прежнее, скажите слово про-

щения, и я исчезну навсегда, так что вы никогда обо мне не услышите...

Он уже сделал шаг навстречу братьям, но в ту же минуту ему показалось, что он слышит голос Фредерика: «Нет, никогда не прощу я убийце моего отца и брата! Прочь от меня, гнусный злодей!»

Ложный Густапс остановился.

Когда он, после случая с Гуттором, уехал со станции, он решил привести свой преступный замысел в исполнение немедленно. Иорник только и дожидался сигнала. Густапсу стоило лишь сказать: «Нынче ночью» — и кровавое дело совершилось бы.

Но — странное дело! Потому ли, что в нем охладело горячее желание убить своих врагов, или по врожденной причудливости характера, но Густапс этого сигнала не давал и откладывал со дня на день убийство Биорнов.

До сих пор его жизнь состояла только из преступлений и разврата: других интересов у него не было. Приняв участие в экспедиции, он увлекся ею и вошел во вкус новой жизни. Когда Иорник приставал к нему с вопросом: «Скоро ли?» — Густапс отвечал ему: «Еще успеем».

Эскимос, которому было решительно все равно убить что человека, что моржа, удивлялся этим отсрочкам. Они ему нисколько не нравились. Он желал поскорее исполнить то дело, ради которого его наняли, и получить свою плату. Однажды он даже дал понять Густапсу, что убьет Биорнов, не дожидаясь его приказания.

— Вот что я тебе скажу, Иорник,— холодно возразил ему Густапс.— Если ты осмелишься сделать что-нибудь подобное, я тебя задушу собственными руками. Понял?

Иорнику осталось только покориться.

Так прошел первый месяц. Однажды на экспедицию напала стая белых медведей, штук около десяти. Эдмунд выбежал первый на крик оленей и лай собак и едва не поплатился жизнью, но был спасен другом Фрицем, который заслонил собою своего господина и завязал борьбу с самым сильным из зверей. Победа в этой борьбе осталась за цивилизацией: ручной медведь задушил дикого.

Покуда это происходило в одном углу лагеря, в другом углу еще два медведя напали на Густапса с Иорником. Несчастные проводники едва не погибли, но их спас подоспевший Фредерик Биорн с матросами. Покуда матросы спасали Иорника, герцог

Норрландский всадил в одного из медведей кинжал по самую рукоятку.

Негодяй решил, что за такое великодушие он даст обоим братьям еще отсрочку на десять дней...

Проходили недели, месяцы. Построена была уже одиннадцатая станция. Наконец, Густапс объявил, что ему хочется участвовать в открытии полюса и что он позволит Иорнику убить Биорнов лишь после того, как это открытие состоится. Иорник протестовал, но Густапс остался непреклонен в своем решении.

— Наконец, не все ли тебе равно? — сказал он эскимосу.— Свою плату ты получишь во всяком случае.

Иорник успокоился на время.

Так как на пройденных станциях оставался гарнизон, то до стены дошли только пятнадцать человек эскимосов и сорок европейцев. Впрочем, этого количества вполне было достаточно для предстоящих работ.

Во все время похода умерло только двое, да и те были американцы. Смерть их приключилась по их же собственной вине. Несмотря на увещания Фредерика как можно более разнообразить свою пищу, американцы питались почти исключительно солониной и консервами и заболели скорбутом. Их схоронили в ледяной земле, и Эдмунд пропел над ними, своим прекрасным голосом, трогательную молитву De profundis. Биорны Норрландские исповедовали католическую религию по примеру своих предков, несмотря на то что были окружены лютеранством.

Наконец путешественники добрались до ледяной горы. У основания ее построили последнюю станцию, которую назвали Гаральдовской, и затем Фредерик объявил недельный отдых, чтобы дать своим людям набраться сил для окончательного и решительного дела.

Фредерик и Эдмунд позвали на совет Густапса и Иорника. Эскимосы выразили мнение, что нужно хорошенько осмотреть ледяную гору и с этой целью всем путешественникам разбиться на два отряда и пойти в противоположные стороны, чтобы затем сойтись опять вместе на Гаральдовской станции. План этот был одобрен и принят. Один отряд, под начальством Густапса и Иорника, пошел налево, а другой — направо, под начальством Фредерика и Эдмунда.

Каждый из людей взял по топору и по лому и на три дня провизии. Оба отряда имели по дюжине ракет, чтобы в случае успеха уведомить о том товарищей.

Фредерик Биорн рассчитывал отыскать такое место, где окажется наиболее удобным совершить восхождение на ледяную гору.

Оба отряда выступили со станции в восемь часов утра по хронометру Эдмунда. Погода была ясная, сухая, при 52^0 мороза, но эта температура не пугала путешественников: они к ней уже привыкли и были одеты тепло.

Фредерик и Эдмунд были взволнованы и серьезны. Пакингтон, по обыкновению, шутил и смеялся, стараясь развеселить товарищей, но это ему не удалось.

О чем они думали? О родовом замке, об Эрике, который ждет их там? Об убитом отце, о погибшем Олафе? Или, наконец, о дяде Магнусе?..

Так ли они идут? По той ли дороге, по которой шел дядя Магнус?

Старик из розольфской башни говорил им:

— Идите прямо на север, прямо на север! Идите, не отклоняясь от стрелки компаса! Вы дойдете до высокой горы, через которую мы вместе с Магнусом переступили и видели с ее вершины свободную землю с тропическою растительностью, с озерами, в которых отражалось солнце, с зубчатыми берегами, с заливами, в которых резвились водяные птицы... На дороге вы найдете наши следы, разные отметки, сделанные нами...

Никаких отметок, никаких следов не было. Путешественники шли уже несколько часов, а между тем не заметили ни малейшего признака, чтобы здесь проходил кто-нибудь прежде них. Дорога была ровная, а гора возвышалась все так же безнадежно круто.

Сделали небольшую остановку, чтобы наскоро перекусить и утолить жажду, потом снова двинулись в путь. Матросы пели норвежские песни, но звуки их голосов не отражались в воздухе, подобно тому, как гладкое тонкое стекло не отражает и даже не преломляет солнечных лучей. Стрелка компаса точно с ума сошла и беспрестанно прыгала на своем острие... Вообще, место было странное. Люди чувствовали какую-то необыкновенную легкость на ходу и особый прилив жизненных сил. Не было ли тут каких-нибудь еще не исследованных токов? Не пришли ли они к тому месту, где сосредоточены все начала земной жизни?.. Что такое значило все это?

Понемногу путешественниками начал овладевать страх. Вдруг два матроса, шедшие впереди, громко вскрикнули, при-

чем их крик пронесся по воздуху каким-то резким, странным звуком.

Фредерик и Эдмунд подбежал к ним.

— Что случилось? — спросил герцог Норрландский.

— Извольте взглянуть, ваша светлость,— отвечал один из моряков, указывая на гору.

Братья взглянули, куда им указывали, потом переглянулись между собой и, задыхаясь от волнения, бросились друг другу в объятия.

Ни тот, ни другой не могли удержаться от слез.

Сделано было совсем неожиданное открытие.

В ледяной массе они увидели прорубленные топором правильные ступени, шедшие от основания глыбы до самой вершины ее. Они шли винтом, чтобы смягчить крутость подъема, и были достаточно широки, чтобы пройти рядом двоим.

Когда первое изумление прошло, людям приказано было оставить лишнюю ношу, и восхождение началось. Оно совершалось среди полярной ночи, когда, вследствие совершенной безоблачности атмосферы, одного света звезд бывает достаточно для того, чтобы ночь казалась начинающимся утром. Людям, поднимавшимся по этой прозрачно-кристальной горе, казалось, что они ступают по бесконечности небосвода и попирают ногами звезды.

Поднявшись на двести ярдов, путешественники встретились лицом к лицу с новой опасностью: ими стало овладевать головокружение. Между тем с закрытыми глазами идти было немыслимо, так как достаточно было оступиться, чтобы полететь вниз.

Эдмунд почувствовал головокружение прежде всех.

— Брат,— сказал он Фредерику,— поддержи меня. У меня кружится голова... Чувство такое невыносимое, что я просто готов броситься вниз, лишь бы избавиться от него.

— Стой! — крикнул людям Фредерик и затем, обращаясь к брату, прибавил: — Обопрись на меня, Эдмунд, и закрой глаза.

В эту минуту один из людей, охваченный головокружением, сорвался и полетел вниз. Он увлек бы в своем падении многих своих товарищей, но, к счастью, бретонец Ле-Галль схватил его своей могучей рукой и удержал над бездной.

В то же время Фредерик, державший своего несчастного брата, услыхал внизу отчаянные голоса:

— Ваша светлость, у нас головы кружатся... Что нам делать?

А герцог и сам не знал, что ему делать.

Услыхав эти слова, бретонец Ле-Галль вскричал громовым голосом:

— У кого это там голова кружится? Ах вы, мокрые курицы! А еще матросами называетесь!.. Срамники!..

Эта краткая и энергичная речь успокоила толпу. Самолюбие матросов было задето. Они пересилили себя и ободрились.

Тем не менее положение было критическое. Тогда герцогу пришла в голову великолепная мысль.

— Ребята! — крикнул он.— Зажгите свои фонари и пойдемте с Богом вперед!

Он уже зажег свой фонарь у Эдмунда и с удовольствием убедился, что этот свет разгоняет головокружительный отблеск звезд на льду.

Восхождение продолжалось. На половине пути встретилась площадка, давшая возможность передохнуть. После десятиминутной остановки отряд снова двинулся.

Целых пять мучительных часов продолжался подъем. Наконец, экспедиция достигла вершины ледяной горы. Все падали от усталости, за исключением друга Фрица, который весело прыгал и резвился.

Путешественники находились теперь на круглой площадке, которая по ту сторону горы снижалась отлогими террасами.

Фредерик Биорн навел в темноте подзорную трубу.

— Ребята! — вскричал он радостно.— Мы достигли цели! Перед нами свободная земля. Скоро взойдет солнце и вознаградит нас за все перенесенные страдания видом ее чудес.

Помолчав немного, он прибавил с оттенком грусти:

— Только найдем ли мы там то, чего ищем? Не знаю... Во всяком случае, мы исполнили свой долг... Помните, друзья: ни я, ни брат мой никогда не забудем вашей преданности и верности.

Моряки ответили герцогу восторженным троекратным «ура!».

В эту торжественную минуту друг Фриц подошел к Эдмунду и стал тереться о его плечо мордой. Эдмунд приласкал его, но медведь не отходил, молодой человек опять погладил его, но зверь не унимался.

— Послушай, ты мне надоел! — сказал, наконец, он.— Убирайся!

Но медведь, взяв зубами полу шубы Эдмунда, потянул его куда-то. Тогда вступился Фредерик и сказал:

— Знаешь, брат, мне кажется, что твой Фриц хочет тебе

что-то показать. Должно быть, прыгая по площадке, он нашел что-нибудь интересное.

— Ах, полно, пожалуйста. Просто ему захотелось поиграть со мной.

— Нет, поверь, ему хочется отвести тебя куда-то.

— Что ж, я, пожалуй, пойду.

Эдмунд сделал несколько шагов в ту сторону, куда тащил его медведь. Друг Фриц радостно рявкнул и побежал к самому краю площадки.

— Это странно! — сказал Эдмунд.— Знаешь, Фредерик, я теперь сам думаю, что Фриц нашел что-нибудь необыкновенное. Пойдем за ним оба...

— Какой ты стал нервный! — заметил Фредерик.— Что может случиться с тобой в этих местах, куда не ступала еще нога человека?

— Здесь ступали те, которые вырубили эти ступени,— возразил Эдмунд, указывая на ледяную гору.

— Ты прав,— сказал Фредерик и сделался серьезен.

Братья направились к краю площадки, где их дожидался друг Фриц. Увидав, что они подходят, медведь пустился бежать вниз по склону.

Дойдя до места, где перед тем стоял медведь, братья окинули взглядом местность, расстилавшуюся перед ними... Друга Фрица не было: он исчез!

XIV

Открытие, сделанное другом Фрицем.— Роковое число.— Стой, канальи! — Так вот это кто!

Эдмунд окликнул медведя повелительным голосом:

— Фриц! Фриц!

В ту же минуту медведь выбежал из углубления, находившегося внизу площадки. К углублению вела тропинка, очевидно проложенная человеком.

— Что тут такое? — сказал молодой человек с легкой дрожью в голосе.— Что суждено нам открыть?

— Пойдем, пойдем,— отвечал Фредерик, волнуясь не меньше брата.

В несколько шагов они могли бы дойти до пещеры, но колебались. Их удерживал какой-то таинственный страх, в котором

они сами себе не могли дать отчета. Оба чувствовали сильное сердцебиение.

Фредерик шел впереди.

Вскоре они подошли к входу в небольшую пещеру, края которой носили следы топора.

Герцог Норрландский обернулся к брату и вопросительно на него поглядел. Оба были до крайности бледны.

— Что же не входишь? — спросил Эдмунд.— Чего ты боишься?

Фредерик Биорн сделал еще шаг и опять остановился. Он не осмеливался войти.

Бывший командир «Ральфа», не боявшийся вражеских пушек, капитан Ингольф-Вельзевул, дрожал от страха!

— Ну же, брат, пропусти меня вперед,— сказал, наконец, Эдмунд решительным тоном.

В словах брата Фредерику почувствовался упрек. Он быстро сорвался с места и вошел в пещеру.

Глухой крик — скорее даже вздох, чем крик, — вырвался из его груди. Он прислонился к стене, чтобы не упасть, и так стоял, не будучи в силах выговорить ни слова.

Взволнованный, Эдмунд вошел в пещеру следом.

Без крика, без слов он вдруг сложил руки и медленно опустился на колени.

Что же такое они увидели?

В пещере, в нескольких шагах от входа, на табурете сидел старик с длинной белой бородою и такими же волосами. Глаза его были открыты, а голова несколько наклонена. Старик был как бы погружен в задумчивость. На коленях у него лежала какая-то рукопись, а на рукописи покоилась рука, державшая карандаш.

Братья догадались, кого они видят перед собой. То был Роланд-Сигурд-Магнус Биорн, брат герцога Гаральда, их отца. То был дядя Магнус, тщетно прождавший помощи и незаметно для себя уснувший вечным сном от холода в той самой пещере, которую он вырубил во льду своими собственными руками. Он умер, записывая что-то в своей тетрадке.

А между тем он сидел, как живой. Иллюзия была так сильна, что Эдмунд даже окликнул его два раза:

— Дядя Магнус! Дядя Магнус!

Но старец не услышал голоса племянника, которого он когда-то очень любил и которому, бывало, привозил заморских

птиц и удивительные игрушки, рассказывал ему по вечерам занимательные сказки...

Эдмунду вспомнилось все это, как мимолетный сон, и он невольно представил себе, как этот самый дядя Магнус в течение восьми лет ожидал помощи и как об этой помощи умолял посланный им старик, которого, по приказанию герцога Гаральда, заперли в башню, как сумасшедшего... Вспомнив обо всем этом, он горько заплакал. Успокоившись несколько, братья почтительно приблизились к мертвецу и боязливо заглянули в лежавшую у него на коленях рукопись.

Заглавие ее было: «Восемь лет в свободной области северного полюса».

— Восемь лет! — вскричал Эдмунд сдавленным голосом.— Когда же он умер?

Дальше братья прочли слова, написанные довольно твердой рукой:

«8 февраля 1819 года. Ничего! Все еще ничего нет!»

Итак — 8 февраля 1819 года! А теперь было 10 марта того же года... Стало быть, старик умер лишь с небольшим месяц тому назад!

Прочитав это роковое число, братья зарыдали и, встав на колени перед мертвецом, воскликнули:

— Прости!.. Прости ты нас!..

Если бы они ехали несколько скорее, если бы меньше тратили времени на то, чтобы обеспечить себе благополучное возвращение, если бы меньше заботились о построении станций, они поспели бы вовремя, чтобы спасти несчастного дядю.

Печальные мысли! Печальные воспоминания! Они будут терзать обоих братьев всю жизнь... Но одному Богу известно, долго ли эта жизнь продлится.

Несколько часов провели они в слезах около мертвеца, и, наконец, только ужасный холод заставил их опомниться.

Позвали людей, чтобы благоговейно перенести тело усопшего старца. В эту минуту, как бы для того чтобы сделать сцену еще торжественнее, вся долина вдруг разом осветилась ярким ослепительным светом.

— Наш земной шар,— объяснил потом Фредерик Биорн Пакингтону, ничего не понимавшему в физических явлениях,— представляет из себя магнит или, если хотите, электрическую батарею, для заряжения которой требуется тридцать шесть часов, а для разряжения — восемнадцать. Разряжение сопровождается выделением яркого света.

На это янки не преминул заметить:

— Только подумать, что в течение многих тысяч лет об этой истине имели понятие лишь утки и гуси!

На веревках и блоках старца спустили с той ледяной горы, на которую он взошел первый, и внесли в станционное помещение.

Когда эскимосы под начальством Густапса и Иорника вернулись из своей экспедиции, они нашли всех европейцев и американцев коленопреклоненными пред мертвецом, который оставлен был в том же положении, в каком был найден. Можно было подумать, что это старый глава семьи председательствует за общей вечерней молитвой.

Картина была такая внушительная, что наивные эскимосы пришли в благоговейный ужас и, столпившись вокруг седовласого старца, запели свои священные гимны.

Даже Густапс был против воли тронут до глубины души. Он без труда угадал, кто такой этот мертвец. Ему смутно припомнилось детство, припомнилась мать. Он понял горе Биорнов. Невольно брызнули из глаз его слезы и потекли по щекам под маской. Медленно, словно сгибаясь под тяжестью воспоминаний, преклонил он колени перед величественным мертвецом и зашептал молитву, которой его выучила мать еще в детстве.

Несчастный раскаивался, но уже поздно.

В ночной тишине, нарушаемой только молитвенным шепотом присутствующих, раздался вдруг шум, вот он все ближе и ближе. Слышен был голос человека, понукавшего собак, и скрип полозьев по крепкому снегу...

Кто бы это мог быть?

Фредерик и Эдмунд пошли к двери, чтобы выйти и посмотреть, кто приехал, но дверь уже растворилась, и братья Биорны отступили назад, пропуская приезжих.

— Грундвиг! Гуттор!.. Лютвиг!.. Какими судьбами?

— Слава Богу! — с волнением вскричал Грундвиг.

— Да святится имя Его! — отозвался Гуттор.

— Они живы! Живы!..— вскричали оба друга и бросились друг другу в объятия.

— Ура! Ура! — заорали четыре американца, оставленные караулить яхту, но тоже приехавшие с Лютвигом и матросами, сторожившими клипер.

Никто не понимал этой сцены, кроме двух человек — Густапса и Иорника. Они начали пятиться к дверям, рассчитывая воспользоваться санями Грундвига и убежать.

Но Грундвиг был настороже и сделал богатырю знак. Только негодяи хотели броситься вон из пещеры, как Гуттор схватил их обоих за шиворот и вскричал:

— Стой, канальи! Час возмездия пробил!

Прибывшие матросы с Лютвигом во главе стали у входа и загородили его.

— Гуттор, что ты делаешь? — вскричали Фредерик и Эдмунд.— Ради Бога, объясни, что это значит.

— Сейчас я вам объясню, ваша светлость,— весело отвечал Грундвиг.— Я просто обезумел от радости, что вы живы, и не знаю, чему это приписать... Знаете ли вы, кто тот человек, которого Гуттор держит за шиворот?

— Это немой Густапс,— отвечал удивленный Эдмунд.

— Нет, господин Эдмунд, это не немой и не Густапс!.. Нука, Гуттор, стащи с него маску.

— Я и сам сниму! — бешено зарычал мнимый эскимос.

И, резким движением руки сорвав с себя маску, он далеко отбросил ее в сторону.

Оба брата вскрикнули от изумления:

— Красноглазый!.. Так вот это кто!..

С искаженным лицом, с сверкающими глазами бандит дерзко глядел на своих врагов.

— Красноглазый! — повторили еще раз молодые люди.

— Да, я Красноглазый, одно имя которого приводит вас в трепет,— сказал бандит.— Красноглазый, имевший глупость вас пощадить... Красноглазый, который не будет просить себе пощады, но сохранит ненависть к вам даже и после смерти.

— Свяжите этого человека и заткните ему рот,— приказал Лютвиг своим матросам.

— Красноглазый, который вас проклинает! — продолжал бандит.— Красноглазый, который...

Он не договорил и захрипел.

XV

Новое злодеяние.— Страшная казнь.— Конец доблестного рода

Нет возможности описать, в какое отчаяние пришли Гуттор и Грундвиг, когда узнали, что их господа ускорили свой отъезд лишь по коварному наущению двух эскимосов. Злодеи, разумеется, имели в виду избавиться через это от слишком проницательных соглядатаев. Грундвиг объявил, что едет немед-

ленно по следам экспедиции, оставив больного Гуттора на станции, но Эриксон решительно восстал против этого, говоря, что одного Грундвига, без Гуттора, ему запрещено отпускать.

— Можете обратиться к Рескиавику,— сказал Эриксон,— он вам то же самое скажет.

— Если наших господ убьют, Эриксон, то вы будете в этом виноваты,— возразил Грундвиг.

— Кто же их убьет? — спросил встревоженный лейтенант.

— Проводники-эскимосы, Густапс и Иорник.

Эриксон рассмеялся.

— Что вы только говорите, Грундвиг! — сказал Эриксон.— Подумайте, есть ли в этом какой-нибудь смысл?

Грундвиг, не имея данных убедить молодого моряка, не стал больше ничего говорить и скрепя сердце решил подождать выздоровления Гуттора.

Две недели прошло прежде, чем богатырь окончательно встал на ноги. Он изъявил желание ехать немедленно, чему ни Эриксон, ни Рескиавик на этот раз противиться не стали. Сани были уже запряжены, как вдруг, перед самым отъездом, жители первой станции с изумлением увидали Лютвига с десятью норрландцами и четырьмя американцами, оставленными в бухте Надежды.

В нескольких словах Лютвиг объяснил причину своего прибытия.

Дело в том, что однажды утром оружейный мастер клипера отправился в гости к своему приятелю, плотнику яхты. Попивая пиво и покуривая табачок, приятели мирно беседовали, как вдруг оружейный мастер, имевший очень тонкое обоняние, сказал:

— Знаешь, Джемс, у тебя на яхте как будто порохом пахнет. Не простым, знаешь, а фейерверочным.

— У нас такого и нет.

— Ты наверное знаешь?

— Еще бы не наверное, когда у меня ключи от пороховой камеры.

В этот день о порохе больше разговора не было, но в следующий раз оружейный мастер опять заявил:

— Как хочешь, Джемс, но у тебя тут фейерверочный порох.

— Да нет же его у нас!

— Ты вполне уверен?

— Вполне уверен.

— Ну, ну, ладно!.. Не будем из-за этого ссориться.

На третий день опять та же история.

— Джемс, хочешь биться об заклад, что у тебя пахнет порохом? — сказал оружейный мастер.— Я ставлю бочонок отличного рому.

Плотник был большой любитель этого напитка.

— Идет! — сказал он.

— Ну, пойдем глядеть.

Приятели спустились в крюйт-камеру. Там запах был еще сильнее. Оружейный мастер принялся осматривать каждую бочку.

— Э! э! — вскричал он вдруг, приподнимая один бочонок.— Какой он легкий! И из него выпущен просмоленный фитиль. Кто устроил здесь такую адскую машину? Смотрите, он...

Оружейный мастер осторожно обрезал фитиль и обезвредил опасное приспособление.

Известие об открытой мине быстро распространилось между матросами обоих кораблей. Собрался общий совет и решил, что злодейский умысел следует приписать эскимосам Густапсу и Иорнику.

Американцы терялись в догадках в том, какая могла быть у эскимосов при этом цель.

— Удар предполагался для нас, господа,— объявил им боцман с клипера.— Слушайте.

И он рассказал им о «Грабителях», о двукратной катастрофе при спуске клипера и о попытке Надода взорвать его.

Лютвиг удивлялся тому, что новое покушение было поручено эскимосам.

— Но ведь немой-то вовсе даже и не эскимос,— заявил вдруг плотник яхты.— Я его видел прежде, чем он надел зимнюю одежду. У него совсем не эскимосский тип. Он европеец.

— В таком случае, друзья мои, медлить нельзя,— сказал Лютвиг.— Необходимо ехать сейчас же по следам экспедиции.

Оставив корабли под надзором всего четырех человек, оба экипажа, забрав с собой провизии на один год, отправились на север, руководствуясь компасом.

Разумеется, этот рассказ только увеличил тревогу Грундвига. Два отряда соединились и быстро поехали вперед. Мы уже видели, что им удалось догнать экспедицию на последней станции.

Удивлению Биорнов не было границ, а ярости Надода,

узнавшего, что все его планы рухнули, предела. Он едва не задохнулся от злости, лежа связанный, с заткнутым ртом. Фредерику стало жаль его, и он велел вынуть кляп и развязать ему руки.

Негодяй воспользовался этим для новых ругательств.

— Что, господа? Вы думали, что я совсем уничтожен, а я жив еще. И товарищество наше живо, вы сами скоро это узнаете... Глупцы! Вы потратили целых полгода на поиски трупа, а тем временем замок ваш сожжен «Грабителями», а юный брат ваш Эрик убит...

Едва он это успел сказать, как Эдмунд, не помня себя, бросился на него, схватил его за горло и вскричал:

— Ты лжешь, негодяй! Признавайся, что ты солгал, иначе я задушу тебя собственными рук...

Бедный молодой человек! Он не договорил. Надод воспользовался его волнением, выхватил из-за его пояса кинжал и вонзил ему в грудь по самую рукоятку.

Эдмунд вскрикнул и упал замертво.

Крик ужаса вырвался у всех присутствующих. С помутившимся взглядом Фредерик схватил себя руками за голову и упал без чувств.

Тогда Гуттор быстрее молнии подскочил к злодею.

— Наконец-то ты мне попался,— вскричал он со зверским смехом.— Теперь ты от меня не уйдешь.

Не сказав больше ни слова, он вырвал из рук Надода кинжал и, взяв его голову, зажал ее между своими ладонями и начал сдавливать...

— Помнишь старого Гаральда, которому ты раскроил череп? — приговаривал богатырь.— Помнишь Олафа, заколотого тобою?

При каждом слове ладони богатыря сжимались все сильнее и сильнее.

— Сжалься!.. Убей меня разом! — стонал Надод.

— Погоди немножко,— продолжал Гуттор, зловеще смеясь.— Смерть — это избавление от всех бед. Надо ее сперва заслужить.

Он разжал немного ладони и прибавил:

— Проси прощенья за все твои подлости и злодеяния.

— О, прости! Прости! Сжалься!.. Убей скорее!..

Сцена была такая невыносимая, что все отвернулись.

Руки гиганта сжались в последний раз. Череп злодея затрещал, и мозги брызнули вверх до самого свода пещеры.

Гуттор выпустил из рук бездыханное тело, сам сел в углу и зарыдал, как ребенок.

Когда Фредерик очнулся от обморока, то оказалось, что несчастный герцог Норрландский сошел с ума!..

В продолжение многих лет туристы, посещавшие северную Норвегию, встречали близ развалин старого феодального замка Розольфсе молодого человека, которого всегда сопровождал почти столетний старик. Молодой человек забавлялся тем, что срывал мох и цветы, росшие среди развалин.

Когда ему мешали в этом занятии, он останавливался и, вперев вдаль свой мутный взгляд, бормотал:

— О, Красноглазый, Красноглазый!

Но вслед за тем он сейчас же впадал в прежнее состояние и снова принимался играть своими цветочками...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пираты Мальстрема 5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Безымянный остров 162

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Свободное море 301

Библиотека морских приключений

Литературно-художественное издание

ЖАКОЛИО ЛУИ

ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ

Роман

Редактор Е. В. Стаднюк
Художник В. А. Иванов
Художественный редактор В. В. Покатов
Технический редактор В. И. Тушева
Корректоры Г. А. Голубкова, Т. Г. Люборец

ИБ № 6484
Сдано в набор 01.06.92. Подписано к печати 28.10.92. Формат 60×84 1/16 Гарнитура Тип Таймс. Печать офсет. Бумага газетная. Усл. печ. л. 22,32. Усл. кр.-отт. 23,26.Уч.-изд л. 23,20.Тираж 300 000 экз. Заказ № 8395. С 089.

Издательство «Современник» Министерства печати и информации Российской Федерации и Союза писателей Российской Федерации. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

N
W
S

E

Луи Жаколио